

1974
1974

СТРУКТУРА КОЛМОНОМЕРОВ

'ПРОГРЕСС'

JONATHAN H. TURNER

The Structure
of Sociological Theory

HOMewood, ILLINOIS,
THE DORSEY PRESS, 1974

ДЛЯ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕК

ДЖ. ТЕРНЕР

СТРУКТУРА СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Перевод с английского

Общая редакция
и вступительная статья
доктора философских наук
Г. В. Осипова

МОСКВА
«ПРОГРЕСС»

1985

Переводчики: Гавриш О. С., Каганова З. В., Осипов В. Г.,
Перцов Н. В., Погостин В. М., Шкаликов А. В.

Научный редактор Леонтьев В. М.

Редакция литературы
по философии и лингвистике

© Перевод на русский язык с сокращениями и
вступительная статья «Прогресс», 1985

0303000000—186
Т 006(01)—85 18—84

Вступительная статья

За последние десятилетия американскими социологами предпринят ряд попыток подвести некоторые итоги развития «западной» социологии за послевоенный период. Среди этих исследований можно назвать книги Р. Миллса¹, Ч. Лумиса и З. Лумиса², П. Сорокина³, А. Гоулднера⁴ и др.

Райт Миллс был одним из первых американских социологов, который после тщательного анализа американской социологии пришел к выводу, что эта социология выполняет главным образом идеологическую функцию и находится на службе «большого бизнеса». Именно это, по мнению американского социолога, обусловило «регресс в социологическом воображении».

Чарльз и Зона Лумисы осуществили тщательный сравнительный анализ основных концепций и основных понятий различных школ и направлений американской социологии. Знакомство с их книгой позволяет сделать вывод о том, что среди ведущих американских социологов нет единого мнения ни по одному теоретическому вопросу. Теоретическая социология продолжает оставаться в узко замкнутой «академической» сфере, весьма далекой от понимания и тем более решения насущных социальных проблем современного общественного развития.

Более определенным и категоричным оказался в своих выводах относительно современного состояния и

уровня развития западной социологии Питирим Сорокин. В упомянутой книге (см. сн. 3) он проанализировал развитие общетеоретической социологической мысли, начиная с 1925 и кончая 1965 годом. Результат его анализа оказался «плачевным» для западной социологии: наличие бесконечного числа самых различных схоластических теоретических схем и построений и почти полное отсутствие реальной теоретической мысли, связанной с изучением и обобщением социально значимых явлений и процессов капиталистической действительности. «Прихоть» и «слабость» — основные черты, которые, по мнению П. Сорокина, характеризуют современное состояние американской социологии.

К неутешительным выводам после анализа современного состояния западноевропейской социологии пришел и Альвин Гоулднер. Он констатировал наличие глубокого кризиса западной социологии, который «не может быть разрешен путем возврата к традиционным концепциям «чистой» социологии»⁵.

С несколько иных позиций подошел к исследованию современного состояния американской социологической мысли Дж. Тернер в книге «Структура социологической теории». Джонатан Тернер — известный американский социолог, занимающийся главным образом теоретическими и историческими проблемами социологии. К анализу проблем социологической теории и проблем истории социологии он подходит с «академических» позиций, обращая основное внимание на рассмотрение и сопоставление различных социологических концепций и понятий. Он в отличие от упомянутых выше авторов пытается проанализировать состояние американской социологической теоретической мысли «изнутри». Дж. Тернер исследует широко распространенные «образцы» построения (или «парадигмы», как предпочитает говорить автор, употребляя модный после работ Т. Куна термин) буржуазной теоретической социологии: функционализм, теорию конфликта, интеракционизм, теорию обмена и, наконец, этнометодологию. Эти «парадигмы» анализируются, так сказать, не в пустом логическом пространстве, не сами по себе в отдельности, а в аспекте проблемной организации социологии как науки, с точки зрения того вклада, который они вносят в решение основной ее проблемы — «проблемы порядка», первоначально сформулированной английским

философом в XVII веке Томасом Гоббсом: как возможно существование общества, организованной общественной жизни?

Стремление выделить центральную для социологии проблему вполне законно и вряд ли вызовет возражение. Любая научная дисциплина самоопределяется по специфическому для нее относительно самостоятельному множеству существенно взаимосвязанных проблем. Если же между различными проблемами данной науки существуют слабые связи, то по большей части удастся отобрать одну или несколько центральных проблем, с которыми соотносятся другие. Но выбор на роль организационного центра социологии проблемы социального порядка может оспариваться прежде всего по соображениям идеологическим, поскольку широко распространено (и не только среди советских ученых) мнение, будто стремление организовать социологическую теорию вокруг проблемы социального порядка изобличает консервативные идеологические устремления ее создателя. Учитывая это обстоятельство, можно признать известной заслугой автора книги ясное отделение логических и историко-социологических оснований для помещения проблемы порядка в центр теоретических исследований от идеологических соображений. В частности, внимание читателя автор обращает на ту простую мысль, что сама идея человеческого общества предполагает порядок и что его противоположности и изменения (в том числе революционные) можно представить только исходя из него же. В книге эта центральная проблема порядка ставится как вопрос об условиях, при которых формируются, поддерживаются, изменяются и разрушаются различные образцы социальной организации.

Многообразные процессы, которые формируют организацию индивидов, групп и других социальных единиц, иными словами, преобразуют их взаимодействия в социальную систему, Тернер обозначает общим, очень широким термином «институционализация». Тогда «решение» проблемы порядка переформулируется как понимание комплексного процесса институционализации и ключевая проблема социологической теории выглядит как задача объяснить процессы институционализации и деинституционализации. С этой точки зрения специфические комплексы понятий, объясняющие отношения

Между немногими взаимодействующими индивидами, между группами, между большими организациями и т. д., составляют разные уровни анализа более общего процесса институционализации. И основная задача книги в таком случае — выявить, на какие стороны и черты процесса институционализации в первую очередь указывают названные главные «парадигмы» буржуазной социологии, с тем чтобы, комбинируя их результаты, подготовить почву для синтетического решения теоретической проблемы порядка.

Как видим, замысел книги определен автором достаточно строго и целенаправленно. Но проблемная ситуация в буржуазной социологии в целом отличается полнейшей неопределенностью ввиду множественности и разнородности ориентаций в теоретической сфере, эмпирической тематике, методах, результатах. Проблемы «отвоевывают себе место под солнцем» отнюдь не по соображениям применения или совершенствования или строгости той или иной теории. Скорее наоборот: теоретические элементы (утверждения, понятия и пр.) эклектически подбираются из разных теорий в зависимости от социального заказа и получившей признание в данном научном кругу проблемы. Наряду с поисками единственно верной теоретической ориентации еще шире распространено убеждение в том, что неоднородность предмета такой дисциплины, как социология, дает право на жизнь множеству очень разных теорий. Последнюю из названных позиций обычно именуют программой «критического плюрализма». При таком положении дел выбор Тернером в качестве главных только пяти ориентаций выглядит достаточно произвольным, а его стремление организовать всю социологию, исходя из единой сквозной проблемы, нетипичным для западных теоретиков. Его выбор отражает позитивистские или, пожалуй, уже постпозитивистские предпочтения автора.

На социологию как науку можно смотреть извне и изнутри. С внешней точки зрения социология — специфическое социальное явление, которое, подобно другим явлениям, доступно социологическому анализу. В него входит, например, изучение общественной роли данной социологической теории, ее функций (служебных или критических) по отношению к определенной политической системе, ее влияния в обществе за пределами узкопрофессиональной среды, социального генезиса и

классовой базы и т. п. С внутренней точки зрения социология может рассматриваться как особая научная дисциплина, совокупность конкретных проблем, понятий, теорий и методов отвлеченно от их социального контекста. Автор данной книги явно тяготеет ко второй позиции. И это в определенной мере вынуждает потенциального критика тоже к внутреннему, теоретико-методологическому разбору взятых «парадигм», к известному вживанию в их логико-понятийную структуру. Такой логико-методологический взгляд связан с существенными потерями; тем не менее о сделанном автором можно в какой-то степени судить и по поставленным им самому себе задачам, и по тому, чего ему удалось в этом направлении достигнуть. Конечно, это не освобождает критика от необходимости указать на принципиальные пробелы и недостатки в изложении автора.

Взгляды Тернера на методологию науки, насколько можно судить по данной книге, шире и либеральнее установок радикального позитивизма. Он отвергает жестокую позитивистскую «протокольную модель» научной теории, по меркам которой присяжные логики и методологи оценивают все социологические концепции, как правило, победоносно доказывая в итоге их полное несоответствие научному идеалу. Тернер справедливо отказывается от этой бесплодной игры, именуемой им «критиканством дисциплины», хотя многие западные ученые с увлечением предаются ей лет двадцать, если не больше. В значительной мере из-за нее теоретические дискуссии 60-х годов в американской социологии не дали ничего нового, зашли в тупик. Побочным результатом такого положения стало укрепление на Западе в 70-х годах антитеоретических предубеждений среди массы «практически работающих» социологов, еще большее распространение мнения, что все теории как таковые не относятся к «делу». Однако Тернер вовсе не порвал с подходом к социологическим теориям с точки зрения их «научности», «истинности», «проверяемости» и т. п. Крайний социологизм в философии науки (его начало часто не совсем правильно возводят к известной книге Томаса Куна «Структура научных революций» (1962), переведенной на русский язык), который релятивизирует понятие научной объективности в зависимости от моды на ту или иную «парадигму» в

ученом мире, тоже не устраивает Тернера. Неудовлетворительность этого вульгарного социологизма очевидна, но и один «логико-социологический» подход, как правило, не в состоянии верно оценить систему мысли того или иного социолога либо направления в целом. Дело в том, что такие системы мысли оказываются разложенными на отдельные утверждения, отвечающие избранным критериям «научности» и сравнимые между собой. В действительности же эквивалентные по видимости понятия и утверждения вовсе не равнозначны, если рассматривать их в составе соответствующих теоретических систем, в которых они исполняют различные функции. Подобную операцию разложения Тернер в этой книге произвел, в частности, с социологической концепцией Маркса, продемонстрировав в результате формальное тождество некоторых ее положений с тезисами современных буржуазных, так называемых «диалектических» теорий конфликта, которые и генетически он возводит к Марксу. Тернер игнорирует при этом коренные различия содержательных аспектов сопоставляемых концепций. Целостный «социологический» взгляд на социологию Маркса показал бы совсем иную классовую направленность лишь по видимости аналогичных суждений. Этот социологический взгляд не отменяет внутреннего логико-методологического разбора теорий, но вносит в него необходимые поправки. Кроме оценок определенных взглядов с точки зрения универсально отвлеченных критериев научного знания об обществе в целом не меньшее значение приобретает анализ роли, какую эти взгляды — будь то в свете позднейшего опыта «истинные» или «ложные», «научные» или «ненаучные» — играли и играют в жизни тех конкретных сообществ и групп, в которых они возникли, привились и функционировали в качестве адекватного общественного знания. Такой аспект анализа отсутствует в книге. И в свете того, что сказано выше о почти неизбежной фрагментарности сравнительного логико-методологического анализа понятий и утверждений разных теорий, дальняя цель автора не кажется такой уж ясной и бесспорной. Не обернется ли будущая комбинация из наследия рассматриваемых им «концептуальных перспектив» западной социологии вместо синтетического разрешения проблемы порядка насильственной эклектикой понятий, вырванных

из своего контекста? Такое вполне может случиться.

Более широкая по сравнению с классическим позитивизмом позиция автора этой книги позволяет ему принимать в состав социологических теорий и собственно «научные» фрагменты, т. е. универсальные эмпирические (проверяемые) высказывания о причинных связях между двумя и более типами событий, и нормативные теории, разрабатывающие множество идеальных состояний, к которым следует стремиться, философские программы, некоторые идеологические принципы и т. п.

Независимо от общей позиции автора его компактное изложение и критический анализ внутренней логической структуры главных «парадигм» буржуазной социологии будет полезен для советских специалистов по зарубежной теоретической социологии и истории общественной мысли.

Первая часть книги целиком посвящена функциональным теориям. Ранний функционализм в своей содержательной части достаточно хорошо знаком советскому читателю по публикациям советских этнографов, а в формально-логическом аспекте — по публикациям в ежегодниках «Системные исследования», журнале «Вопросы философии» и др. Принципиально нового в привычную картину раннего антропологического функционализма Тернер не вносит. К тому же его очерк этой темы краток. Ограничимся поэтому несколькими замечаниями. По-видимому, автор переоценивает прямое влияние биологических моделей объяснения и вообще «биологического бума» XIX века на функционалистские схемы. Известно, что еще большее значение имела своя, внутренняя традиция в общественной мысли. Более того, если вернуться достаточно далеко назад, то окажется, что многие понятия в биологических теориях построены по образцу понятий из социального мира. Так, идею анализа дифференциации структуры и функций организма подало учение об общественном разделении труда, восходящее еще к античным временам, дарвиновское понятие борьбы за существование заимствовано у экономиста Т. Мальтуса и т. п. И только потом начался обратный ток влияния из социологии. Понимание раннего «антропологического» функционализма затруднено также тем, что в соответствующей

главе мало указаний на его формирование в активной полемике с эволюционизмом.

В главе о «функциональном императивизме» Толкотта Парсонса автор в известной мере подрывает распространённое мнение об этом ныне покойном классике американской социологии как о типичном теоретике функционализма. Для большинства не только критиков, но и сторонников Парсонса он функционалист, теоретик равновесия и всеобщего согласия, консервативный идеолог и только. При этом забывают о Парсонсе как о теоретике социального действия. Вся научная деятельность ученого оказывается как бы рассеченной на две не связанные между собой половины. Достоинством тернеровского обсуждения теорий Парсонса является стремление рассматривать его мысль в целом, в преимуществах идей от ранней книги «Структура социального действия» к поздним трудам по теории социальных систем, на которых главным образом и зиждется репутация Парсонса как функционалиста. Материалы книги позволяют сделать вывод, что хотя функционализм имел важное влияние на теоретическую систему Парсонса, его исходные гносеологические предпосылки были несравненно шире и из-за своей большей общности и связанности с основополагающими традициями европейской философии еще более существенны для его теории.

Тернер отмечает, что в так называемой «волюнтаристской теории действия» (по сути пытавшейся решать на социологическом эмпирико-идеологическом уровне великую философскую проблему «свободы действия») Парсонс стремился к синтезу пригодных для своих целей элементов индивидуалистских теорий либерализма и утилитаризма XIX века, позитивистских течений, трактовавших свободу действия как зависимую от определенных надиндивидуальных (материальных и др.) условий, и нормативистского идеализма в подходе к проблеме свободы действия. Чтобы правильно понять замысел и конечные результаты работы Парсонса, надо учитывать его постоянный диалог с каждой из этих традиций и непрерывное отталкивание от них. Отправляясь от формально-теоретического, гносеологического выявления структуры социального действия, прилагая ее к конкретным эмпирическим ситуациям и постепенно обогащая деталями, Парсонс в конце концов надеялся

развить такую понятийную схему, которая отражала бы системные черты личности, культуры и общества. В этой своей работе Парсонс идеологически оставался сторонником буржуазного индивидуализма, но в теоретическом смысле индивидуалистом не был в отличие от рассматриваемых далее в книге Тернера представителей течений символического интеракционизма, теории обмена и этнометодологии, которые все делают индивида и его свободу исходным пунктом теоретического анализа. Для Парсонса же индивид эмпирический не совпадает с индивидом аналитическим, который с самого начала есть поле пересечения различных социальных сил. Наиболее важными из них оказываются символические силы, содержащие нормативные элементы. Поскольку эти элементы интернализуются «актерами», деятелями (actors), постольку они невидимы в эмпирически конкретном смысле. Когда мы смотрим на конкретного индивида, он кажется «дискретным» и «автономным», тогда как в действительности он, по Парсонсу, «взаимопроницаем» с другими индивидами благодаря общим символическим нормам. И то, что обычный человек воспринимает как свободную от ограничений деятельность, на самом деле содержит ограничения деятеля внутренними нормативными стандартами. С одной стороны, Парсонс этой своей трактовкой роли нормативной интернализации в действии ниспровергает «чистый волюнтаризм» совершенно свободной воли, а с другой — сохраняет автономию индивидов по отношению к внешним, материальным элементам их ситуации. Последние влияют на действие через нормативный символизм — тоже социальную силу, но совсем другой природы.

Отсюда вытекает парсонсовская стратегия в решении проблемы порядка. Нормативное взаимодействие возникает между индивидами, разделяющими общие символы, которые организованы в определенные системы, т. е. организованы в неслучайном порядке. Из этого следует, что как изолированный индивид есть невозможный социальный факт, точно так же невозможно и неупорядоченное социальное действие. «Символическое взаимодействие» означает существование порядка во взаимодействии индивидов. Социальный порядок означает «неслучайность» взаимодействия, а вовсе не «равновесие», как обычно полагают критики Парсонса.

Тернер гораздо больше места, чем это обыкновенно делается в распространенных разборах парсонсовских теорий, отводит понятийному анализу данного перехода от действий и отношений между индивидами к разным уровням и образцам коллективной организации индивидов. Возникновение социальной системы он рассматривает как процесс институционализации взаимодействий, причем справедливо обращает внимание пристрастных критиков якобы неопреодолимой статичности парсонсовского теоретического мышления на то, что у самого Парсонса институционализация первоначально выступает как процесс, а потом и как структура. Однако в целом Тернер еще не преодолел традиционного, во многом уже устаревшего подхода к наследию Парсонса. Особенно это касается историко-эволюционных взглядов, которым в книге уделено очень мало внимания. Между тем конец 60-х и 70-е годы отмечены ростом влияния «статичного» Парсонса в буржуазной исторической социологии, социологии развития и модернизации. Этот кажущийся парадокс следовало хотя бы объяснить.

Дело в том, что, занимаясь проблемой институционализации индивидуальной свободы в общественной жизни, Парсонс по логике вещей вынужден был перейти к историческому и эмпирическому анализу культурных и структурных предпосылок свободы, а также социоструктурных противоречий, которые ограничивают ее. Этот — пользуясь парсонсовским термином — рост «институционализированного индивидуализма» рассматривается в контексте социальной системы как целого с привлечением старого эволюционного принципа структурно-функциональной дифференциации и обычных категорий функционального анализа. Согласно парсонсовской теории исторического развития личная автономия прогрессирует по мере роста социальной дифференциации, т. е. по мере того, как институты, входящие в функциональные подсистемы общества — экономики, политики, интеграции и т. д. (о них довольно много говорится в книге) — отделяются друг от друга и развивают собственные независимые критерии действия. Вся эта схема исторического развития и ее эмпирическое обеспечение (данное не столько самим Парсонсом, сколько его последователями) не нашла отражения в книге.

А, возможно, здесь открывался наиболее выгодный путь для пояснения парсоновских абстракций.

Наследие Парсонса занимает особое место в книге, и справедливо наблюдение автора: «Все остальные теоретические направления в социологии начинаются с опровержения функционализма Парсонса» (с. 99). Тернер довольно поверхностно объясняет это научной «модой». Думается, причины лежат глубже. Парсонсовская теория — единственная «всеобъемлющая» теория в буржуазной социологии. Пусть эскизно, на элементарном начальном уровне, но она дает ответы на такие проблемы, которые другие буржуазные теории даже не осмеливаются затронуть. Спорить же и идти дальше можно только от какой-то позитивной отправной точки.

В качестве примера широты парсонсовской теории укажем на то, что она обеспечивает общую схему для анализа вопросов, выдвигаемых теоретиками конфликта, которые были в числе самых ожесточенных критиков Парсонса. Его теория социального развития как дифференциации предполагает (следуя традиции Э. Дюркгейма и Г. Зиммеля), что процесс дифференциации и сопровождающий ее рост независимости индивидов и структур будет повышать общий уровень социального конфликта, хотя одновременно растет гибкость институтов и их способность справляться с последствиями конфликта. Недаром в этой книге Тернер назвал одну из глав второй части «Конфликтный функционализм». Теоретик этого направления Льюис Козер успешно доказывает, что конфликт может выполнять позитивную функцию для обществ с достаточно гибкими социальными структурами. Вслед за Козером и другие буржуазные социологи перешли от негативной, «дисфункциональной» оценки конфликта к анализу его позитивной роли в процессах общественного развития.

Выше мельком было отмечено, что автор зачисляет в родоначальники теории конфликта К. Маркса и тем самым на одну доску с буржуазными социологическими концепциями ставит концепцию Маркса, не предпринимая попыток содержательного сопоставления социологии марксизма и буржуазной социологии, поскольку, согласно историко-социологической концепции Тернера, социология развивается не на основе анализа процес-

сов реальной действительности, а как бы в результате последовательного и постепенного накопления понятийного и концептуального материала. Когда этот материал накоплен в избытке в какой-либо социологической теории, тогда осуществляется переход к новой концепции социологической теории и круг развития возобновляется. История социологии предстает, таким образом, как некий умозрительный процесс. Влияние Маркса в области теории конфликта бесспорно. Но все же конфликтная ориентация в буржуазной социологии далеко не тождественна марксизму. Здесь Тернер обнаруживает явное непонимание того вклада, который внес Маркс в развитие социологической теории. Маркс никогда не был и не мог быть основоположником теории конфликта. Великая заслуга Маркса перед наукой заключалась в том, что он создал общую социологическую теорию (исторический материализм), основные положения которой сводятся к тому, что определяющей силой общественного развития является способ производства, а движущей силой в условиях эксплуататорских общественных формаций — классовая борьба. Борьба классов носит бесспорно конфликтный характер. Но сама эта борьба не может быть сведена, как это делает Тернер, к теории конфликта. Теория классовой борьбы К. Маркса может быть понятна только на базе его общей социологической теории. Попытка Тернера представить Маркса как основоположника теории конфликта свидетельствует не только о непонимании им общей социологической теории марксизма, но и о его незнании марксизма. Буржуазные социологи, когда они говорят о Марксе как об основоположнике теории конфликта, рассматривают этот конфликт не как борьбу классов, а как «конфликт» различных социальных групп, таких, как этнические, профессиональные, половозрастные, поколения людей и т. п. Конфликт в буржуазной социологии чаще всего рассматривается микро-социологически, как форма взаимодействия или как внутригрупповой процесс, а не как глобальный, коренной антагонизм в макроструктуре общества. И самое главное, изучая вообще многообразные конфликты и противоречия современного индустриального общества и его развития, буржуазная социология не ставит задачей найти им объяснение и свести их «к точно опреде-

ленным условиям жизни и производства различных классов общества»⁶.

Нежелание буржуазной социологии признать классовую борьбу *главной* движущей силой исторического развития антагонистического общества проводит четкий водораздел между ею и марксистской социологией. И дела тут не меняет то обстоятельство, что буржуазная общественная наука ныне объявляет конфликт необходимым элементом общественной жизни, даже условием существования общества, широко изучает конфликты поколений разных культур и субкультур, власти и профессиональных групп в организациях, институтах, наконец, в числе других даже конфликты между общественными классами, выделяемыми, впрочем, совершенно по другим (разумеется, немарксистским) критериям и признакам и т. д. Все это надо учитывать, сопоставляя вслед за Тернером отдельные положения из разных теорий конфликта.

Теории интеракционизма, или, точнее, символического интеракционизма, разбираемые в книге, основной упор делают на символический, коммуникационный аспект общественной жизни. Как нетрудно заметить, этот аспект присутствовал и в парсонсовской теоретической системе. Символический интеракционизм, пожалуй, наиболее «американское» из направлений социологического теоретизирования. В числе его предшественников были такие мыслители, как Г. Мид, Дж. Дьюи, У. Джеймс, Ч. Кули, если назвать только самых известных. Среди современных западных социологов широкой известностью пользуется так называемая Чикагская школа во главе с Гербертом Блумером, автором самого термина «символический интеракционизм». Концепция Блумера уделено довольно много внимания в книге Тернера, и это обоснованно, поскольку взгляды Блумера развиты систематически и представительны для всей интеракционистской ориентации.

Центральная категория интеракционизма — «значение», которым обладает все, к чему прикасаются люди, т. е. вся действительность, весь практический мир человека. Люди действуют с любыми объектами на основе значений, которые эти объекты для них имеют. Значение объекта проистекает, в сущности, из того, как человек относится к нему, как определяет, объясняет и т. п. Существенным недостатком интеракционизма всег-

да была двусмысленность в трактовке значения. Теоретики этого направления редко умели различить «значение», источником которого был способ определения предмета действия, т. е. некоторый мысленный процесс, — и «значение», создаваемое типом действия, вырастающее из самой ситуации деятельности с данным предметом. Точно так же двусмысленно понятие действия. Для интеракционизма, видимо, не считается принципиально важным четко различать предметное действие, в котором человек входит в материальный контакт с окружением, и действие как акт сознания. Это находит выражение в идеалистической тенденции интеракционизма трактовать природу предметов как творимую почти исключительно значениями, которые они приобретают для субъекта, действующего с этими предметами. Такую установку можно сравнить для контраста с Марксовой концепцией предмета труда, который есть единство двух начал: материала, данного природой, и накопленного труда. Труд здесь не является единственным источником потребительских стоимостей. Равно необходим материальный субстрат — дело природы. Аналогично, интеракционистская категория «значения» не может исчерпать содержания «предмета».

Субъективистское понимание «значения» в интеракционизме обуславливает и субъективный индивидуализм методологической программы ее теоретиков. Все они убеждены, что социальное действие следует изучать с точки зрения «актера», деятеля, т. е. что надо вжиться в его роль и смотреть на мир и на ситуацию действия в соответствии с его оценками и толкованиями. Ясно, что при таком подходе с точки зрения индивида как центра социального мира от исследователя ускользают важнейшие социальные факторы, которые мощно влияют на действия людей, но непосредственно не постигаются ими, не входят в состав повседневных мотиваций действия. Как реально формируются значения в ходе социального взаимодействия, ни одно из ответвлений символического интеракционизма показать не сумело, хотя такова была цель, заявленная им. Интеракционизм сугубую важность придает тому, что каждое индивидуальное поведение отражает особый символический мир объектов, созданных в данный момент ситуации взаимодействия. Но это взаимодействие рисует карти-

ну какого-то стерильно идеального социального мира, в котором сталкиваются лишь культурные предписания, нормативные диспозиции, образы социальных групп, «Я-объектов» и т. п. — и словно бы нет гигантских организаций, могучих социальных институтов, разветвленное воздействие которых в системе производственных отношений на каждого «актера» часто не в состоянии проследить не то что отдельный человек, но совокупное познание человечества.

Несколько реальнее описывают социальное взаимодействие теории обмена. В них индивид рассматривается как организм с биологическими потребностями, ищущий вознаграждения. Последнее в свою очередь определяется в зависимости от его способности удовлетворять прирожденные или приобретенные потребности. Предполагается, что индивид в поисках вознаграждения способен производить неосознанные и рациональные расчеты соотношения «затрат и вознаграждений» при нахождении своей линии поведения. Философская основа теорий обмена далеко не нова и продолжает в общем традиции утилитаризма. Значение их основано не на принципиальной новизне, а на формальной разработке и уточнении старых установок утилитаризма, которые все еще влиятельны в разных моделях экономического поведения. Ни одна из теорий обмена и не стремится к созданию модели или теории человеческой личности в целом. Они интересуются лишь теми способностями индивида, от которых, по мнению теоретиков обмена, в первом приближении зависит поддержание и изменение общественных отношений.

Несколько противостоит четырем теоретическим «перспективам» в западной социологии этнометодология. Этнометодология исходит из того, что, вступая во взаимодействие, каждый индивид имеет представление о том, как будет или должно протекать это взаимодействие, причем представления эти организуются в согласии с нормами и требованиями, отличными от норм и требований общепринятого рационального суждения.

Отсюда — программное положение этнометодологии: «Черты рациональности поведения должны быть выявлены в самом поведении». Именно поисками этой мифической рациональности, которая якобы не может

быть охвачена объективными методами социального познания, и занимается этнометодология.

Поиски эти привели сторонников этнометодологии к отрицанию объективного существования социальных норм, социальных структур общества вообще. Человек сам в процессе обыденной жизни создает социальные нормы, в соответствии с которыми он организует свое поведение или отказывается от норм, если они перестают соответствовать его обыденным представлениям, полагают этнометодологи. В действительности-де может оказаться, что не ценности нормы, общие представления о выгоде при обмене, ролевые сделки и тому подобные понятия современной социологической теории служат «основой общества», а «эксплицитные и имплицитные методы индивидов, творящих презумпцию социального порядка».

Тем самым этнометодология продемонстрировала свой релятивизм и субъективизм, ликвидировав, по существу, проблему познания общества как объективной реальности. Будучи крайне выразительным проявлением «микротеоретической» ориентации в буржуазной социологии, она показала, как далеко может завести отрицание необходимости изучения крупномасштабных существенно важных социальных структур и процессов.

Рассмотрев весь широкий спектр конкурирующих между собой характерных для современной буржуазной социологии теоретических школ, направлений и ориентаций, мы можем на основе критического анализа книги Дж. Тернера сделать вывод о том, что эти «новейшие» ориентации пока не принесли в теоретическом отношении сколько-нибудь ощутимых сдвигов, а породили лишь новые теоретические и методологические расхождения в стане западных социологов.

Суммарные результаты своего анализа всех «парадигм» автор попытался свести в главе 15 к единой точке зрения, обеспечиваемой его, как он полагает, собственным пониманием «проблемы порядка». Однако конструктивного синтеза не получилось. В данной главе мы имеем ряд нормативных указаний, что надо бы сделать буржуазной теоретической социологии, чтобы только подступиться к наиболее важным вопросам. Некоторые из замечаний Тернера здесь метки и обращают внимание на неразработанность многих элементарных,

первоначальных предпосылок теоретизирования. Так, он упрекает все направления в невнимании к тому очевидному факту, что масштаб и природа единиц в процессах взаимодействия, обмена, функциональной взаимозависимости или конфликта будет влиять на типы отношений, устанавливающихся между ними. А эта, казалось бы, простая проблема оказывается фундаментальной для всех современных попыток расчленить и более конкретно изобразить процесс институционализации. С точки зрения Тернера, необходимо разработать общие типы социальных явлений, опирающиеся на теоретические соображения, а не на политические классификации.

Но оценивая книгу в целом, мы видим ее значение не в принципиальных новациях, а в достаточно адекватном изложении и анализе ранее сделанного другими.

Данный переводной труд позволит советской научной общественности как бы изнутри ознакомиться с несколькими влиятельными направлениями буржуазной теоретической социологии, их проблемами, трудностями, некоторыми тенденциями развития. Многие из этих проблем являются классическими, сопровождают всю историю мировой общественной мысли. Знание того, как распространены те или иные решения, их смена, предпочтения, отдаваемые одним проблемам и решениям перед другими в современной буржуазной социологии, поможет глубже понять и состояние общества, в котором функционируют рассматриваемые социологические теории.

Все это, конечно, полезно и нужно. Но при этом всегда следует иметь в виду, что глубокий кризис, который переживает современная западная социология, — не простой результат только внутреннего саморазвития этой науки.

Именно к этому выводу может подвести знакомство с книгой Дж. Тернера. Внутренняя логика развития западной социологии бесспорно имеет отношение к ее кризису. Но не в ней главная причина кризиса западной социологии. Кризис современной буржуазной социологии обусловлен глубокими социальными и политическими причинами и может рассматриваться как отражение в сфере социологии общего кризиса капитализма.

Сама структура капиталистического общества служит препятствием для адекватного развития социологического познания. Классовый антагонизм, борьба групп, представляющих различные интересы, определяют постановку таких проблем, решение которых, по мнению западных теоретиков, соответствовало бы достижению целей правящего класса или отдельных его группировок, а не общества в целом.

Среди западных социологов нет сейчас какого-то единого, общего теоретического направления, обеспечивающего и исходные посылки для эмпирических исследований, и общий язык для интерпретации получаемых данных.

Эмпирические исследования не выходят на уровень сколько-нибудь значимых научных обобщений, тогда как гипотезы, выдвигаемые на уровне спекулятивных социологических теорий, практически не поддаются эмпирической проверке.

Внутри западной социологии наметилась определенная тенденция к дивергенции в теоретическом и методологическом отношении, которая может быть определена как противопоставление натуралистической и субъективной ориентаций — двух крайностей, выражающих неспособность буржуазного социологического понимания вскрыть неразрывные, внутренние, существенные связи и отношения в обществе.

Преобладающая натуралистическая установка в западной социологии привела к теоретическим моделям общества, оторванным от фундаментального философского обоснования. Однако, как подчеркивал В. И. Ленин, «кто берется за частные вопросы без предварительного решения общих, тот неминуемо будет на каждом шагу бессознательно для себя «натывать» на эти общие вопросы»⁷.

Неудачи буржуазных социологов в анализе социальной реальности с помощью теорий, не учитывающих всю полноту общественно-исторических условий, вызвали необходимость пересмотра оснований социологии как научной дисциплины.

Теоретическая дивергенция сопровождается идеологическими дебатами относительно роли и места социологии и социолога в жизни общества, в процессе которых отчетливо проявляются социальная позиция социоло-

логов различных теоретических ориентаций, их партийность.

Нередко отдельные буржуазные социологи апеллируют к авторитету марксизма, выхватывая обычно отдельные идеи и термины марксистско-ленинской социологии или ограничивая сферу их применения относительно узкими рамками «особых обстоятельств», вне их основного классового контекста.

Учитывая различные теоретические ориентации западных социологов, их представления о своем месте в современном мире и т. д., нельзя забывать, что их реальное место в условиях капиталистической действительности и общие концепции развития социологического знания во многом определяются степенью финансовой поддержки, оказываемой им государственными и частными учреждениями. Направление социологического развития оказывается обусловленным характером исследований, финансируемых в первую очередь. Очередность же проблем чаще всего определяется не социологами, а теми, кто им платит. Таким образом, социология используется преимущественно как инструмент в руках правящего класса или, по выражению Райта Миллса, «властвующей элиты».

Исторически обусловленная форма связи буржуазной социологии с буржуазной идеологией и политикой определяет в рамках этой науки идеалистическую или вульгарно-технологическую трактовку социального мира. Это ведет к тому, что буржуазной социологии оказываются свойственными все черты кризиса буржуазной идеологии в целом.

Итак, в книге Дж. Тернера подведен еще один итог современному состоянию западной социологии. Этот итог еще раз свидетельствует о полной бесперспективности основных «перспектив» буржуазного социологического знания.

Как уже отмечал А. Гоулднер, из этой бесперспективности нельзя выйти, опираясь на уже сложившиеся теоретические традиции в западной социологии.

Необходимы новые способы социологического мышления, новые методы исследования социальной действительности, адекватные самой этой действительности.

Стать на этот путь—значит стать на путь историко-

материалистического анализа социальной жизни. Но этот путь «заказан» буржуазным социологам «правлящей элитой» капиталистического общества. А отсюда топтание на месте, дальнейшее углубление кризиса, бесконечные шатания и безысходная бесперспективность теоретических «перспектив» западной буржуазной социологии.

Г. Осипов

Предисловие

В этой книге я попытался проанализировать исторические корни и современное состояние четырех доминирующих парадигм построения социологической теории: функционализма, конфликтной теории, интеракционизма и теории обмена. В последней главе я также попытался познакомить читателя с этнометодологической альтернативой этим парадигмам.

Несколько ключевых положений проходят через всю книгу. Правильное их понимание, возможно, облегчит восприятие каждой из глав. Во-первых, социальная теория должна в конечном итоге подходить к рассмотрению гоббсовской «проблемы порядка»: как и почему возможно существование общества? Говоря более научным языком, эта проблема заключается в выявлении условий, при которых возникают различные социальные процессы и модели социальной организации.

Во-вторых, рассматривая эту фундаментальную проблему, все социальные теории проявляют, порой лишь косвенно, определенные общие характеристики. Все теории дают реальное «представление» об обществе, о том, что представляет собой этот мир «в действительности». Все теории рассматривают определенные, более важные, чем прочие, каузальные отношения. Все теории используют определенные методологические принципы. И все теории раскрывают ключевые суждения. Рассматривая доминирующие парадигмы социологии, я попытался осветить все эти общие характеристики.

В-третьих, я стремился анализировать социальные теории, используя критерии науки. Такой анализ не предполагает механического сравнения каждой социальной теории в соответствии с канонами научного протокола. Этот подход стерилен и бесплоден, поскольку при его использовании можно установить несостоятельность

любой социальной теории. Я постарался поставить более содержательные вопросы: включает ли в себе данная теория тот потенциал, который позволил бы в конечном счете превратить ее в научную теорию? Что нужно для того, чтобы реализовать этот потенциал?

В-четвертых, в главе 5 я затрагиваю ряд основных вопросов, которые обходит социальная теория. Вопросы эти можно рассматривать только после тщательного изучения и анализа доминирующих парадигм социологии. Я предлагаю свою оценку этих вопросов в надежде, что это послужит стимулом к теоретическим поискам в некоторых забытых, но тем не менее очень важных областях знания.

Социологическое теоретизирование

Социологическая теория и проблема порядка

В своем ныне хорошо известном сочинении «Левиафан» (1651) социальный философ Томас Гоббс утверждал, что естественное состояние человеческого общества — это состояние постоянного страха и угрозы насильственной смерти; а жизнь человека одинока, бедна, отвратительна, жестока и коротка¹. Согласно Гоббсу, человеческие существа, предоставленные самим себе, постоянно алчут власти и выгоды, и управляют ими главным образом своекорыстные мотивы. В связи с подобной ситуацией, чреватой образованием социального мира, основанного на постоянных войнах и раздорах, Гоббс встал перед следующей проблемой: как можно создать и сохранить хотя бы какое-то подобие социального порядка и организации?

Конечно, мало кто из современных социологов согласится с предположениями Гоббса относительно природы человека, но все же ему следует отдать должное, хотя бы за то, что он затронул один из главных вопросов построения социологической теории: как и почему возможно существование общества? Чтобы сформулировать этот вопрос, или «проблему порядка», обязательно приписывать мотивы людям в их естественном состоянии, равно как необязательно рассматривать естественный социальный порядок как непрекращающуюся войну между людьми. Скорее достаточно проявить интерес к тому, как создаются, сохраняются и изменяются модели социальной организации.

Интерес к этому вопросу, известному ныне как «проблема порядка», породил целый ряд специальных теоретических вопросов относительно того, как и почему такие единицы, как группы, агрегации, институты и целые общества, обнаруживают определенные модели

организации и внутренние социальные процессы. На наиболее общем уровне, забыв на какое-то время о различиях между процессами и организацией каждой из единиц, изучаемых теоретиками, социологическую теорию можно определить как попытку объяснить процессы *институционализации и деинституционализации*. С помощью каких основных процессов различные типы социальной структуры во всех разнообразных формах создаются, сохраняются, изменяются и распадаются? Идет ли речь о малой группе с межличностными отношениями, беспокойной толпе или сборище, большой и сложной организации или обществе в целом, социологическую теорию интересуют лишь условия, при которых могут возникнуть определенные процессы и модели структуры.

Вот почему для анализа структуры социальной теории нужно рассмотреть общие перспективы, которые могут объяснить разнообразные и сложные процессы институционализации и деинституционализации. Существует много специальных социальных теорий, относящихся к отдельным типам структур и процессов. Однако в последующих главах будут проанализированы только наиболее общие социологические парадигмы, рассматривающие проблему институционализации. Специальные теории в основном представляют собой вариант одной из этих общих ориентаций. Таким образом, обзор структуры общей теоретической перспективы в социологии должен предшествовать анализу ее многочисленных специальных и ограниченных теорий. Именно по этой причине нами будут рассмотрены лишь наиболее общие объяснения «проблемы порядка», так рьяно отстаивавшиеся Томасом Гоббсом в XVII веке.

Что такое теория?

Заключить, что общие теоретические перспективы социологии относятся к проблеме порядка, еще не означает показать, что такое теория или каким образом она дает ответ на этот вопрос. Теоретизирование можно отнести к числу средств, с помощью которых мыслительная деятельность, известная как «наука», реализует три свои основные цели: 1) классифицировать и организовывать происходящие в мире события таким образом, чтобы их можно было представить в перспек-

тиве; 2) объяснять причины происшедших событий и предсказывать, когда, где и как будут происходить события будущие; 3) предлагать интуитивно привлекательное здоровое «понимание» того, почему и как должны происходить события.

Для достижения этих целей социальная теория должна обнаруживать четыре главных элемента или строительных блока²: 1) понятия, 2) переменные, 3) утверждения и 4) формы. Существует много различных представлений о том, что такое социальная теория или чем она должна быть, но эти четыре элемента являются общими для всех теорий. Следовательно, первым шагом при анализе социальной теории является понимание того, что представляет собой каждый из этих элементов.

Понятия как основные строительные блоки теории. Теории строятся из понятий. В основном понятия обозначают или указывают на явления, и таким образом выделяют те особенности мира, которые в настоящий момент считаются важными. Например, понятия атомов, протонов, нейтронов и т. п. являются понятиями, указывающими или выделяющими явления для определенных аналитических целей. Близкие социологические понятия включают группу, формальную организацию, власть, стратификацию, взаимодействие, норму, роль, статус и социализацию. Каждый из этих терминов есть понятие, охватывающее аспекты социального мира, которые считаются существенными для определенных аналитических целей.

Понятия, полезные для построения теории, обладают одной особенностью: они стремятся передать единообразное значение всем, кто ими пользуется. Однако поскольку понятия часто выражаются обыденными словами, бывает трудно избежать употребления тех слов, которые имеют дополнительное значение, а потому для различных групп ученых указывают на различные явления. По этой причине многие понятия в науке передаются техническим или более «нейтральным» языком, таким, как математические символы. В социологии, однако, передача понятий таким специальным языком зачастую не только невозможна, но и нежелательна, так как словесные символы, используемые в понятии, должны определяться как можно точнее, с тем чтобы указывать всем исследователям на одни и те же явления³.

Хотя «полная согласованность» может быть недостижима с помощью конвенционального языка, остов теории опирается на предпосылку о том, что ученые сделают все от них зависящее, чтобы избежать двусмысленности при определении понятий. Поступать иначе и отступать только потому, что задача кажется трудной, значит способствовать образованию понятийного хаоса и препятствовать тем самым накоплению теоретических знаний.

Понятия в науке обладают различной степенью абстрактности. Некоторые понятия относятся к конкретным явлениям в определенном месте и времени. Другие, более абстрактные, понятия указывают на явления, не связанные конкретным временем и местом. Например, в контексте исследования малых групп конкретные понятия относятся к постоянным формам взаимодействия определенных индивидов, в то время как абстрактная концептуализация подобных явлений может относиться к свойствам групп с межличностными отношениями, не привязанными к определенным индивидам, взаимодействующим в конкретном времени и месте. Таким образом, в отличие от конкретных понятий абстрактные понятия не привязаны к определенному контексту. При построении теории абстрактные понятия играют решающую роль, ибо они переступают границы конкретных событий или ситуаций и указывают на общие свойства сходных событий и ситуаций. Значение абстракции можно, очевидно, проиллюстрировать следующим примером: веками люди наблюдали падение яблок с деревьев, но настоящее понимание этого явления пришло только с появлением более абстрактного понятия тяготения, которое дало возможность на основании наблюдения многих схожих явлений представить и дать теоретическое обоснование для объяснения многих более важных явлений.

Абстрактность создает и проблему: как привязать абстрактные понятия к ежедневно происходящим в мире событиям? Безусловно, существенно, чтобы многие понятия теории преступали конкретные границы времени и места, но не менее важно, чтобы существовали методы соотнесения этих абстрактных понятий с наблюдаемыми ситуациями и событиями. В конце концов абстрактное понятие демонстрирует свою полезность лишь тогда, когда оно применимо к конкретной эмпи-

рической проблеме, с которой столкнулись исследователи; в противном случае понятия остаются оторванными от тех самых процессов, которые они призваны помогать исследователю понимать. Вот почему абстрактным понятием должен сопутствовать ряд формулировок, известных как *операциональные определения*, представляющие собой наборы процедурных инструкций, указывающих исследователю, как выявить в реальном мире явления, обозначаемые абстрактным понятием. Именно с помощью таких определений решается проблема связи абстрактных понятий с эмпирическими событиями. Для того чтобы в высшей степени абстрактные понятия охватывали широкий круг эмпирических явлений, как правило, необходимо иметь большой набор операциональных определений, каждое из которых описывает методы выделения определенной ситуации или события, заключенного в понятие. Чем больше операциональных определений прилагается к тому или другому абстрактному понятию, тем более вероятно, что это понятие сослужит службу многим и различным исследователям, пытающимся осмыслить сложные механизмы происходящих в эмпирическом мире событий.

Короче говоря, понятия являются строительными блоками теорий. Особую важность для теории имеют более абстрактные понятия, не привязанные к конкретным временным и пространственным рамкам. И все же эти понятия должны посредством операциональных определений точно определять методы, позволяющие применять их к конкретным событиям в этом мире.

Переменные как важные типы понятий. При построении теории выделяют два общих типа понятий⁴: 1) те, что просто помечают явления — ярлыки, и 2) те, что относятся к явлениям, различающимся по степени.

К понятиям — ярлыкам явлений относятся такие общеупотребимые абстракции, как «собака», «кошка», «группа», «общественный класс», «звезда» и т. п. Ни одно из перечисленных или подобных им понятий не раскрывает различий этих явлений ни с точки зрения таких их свойств, как размер, вес, плотность, скорость, сплоченность, ни с точки зрения других критериев, указывающих исследователям на различия этих явлений по степени проявления различных свойств. Именно по этой причине научная теория обычно пользуется понятиями, относящимися к *переменным свойствам* таких

явлений, как собаки, кошки, группы, общественные классы и звезды. Понятия такого типа дают возможность исследователям проводить различие между событиями и ситуациями с точки зрения степени проявления ими ряда важных свойств, таких, как размер, вес, плотность, сплоченность и т. д. Например, сказав, что агрегация людей есть «группа», мы не указываем на то, какая это группа и как она отличается от других групп в терминах таких критериев, как размер, дифференциация и сплоченность. Таким образом, понятия научной теории должны обозначать *переменные* свойства описываемого ими эмпирического мира. На самом деле для того, чтобы понять, объяснить и предсказать события, нужно, чтобы ученые представляли себе, как измеряемое изменение в одном явлении может вызвать или произвести измеряемое изменение в другом. Однако для подобной трансформации понятий в зрелую теорию необходимо, чтобы понятия эти были сведены в теоретические суждения.

Теоретические суждения. Теории суть понятия, организованные группы суждений. Утверждения эти могут быть организованы по-разному, но стержнем всей теории являются понятия, систематически инкорпорированные в суждения, которые описывают «реальный мир». В основном существует два вида теоретических суждений: 1) суждения существования (existence), 2) суждения отношения (relational)⁵. *Суждения существования* указывают, когда и где обнаруживаются в мире примеры определенного понятия. Такие суждения обычно принимают следующую форму: при условии $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$ понятие x становится очевидным. Например, если взаимодействуют два и больше индивидов (C_1), если они могут говорить лицом к лицу (C_2), если у них может сложиться впечатление друг о друге (C_3), если взаимодействие продлится 15 минут или более (C_4), то можно сказать, что существует малая, лицом к лицу группа (понятие x)⁶. Некоторые суждения существования могут оказаться более сложными и предсказывать, когда и где могут сложиться и даже находиться в некоей определяющей зависимости друг от друга понятия x и z . Например, при перечисленных выше условиях C_1, C_2, C_3 и C_4 плюс поставленная задача или цель (C_5) малая группа (x) обнаруживает четкую структуру лидерства (z). Такой тип суждения представляет

собой суждения отношения между двумя понятиями x и y .

Суждения отношения играют чрезвычайно важную роль в теории, так как, только определив отношения между понятиями (или среди них), можно предсказать, объяснить и осмыслить события в этом мире. Суждения отношения сводят вместе понятия, определяющие переменные свойства феноменов, и помогают составить представление о том, как одна переменная может быть «вызвана» другой. Некоторые суждения отношения ограничиваются указанием на то, что изменения в одном из феноменов вызывают изменения в другом, — такие суждения называются *ассоциативными*. Подобные суждения лишь утверждают наличие корреляции между изменениями, но не указывают на каузальные отношения между ними. Другие суждения, составляющие сердцевину теории, являются *каузальными*, т. е. одна совокупность переменных свойств, определенная одним понятием, вызывает появление других переменных свойств, определенных другим понятием⁷.

Различаются ли ассоциативные, каузальные суждения или суждения отношения по степени абстрактности входящих в них понятий? Некоторые из них остаются в высшей степени абстрактными. Другие указывают на конкретные феномены во времени и пространстве. При построении теории абстрактные теоретические суждения обычно включают в себя (в тех или иных видах и формах) группу конкретных суждений. Отчасти это происходит потому, что у большинства теоретических понятий есть несколько операциональных определений. Таким образом, когда абстрактные понятия инкорпорируются в теоретические суждения, многоцелевые операциональные определения порождают многоцелевые операциональные суждения, которые в свою очередь могут породить ряд конкретных суждений, касающихся определенных явлений, происходящих в определенное время и в определенном месте. Конечным результатом подобной пролиферации является то, что множества абстрактных суждений (должным образом сформулированных) включают в себя и обобщающие значения суждений низшего порядка.

Коротко говоря, используемые для построения теории понятия выстраиваются в суждения, характеризующие отношения между феноменами в «реальном

мире». Эти суждения могут быть как суждениями существования, так и суждениями отношения — и те и другие важны для построения теории. Каузальные суждения отношения особенно важны для теории, ибо они указывают на то, что изменение в одном понятии может вызвать изменение в другом.

Форма теории. Теоретические суждения могут различаться по форме⁸. Существует множество аргументов как за, так и против различных форм. Здесь, очевидно, следует отметить лишь то, что теоретические суждения должны быть *систематически организованы* в соответствии с выбранными теоретиком логическими правилами⁹. И все-таки систематическая организация теоретических суждений должна соответствовать перечисленным ранее целям науки: а) всякая форма должна использовать абстрактные понятия, позволяющие классифицировать явления; б) всякая форма должна содержать суждения существования и суждения отношения (особенно те из них, которые относятся к каузальным), позволяющие проследить причины возникновения феноменов; в) всякая форма должна содержать основу для «интуитивного понимания» того, почему возникают данные феномены и что приводит к их возникновению.

Возможно, в построении теории нет труднее задачи, чем создание такой систематической организации суждений, которая соответствовала бы этим целям. В социологии существует немало важных абстрактных суждений, как, впрочем, и эмпирических обобщений, которые могут быть превращены в теоретические суждения, но их организация в логически строгие формы — задача необыкновенно трудная. На данном этапе перечисление причин существования этих трудностей потребовало бы слишком больших усилий. Кроме того, обвинив дисциплину в недостаточной систематичности, мы не поможем делу. Возможно, полезнее будет просто указать на то, как можно справиться с названной задачей. В последующих главах будет предпринята попытка оценить то, в какой мере теоретические суждения поддаются инкорпорации в более систематические формы. Также будут высказаны некоторые общие и гипотетические предложения относительно того, как создавать такие систематические формы.

Если теоретические суждения не могут быть упорядочены систематически, то их нельзя эффективно про-

верить, ибо без определенных взаимосвязей между суждениями каждое суждение пришлось бы проверять отдельно. А когда суждения организованы и их взаимосвязь точно определена, проверка нескольких ключевых суждений может пролить свет на вероятность других суждений.

Формы научных теорий могут быть проверены только в случае, если составляющие их суждения выражены таким образом, что их можно опровергнуть с помощью эмпирических исследований. Гипотезы должны быть уязвимы. Именно это свойство, дающее возможность *опровергать* ключевые суждения, отличает науку от других систем идей. Если суждения не могут быть опровергнуты, «теория» представляет собой не более чем замыкающуюся на самое себя структуру, практически не имеющую взаимосвязи с реальными явлениями¹⁰.

Чтобы теория могла определять порядок следования явлений, объяснять и осмысливать их, нужно устранить те суждения, которые мешают достижению поставленных перед наукой целей. После успешного удаления неправильных суждений оставшиеся и выдержавшие экзамен на опровержение суждения создают, по крайней мере на текущий момент, наиболее точную картину реального мира. Несмотря на то что опровержение собственной теории не сулит теоретику ничего хорошего, все-таки опровержения необходимы для успешного построения теории. К сожалению, многие ученые опасаются подобного опровержения. В идеале научный процесс должен основываться как раз на обратном. Как писал Карл Поппер:

«Опровержения очень часто рассматривались как неудача ученого или по крайней мере созданной им теории. Следует подчеркнуть, что это индуктивистское заблуждение. Каждое опровержение следует рассматривать как большой успех, и успех не только того ученого, который опроверг теорию, но также и того ученого, который создал опровергнутую теорию и тем самым первым, хотя бы и косвенно предложил опровергающий эксперимент»¹¹.

Даже выдержавшие опровержение, а следовательно, принесшие теоретику профессиональный престиж суждения нельзя считать полностью «доказанными», так как всегда остается вероятность их опровержения последующим эмпирическим экспериментом. И все же, если суждения последовательно выдерживают эмпирическое испытание, то они относятся к разряду надежных

и могут занимать центральное место в структуре теоретического знания. В социальной науке именно эти высоко надежные суждения дают возможность наиболее всестороннего понимания условий зарождения, сохранения, изменения и распада социальной организации. Таким образом, проверка суждений и установление взаимосвязи между ними есть стратегия получения научного ответа на вопрос о том, как и почему возникают и обретают свою форму процессы институционализации.

Социологическая теория

Наиболее простым и в то же время бесплодным занятием в современной социологии является игра, именуемая «критиканство дисциплины». Игроют в нее следующим образом: перечисляют, как это было сделано выше, общие характеристики настоящей научной теории, а затем критически рассматривают конкретную теоретическую перспективу в социологии. В результате перспектива оказывается невеселой, а именно это и нужно, как правило, *критикану*. Игра эта не требует особого мастерства и всегда дает один и тот же результат, но тем не менее остается чрезвычайно популярной среди социологов.

Всякий анализ социологической теории следует начинать с откровенного признания того, что с точки зрения перспектив идеальной научной теории социологическому теоретизированию предстоит еще пройти немалый путь. Такое признание вовсе не означает, что всякая теория в социологии не выдерживает критики. Некоторые конкретные теоретические перспективы в социологии легко могут принять должную научную форму. И все же наиболее общие теоретические парадигмы, направлявшие социологическое теоретизирование в сфере процессов институционализации, представляют собой легкую поживу для любителей поиграть в игру «критиканство дисциплины».

Важным вопросом при анализе доминирующих теоретических перспектив является то, каким образом эти перспективы отклоняются от научных формулировок. Но за этим очевидным вопросом должны следовать другие, часто задаваемые вопросы: как можно исправить эти несоответствия? Потенциально можно ли их исправить? Каково основное направление, в котором

следует их исправлять? Исходя из того, что современные теоретические перспективы не выстраиваются в идеальную теорию — предположение, вполне оправданное, — каковы должны быть стратегии в конечном итоге?

Как только вопрос переходит в плоскость потенциальной возможности построения теории, критический анализ должен выйти за рамки механического сопоставления отдельных теоретических перспектив с канонами научной теории. Игнорировать такое сопоставление нельзя, но его полемический смысл зачастую мешает продуктивному анализу конкретной концептуальной перспективы.

Теоретические перспективы в социологии

Многое из того, что именуется социологической теорией, в действительности представляет собой непрочную связку подразумеваемых допущений, неадекватно определенных понятий и нескольких неясных и логически не связанных предложений. Случается, что допущения выражены достаточно явно, чтобы послужить основой для абстрактных теоретических суждений, содержащих должным образом определенные понятия. Но в основном социологическая теория представляет собой словесный «образ общества», а не строго выстроенный ряд теоретических суждений, организованных в логически последовательную форму. Таким образом, большей частью так называемая теория в действительности представляет собой общую «перспективу», или «ориентацию», для прощупывания различных свойств процесса институционализации, которая, если все пойдет хорошо, в конце концов может перейти в подлинную научную теорию.

То, что в социологии существует много подобных перспектив, создает трудности для их толкования. Трудности эти усугубляются еще и тем, что границы между этими перспективами четко не определены, а это затрудняет возможность анализа каждой отдельной взятой перспективы. Решение этой дилеммы состоит в том, чтобы произвольно ограничить число рассматриваемых перспектив и одновременно анализировать их так, словно они четко разграничимы. Соответственно в последующих главах рассматриваются только четыре основные

социологические перспективы: 1) функциональная «теория», 2) конфликтная «теория», 3) интеракционизм и ролевая «теория» и 4) «теория» обмена.

Слово «теория» взято в кавычки с единственной целью признания неадекватности современной социологической теории. Названные четыре перспективы были выбраны в силу целого ряда причин. 1. Принято считать, что это наиболее распространенные социологические перспективы, лежащие в основе большинства частных перспектив в этой области. 2. Перспективы эти служат предметом множества аналитических разработок и объектом неизбежной критики как со стороны конструктивных критиков, так и любителей поиграть в игру «критиканство дисциплины». 3. Каждая из этих перспектив в разные времена провозглашалась наиболее рьяными ее сторонниками как единственная перспектива, способная вывести социологию из теоретических трудностей. Вот почему каждая из этих перспектив должна быть рассмотрена в книге, претендующей на оценку структуры социологического теоретизирования.

Приложение: предпочтительные формы теоретических суждений

Здесь рассматриваются только две из возможных форм теоретических суждений, поскольку именно они считаются наиболее полезными для построения социологической теории. Одна из форм называется *аксиоматической*, другая — формой *каузального процесса*¹².

Аксиоматическая организация теоретических суждений имеет, как правило, следующую форму: во-первых, она включает ряд понятий, имеющих операциональные определения. Некоторые из этих понятий в высшей степени абстрактны, другие носят более конкретный характер. Во-вторых, в нее всегда входит ряд суждений существования, характеризующих ситуации, в которых применимы понятия и суждения отношения. Эти суждения существования составляют то, что принято называть *сферой действия* теории. В-третьих, суждения отношения расположены в иерархическом порядке (это характерно только для аксиоматической формы). Сначала следуют *аксиомы* или группа в высшей степени абстрактных суждений, из которых вытекают все прочие теоретические суждения. Последние утверждения

принято называть *предложениями*, и они логически вытекают в соответствии с разнообразными правилами из более абстрактных аксиом. Отбор аксиом на практике осуществляется произвольно, но обычно их отбирают, руководствуясь следующими критериями: а) аксиомы должны быть последовательны относительно друг друга, хотя и необязательно логически взаимосвязаны; б) аксиомы должны быть в высшей степени абстрактными; в) они должны устанавливать каузальные отношения между абстрактными понятиями; г) каузальные отношения должны быть «узаконенными» в том смысле, что вытекающие из них более конкретные предложения не были опровергнуты эмпирическими исследованиями; д) аксиомы должны обладать «интуитивным» правдоподобием в том смысле, чтобы их достоверность была «самоочевидной».

Конечным результатом точного следования аксиоматическим принципам является получение перечня или набора взаимосвязанных предложений, каждое из которых получено по крайней мере из одной аксиомы и более абстрактных предложений. Такой способ построения теории имеет ряд преимуществ¹³. Во-первых, можно использовать в высшей степени абстрактные понятия, охватывающие широкий круг связанных явлений. Эти абстрактные понятия необязательно должны измеряться *непосредственно*, поскольку они логически связаны с более конкретными и измеряемыми предложениями, которые при эмпирической проверке могут *опосредствованно* подвергнуться эмпирической проверке более абстрактные предложения и аксиомы. Таким образом, в силу логической взаимосвязанности предложений и аксиом исследование может быть более эффективным, поскольку невозможность опровержения определенного предложения лишь повышает надежность других предложений и аксиом. Во-вторых, использование логической системы для получения предложений из абстрактных аксиом позволяет генерировать большое количество интересных предложений, указывающих на неизвестные и непредполагавшиеся ранее отношения между социальными явлениями.

Форма построения теории на основе *каузального процесса* имеет несколько другой вид. Во-первых, подобно аксиоматической теории, она содержит как абстрактные, так и конкретные понятия, имеющие операциональ-

ные определения. Во-вторых, опять-таки как и аксиоматическая теория, эта форма располагает набором суждений существования, устанавливающих сферу действия каузальных суждений. В-третьих, на этот раз в отличие от аксиоматической теории, форма каузального процесса представляет собой ряд каузальных суждений, описывающих воздействие одной переменной на другую без установления строгого иерархического порядка суждений. Каузальные процессы считаются не менее важными, хотя совершенно очевидно, что одни независимые переменные больше влияют на зависимые переменные, чем другие. Так, если аксиоматические формы напоминают иерархии суждений, полученных из аксиом, то форма каузального процесса напоминает графическое представление взаимодействий между отобранными переменными.

Обе эти формы имеют две общие черты, позволяющие им соответствовать обсужденным ранее целям науки: 1) каждая из форм использует абстрактные понятия, позволяющие классифицировать и категоризировать социальные феномены. Типология необходима для упорядочения мира с тем, чтобы его можно было постичь, и каждая из форм теории вполне адекватно выполняет эту необходимую аналитическую работу; 2) каждая из рассмотренных форм организации ставит в основу доводов каузальные отношения между переменными и, поступая так, позволяет объяснить прошлые события и предсказать будущее.

Однако форма каузального процесса дает возможность лучше «понять» — третья цель науки — явления, чем аксиоматическая форма. Хотя аксиоматически расположенные предложения объясняют и предсказывают события через логические отклонения, точные *каузальные цепи*, включенные в эти отклонения, прослеживаются не полностью. Утверждалось, что для обеспечения «понимания этого мира» каузальные цепи (непосредственные, опосредованные, взаимные, кибернетические или телеологические) должны быть классифицированы посредством теории¹⁴. Довольно часто аксиоматические суждения могут быть обращены в форму каузального процесса и тем самым обеспечивать «смысл понимания» явлений реального мира. Но иногда такое обращение оказывается невозможным, а потому форма каузального процесса является более предпочтительной.

Избранная библиография

- Blalock H. M. Theory Construction. Englewood Cliffs, N. Y., Prentice-Hall, Inc., 1969.
- Dubin R. Theory Building. New York, Free Press, 1969.
- Gibbs J. Sociological Theory Construction. Hinsdale, Ill., Dri-
den Press, 1972.
- Kaplan A. The Conduct of Inquiry. San Francisco, Chandler
Publishing Co., 1964.
- McCain C., Segal E. M. The Game of Science. Belmont, Ca-
lif., Wadsworth Publishing Co., 1969.
- Mullins N. C. The Art of Theory: Construction and Use. New
York, Harper & Row, 1971.
- Nagel E. The Structure of Science. New York, Harcourt, Brace
& World, 1961.
- Popper K. R. The Logic of Scientific Discovery. New York,
Harper & Row, 1959 (Сокр. рус. перев.: Поппер К. Логика науч-
ного исследования. — В: Поппер К. Логика и рост научного зна-
ния. М., «Прогресс», 1983. — *Ред.*)
- Popper K. R. Conjectures and Refutations. New York, Basic
Books, 1962. (Сокр. рус. перев.: Поппер К. Предположения и опро-
вержения. Рост научного знания. — В: Поппер К. Логика и рост
научного знания. М., «Прогресс», 1983. — *Ред.*)
- Reynolds P. D. Primer in Theory Construction. New York,
Bobbs-Merrill Co., 1971.
- Rudner R. S. Philosophy of Social Science. Englewood Cliffs,
N. Y., Prentice-Hall, Inc., 1966.
- Stinchcombe A. L. Constructing Social Theories. New York,
Harcourt, Brace & World, 1968.
- Willer D., Webster M. Jr. Theoretical Concepts on Observab-
lies. — Zetterberg H. On Theory and Verification in Sociology.
3d ed. Totava, N. Y., Bedminster Press, 1965.

ЧАСТЬ I

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ

ГЛАВА 2

Ранний функционализм

Функционализм и организмическая аналогия

В XIX веке философы стран Европейского континента подвергли критическому пересмотру утилитарные доктрины британских классических экономистов. Человек уже более не рассматривался как рациональный и расчетливый предприниматель, действующий на свободном, открытом, нерегулируемом и конкурентном рынке. Доктрина «невидимой руки порядка» также не принималась уже в качестве адекватного объяснения того, как свободная и необузданная конкуренция между индивидами могла породить социальную организацию. Несмотря на то что на протяжении всего XIX столетия утилитаризм продолжал оставаться популярной социальной доктриной, уже первое поколение французских социологов отказалось принимать предположение о том, что если оставить свободную конкуренцию между индивидами неприкосновенной, то социальный порядок последует автоматически.

Во Франции и в меньшей степени в других странах континентальной Европы разочарованию в утилитаризме способствовали также разрушительные социальные изменения, вызванные индустриализацией и урбанизацией. Столкнувшись в конце XVIII столетия с политической нестабильностью, наиболее остро проявившейся в драматических событиях Французской революции, социальные мыслители Франции уже в начале XIX века проявили глубокую озабоченность проблемами сохранения социального порядка. Всех их серьезно волновал один и тот же, хотя, возможно, по-разному формулируемый вопрос: «Почему и как возможно существование общества?»

Во Франции или в каком-либо другом месте в Европе ответ на этот фундаментальный вопрос дали откры-

тия в биологических науках. Именно в XIX веке биологические открытия значительно изменили социальный и интеллектуальный климат того времени. Например, именно в этот период были развеяны последние мистические представления о функционировании человеческого тела. Разнообразие животных видов было впервые классифицировано шведским естествоиспытателем Карлом Линнеем. Еще большее значение имели концепции эволюции, вершиной которых явились теории Уоллеса и Дарвина, стимулировавшие представления об интеллектуальных и социальных противоречиях.

Поскольку социология как самостоятельная дисциплина зародилась именно в описанной выше социальной и интеллектуальной среде, то неудивительно, что биологический бум оказал влияние на концепции социального порядка. В начале XIX века номинальный основатель социологии французский мыслитель Огюст Конт, пытаясь понять, почему и как возможно существование общества, создал так называемую «организмическую» интерпретацию общества¹. Конт представлял общество как разновидность организма, который нужно рассматривать через призму биологических концепций структуры и функции. Хотя различия между биологическим и социальным организмом были очевидны, находящиеся под впечатлением биологических открытий мыслители XIX века приуменьшали значение этих различий. Например, в своей работе «Система позитивной политики» Конт утверждал, что семьи являлись основными социальными клетками, социальные силы представляли собой социальную ткань, государство и города — социальные органы, а страны мира были аналогичны системам организмов в биологии².

В основном тенденция к преувеличению в работах Конта объяснялась тем, что она явилась своеобразной реакцией на хаотические последствия Французской революции и утилитарный уклон в доктринах известного в то время английского философа Герберта Спенсера. В конце XIX столетия даже такой представитель утилитаризма, как английский мыслитель Герберт Спенсер, подобно Конту, провозгласил, что «общество похоже на организм». Однако в отличие от других сторонников организмизма Спенсер не остановился на утверждении организмической аналогии, а составил систематизированный перечень положений, согласно которым можно

было проследить аналогию общества с живым организмом:

1. Как общество, так и организм отличаются от неорганической материи, так как оба они растут и развиваются.

2. Как в обществе, так и в организме увеличение размеров означает дальнейший рост их сложности и дифференциации.

3. В обоих прогрессивная дифференциация структуры сопровождается дифференциацией функций.

4. В обеих части целого взаимозависимы и изменения в одной части влекут за собой изменения в других частях.

5. В обоих каждая часть целого представляет собой соответственно самостоятельное микрообщество или микроорганизм.

6. Как в организмах, так и в обществах можно убить жизнь в целом, но при этом отдельные части еще некоторое время продолжают жить³.

В то время как сам Спенсер первоначально с осторожностью относился к тезису об *аналогичности* этих суждений, его последователи Пауль фон Лилиенфельд и Рене Вормс перешли от тезиса об аналогии к представлению общества не просто как организма, а как настоящего живого организма. Чрезмерно увлекшись подобным сопоставлением, эти последователи Спенсера подошли даже к рассмотрению общества как высшей формы организма по несколько надуманной филогенетической «шкале». Учитывая настроения того времени, такой экстремизм, очевидно, был неизбежен, но, к сожалению, не меньшее значение имело и невнимание Спенсера к подчеркнутому им самим различию между аналогией и реальностью.

Хотя в конце XIX столетия многие крайности организмической аналогии были отвергнуты, концепция общества как организма дала толчок трем допущениям, ставшим типичными для социологического функционализма: во-первых, социальная действительность представляется как *система*. Во-вторых, процессы системы рассматриваются исключительно с точки зрения *взаимосвязанности* ее частей. В-третьих, подобно организму, система считается *ограниченной* — в ней действуют определенные процессы, направленные на сохранение ее целостности и ее границ. Однако поскольку эти ос-

новополагающие функционалистские принципы исходили от организмической аналогии, то при разработке социологами теоретических схем многие дополнительные и сомнительные биологические понятия, так сказать, «просочились через черный ход». По сути, ведущаяся уже в течение века дискуссия по поводу функционализма уходит корнями в неявный органицизм, сопутствовавший этой концептуальной перспективе. Количество неявных организмических допущений зависело лишь от того, чья схема подвергалась рассмотрению.

Следующие концепции составили наиболее крайние формы функционального теоретизирования. 1. Общество как ограниченная система саморегулируется и имеет тенденцию к гомеостазису и равновесию. 2. Как самообеспечивающаяся система, аналогичная организму, общество, очевидно, имеет определенные базисные потребности и нужды, удовлетворение которых необходимо для его выживания, сохранения гомеостазиса или равновесия. 3. Социологический анализ такой самообеспечивающейся системы с потребностями и нуждами должен быть направлен на исследование функций ее частей, заключающихся в удовлетворении потребностей системы и, таким образом, сохранении равновесия и гомеостазиса. 4. В системах с потребностями, очевидно, должны существовать определенные типы структур, обеспечивающие их выживание /гомеостазис/ равновесие. В то время как для удовлетворения одной и той же потребности может существовать несколько альтернативных структур, все же для удовлетворения любой потребности системы существует ограниченный круг необходимых альтернативных структур.

Подобные допущения часто служили объектом дискуссий вокруг функционализма⁴. Организмы проявляют гомеостазические тенденции, но проявляют ли их общества? Организмы могут обладать стабильными наборами необходимых для выживания реквизитов или потребностей, но обладают ли ими общества? Организмы могут обнаруживать взаимозависимые части, которые должны существовать для удовлетворения потребностей системы, но так ли это необходимо для общества? Вопросы эти, если судить по работам титулованных основоположников функционализма Эмиля Дюркгейма, Бронислава Малиновского и А. Р. Радклифф-Брауна, вот уже столетие не сходят с повестки дня.

Поскольку Эмиль Дюркгейм являлся наследником традиций французской социальной мысли и особенно органицизма. Контта, то неудивительно, что его ранние работы были перенасыщены организмической терминологией. Хотя в своей главной работе «О разделении общественного труда» (1893) Дюркгейм резко критиковал Спенсера, многие из собственных его формулировок совершенно очевидно находились под влиянием биологического бума XIX столетия⁵.

Основные допущения Дюркгейма также напоминали допущения сторонников органицизма. 1. Общество рассматривалось как сущность в себе, которую можно было отличить от составляющих ее частей, но не свести к их сумме. Представляя общество как реальность *suí generis*, Дюркгейм, по сути, отдавал аналитический приоритет социальному целому. 2. Отдавая каузальный приоритет целому, Дюркгейм считал, что составные части системы удовлетворяют основные функции, потребности или реквизиты этого целого. 3. Частое употребление понятия «функциональные потребности» подкрепляется концептуализацией Дюркгеймом социальных систем с точки зрения «нормальных» и «патологических» состояний. Это по меньшей мере означает, что социальные системы обладают потребностями, удовлетворение которых необходимо для избежания «ненормальных» состояний. 4. При рассмотрении систем в качестве нормальных или патологических, а также с точки зрения их функций напрашивается дополнительный вывод о том, что системы имеют точки равновесия, вокруг которых и осуществляется нормальное функционирование.

Дюркгейм отчетливо видел все эти опасности и явно пытался разобраться в некоторых из них. Во-первых, он хорошо понимал, какие опасности таит в себе телеологический анализ, когда исходят из того, что некоторые будущие последствия явления служат причинами собственного его возникновения. Поэтому он предупреждал, что причины явлений следует отделять от целей, которым эти явления служат:

«Объясняя социальный феномен, мы должны отличать порождающую его причину от выполняемой им функции. Мы пользуемся словом «функция» вместо слова «цель» или «результат» именно потому, что социаль-

ные феномены, как правило, существуют вовсе не благодаря производимым ими полезным результатам⁶.

Таким образом, несмотря на то, что Дюркгейм отдавал аналитическое предпочтение целому и рассматривал его части как имеющие последствия для определенных «нормальных» состояний, а следовательно, считал их удовлетворяющими нужды системы, он понимал, насколько опасно считать, что все системы имеют «цель» и что потребность сохранения целого служит первопричиной существования составляющих это целое частей. И все же то, что Дюркгейм настаивал на изучении функций частей социального целого, порой приводило его, не говоря уже о его последователях, к сомнительным телеологическим рассуждениям. Например, даже проводя различие между «причиной» и «функцией», он оставляет возможность для логически неверной телеологической интерпретации: «Соответственно, для объяснения социального факта недостаточно показать причину, от которой он зависит; мы также должны показать его функцию в установлении социального порядка (курсив мой. — Дж. Т.)»⁷. Здесь слова «в установлении» могут означать также, что существование частей системы объясняется только целым, или «социальным порядком», для сохранения которого эти части функционируют. Отсюда всего лишь один шаг до явной телеологии: социальный факт порождается потребностями социального порядка, которые этот факт удовлетворяет. Подобные теоретические суждения неизбежно являются логически неверными, ибо можно представить себе, что социальная система может быть «запрограммирована» для удовлетворения определенных «потребностей» или обозначенных «целей», а следовательно, она может вызывать изменения в «социальных фактах», с тем чтобы удовлетворять эти потребности или цели. Но если такую систему описывает исследователь, то он должен показать, как она программируется и каким образом вызываются в «социальных фактах» изменения, удовлетворяющие ее потребности или цели. Как следует из вышеприведенной цитаты, Дюркгейм не имел в виду такую систему, а значит, и не стремился к телеологической трактовке.

И все же в последующих работах Дюркгейм вновь опасно приблизился к телеологической логике. В первой своей крупной книге о разделении труда Дюркгейм

уделил большое внимание разграничению между причиной (усиление моральной плотности) и функцией (интеграция общества).

Однако, как указывает Коэн⁸, каузальные суждения зачастую сливаются с функциональными. В самых общих чертах аргументация Дюркгейма сводилась к следующему: моральная плотность ведет к конкуренции (угрожающей социальному порядку), которая в свою очередь ведет к специализации задач, всеобщей взаимозависимости, повышению готовности принять мораль взаимных обязательств. Этот переход к новому социальному порядку происходит несознательно, или в силу «подсознательной мудрости», просто потому, что разделение труда непременно восстанавливает порядок, «разрушаемый необузданной конкуренцией»⁹. Так создается впечатление, что «угроза» социальному порядку или потребность в нем «приводит» к разделению труда. Отсюда по крайней мере очевидно, что причина и функция не так уж аналитически далеки друг от друга, как на этом часто настаивал Дюркгейм¹⁰.

Далее, утверждает Коэн¹¹, анализ Дюркгеймом происхождения и природы религии также сбивается на телеологические рассуждения: общество сдерживает своих членов, одновременно предоставляя им все культурные возможности для творчества; примитивные люди лишь смутно осознают сдерживающую силу общества, но не в состоянии установить эту зависимость, несмотря на потребность сделать это; вот почему они выбирают некий объект, символизирующий общество и их коллективное отношение к нему. В силу того, что символы эти представляют социальный (моральный) порядок, они становятся священными; а заняв центральное место в ритуальной деятельности, они вызывают и поддерживают групповые чувства и, следовательно, социальную солидарность. Таким образом, подобная теория основывается на понятии «потребности» у людей выражать смутно осознаваемые ими социальные ограничения, а также на допущении, что такая потребность благотворно сказывается на «нормальном» функционировании общества, т. е. на социальной солидарности. Здесь проявляется на индивидуальном уровне потребность выражения; или, если такое использование цели не принимается, то социальная потребность в солидарности служит причиной происхождения

религии. Таким образом, происхождение и сохранение религии объясняется не предвосхитившими ее появления условиями, не тщательно установленной причинной цепочкой, а целью деятельности, направленной на удовлетворение либо индивидуальных, либо групповых «потребностей».

Суммируя сказанное, отметим, что, хотя Дюркгейм предостерегал нас относительно логической непоследовательности телеологии, сам он часто был близок к тому, чтобы попасть в ее сети. Причина этого, возможно, кроется в организмических допущениях, свойственных его форме социологического анализа. Заняв прочную социологическую позицию в отношении эмерджентных свойств — несводимость целого к сумме исходных элементов — Дюркгейм уберег социологию от наивной психологии и антропологии своего времени¹². Однако, дополнительно сделав упор на социальное целое с помощью организмических допущений относительно «функций», «реквизитов», «потребностей» и «нормального/патологического» состояний, Дюркгейм способствовал тому, что организмические принципы почти три четверти века довели над социологической теорией. Блестящий анализ Дюркгейма и его аналитическая работа привлекли к «функциональному» типу анализа многие последующие поколения социологов и антропологов.

Функционализм и антропологическая традиция

По-настоящему концептуальная перспектива функционализма сложилась уже в XX веке с появлением работ двух антропологов — Бронислава Малиновского¹³ и А. Р. Радклифф-Брауна¹⁴. На обоих этих мыслителей оказали большое влияние, во-первых, органицизм Дюркгейма и, во-вторых, их собственные полевые исследования примитивных обществ. И все же концептуальные перспективы Малиновского и Радклифф-Брауна значительно расходились.

Хотя Радклифф-Браун предпочитал «ярлыку» функционализма *структурализм*, его перспектива была лучше разработана, а следовательно, он стал своеобразным лидером поколения функционального анализа в антропологии. Признавая, что «понятие функции, применимое к человеческому обществу, основывается на сходстве между социальной и органической жизнью» и что «пер-

вая систематическая формулировка этого понятия применительно к чисто научному изучению общества была осуществлена Дюркгеймом»¹⁵, Радклифф-Браун тем не менее попытался показать, как можно преодолеть некоторые проблемы организмического сопоставления.

Для Радклифф-Брауна главным недостатком функционализма была его тенденция к телеологическому анализу. Отмечая, что определение функции, по Дюркгейму, относится к тому, как одна часть удовлетворяет «потребности» системы, он предложил заменить термин «потребности» термином «необходимые условия существования». При этом он полагал, что невозможно постулировать общечеловеческие или общественные потребности. Скорее всего, эмпирический вопрос будет заключаться в том, какие условия необходимы для существования общества, и решаться этот вопрос для каждого конкретного общества должен по-разному. Далее, допуская разнообразие условий, необходимых для выживания различных систем, он считал, что при анализе можно будет обойтись без предположения о том, что каждый элемент культуры должен иметь функцию и что элементы различных культур должны иметь одинаковую функцию.

Признав таящиеся в логически непоследовательной телеологии опасности, функциональный, или, как он считал, *структурный*, анализ мог логически последовательно исходить из трех посылок. 1. Одно из необходимых условий выживания общества — наличие минимальной интеграции его частей. 2. Термин «*функция*» относится к тем процессам, которые поддерживают эту необходимую интеграцию или солидарность. 3. Таким образом, в каждом обществе структурные признаки действуют сохранению необходимой солидарности. При таком аналитическом подходе обязательно наличие социальной структуры и необходимых для ее существования условий. Подобно Дюркгейму, Радклифф-Браун считал общество реальностью в себе и для себя. Именно поэтому он полагал, что такие элементы культуры, как правила родства и религиозные обряды, объяснимы с точки зрения социальной структуры — в частности, ее «потребности» в солидарности и интеграции. Например, анализируя родовую систему, Радклифф-Браун прежде всего считал, что ей должна быть свойственна хотя бы минимальная степень солидарности. Соответственно

связанные с родовыми системами процессы оценивались с точки зрения их последствий для сохранения этой солидарности. Отсюда напрашивался вывод о том, что родовые системы обеспечивали разрешение конфликта в обществах, в которых земля принадлежала семьям, потому что при такой системе всегда ясно, у кого есть право на землю и по какой линии это право передается. Таким образом, объяснялась интеграция экономической системы, где земельные наделы принадлежали семьям¹⁶.

Эта форма анализа ставит ряд вопросов, которые продолжают преследовать теоретиков функционализма. Хотя Радклифф-Браун признает, что «функциональное единство [интеграция] социальной системы — это, конечно, гипотеза», он не сумел назвать не только аналитические критерии для оценки того, «как много» или «как мало» требуется функционального единства для обеспечения выживания системы, но и какие действия необходимы для проверки этой гипотезы. Как выяснилось, без аналитических критериев для определения того, что есть минимальная функциональная интеграция и выживание общества, гипотезу эту нельзя проверить даже в принципе. Поэтому обычно исходят из того, что существующая система, с которой в определенный момент времени столкнулся исследователь, обладает минимальной интеграцией и выживает просто потому, что она существует и сохраняется. Без фактически подтвержденного анализа того, как различные элементы культуры содействуют интеграции или дезинтеграции социального целого, такая гипотеза функционального единства может превратиться в тавтологию: если вы сталкиваетесь с системой, то она должна быть минимально интегрирована, а следовательно, составляющие часть этой системы роды должны содействовать ее интеграции. Открыть противоположное было бы трудно, поскольку система благодаря тому, что она система, уже состоит из интегрированных частей, таких, как система рода. Из такого рассуждения ничего не следует, поскольку вполне возможно рассматривать культурные элементы, подобные системе рода, как имеющие и интегративные, и дезинтегративные (и прочие) следствия для социального целого. В своих фактических этнографических описаниях Радклифф-Браун бессознательно оказывается в логическом кругу, когда сам факт существования системы требует, чтобы части,

ее составляющие, такие, как система рода, рассматривались в качестве таковых, которые вносят свой вклад в существование этой системы.

Предполагая интеграцию и затем оценивая вклад отдельных частей в интегрированное целое, мы сталкиваемся с еще одной аналитической проблемой. Такой способ анализа означает, что причины оценки определенной структуры (например, рода) заложены в потребностях системы к интеграции, что очень напоминает логически незаконную телеологию.

Конечно, сам Радклифф-Браун не согласился бы с такими выводами. То что он осознавал, какие опасности таит в себе логически незаконная телеология, возможно, помогло бы ему избежать вывода, что потребности системы служат причиной появления ее частей; в то время как его повторяющиеся утверждения о том, что понятие функции «не нуждается в догматическом утверждении, согласно которому все в жизни всякого общества имеет функцию»¹⁷, должно было привести его к отказу от тавтологического толкования. Однако, к сожалению, как и у Дюркгейма, многие из аналитических предположений Радклиффа-Брауна практически не применялись при конкретном анализе независимых систем. Такие ляпсусы не были преднамеренными, но избежать их трудно, если в качестве действующих допущений использовать функциональные «потребности», функциональную интеграцию и «равновесие»¹⁸.

Итак, хотя Радклифф-Браун прекрасно осознавал, какие опасности таит в себе органицизм¹⁹ — особенно проблема логически незаконной телеологии и гипотетическая природа понятий солидарности, — он сам часто сползал к модели сомнительных телеологических рассуждений. Забыв о том, что интеграция служила лишь «рабочей гипотезой», он открыл проблемам тавтологии доступ в свой анализ. Подобные проблемы присутствовали и в анализе Дюркгейма. Не избегали их как глубокие эссе, так и этнография Радклиффа-Брауна.

Многие теоретические утверждения Радклиффа-Брауна отталкивались от посылок Малиновского, который первым применил название «функционализм» в связи с формами организмического анализа. Если Радклифф-Браун ненароком попадал в ловушки органицизма, то Малиновский, казалось, сам стремился угодить в них. Концептуальная перспектива Малиновского строилась

вокруг догматической предпосылки о том, что элементы культуры существуют для удовлетворения основных человеческих и культурных потребностей: «Функциональный взгляд на культуру предполагает, что во всякой цивилизации каждый обычай, материальный объект, идея и верование выполняет какую-то важную функцию, решает какую-то задачу, представляет собой неотъемлемую часть работающего целого»²⁰. Такая позиция может легко перейти в телеологическую, ибо создается впечатление, что культурные элементы существуют (т. е. причинно обусловлены) благодаря потребностям системы и/или ее членов.

Возможно, самой отличительной чертой функционализма Малиновского были его редуccionистские тенденции. Основу его аналитической схемы составляют такие индивидуально человеческие потребности, как пища, жилище, воспроизводство. Для удовлетворения этих потребностей необходима организация населения по группам и общинам, равно как и создание культурных символов для регулирования такой организации. В свою очередь создание образцов социальной организации и культуры способствует формированию дополнительных потребностей, для удовлетворения которых нужны еще более утонченные формы социальной организации и культуры. Рассуждая таким образом, можно представить несколько типов потребностей, формирующих культуру: 1) потребности, имеющие биологическую основу; 2) приобретенные психологические потребности; 3) производные (дериватные) потребности, необходимые для сохранения культуры и образцов социальной организации, которые изначально служили для удовлетворения основных биологических и приобретенных психологических потребностей. Таким образом, остается впечатление, что структуры возникают в ответ на целый ряд потребностей: биологических, психологических и культурных. Представляя культуру как удовлетворяющую несколько «пластов» таких потребностей, Малиновский прибегал к редуccionистским доводам для объяснения существования и выживания любой структуры в обществе. Если структура не удовлетворяет культурные потребности, то она удовлетворяет психологические, а если она не удовлетворяет ни культурных, ни психологических потребностей, то можно сказать, что она удовлетворяет потребности биологиче-

ские. Возможно, именно такие рассуждения привели Малиновского к выводу о том, что всякий элемент культуры должен «иметь определенную задачу... в рамках работающего целого».

Такое рассуждение является не только телеологическим — элемент возникает для удовлетворения поставленной перед ним цели, — но и тавтологическим — всякий культурный элемент существует для удовлетворения потребности культурного целого, в то время как культурное целое существует для удовлетворения биологических и психологических потребностей. Как мы увидим из дальнейшего анализа, то, что подобный телеологический редукционизм не прижился, — это заслуга современных представителей функционализма.

Зарождение функционализма: краткий обзор

Функционализм, уходящий корнями в органицизм начала XIX столетия, является старейшей и до недавнего времени доминирующей концептуальной перспективой в социологии. Органицизм Конта, а позднее Спенсера и Дюркгейма оказал влияние на первых функционалистов-антропологов Малиновского и Радклифф-Брауна, которые в свою очередь наряду с непреходящим анализом Дюркгейма повлияли на формирование более современных функциональных перспектив.

Подчеркивая вклад социокультурных элементов в сохранение более всеобъемлющего системного целого, ранние теоретики функционализма часто прибегали к концептуализации социальных «нужд» или «потребностей». Наиболее крайней в этом плане была позиция Малиновского, у которого все культурные единицы рассматривались как удовлетворяющие один из уровней нужд или потребностей: биологических, психологических и социокультурных. Более сдержанными в своих утверждениях и осторожными при постулировании социальных «потребностей» были Эмиль Дюркгейм и А. Р. Радклифф-Браун, которые, хотя и высказывали «гипотезу» о потребности в социальной интеграции, в то же время признавали, что потребности к интеграции необязательно служат причиной появления процессов и структур, ведущих к этой интеграции. Для них было важно проанализировать отдельно причины и функции социокультурной единицы, поскольку в системном целом

причины ее существования могли быть не связаны с ее функцией. Однако несмотря на это, в анализе как Дюркгейма, так и Радклифф-Брауна встречаются предположения, что потребность в интеграции послужила причиной конкретного события — например, появления определенной системы наследования или разделения труда.

Эта свойственная их теоретическим утверждениям тенденция затуманивать различие между причиной и функцией породила две взаимосвязанные проблемы в анализе как Дюркгейма, так и Радклифф-Брауна: проблемы тавтологии и логически незаконной телеологии. Утверждать, что такая структурная единица, как разделение труда, возникает в силу потребности в социальной интеграции, значит исходить из телеологической посылки, ибо получается, что конечное состояние — социальная интеграция, которая служит причиной события — разделения труда, которое ведет к созданию того самого конечного состояния. Такое утверждение необязательно является логически незаконным, поскольку на самом деле социальный мир изобилует системными целыми, которые создают и регулируют структуру и процессы, их же самих поддерживающие. Однако утверждение, что потребность в интеграции служит причиной разделения труда, является, очевидно, логически незаконной телеологией, так как, чтобы сделать телеологию логически последовательной, требуется доказать причинную цепь событий, с помощью которой потребности в интеграции порождают разделение труда. Без такого доказательства утверждение это остается расплывчатым и теоретически бессодержательным. Исходная посылка о «нуждах» и «потребностях» системы также создает тавтологические проблемы. Если не дать четкого и независимого критерия, с помощью которого можно было бы определить, когда потребности системы удовлетворены, когда нет, то данное теоретическое утверждение остается в пределах логического круга: сохраняющаяся система удовлетворяет свои необходимые для ее выживания потребности; изучаемая нами система сохраняется; социокультурная единица является частью этой системы; следовательно, скорее всего, эта единица удовлетворяет потребности системы. Такие утверждения правильны по определению, так как не существует независимого критерия оценки того, удов-

летворена ли та или иная потребность или соответствует ли данная единица этим критериям. Если привлечь для иллюстрации анализ Дюркгейма, то можно сказать, что без четкого критерия, определяющего, что есть «интеграция» и какие уровни «интеграции» означают, что система «сохраняется», утверждение, что разделение труда удовлетворяет потребности существующей системы в интеграции, должно быть верно по определению, так как система существует, следовательно, сохраняется, а разделение труда является одной из основных структур, обеспечивающих ее интеграцию.

Оценивая теоретические усилия ранних функционалистов, можно так суммировать наследие, оставленное их аналитической работой²¹:

1. Социальный мир рассматривался с системной точки зрения. Большею частью считалось, что системы имеют потребности и нужды, удовлетворение которых необходимо для выживания самих систем.

2. Несмотря на их интерес к эволюции, мыслители склонны были считать, что системам с потребностями и нуждами свойственны как нормальные, так и патологические состояния, что сооточно идее о равновесии и гомеостазисе систем.

3. Рассматривая социальный мир как систему, они считали, что он состоит из взаимосвязанных частей; анализ этих взаимосвязанных частей заключался в изучении того, как эти части удовлетворяют требования системного целого и, следовательно, поддерживают нормальное состояние, или равновесие, системы.

4. Рассматривая взаимозависимые части, как правило, в связи с их ролью по сохранению системы в целом, причинный анализ часто становился расплывчатым и превращался в тавтологию или логически незаконную телеологию.

Концепция «системы» как состоящей из взаимозависимых частей перешла в значительной мере и в современный функционализм. В то же время современные формы функционального теоретизирования попытались справиться с аналитическими проблемами телеологии и тавтологии, которые так безуспешно пытались обойти Дюркгейм и Радклифф-Браун. Заимствуя из органицизма XIX века и используя подход, при котором считалось, что части системы влияют на деятельность системного целого, современный функционализм придал

начальному периоду социологического теоретизирования единую концептуальную перспективу, адекватность которой за последние десятилетия была поставлена под сомнение. Позитивным моментом здесь является то, что споры по проблемам функциональных теорий стимулировали также попытки развить как старые, так и новые концептуальные перспективы.

Без этих, пусть порою горячих, споров книга по теории в социологии была бы неполной, так как перспективы были бы недостаточно разнообразными. Споры эти привели к появлению различных «теоретических лагерей», которые, несмотря на некоторое сходство, все же достаточно различаются, чтобы можно было разграничить несколько теоретических перспектив их сторонников. Два социолога, Толкотт Парсонс и Роберт К. Мертон, о которых пойдет речь в главах 3 и 4, расширили сферу применения функционалистской перспективы. Социологи, поставившие под сомнение функциональный подход, рассматриваются соответственно в последующих разделах.

Функциональный императивизм: Толкотт Парсонс¹

В 1937 году Толкотт Парсонс опубликовал свою первую книгу, «Структура социального действия»². В этой работе он необыкновенно тщательно проанализировал все сильные и слабые стороны выдающихся представителей утилитаризма, позитивизма и идеализма. Он показал, как ключевые предпосылки и понятия этих трех течений могут быть синтезированы для создания нового адекватного понятийного аппарата социологического теоретизирования. Из этой попытки родилось не только вызывающее горячие споры видение социальных явлений, но и уникальная стратегия построения социологической теории.

Рассматривая вклад Парсонса в построение социологической теории, необходимо постоянно не упускать из виду взаимосвязь между изначальным реальным представлением Парсонса о социальной жизни и предложенной им стратегией концептуализации этого представления. Из этой взаимосвязи возникла «общая теория действия», которая хотя и постоянно пополнялась последние четыре десятилетия, тем не менее осталась концептуально неотделимой от аналитической основы, впервые изложенной в «Структуре социального действия». Последовательность развития теории действия за несколько десятилетий, пожалуй, самая замечательная из ее черт³. Чтобы понять, каких усилий это стоило, нужно осознать, насколько преданно следовал Парсонс своей уникальной концепции построения социологической теории.

Парсонсовская стратегия построения социологической теории

В «Структуре социального действия» Парсонс выступал за «аналитический реализм» при построении социологической теории. Теория в социологии должна

использовать ограниченное число важных понятий, «адекватно «схватывающих» аспекты объективного внешнего мира... Понятия эти соответствуют не конкретным феноменам, а заключенным в них элементам, которые аналитически отделимы от других элементов»⁴. Построение теории прежде всего должно начинаться с разработки понятий, которые абстрагируют обычные аналитические элементы от сложной и разнообразной эмпирической действительности. Таким образом, понятия отделят феномены от сетей сложных отношений, составляющих социальную реальность.

Уникальная черта «аналитического реализма» Парсонса состоит в том, что он не настаивал на непосредственном включении этих понятий в теоретические утверждения, а скорее предлагал использовать их для разработки «обобщенной системы понятий». Такое использование абстрактных понятий предполагает построение понятий в логически последовательное целое, отражающее важные черты «реального мира». Иными словами, достигалось построение понятий в аналитическую систему, позволяющую схватить характерные, систематические черты мира и в то же время не оказаться в плену чрезмерного количества эмпирических деталей. В таком виде теория первоначально напоминает подробную классификацию и категоризацию социальных феноменов; классификацию, которая отражает значимые черты организации этих социальных феноменов.

Однако Парсонс имел в виду нечто большее, нежели простая классификация, поскольку он считал разработку систем понятий первоочередной задачей по сравнению с разработкой систем суждений. Понятия в теории не должны преждевременно входить в состав суждений. Сначала они должны быть сведены в аналитические системы, изоморфные системной связности реальности; затем можно разработать операциональные определения и понятия, которые организуются в теоретические суждения.

Итак, только после построения когерентной системы понятий целесообразно приступать к построению настоящей теории, ибо суждения существования, ассоциативные и каузальные суждения не могут «ухватить» реальности социального мира до того, как будет осуществлена концептуальная классификация системной при-

роды мира. Такова была позиция Парсонса в стратегии построения социологической теории. Только уяснив эту стратегию, можно понять последующую теоретическую работу Парсонса, который на протяжении всей своей научной деятельности — от «Структуры социального действия» и до настоящего времени — придерживался именно такой стратегии построения социологической теории⁵.

Парсонсовский образ социальной организации

Парсонсовская стратегия построения теорий отстаивает четкую онтологическую позицию: социальный универсум обнаруживает черты системности, которая должна получить свое отражение в соответствующей упорядоченности абстрактных понятий. Любопытно, что в «Структуре социального действия» действительное значение этой стратегии для понимания того, что мир состоит из систем, лишь подразумевалось. Гораздо больше бросались в глаза предположения о «волюнтаристской» природе социального мира.

«Волюнтаристская теория действия» представлялась Парсонсу синтезом пригодных предположений и концепций утилитаризма, позитивизма и идеализма. Рассматривая классическую экономическую мысль, Парсонс обратил внимание на то, что ее чрезмерно утилитаристская концептуализация не подчиняющихся определенным правилам атомизированных людей на свободном рынке конкуренции представляет собой рациональную попытку отобрать такие действия, которые обеспечат им максимальную выгоду в их делах с другими людьми. Такая формулировка социального порядка представляла для Парсонса ряд критических проблем: всегда ли люди ведут себя рационально? Действительно ли они свободны и не подчиняются определенным правилам? Как возможен порядок в неуправляемой системе, конкурирующей при этом с другими системами? Однако Парсонс считал плодотворными некоторые характерные черты утилитаристской мысли, в особенности то, что она интересовалась людьми, активно преследующими свои цели (или свою выгоду), и подчеркивала способность людей, взвешивающих взаимно исключающие друг друга направления своих действий, делать свой выбор. Парсонс чувствовал, что наследие

утилитаризма, изложенное в этой минимальной форме, в самом деле могло постоянно вдохновлять социологические теории. С аналогичных критических позиций Парсонс отверг крайние формулировки радикальных позитивистов, которые пытались рассматривать социальный мир с точки зрения наблюдаемых причинно-следственных связей физических явлений и в результате игнорировали сложные символические функции человеческого разума. К тому же Парсонс понимал, что выделение наблюдаемых причинно-следственных связей слишком облегчало последовательный неограниченный редукционизм: группы сводились к причинным связям своих индивидуальных членов; индивидов можно было свести к причинно-следственным отношениям их физиологических процессов; эти последние сводились к физико-химическим связям и т. д. — вплоть до самых базисных причинно-следственных связей между частицами физической материи. Однако несмотря на эти крайности, радикальный позитивизм привлекал внимание к физическим параметрам социальной жизни и к детерминирующему влиянию этих параметров на многие — но, конечно, не все — стороны социальной организации. Наконец, оценивая идеализм, Парсонс считал полезной его концепцию «идей», которая описывала как индивидов, так и социальные процессы, — несмотря на то, что эти идеи слишком часто считали изолированными от того образа социальной жизни, который, как предполагалось, они должны были регулировать.

Парсонсу с его анализом этих традиций нельзя отказать в эрудиции, но, пожалуй, гораздо большее значение, чем детали его анализа, имеет переплетение отобранных им понятий каждой из этих традиций с «волютаристской теорией действия». Потому что именно оно послужило тем исходным пунктом, с которого Парсонс, в соответствии со своей стратегией построения теорий, начал возводить функциональную теорию социальной организации. В этой первоначальной формулировке он рассматривает волюнтаризм как субъективный процесс принятия решений, действующими индивидами, но в то же время считает, что подобные решения частично принимаются под некоторым давлением, имеющим как нормативный, так и ситуационный характер. Следовательно, волютаристское действие включает в себя такие элементы: 1) «актер», которым

на этой стадии размышлений Парсонса является отдельная личность; 2) считается, что «актер» *преследует* некую *цель*; 3) «актер» обладает также альтернативными *средствами* для достижения своих целей; 4) «актер» сталкивается с разнообразными *ситуационными условиями*, например со своей собственной биологической природой и наследственностью, а также с различ-

Рис. 1.

ными внешними экологическими давлениями, которые оказывают влияние на выбор целей и средств; 5) считается, что «актер» руководствуется ценностями, нормами и другими идеями, то есть что эти идеи оказывают влияние на то, что считать целью и какие средства выбрать для ее достижения; таким образом, 6) действие включает *принятие «актером» субъективных решений относительно средств достижения целей*, причем все решения принимаются *под давлением идей и условий ситуации*. Это понимание «волюнтаризма» представлено в виде диаграммы на рис. 1.

Процесс, представленный на рис. 1 в виде диаграммы, часто обозначается как *едиличный акт*, причем социальное действие включает последовательный ряд таких единичных актов, осуществляемых одним или несколькими «актерами». По-видимому, Парсонс предпо-

чел сосредоточить своё внимание на подобных основных единицах действия по крайней мере по двум причинам: 1) он почувствовал необходимость в том, чтобы придать историческую законность социальной мысли — начиная с социальной философии и классической политэкономии и кончая первыми социологическими теориями, — интересующейся самыми основными социальными процессами, особенно в тех случаях, когда их разлагали на наиболее элементарные составные части; 2) если такова его позиция в вопросе о том, какой должна быть теория, то очевидно, что первой аналитической задачей в развитии социологической теории стала концептуальная изоляция системных свойств самых основных единиц, из которых складываются более сложные процессы и структуры.

Как только эти основные задачи были выполнены, Парсонс, по-видимому, задался следующим вопросом: как единичные акты связаны друг с другом и как эти связи можно представить концептуально? Действительно, в конце «Структуры социального действия» он признал, что «любой атомарной системы, которая имеет дело только со свойствами, идентифицируемыми в единичном акте... с необходимостью будет недостаточно, чтобы адекватно понять эти последние элементы; она с необходимостью окажется неопределенной, если ее применить к сложным системам»⁶. Тем не менее на этих заключительных страницах лишь самые незначительные намеки свидетельствовали о том, что должно было произойти.

Однако, быть может, только благодаря этому мудрому прицелу Парсонс предложил несколько ключей к пониманию особенностей этих «более сложных» систем. Почти в самом конце этой первой работы он подчеркнул наиболее примечательную мысль: «Понятие действия снова указывает на *органическое* (курсив мой. — Дж. Т.) свойство систем действия»⁷. Если исходить из онтологической стороны его стратегии построения теории, то есть из того, чтобы создавать системы понятий, которые отражают действительность, то становится понятным, что он намеревался сделать: развить такую концептуальную схему, которая схватывала бы системную сущность социальной действительности.

В 1945 г., через восемь лет после того, как он опубликовал «Структуру социального действия», Парсонс

более определенно высказался о том, какую форму должен принять этот анализ: «Структура социальных систем не может быть выведена непосредственно из рамок отношения «актер» — ситуация. Она требует *функционального* анализа тех сложных образований, которые возникают благодаря взаимодействию множества «актеров»»⁸. Гораздо большее значение имеет то обстоятельство, что этот функциональный анализ должен был позволить ввести понятие потребностей: «Функциональные потребности социальной интеграции и условия, необходимые для функционирования множества «актеров» в качестве «единой» системы, достаточно хорошо интегрированы, чтобы существовать как таковые, оказывая воздействие на все остальное»⁹. Исходя из этих допущений, которые имеют большое сходство с допущениями Дюркгейма и Радклифф-Брауна, Парсонс приступил к созданию сложной функциональной схемы.

Ранние системы действия

Переход от анализа дискретных единичных актов к системам действия, по-видимому, потребовал для своего осуществления определенной последовательности концептуальных разработок. 1. Единичные акты не погружены в социальный вакуум, что было ясно осознано в «Структуре социального действия». 2. Скорее, единичные акты происходят в социальном контексте — в таком контексте, в котором «актер» имеет какой-то статус и разыгрывает нормативно предписанные поведенческие роли. 3. Роли статуса не связаны между собой, но в действительности они связаны друг с другом в системах различных типов. 4. Следовательно, единичные акты нужно рассматривать исходя из перспективы *систем взаимодействия*, в которых действие понимается отныне как характер ролей, исполняемых «актерами». 5. Считается, что эти системы взаимодействия, включающие множество «актеров», имеющих определенный статус и исполняющих предписанные нормами роли, образуют *социальную систему*.

Тем не менее можно вспомнить, что в «Структуре социального действия» «структура действия» включает не только нормативно предписанное поведение. Во-первых, действие включает в себя принятие индивидуальных решений по преследованию целей. Во-вторых, при-

нятие «актером» решений, относящихся к достижению целей, предопределяется ценностями и другими идеями. В-третьих, на действие оказывают влияние также и условия ситуации, как, например, наследственность и свойства физической среды.

Начав рассматривать эти компоненты действия также в системном контексте, Парсонс был вынужден постулировать сначала одну дополнительную систему действия — *личность*, на которой замыкались бы системные взаимосвязи между потребностями и способностью «актеров», исполняющих роли в социальной системе, принимать решения. На этой начальной стадии перехода от анализа единичных актов к системам действия ни культура, ни органические и физические характеристики действия не рассматривались в качестве систем. Тем не менее *культурные образцы* занимали видное место в этом анализе, где считалось, что они лежат в основе как нормативной структуры социальной системы, так и характера потребностей и процесса принятия решений в системе личности¹⁰. Но при своей приверженности к созданию аналитических схем, которые устанавливали бы систему связей в самой действительности, и при этой новой приверженности к аналитическому членению компонентов единичного акта на дискретные системы действия, Парсонс вскоре начал рассматривать культуру с системной точки зрения. А несколько позже физические свойства организма, например наследственность и другие биологические процессы, тоже стали рассматриваться в качестве отдельной системы действия.

Будучи социологом, Парсонс понимал, что наибольший теоретический интерес для него представлял анализ социальных систем. Поэтому его вторая книга, появившаяся примерно через четырнадцать лет после «Структуры социального действия», была озаглавлена соответствующим образом: «Социальная система»¹¹. Именно в этой книге были впервые детально проанализированы аналитические различия между социальными и личностными системами, а также образцами культуры. Так как в последующем развитии «теории действия» разработка этого анализа занимает важное место, то, по-видимому, будет разумно остановиться на этой работе более подробно.

Анализ социальных систем влечет за собой создание такой системы понятий, которая прежде всего улавливает системные черты общества на всех его разнообразных уровнях, а затем — указывает на точки пересечения личностных и социальных систем и образцов культуры.

Чтобы схватить в понятиях системные черты культуры, общества и личности, Парсонс делает несколько вводных замечаний о функциональном обеспечении каждого из этих основных компонентов действия. Такое обеспечение имеет отношение не только к внутренним проблемам компонентов действия, но и к их сочленению друг с другом. Вслед за Дюркгеймом и Радклифф-Брауном он считает, что *интеграция* внутри и между двумя системами действия и культурными образцами является основным фактором их выживания.

Так как главной темой Парсонса является социальная система, то его интересует, с одной стороны, интеграция внутри самой социальной системы и интеграция социальной системы с культурными образцами, а с другой — интеграция социальной и личностной систем. Для того чтобы такая интеграция могла произойти, должны быть удовлетворены по крайней мере два функциональных требования:

1. Социальная система должна располагать «достаточным количеством составляющих ее «актеров», адекватно побуждаемых действовать в соответствии с требованиями ее системы ролей»¹².

2. Социальная система не должна «придерживаться таких образцов культуры, которые либо не могут дать определение хотя бы минимального порядка, либо предъявляют людям совершенно невыполнимые требования и тем самым порождают отклонения и конфликты»¹³.

Четко включив эти требования, которые в более поздних работах получили свое дальнейшее развитие и заняли даже более видное место, Парсонс затем пытается создать такую концептуальную схему, которая отражала бы целостную взаимосвязь социальных систем, хотя позднее он возвращается к интегративным проблемам, возникающим в точках пересечения культурных и личностных систем с социальными. В этой

концепции социальной системы центральным является понятие *институционализации*, которое относится к сравнительно устойчивым моделям взаимодействия «актеров», имеющих тот или иной статус. Такие модели регулируются нормативно и сливаются с культурными образцами. Это слияние ценностей может происходить двояко: во-первых, нормы, регулирующие ролевое поведение, могут отражать общие культурные ценности и взгляды. Во-вторых, культурные ценности и другие образцы могут интериоризироваться в системе личности и, следовательно, воздействовать на структуру потребностей в этой системе, которая в свою очередь определяет желание «актера» исполнять те или иные роли в социальной системе.

Парсонс рассматривает институционализацию и как процесс, и как структуру. Знаменательно, что первоначально он обсуждает *процесс институционализации* и только впоследствии упоминает о нем как о структуре — обстоятельстве, которое зачастую игнорируют те критики, которые считают, что теория действия имеет чрезмерно структуралистский характер. В качестве процесса институционализация может быть типизирована следующим образом: 1. «Актеры», которые ориентированы самым различным образом, попадают в такие ситуации, где они должны взаимодействовать. 2. Направление ориентации «актеров» является отражением структуры их потребностей и того, как эта структура потребностей изменилась благодаря интериоризации культурных образцов. 3. Нормы возникают тогда, когда актеры приспосабливают свои ориентации друг к другу благодаря специфическим процессам взаимодействия, которые не поддаются четкому обособлению, а смешиваются с выбором, распределением и обменом ролей. 4. Такие нормы возникают в качестве способа взаимного согласования ориентации «актеров», но в то же время они ограничены пределами общих культурных образцов. 5. В свою очередь эти образцы регулируют последующие взаимодействия, придавая им устойчивость. Именно благодаря этому процессу институционализированные модели возникают, сохраняются и изменяются.

Когда взаимодействия становятся институционализированными, то можно говорить о том, что «социальная система» существует. Несмотря на то что обычно Парсонса интересовало общество в целом, социальная си-

стема не обязательно должна представлять собой все общество, потому что в действительности любая организованная модель взаимодействия, будь то микро- или макроформа, обозначается как «социальная система». Когда Парсонс концентрирует свое внимание на обществе в целом или на его крупных составных частях, которые состоят из нескольких взаимосвязанных комплексов институционализированных ролей, он часто говорит о составляющих его социальных системах как о *подсистемах*.

Подведем итоги: институционализация — это такой процесс, благодаря которому складывается и сохраняется социальная структура. Социальную систему образуют институционализированные наборы ролей, или, другими словами, устойчивые модели взаимодействий. Когда социальная система велика и состоит из многих взаимосвязанных институтов, тогда эти институты обычно рассматриваются в качестве подсистем. Общество в целом можно определить как одну большую систему, состоящую из взаимосвязанных институтов. Для целей анализа всегда надо помнить, что социальная система ограничивается рамками культурных образцов и определяет систему личности.

Будучи приверженцем таких понятий, которые отражали бы все свойства всех систем действия, Парсонс пришел к созданию ряда понятий, обозначающих некоторые из изменяющихся свойств этих систем. Обозначенные как *модельные переменные*, они учитывали распределение по категориям способов ориентации личностных систем, ценностных образцов, культур и нормативных требований социальных систем¹⁴.

Переменные выражались при помощи полярно-дихотомической терминологии, которая, будучи зависимой от того, какие системы подвергаются анализу, позволяла вчерне распределять по категориям решения «актеров», ценностные ориентации культуры и нормативные требования ролей статуса¹⁵.

1) *Аффективность — аффективная нейтральность* имеет отношение к количеству эмоций или аффекту, которое соответствует взаимодействию в данной ситуации. Не следовало ли выразить больше или меньше аффекта?

2) *Диффузность — специфичность* обозначает вопрос

о том, насколько широкими должны быть обязанности в данной ситуации взаимодействия.

Должны ли обязанности быть узкими или широкими и диффузными?

3) *Универсализм* — *партикуляризм* указывает на следующую проблему: должны ли в нашей оценке других людей и суждениях о них в данной ситуации взаимодействия применяться стандартизированные и согласованные критерии или же субъективные стандарты. Должна ли оценка выполняться на языке объективных универсальных критериев или более субъективных, партикулярных стандартов?

4) *Достижение* — *приписывание* касается вопроса о том, как оценивать актеров — то ли с точки зрения исполнения ими ролей, то ли на основе природных свойств, как, например, пол, возраст, раса и семейное положение. Должны ли «актеры» строить свои отношения с другими людьми на основании их достижений или же на основании приписываемых им качеств, которые не связаны с исполняемыми ими ролями?

5) *Я* — *коллектив* обозначает, в какой мере действие должно быть ориентировано на личные интересы и индивидуальные цели, а в какой — на групповые интересы и цели. Должен ли «актер» ставить свои цели или цели своих близких выше целей той группы или более крупного коллектива, в который он входит?

Некоторые из этих понятий, например Я — коллектив, выпадали из схемы действия, тогда как другие, например универсализм — партикуляризм, считались более важными. Однако цель модельных переменных всегда оставалась неизменной — выразить в категориях дихотомический характер решений, нормативных требований и ценностных ориентаций. Однако в «Социальной системе» Парсонс склоняется к тому, чтобы рассматривать их в качестве ценностных ориентаций, которые ограничиваются рамками норм, принятых в данной социальной системе, и решениями личностных систем. Таким образом, образцы двух подлинных систем действия — личностной и социальной — являются отражением преобладающих образцов ценностно-культурной ориентации. Это имплицитное акцентирование воздействия культурных образцов на регулирование и управление другими системами действия должно было стать

более эксплицитным в последующих работах, которые вскоре будут обсуждены.

Однако уже в настоящее время совершенно очевидно, что Парсонс создал сложную концептуальную систему. Ударение в ней делается на процессе институционализации взаимодействия в устойчивые формы, получившие название социальных систем, в которые проникают личности и которые ограничены рамками культуры. Профиль институционализированных норм, решений, принятых «актерами» при исполнении своих ролей, и культурно-ценностных ориентаций может получить свое выражение при помощи понятий, названных модельными переменными, которые улавливают изменчивость свойств каждого из этих компонентов действия.

Возведя это аналитическое построение, Парсонс возвращает к вопросу, который впервые был поставлен в «Структуре социального действия» и который поднимался во всех его последующих теоретических разработках: каким образом выживают социальные системы? Точнее, почему институционализированные формы взаимодействия оказываются устойчивыми? Этот вопрос вновь ставит проблему системных императивов или требований, поскольку Парсонса интересует, каким образом системы решают свои интегративные проблемы. «Ответ» на этот вопрос обеспечивается разработкой дополнительных понятий, которые указывают на то, каким образом личностные системы и культура интегрируются в социальную систему, тем самым гарантируя до некоторой степени нормативную согласованность и хотя бы минимальную преданность «актеров» нормам, которым они подчиняются, и ролям, которые они исполняют. Создавая подобные понятия, Парсонс начинает придавать все большее значение онтологической направленности своего анализа, при которой ударение делается на стремление социальных систем к равновесию.

Как именно личностные системы интегрируются в социальные, поддерживая тем самым их равновесие? На самом абстрактном уровне Парсонс концептуализирует два «механизма», интегрирующих личность в социальную систему, — механизмы социализации и социального контроля. Именно благодаря действию этих механизмов личностные системы приобретают такую структуру, что становятся совместными со структурой социальных систем.

С абстрактной точки зрения механизмы социализации рассматриваются Парсонсом в качестве средств, при помощи которых культурные образцы — ценности, взгляды, язык и другие символы — интериоризируются в системе личности, обозначая при этом рамки структуры потребностей этой последней. Именно благодаря этому процессу у «актеров» возникает желание затратить на исполнение той или иной роли свою мотивационную энергию (а следовательно, и желание подчиняться нормам) и приобретает межличностное и всякое иное мастерство, необходимое для того, чтобы сыграть свою роль. Другая функция механизмов социализации заключается в том, чтобы обеспечить устойчивые и надежные межличностные связи, которые снимают почти все переутомление, беспокойство и напряжение, сопряженные с приобретением «надлежащих» мотивов и мастерства.

Механизмы социального контроля включают в себя способы, при помощи которых в социальных системах организуются роли статуса с тем, чтобы уменьшить напряженность и отклонения. Существует множество специфических механизмов контроля, включая: а) институционализацию, благодаря которой ролевые ожидания становятся четкими и однозначными, в то время как противоречащие друг другу ожидания разъединяются во времени и в пространстве; б) межличностные санкции и жесты, которые искусно применяются «актерами» в целях взаимной согласованности санкций; в) ритуальные действия, посредством которых «актеры» символически воздействуют на источники напряженности, способной оказаться разрушительной, и которые в то же время содействуют укреплению преобладающих культурных образцов; г) структуры, обеспечивающие сохранение ценностей, где распространяющиеся повсюду «отклонения» отделяются во времени и в пространстве от «нормальных» институциональных образцов; д) структуры повторной интеграции, которые специально предназначены для того, чтобы охватить и снова привести к норме любую тенденцию к отклонению; е) и, наконец, кое-где институционализация системы, способной применять насилие и принуждение.

Таким образом, считается, что эти два механизма решают одну из самых трудных интегративных проблем (иными словами, проблему требований, реквизи-

та), с которыми сталкиваются социальные системы. Другая важная проблема, с которой сталкиваются социальные системы, относится к тому, какой вклад вносят культурные образцы в сохранение социального порядка и равновесия. По-прежнему оставаясь на наиболее абстрактном уровне, Парсонс четко представляет себе, что этот вклад осуществляется двумя способами: а) некоторые компоненты культуры, как, например, язык, являются основными «ресурсами», необходимыми для того, чтобы происходило взаимодействие. Коммуникация, а следовательно, и взаимодействие были бы невозможны без ресурсов символов. Таким образом, взаимодействие становится возможным благодаря культуре, которая обеспечивает всем «актерам» общие для них «ресурсы»; б) связанное с этим, но все же самостоятельное влияние на взаимодействие культура оказывает благодаря тем «идеям», которые содержатся в культурных образцах (ценностям, убеждениям, идеологии и т. д.). Эти идеи могут обеспечивать для «актеров» общие им всем точки зрения, личные онтологические представления, или, говоря словами У. Томаса, «общее определение ситуации». Эти «общие для всех значения» (если употребить термин Дж. Г. Мида) позволяют взаимодействию протекать гладко, с минимальными разрывами.

Парсонс, конечно, признает, что механизмы социализации и социального контроля не всегда действуют успешно и, следовательно, позволяют осуществляться отклонениям и социальным изменениям. Но совершенно ясно, что понятия, развиваемые здесь, в «Социальной системе», ориентируют анализ на наблюдение тех процессов, которые поддерживают интеграцию и соответственно равновесие социальных систем. Все последующее развитие «теории действия» представляет собой попытку расширить основополагающую аналитическую схему «Социальной системы» и в то же время учесть некоторые критические замечания относительно ее статичного и консервативного концептуального уклона (см. следующий раздел). Критика теории действия не прекращалась, однако, за двадцать лет, прошедшие со дня появления первых работ Парсонса, обладавших ярко выраженным функциональным характером, в схеме были произведены некоторые интересные усовершенствования.

Разработка системного реквизита

Вскоре после опубликования «Социальной системы» Парсонс в сотрудничестве с Робертом Бэйлсом и Эдвардом Шилсом издал «Рабочие статьи по теории действия»¹⁶. Именно в этой работе концепция функциональных императивов стала доминировать над общей теорией действия; и в 1956 г. в совместной публикации Парсонса и Нила Смелсера «Экономика и общество»¹⁷ в теории действия были четко «институционализированы» функции структуры, обеспечивающей системный реквизит.

В течение этого периода системы действия были концептуализированы как имеющие четыре проблемы выживания, или четыре реквизита, требования: адаптацию, достижение целей, интеграцию и латентность. *Адаптация* затрагивает проблему охраны от воздействия внешней среды достаточного количества приспособлений, а в дальнейшем — их распространение на всю систему. *Достижение целей* относится к проблеме установления приоритета в системе целей и мобилизации системы средств для их достижения. *Интеграция* обозначает проблему координации и поддержания жизнеспособных взаимосвязей между единицами системы. *Латентность* охватывает две взаимосвязанные проблемы — сохранение формы и снятие напряженности. Сохранение формы имеет отношение к следующей проблеме: как добиться, чтобы «актеры» в социальной системе проявляли «соответствующие» черты (мотивы, потребности, умение мастерски исполнять свои роли и т. д.). Снятие напряженности относится к проблеме внутреннего напряжения «актеров» в социальной системе.

Все эти реквизиты подразумевались уже в «Социальной системе», но теперь они стали рассматриваться в свете общей проблемы интеграции. Однако при обсуждении в «Социальной системе» интеграции в системах действия и между ними «проблемы» обеспечения приспособлений (адаптация), распределения и стремления к цели (достижение целей), социализации и социального контроля (латентность) бросались в глаза. Выработка четырех функциональных реквизитов*, со-

* У самого Парсонса и в советской литературе вместо этого термина употребляется термин «функциональные категории». — *Прим. перев.*

крашено обозначенных как А, Ц, И и Л, не представляет собой, таким образом, столь радикального отступления от предшествующих работ, а является усовершенствованием понятий, ставших совершенно очевидными уже в «Социальной системе».

Однако вместе с введением А, Ц, И и Л произошел незаметный поворот от анализа структуры к анализу

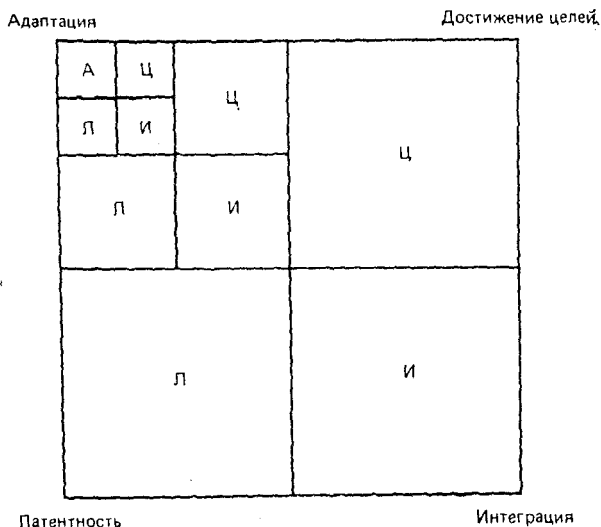

Рис. 2.

функций. Теперь структуры рассматривались *эксплицитно*, с точки зрения их функционального воздействия на решение четырех проблем. Взаимосвязи между специфическими структурами теперь анализировались с позиций того воздействия, какое их взаимные изменения оказывали на реквизиты, с которыми должна столкнуться каждая из них. Действительно, теперь Парсонс считает, что каждая система и подсистема должны решать проблемы А, Ц, И и Л. Эта точка зрения представлена в виде диаграммы на рис. 2.

Из рис. 2 совершенно очевидно, что любую систему или подсистему можно разделить на четыре сектора, каждый из которых обозначает одну из проблем выживания — либо А, либо Ц, либо И, либо Л. Таким обра-

зом, общество в целом должно решать проблемы А, Ц, И и Л; но то же самое должна делать и каждая из составляющих его подсистем, что на рис. 2 проиллюстрировано для сектора адаптации. Таким образом, как это изображено в секторе адаптации на рис. 2, все системы на любом уровне, большом или малом, должны разрешить четыре системных реквизита — А, Ц, И и Л.

Решающее аналитическое значение в этой схеме принадлежит обмену между системами и подсистемами, потому что трудно понять функционирование вышеуказанной социальной системы, не изучая взаимобмена связей между ее секторами А, Ц, И, и Л, особенно в силу того, что на него воздействует обмен между составными подсистемами и другими системами среды. В свою очередь функционирование названной подсистемы нельзя понять, если не рассматривать взаимобмен между ее секторами — адаптивностью, достижением целей, интеграцией и латентностью, — особенно потому, что на него влияет обмен с другими подсистемами и с более сложными системами, подсистемой которых она является. При таком положении дел, когда обозначаются важные связи между функциональными секторами систем и подсистем, парсоновская схема становится похожей на тщательную операцию по картографированию.

Информационная иерархия контроля

Ближе к концу 50-х годов Парсонс обратил свое внимание на связи *между* теми образованиями, которые существовали тогда в качестве четырех различных систем действия (а не на их внутренние связи): культурой, социальной структурой, личностью и организмом. Этот интерес, представлявший собой Одиссею вспять, к анализу основополагающих компонентов «единичного акта», во многих отношениях наметился уже в «Структуре социального действия». Теперь, однако, каждый элемент единичного акта представляет собой полноценную систему действия, каждая из которых должна была решить четыре функциональных проблемы — адаптации, достижения целей, интеграции и латентности. Кроме того, хотя принятие индивидуальных решений все еще оставалось той частью действия, благодаря которой личность приспособлялась к нормативным требованиям ролевого статуса в социальной системе, акцент в анали-

зе был перенесен на связи входа — выхода, существовавшие между четырьмя системами действия.

Именно в этих обстоятельствах¹⁸ у Парсонса начинает складываться представление о полной системе действия, включающей в качестве своих подсистем культуру, социальную структуру, личность и организм. Считается, что каждая из этих подсистем выполняет в полной системе действия функцию одного из четырех системных реквизитов — А, Ц, И и Л. Организм рассматривается в качестве подсистемы, имеющей наибольшее значение для решения проблем адаптации, так как в конечном итоге именно при посредстве этой системы ресурсы среды становятся доступными для других подсистем действия. Считается, что личность в качестве системы, достигающей цели и принимающей решения, имеет первостепенное значение для решения проблем, связанных с осуществлением целей. Социальная система, будучи организованной сетью норм статуса, в которой интегрируются образцы культурной системы и потребности систем личности, рассматривается в качестве главной интегративной подсистемы в общей системе действия. Считается, что система культуры в качестве вместилища символического содержания взаимодействия имеет первостепенное значение для смягчения напряженности у «актеров» и для гарантий того, чтобы надлежащие источники символов действительно обеспечивали сохранение институциональных форм (латентность).

Рассмотрев каждую систему действия как подсистему более сложной, всеобъемлющей системы действия, Парсонс начинает исследовать взаимосвязи между четырьмя подсистемами. При этом возникает иерархия информационного контроля, в которой культура определяет пределы социальной системы, социальная структура информационно регулирует систему личности, а личность информационно регулирует систему организма. Считалось, например, что культурно-ценностная ориентация ставит пределы или ограничивает изменчивость норм социальной системы; в свою очередь предполагалось, что эти нормы, будучи переведены на язык ожиданий «актеров», исполняющих определенные роли, ограничивают разнообразие мотивов и процессов принятия решений в системе личности; считалось, далее, что эти черты системы личности ограничивают многооб-

разие биохимических процессов в организме. Вместе с тем, напротив, утверждалось, что каждая система в этой иерархии обеспечивает «энергетические условия», необходимые для деятельности системы более высокого уровня. То есть организм обеспечивает энергию, необходимую для системы личности, система личности обеспечивает энергетические условия для социальной системы, а организация личностных систем в социальную обеспечивает условия, необходимые для системы культуры. Иными словами, связи на входе — выходе систем действия носят взаимный характер, причем системы обмениваются информацией и энергией. Системы более высокого информационного уровня накладывают ограничения на использование энергии системами более низкого уровня, тогда как каждая из низших систем обеспечивает условия и механизмы, необходимые для действия более высокой системы. Эта схема была обозначена как кибернетическая иерархия; она представлена в виде диаграммы на рис. 3.

Генерализованные средства обмена

В течение двух последних десятилетий Парсонс по-прежнему сохранял интерес к внутри- и межсистемным отношениям четырех систем действия. Несмотря на то

Рис. 3.

что он уже должен был завершить развитие всех понятий, он начал рассматривать эти меж- и внутрисистемные отношения с точки зрения «всеобщих символических средств обмена»¹⁹. В любом обмене используются всеобщие средства: например, в экономике, чтобы облегчить куплю и продажу товаров, используются день-

ги. Эти генерализованные средства, как, например, деньги, воплощают в себе чисто символический способ коммуникации. Деньги немного стоят сами по себе, их ценность очевидна только с точки зрения того, что она символически «говорит» об отношениях обмена.

Таким образом, Парсонс предполагает, что связи между компонентами действия в конечном итоге носят информационный характер. Это означает, что взаимодействия опосредуются символами. Перенос удара на информацию совпадает с созданием Парсонсом идеи кибернетической иерархии контроля. Считается, что обмен информацией, или кибернетический контроль, осуществляется по крайней мере тремя способами: во-первых, обмен внутри четырех подсистем целостной системы действия и между ними происходит при помощи различных символических посредников, то есть денег, власти, влияния или обязанностей. Во-вторых, взаимообмен *внутри* каждой из четырех систем действия также осуществляется при помощи определенных символических средств. Эта детерминация посредников функциональным реквизитом остается в силе как в отдельной системе действия, так и в отношениях четырех главных систем действия друг к другу. Наконец, считается, что системный реквизит адаптации, целедостижений, интеграции и латентности определяет тип всеобщих символических средств, используемых при меж- или внутри-системном обмене.

Внутри социальной системы, в ее секторе адаптации, в качестве средства обмена с тремя остальными секторами применяются деньги; в секторе достижения целей в качестве главного средства обмена применяется власть, то есть умение заставить подчиняться; интеграционный сектор социальной системы полагается на влияние — способность убеждать; а в секторе латентности используются обязанности — видимо, способность быть лояльным. Таким образом, анализ взаимного обмена специфическими структурами внутри социальной системы должен концентрировать свое внимание на обмене у входа — выхода, где применяются различные символические средства.

Аналогичный анализ должен быть выполнен и по отношению к символическим средствам обмена между подсистемами полной системы действия, однако Парсонс не дал ясного описания природы этих средств²⁰.

По-видимому, он приближается к созданию концептуальной схемы для анализа основных типов символических средств, или информации, соединяя системы в кибернетическую иерархию контроля (см. рис. 3)²¹.

Парсонс о социальном изменении

В последнее десятилетие Парсонс все больше стал интересоваться социальными изменениями. В кибернетическую иерархию контроля была встроена концептуальная схема для классификации локуса подобных социальных изменений. Парсонс представлял себе дело следующим образом: обмен информацией и энергией между системами действия обеспечивает потенциал для изменений внутри систем действия или между ними. Одним источником изменения может быть избыток либо информации, либо энергии при обмене между системами действия, что в свою очередь изменяет выработку информации или энергии в любой из этих систем и при их взаимодействии. Например, избыток мотиваций (энергии) может иметь значение для разыгрывания ролей, а в конечном итоге, возможно, и для реорганизации этих ролей, нормативной структуры и, наконец, культурно-ценностных ориентаций²². Другим источником изменений служит нехватка энергии или информации, которая также влечет за собой внешнюю и внутреннюю регулировку структуры систем действия. Например, ценностный (информационный) конфликт может вызвать нормативный конфликт (или аномалию), который в свою очередь может повлиять на системы личности и организма. Таким образом, кибернетической иерархии контроля свойственны такие понятия, которые указывают на источники как устойчивого состояния, так и изменений²³.

Чтобы обосновать свое настойчивое подчеркивание изменений, Парсонс начал изучать применение схемы действия к анализу социальной эволюции исторических обществ. В этом контексте некоторое значение приобретает то обстоятельство, что в первой же строке «Структуры социального действия» был задан простой вопрос: «Кто теперь читает Спенсера?» Затем Парсонс отвечает на этот вопрос, перечисляя некоторые причины, из-за которых эволюционная доктрина Спенсера была полностью отвергнута к 1937 г. Теперь, спустя

почти 35 лет, Парсонс предпочел вновь рассмотреть проблему социальной эволюции, от обсуждения которой он вначале с такой легкостью отказался.

Заимствуя свое понимание развития общества не только от Спенсера²⁴, но и от Дюркгейма²⁵, Парсонс предполагает, что процесс эволюции обнаруживает следующие элементы:

1) увеличивающуюся дифференциацию системных единиц на функционально взаимозависимые структуры;

2) установление в дифференцирующихся системах новых принципов и механизмов интеграции;

3) возрастание в дифференцированных системах способности к выживанию в определенных условиях внешней среды.

Если исходить из перспектив теории действия, то эволюция, следовательно, включает в себя: а) возрастающую дифференциацию систем личности, общества, культуры и организма по отношению друг к другу; б) увеличивающуюся дифференциацию каждой из этих четырех подсистем действия; в) эскалацию проблем интеграции и возникновение новых интегративных структур;

4) повышение способности к выживанию каждой из подсистем действия, а также всей системы действия в условиях окружающей среды²⁶.

Затем Парсонс предпринимает претенциозную попытку в двух небольших томах²⁷ обрисовать характер эволюции исторических систем, которые в своем развитии проходят примитивную, промежуточную и современную стадии²⁸. В противоположность «Социальной системе», где он особенно подчеркивал проблему интеграции социальных систем и личности, в своей эволюционной модели Парсонс обращает внимание на дифференциацию *между и внутри* культурной и социальной систем и на возникающие в итоге интегративные проблемы. Действительно, он считает, что каждая стадия эволюции отражает новый ряд интегративных проблем, возникающих в отношениях между обществом и культурой по мере того, как каждая из этих систем становилась все более дифференцированной и в то же время все более обособлялась от других систем. Таким образом, интерес к проблемам внутренней и внешней интеграции внутри и между системами действия, столь очевидный в его ранних работах, не прошел, а был обращен к анализу конкретных исторических процессов.

Несмотря на то что Парсонс не высказывает определенного мнения о причинах эволюционного изменения, все же он, по-видимому, считает, что эволюцией управляет кибернетическая иерархия контроля, в особенности ее информационный компонент. В своей попытке документально подтвердить, что интегративные проблемы дифференцирующихся социальных и культурных систем должны разрешаться в ходе эволюции исторических систем, он считает решающей информационную иерархию, потому что регуляция процессов дифференциации в обществе должна сопровождаться легитимизацией с точки зрения культурных образцов (информации). Отсутствие такого информационного контроля послужило бы препятствием для перехода к последующим стадиям развития в эволюционном процессе²⁹.

Таким образом, анализ социальных изменений представляет собой попытку использовать аналитические инструменты «общей теории действия». Особый интерес в этой попытке представляет то обстоятельство, что Парсонс формулирует довольно много положений по поводу тех следствий изменения и тех процессов, которые будут тормозить или ускорять развертывание этой эволюционной последовательности. Предварительная проверка этих положений показала (и это имеет непреходящий интерес), что в целом им можно верить³⁰.

Такой предварительный «успех» мог бы послужить доказательством того, что получено подтверждение стратегии развития социологической теории, впервые представленной в «Структуре социального действия». Напомним: Парсонс всегда настойчиво утверждал, что социологическая теория сначала должна развить систему понятий для классификации явлений социальной жизни и только после этого попытаться создать систему предложений. Может быть, посвятив 30 лет созданию системы понятий для оценки описания социального действия, Парсонс почувствовал, что наступило время применить эту систему к созданию перечня предложений.

Однако начавшееся с недавнего времени подчеркивание социальных изменений и способности Парсонса применять свою «теорию действия» к созданию доступных проверке предложений не заставило замолчать его критиков. Действительно, функционализм постоянно порождал попытки опровергнуть его, и прежде всего по-

тому, что все больше ставилась под сомнение именно польза функционального теоретизирования. В таком случае не удивительно, что критики периодически воскряшали те же самые аналитические проблемы, которые впервые были поставлены Дюркгеймом и Радклифф-Брауном, для того чтобы предъявлять обвинения парсонсовской схеме в частности и функционализму в целом.

Настойчивая критика парсонсовского функционализма

Критика парсонсовского образа общества

В начале 60-х годов ряд критиков начал сомневаться, действительно ли Парсонс создает «систему понятий», соответствующую событиям «реального» мира. Такое направление критики имеет большое значение, так как стратегия Парсонса допускает, что необходимо разрабатывать систему понятий, которая «адекватно схватывает» выпуклые черты социальной жизни и из которой в конечном итоге можно вывести предложения. Утверждать, что зрелая система понятий неадекватно отражает черты существующих в действительности социальных систем, — значит бросить серьезный вызов стратегии и самой сути парсонсовской разновидности функционального теоретизирования.

Ральф Дарендорф³¹ — на нем мы остановимся в главе 6 — свел эту нарастающую критику в систему, когда уподобил функционализм «утопии». Дарендорф утверждал, что введенные Парсонсом понятия, подобно выдающимся описаниям социальных утопий в прошлом, говорят о мире, в котором а) не обнаруживается исторического развития, б) в глаза бросается только согласованность ценностей и норм, в) обнаруживается высокая степень интеграции составных частей и г) раскрываются только те механизмы, которые поддерживают *status quo*. Подобное изображение общества представляет собой утопию, так как оказывается, что в нем едва ли могут происходить такие распространённые явления, как отклонения, конфликты и перемены.

Несмотря на то что в поддержку этих утверждений приводится очень мало доказательств, нетрудно себе представить источник тревоги этих критиков. По-видимому, они обвиняют Парсонса в том, что он, опубликовав

вав свою «Социальную систему», стал проявлять интерес только к интеграции социальных систем. Подчеркивание «потребности» или «необходимости» в интеграции социальных систем в духе Радклифф-Брауна и Дюркгейма, по мнению критиков, приводит к тому, что внимание непропорционально концентрируется только на тех происходящих в социальной системе процессах, которые отвечают этой потребности в интеграции. В «Социальной системе» об этом интересе к интеграции свидетельствует постоянная тенденция — допускать в целях анализа, что система находится в «состоянии равновесия». Приняв это за свой исходный пункт, анализ «должен» затем сосредоточиться на разработке понятий, поддерживающих интеграцию и равновесие. Например, при широком обсуждении институционализации описываются лишь те процессы, благодаря которым складывается данная структура, тогда как понятия, обозначающие разрушение и смену институциональных форм, упоминаются сравнительно мало. Чтобы возместить это упущение, начинает обсуждаться вопрос о том, каким образом «механизмы» социализации и социального контроля содействуют сохранению институциональных форм. По мнению критиков, слишком большой акцент делается на том, что социализация обеспечивает интегрирование ценностей и смягчает напряженность в отношениях «актеров», что механизмы социального контроля уменьшают возможность дезинтеграции и отклонений. Когда же обсуждаются отклонения и перемены, заявляют критики, то они считаются остаточными или, совсем в духе Дюркгейма, «патологическими». Действительно, отклонения, конфликты и перемены совершенно «чужды» схеме, которая считает, что социальное равновесие, по словам Парсонса, «составляет первый закон социальной инерции».

Последовавшее затем развитие понятий, обозначавших четыре системных реквизита — адаптации, целидостижения, интеграции и латентности, — еще больше ужаснуло критиков, потому что отныне процессы, протекающие в системе, стали рассматриваться почти исключительно с одной точки зрения — каково их значение для составления обширного перечня потребностей системы. Критики задавали следующий вопрос: если все внимание уделяется тому, какое значение имеют эти процессы для согласования потребностей, то как же

следует понимать отклонения, конфликты и изменения?³² Являются ли они всего лишь «патологическими» событиями, которые происходят в тех редких случаях, когда потребности системы не согласуются друг с другом? Не связаны ли в действительности эти явления с такими особенностями социальных систем, которые «неадекватно схвачены» профилирующей системой понятий?

Однако критика не оставила без внимания и разработку информационной иерархии контроля в целостных системах действия и применение ее к анализу социальных *изменений*, потому что в ней концептуализировался только один тип изменений — «эволюционный», который противопоставлялся «революциям» и другим насильственным переворотам в социальных системах. Подобно точке зрения Дюркгейма и Спенсера, парсонсовское представление об изменениях связано с «прогрессивной» дифференциацией и интеграцией, с необратимым прогрессивным развитием общества, которое время от времени замедляется, если не удастся интегрировать дифференцирующиеся культурные и социальные системы.

Справедливо ли, оправданно ли это направление критики? Как было показано (что свидетельствует в пользу Парсонса), большинство главных понятий в теории действия не препятствует анализу отклонений, конфликтов, изменений. Действительно, понятие институционализации должно было логически приводить не только к анализу тех случаев, где в результате взаимодействий складывались стабильные структуры, но и к разнообразным системам неустойчивых взаимодействий. Подобным же образом механизмы социального контроля, по-видимому, должны были привлекать внимание к тем случаям, где они не могли действовать эффективно. Кроме того, концептуализация системного реквизита отнюдь не служила препятствием — ни в логическом, ни в эмпирическом смысле — для анализа таких событий, которые разрушали социальные системы. В самом деле, представления о том, что необходимо для выживания системы, действительно могли привлечь внимание исследователей к тем процессам, которые мешали полному анализу реквизита³³. Вдобавок последовательная разработка схемы действия подчеркивает пригодность ее понятий для анализа отклонений, дисгармоний,

дезинтеграции и изменений. Например, рассматривая четыре системы действия — организм, личность, общество и культуру — в качестве информационной иерархии контроля, Парсонс получил возможность понять отклонения (отсутствие информационной регуляции энергии в системе личности), дисгармонию ценностей, нарушения интеграции социальных систем (противоречия и/или неадекватность информационного контроля) и развитие общества (возрастание дифференциации и интеграции нормативного и культурного контроля)³⁴.

Таким образом, критиков больше всего беспокоит смысл, который ими самими вкладывается в *понятия* равновесия, устойчивости, контроля, согласованности и упорядоченности и который ими же воспринимается³⁵. *С их точки зрения*, Парсонс неадекватно рассматривает проблемы, которые они считают важными, — изменения, конфликты, отклонения. Однако *с точки зрения других*, Парсонс создал понятия, которые позволяют адекватно рассматривать эти явления. Отсюда следует, что вопрос о том, не превратил ли Парсонс социологическую теорию в «утопию», нельзя разрешить при помощи аргументации, относящейся к смысловой сущности развиваемых им теоретических перспектив, потому что для различных групп теоретиков такая абстрактная и сложная схема, как схема Парсонса, может означать самые различные образы общества. Исходя из этого вывода можно предположить, что, быть может, полезно обсудить значение введенных Парсонсом понятий, потому что при таком обсуждении выяснится, чей образ общества считается наиболее изоморфным определенному восприятию реальности. Единственный способ, который может разрешить этот спор, состоит в том, чтобы обратиться к более общему теоретическому вопросу: устоят ли предложения относительно реальности, внушенные определенной концептуальной схемой, против попыток их опровержения? Спорить о смысле понятий — значит спорить вечно³⁶, тогда как обращение к вопросу о том, какие предложения, вероятно, вызваны к жизни определенной теоретической схемой, обещает лучшую теоретическую отдачу. Таким образом, вопрос о том, подразумевает ли аналитическая схема Парсонса консервативную, статическую или утопическую картину мира, в настоящее время является псевдовопросом; интересные в теоретическом отношении проблемы решают-

ся при помощи предложений, которые потенциально могут быть созданы на основе этой схемы.

Логическая адекватность системы понятий Парсонса

Критика самого существования парсонсовской схемы была дополнена рядом вопросов по поводу успешности применения Парсонсом своей стратегии построения системы понятий независимо от ее изоморфизма по отношению к «реальному» миру. Эти вопросы вращаются вокруг следующих спорных пунктов: является ли парсонсовская схема действия теорией? Соответствует ли то, что делает Парсонс, тому, что он считает хорошей теорией?

Что касается первого вопроса, то обычно он носит риторический характер, так как любимое занятие социологов состоит в том, чтобы критиковать парсонсовскую «теорию действия» с точки зрения аксиоматической концепции того, какой должна быть теория³⁷. Доказывать, что Парсонс не применяет дедуктивного построения теоретических положений и, следовательно, не связан с тем, что его критики называют «подлинной» теорией,—значит не только утверждать очевидное, но и совершенно игнорировать парсонсовскую стратегию построения теорий. Так как, по Парсонсу, список логически связанных предложений должен составляться после того, как создан список, или система понятий, то замечания типа: Парсонс не делает именно того, что, как он заявляет, делать не собирается,—не имеют большого значения. Гораздо полезнее проверить схему Парсонса с точки зрения его собственных представлений о том, какой должна быть теория, и тем самым попытаться ответить на второй вопрос. Такие оценки должны давать ответ по крайней мере на три специфических вопроса: 1. Насколько ясны абстрактные понятия схемы? 2. Каким образом они должны быть связаны друг с другом, чтобы образовать систему понятий? 3. Способна ли эта система понятий в конечном счете вызвать к жизни перечень предложений, на котором можно возвести научную теорию?

Насколько ясны парсонсовские абстрактные понятия? Парсонс явно обнаружил приверженность к употреблению в высшей степени абстрактных понятий, способных обозначать широкий круг социальных явлений. Понятие

институционализации, модельные переменные, культуры, личности, общества, кибернетической иерархии контроля, механизмов социального контроля и социализации, функциональных императивов адаптации, целестремления, интеграции, латентности — все они документально подтверждают абстрактный характер употребляемых им понятий. Вся критика подобной системы понятий вращается вокруг его очевидного нежелания дать формальные операциональные определения, которые связали бы эти понятия с конкретными эмпирическими явлениями или с другими строго определенными абстрактными понятиями. Несмотря на то что такие понятия использовались в многочисленных очерках, описывающих самые разнообразные конкретные явления — от американских школьных классовых комнат до политических процессов в нацистской Германии, — все же не существует точного способа спуститься с высоты абстракций к конкретным явлениям. Не имея даже операционального ключа, трудно определить, были ли эти понятия полезными при создании «аналитического реализма», поскольку употребление неопределенных понятий при возведении концептуальной конструкции могло привести к созданию схемы, отражающей не столько реальный мир, сколько логические императивы этой схемы или интеллектуальные причуды ее создателя³⁸.

Как связаны понятия? Будучи приверженцем создания систем понятий, Парсонс пытался связывать понятия между собой несколькими способами³⁹: 1) понятия частично совпадают друг с другом, так что элементы одного понятия охватывают элементы явлений, обозначаемых другим; 2) понятия дополняют друг друга, причем определение одного из них дается таким образом, что вызывает определение другого; 3) понятия часто связываются благодаря общим плоскостям пересечения, то есть таким образом, что два независимо определенных направления или оси, пересекаясь друг с другом, подразумевают некоторые дополнительные понятия. Несмотря на то что подобная система связи понятий страдает от недостатка логической строгости, получающаяся в результате аналитическая конструкция вынуждает исследователей, изучающих какое-нибудь одно свойство системы, изучать также и другие связанные с ним черты. Схема, в качестве таковой, обеспечивает

список названий⁴⁰ для описания взаимной связи социальных явлений. Однако такие неопределенные связи между понятиями могут всего лишь ориентировать исследователей на изучение системных свойств окружающего мира, потому что они не способны точно указать, каким образом связаны понятия, а следовательно, и явления реального мира. При отсутствии четкого определения понятий и систематического выведения одних понятий из других схему действия, возможно, лучше всего олицетворяют *связки* понятий, а не системы понятий, потому что в теории действия недопустимы частичные совпадения одного понятия с другим, разрывы и неопределенный характер связей между понятиями. Таким образом, парсонсовскую стратегию построения систем понятий нужно сочетать и с более глубоким вниманием к самостоятельным определениям абстрактных понятий, и с указаниями на точки их взаимного пересечения (возможно, посредством разъяснения дополнительных понятий).

Может ли схема в потенции давать подлинно теоретические суждения? Сердцевинной парсонсовской стратегии построения теории является допущение, согласно которому создание системы понятий представляет собой первый шаг на пути к созданию логически связанных теоретических положений. Из-за того что Парсонс не сумел последовать своей собственной стратегии образования и связи понятий, можно усомниться, способны ли подобные неопределенные связки понятий порождать предложения такого типа: при условиях $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$ x вызывает изменение в y . Это не должно служить доказательством в пользу того, что Парсонс не создавал подобных предложений; в действительности он развивал их в своей работе по эволюции, где на каждой стадии складываются условия $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$, при которых изменение других явлений (x) вызывает к жизни новую стадию эволюции (y)⁴¹. Однако эти проверяемые⁴² предложения приносят минимальную пользу понятиям теории действия; скорее, предложения, по-видимому, индуцируются обширными познаниями Парсонса в области общественно-исторических явлений и лишь после этого согласовываются с общей теорией действия. Больше всего бросаются в глаза понятия модельных переменных и информационной иерархии контроля, которые используются для обо-

значения различных культурных и нормативных образцов на каждой стадии эволюции, но все остальное в схеме действия выглядит почти излишним. Конечно, можно оспаривать, что общая схема действия якобы делала Парсонса восприимчивым к некоторым процессам эволюционного развития исторических обществ и невосприимчивым к другим. Несомненно, дело обстоит по-другому, но все же не существует никаких эксплицитных утверждений, относящихся к процессу выведения из парсонсовских «связок» понятий причинных теоретических суждений, относящихся к эволюции. Без этих эксплицитных суждений схема полезна лишь в тех случаях, когда происходит ее интеллектуальная интериоризация и она становится тем самым своего рода концептуальным гештальтом, который позволяет осуществить интеллектуальный переход к «теории действия» с тем, чтобы понять формирование социального мира.

Таким образом, хотя Парсонса и нельзя обвинить в том, что он конструирует одну из разновидностей теории, отстаиваемой теми, кто интересуется аксиоматическими построениями, все же несостоятельность всех его попыток осуществить стратегию, которую он постоянно возглавлял в течение почти четырех десятилетий, можно считать одним из наиболее серьезных недостатков теории действия. Несмотря на то что создавались такие связи понятий, которые наводили на определенную мысль, несмотря на то, что эти понятия, по-видимому, стимулировали конструирование теоретических положений, все же неясно, каким образом теоретические положения выводились из понятий. И действительно, часто оказывается, что Парсонс отказывается от схемы действия в тех случаях, когда он обращается к эмпирическим событиям. В случае же сохранения отдельных элементов теории действия Парсонса, оказывается, часто можно поймать на том, что он *ex post facto* подгоняет свои теоретические положения к своей формальной аналитической схеме. Либо один из этих намеченных им практических курсов, либо они оба непременно бывают непонятными, что, разумеется, составляет самую суть проблемы современного выполнения этого стратегического замысла: без строгой системы четко определенных понятий трудно постичь, как следует применять схему, чтобы вывести либо теоретические положения, либо эмпирические гипотезы — разве что интуитивно.

тивно. То обстоятельство, что схема «вдохновляла» как теоретические, так и эмпирические утверждения, свидетельствует о ее плодотворности. Однако то, что Парсонс начинает документально проверять, как именно и благодаря каким логическим операциям появляются эти теоретические и эмпирические предложения, должно было бы играть решающую роль, потому что без такой необходимой информации парсонсовская теория действия остается интересным и даже, возможно, вдохновляющим на новые мысли конгломератом понятий, а такое положение дел несовместимо с общепризнанной парсонсовской стратегией построения теории.

Логическая критика императивизма

Проблемы телеологии и тавтологии, не вытекающие из логики изложения, послужили источником довольно большого количества работ, посвященных функционализму⁴³. В этих работах по большей части утверждается следующее: так как допущение потребностей и реквизиата столь существенно для функционального теоретизирования, то его теоретические положения тоже будут часто впадать в незаконную телеологию и тавтологию. Чтобы подтвердить справедливость этого утверждения, обычно цитируются работы Дюркгейма, Радклифф-Брауна и Малиновского, однако при этом подразумеваются также и труды современных функционалистов — в противном случае эта критика не заслуживала бы тех серьезных усилий, которые на нее затрачиваются. Можно полагать, что в той мере, в какой этот косвенный упрек функциональному императивизму Парсонса заслуживает поддержки, он служит выражением самой серьезной критики. Потому что вся парсонсовская стратегия построения теории вращается вокруг допущения, согласно которому его система понятий может производить проверяемые системы предложений, которые объясняют события эмпирического мира. Но если такая концептуальная система вдохновляет находящуюся за пределами ее логики телеологию и тавтологические предложения, то ее применение в качестве стратегии построения социологической теории может быть поставлено под вопрос.

Проблема телеологии. Парсонс всегда считал, что «действие» преследует цель независимо от того, идет

ли речь об одном единичном акте или о сложных информационных и энергетических взаимодействиях между системами организма, личности, общества и культуры. Таким образом, парсонсовская концептуализация «целестроительства» в качестве основополагающего системного реквизита неизбежно привела бы к телеологическим предложениям, так как для Парсонса многое становилось понятным в социальном действии исключительно с точки зрения тех целей, для достижения которых оно предназначено. Такие предложения, однако, часто считаются неопределенными, потому что приписывание целестроительства специфическим процессам нередко может послужить средством затемнения специфических причинных цепей, благодаря которым сегменты целестроительства в системе активизации процессов по своему рангу соответствуют специфическим целям. Однако если внимательно присмотреться к наследию Парсонса, то становится совершенно очевидно, что в своих многочисленных очерках и формальных теоретических утверждениях он живо интересовался тем, как именно, при помощи каких процессов система процессов возводится в ранг цели. Например, различные работы Парсонса, в которых ставится вопрос о том, как борются политические системы, чтобы узаконить себя, полны и аналитических, и дескриптивных объяснений, раскрывающих, как отдельные процессы, например социализация⁴⁴ институтов образования и семьи, активизируются с тем, чтобы удовлетворять требованиям реквизита целестроительства⁴⁵. Несмотря на то что в эмпирической адекватности этого обсуждения можно усомниться, анализ Парсонса отнюдь не выглядит незаконной телеологией, потому что в его работах обнаруживается явная забота о документальном доказательстве причинных цепей, вовлеченных в активизацию процессов, которым предназначено быть возведенными в ранг целей.

Возможно, именно три остальных реквизита — адаптация, интеграция и латентность — поставили бы проблему незаконной телеологии более серьезно. Критики должны были бы доказать, что анализ структур и процессов с точки зрения их функций в этих трех системах потребностей вынуждает аналитиков формулировать свои предложения телеологически, тогда как на самом деле процессы, описываемые подобным образом, возможно, не являются целенаправленными или телеоло-

гическими. В логическом отношении, как отмечали некоторые комментаторы, телеологическая форма предложений при отсутствии четко выраженных процессов целедостижения не обязательно делает эти предложения незаконными, на что есть по крайней мере две причины.

1. Как доказал Нагель⁴⁶, телеологическая формулировка суждений просто означает отсутствие способа выразить те же самые причинные связи не телеологически. Например, доказательство того, что избавление от тревог (конечное состояние) есть «латентная функция» религии (явления, существующего в настоящее время), может быть выражено и в нетелеологической форме, причем, содержание того, что доказывается, не будет утрачено: при условиях $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$ религия (понятие x) вызывает редукцию групповых тревог (понятие y). Такая форма вполне приемлема, потому что она включает в себя суждения о существовании и отношениях, например: при условиях $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$ изменения x вызывают изменения y . Однако другие авторы утверждали, что подобная трансформация возможна далеко не всегда, потому что суждения существования, столь необходимые для таких преобразований, отсутствуют в высказываниях функционалистов, в частности у Парсонса. Без требуемых суждений существования утверждение, согласно которому функция религии состоит в том, чтобы полностью снимать групповые тревоги, можно интерпретировать совершенно в ином смысле: латентные потребности группы требуют, чтобы низшие уровни (тревоги) вызвали возникновение религии. При этом, скорее всего, вступает в силу телеология, так как имеется очень небольшая информация о природе «латентных целей» данной системы и о специфических причинных цепях, которые влекут за собой постоянное стремление системы преследовать эти цели латентности. Если же здесь не имеется в виду телеология, то высказывание просто неясно, так как оно не предлагает необходимой информации, которая позволила бы придать ему нетелеологическую форму. Поэтому Нагель был вынужден сделать следующий вывод: «Сразу же заявлять, что социальные факты содействуют выполнению конечных функций, — значит, делать «короткозамкнутое» (short-circuit) объяснение, и притом сводить его к обобщениям, которые, будучи провозгла-

шены столь преждевременно, имеют весьма небольшой смысл»⁴⁷.

Однако при тщательном обзоре работ Парсонса обнаруживается много проницательных попыток наметить, каковы те процессы и механизмы, при помощи которых сохраняется разнообразный системный реквизит. Это обстоятельство резко снижает критический запал, потому что в таких описаниях точно определяются условия, при которых реквизит удовлетворяет требованиям специфических частей более сложной системы. Однако Парсонс нередко описывает эти процессы в очерках, которые не связаны систематически с его более формальной концептуализацией теории действия, а это обстоятельство делает несколько затруднительным преобразование телеологических суждений в нетелеологические. Такое преобразование потребовало бы гораздо более широкого синтеза концептуальной схемы с весьма разнообразными по своей тематике очерками Парсонса о самых различных системных процессах. Несмотря на то что Парсонс пренебрег этой важной задачей, такой синтез возможен, и, таким образом, заявления о том, что Парсонс в принципе делает «короткозамкнутое» объяснение, вызывают много сомнений. Скорее Парсонсу просто не удалось понять всю объяснительную силу более строгих попыток связать свою формализованную теорию действия со своими же очерками, разнообразная тематика которых связана с широким кругом эмпирических событий. Например, парсонсовский анализ⁴⁸ того, как энергия латентного сегмента, соответствующего квалифицированному (социализированному) труду, передается адаптивному сегменту (экономике) социальной системы, можно было значительно дополнить при помощи более систематического увязывания его многочисленных очерков по социализации⁴⁹ с этими аналитическими суждениями. Если бы подобная задача была поставлена более серьезно, то даже такие критики, как Надель, вряд ли смогли бы с легкостью утверждать, что применение Парсонсом системного реквизита завело его в «тавтологию» полного причинного объяснения.

2. Быть может, самый серьезный аргумент в пользу стремления Парсонса придавать предложениям телеологическую форму исходит из того обстоятельства, что такие предложения указывают на *перевертывание причинных цепей* в обратную сторону, которое типично для

многих социальных явлений⁵⁰. Подчеркивая, что функция, которой структура помогает служить потребностям целого, могла вызывать возникновение этой структуры, функциональный императивизм Парсонса заставляет этот анализ настроиться на те причинные процессы, которые включают в себя *первичный отбор* из бесконечного многообразия возможных социальных структур только некоторых их типов. *Устойчивость* этих подвергшихся отбору структур *во времени* можно также объяснить потребностями и/или состоянием равновесия целого: те структуры, которые в итоге соответствуют потребностям и/или поддерживают равновесие в процессе отбора, имеют «преимущество» перед всеми остальными структурами. Такие высказывания *не* нуждаются в незаконной телеологии, потому что существование целостных систем, вполне возможно, *предшествует во времени* тем структурам, возникновение и устойчивость которых должны сохранять эту целостность.

Например, парсонсовский анализ эволюции правовых систем и их воздействий на переход к «современным» общественным системам олицетворяет собой применение такой обратной причинной цепи. Правовое наследие (кодифицированные, увековеченные своды законов) предшествующих культур, и прежде всего Греции, получило «избирательное преимущество» в последовавших за ними обществах, потому что оно позволяло увековечить законность политической системы и в то же время регулировать другие институциональные сферы, например экономику, семью и религию⁵¹.

Более того, целостной системе совсем не нужно приписывать цели. Подобно тому как в биофизическом мире экологическое и популяционное равновесие поддерживается при помощи нецеленаправленных процессов отбора (например, количество хищников увеличивается до тех пор, пока они не начинают пожирать сами себя, а затем уменьшается до тех пор, пока не восстанавливаются пищевые запасы), так и социальное целое может постоянно поддерживать себя в состоянии равновесия, или выполнять требования императивов, необходимых для выживания.

Это направление аргументации привело Стинчкомба к следующему выводу:

«Таким образом, функциональные объяснения — это сложная форма причинных теорий. Они затрагивают причинные связи... меж-

ду переменными, в том числе и социальный причинный приоритет последствий деятельности в общем объяснении. Вокруг таких объяснений существовала большая философская путаница, главным образом потому, что у теоретиков не хватало воображения, чтобы понять, что есть разнообразие обратных причинных процессов, которые могут осуществлять отбор поведения или структур согласно их последствиям»⁵².

Изложенные выше соображения должны были привести к некоторым предварительным выводам, относящимся к схеме Парсонса и спорной проблеме телеологии. 1. Схема всегда носила телеологический характер, начиная с первоначальной концептуализации единиц действия и кончая четырехфункциональной парадигмой, охватывающей понятие целедостижения. 2. В противоположность мнению ниспровергателей Парсонса, большинство его теоретических высказываний могут быть преобразованы и выражены в нетелеологической форме, позволяющей выделить условия, при которых x изменяется вместе с y . 3. Парсоновские работы полны рассуждений о том, при помощи каких механизмов и процессов выполняются требования специфических целевых состояний или реквизита. 4. Труды Парсонса изобилуют обратными причинными цепями, в которых существование целостных систем, предшествуя по времени возникновению подсистем, служит причиной сохранения подсистем вследствие избирательных преимуществ, полученных ими при решении проблем, с которыми сталкивается целостная система.

Большинство критиков, обрисовывая всю опасность незаконной телеологии для функционального теоретизирования, извлекают свои примеры из ранней функциональной антропологии, где относительно легко можно выявить весьма сомнительные телеологические идеи у таких мыслителей, как Малиновский или Радклифф-Браун. Однако трудно представить себе, чтобы парсоновское понятие системного реквизита завело его в ту же самую ловушку; поэтому защитники стратегии теории действия могут позволить себе бросить вызов тем критикам, которые пытаются найти в работах Парсонса подозрительные примеры незаконной телеологии.

Проблема тавтологии. Парсонсовская концептуализация четырех системных реквизитов — адаптации, целедостижения, интеграции и латентности — основывается на следующем допущении: если весь этот реквизит отсутствует, то «выживание» системы находится под угро-

зой. Однако применяя это допущение, нужно знать, в какой мере отсутствие каждого из этих реквизитов необходимо для того, чтобы заявлять о кризисе выживания. Обусловлен ли он тем, что не удовлетворяются адаптивные потребности? Потребности достижения цели? Отсутствует интегративный реквизит? Не удовлетворяются потребности латентности? Если не существует какого-либо способа определить, на чем основывается выживание и гибель системы, то предложения, документально свидетельствующие о вкладе каждого из этих реквизитов в совокупный реквизит выживания, приобретают тавтологический характер: каждый отдельный реквизит удовлетворяет потребность системы в выживании потому, что система существует и, следовательно, должна выжить. Таким образом, для того чтобы сформулировать предложения, относящиеся к системным реквизитам адаптации, целедостижения, интеграции и латентности, Парсонсу потребовалась бы информация следующего типа: 1) либо доказательства, свидетельствующие о том, что в «погибающей» системе не существовало определенного реквизита; 2) либо специфические критерии, которые позволяют установить, что именно составляет выживание и гибель в различных типах классов и социальных систем. Без такого рода информации предложения, использующие представления о реквизите, окажутся даже принципиально непроверяемыми; следовательно, они, по-видимому, будут не слишком полезны при построении социологической теории.

Парсонсовское решение этой проблемы не отличалось элегантностью, поскольку он не сумел выделить четкие критерии, определяющие минимальные уровни адаптации, целедостижения, интеграции и латентности, необходимые для выживания системы. Однако иногда Парсонс все же накапливал «свидетельства», относящиеся к таким системам, которые не собрали определенного совокупного реквизита и, следовательно, не «выжили». Например, в своем недавнем анализе социальной эволюции ему удалось различить (по крайней мере к своему собственному удовлетворению), когда отсутствует тот или иной определенный реквизит эволюционного развития — но только потому, что можно относительно «легко» установить, что в данный исторический период система прекратила развиваться. В ча-

стности, обсуждая вопрос о том, почему Греции и Израилю не удалось продвинуться в своей эволюции дальше определенной стадии, которую он назвал «продвинутой промежуточной» стадией, он предположил, что там отсутствовал определенный интегративный реkvизит, а именно сведение универсальных норм в единый кодекс (свод законов), который узаконил бы политическую систему (систему целедостижения) и в то же время обособил бы друг от друга остальные институциональные сферы⁵³. Такого рода анализ, по-видимому, обозначает некоторые из наиболее существенных компонентов всего того, что необходимо для адаптации, целедостижения, интеграции и латентности исторических и, по аналогии, современных обществ на разных стадиях их развития. Парсонс имеет в виду следующее: отсутствие этих компонентов указывало бы на то, что эти системы не собрали реkvизита, необходимого для дальнейшего развития. Однако реkvизит, необходимый для дальнейшего развития, и реkvизит, необходимый для выживания, — это не одно и то же, хотя неудачные попытки собрать реkvизит, необходимый для следующей стадии эволюции, дают некоторые указания относительно того минимума, который требуется для выживания системы на этой стадии. Таким образом, несмотря на то, что Парсонсу удалось избавиться по крайней мере от некоторых проблем тавтологии, его «решение», очевидно, не заставило его критиков замолчать — и, возможно, это в какой-то степени оправдано.

Теоретическая польза императивов выживания. Рассматривая проблемы тавтологии, возникшие благодаря применению понятия реkvизита, можно поставить следующий вопрос: что нового вносит реkvизит в теоретическую схему Парсонса и в анализ конкретных событий? И почему он продолжает употреблять это понятие? Для ниспровергателей императивизма кажется вполне возможным документально доказать, при каких условиях события в целостной системе воздействуют друг на друга, не притягивая при этом понятия реkvизита выживания. В самом деле, критики могли заметить, что Парсонс, обсуждая конкретные эмпирические явления, зачастую отказывается от всяких ссылок на систему реkvизитов, заставляя тем самым гадать, почему понятие реkvизита сохраняется в его более формализованной концептуальной конструкции.

Ответ на этот вопрос может быть только предположительным, однако, по-видимому, Парсонс сохраняет понятие реквизита по стратегическим соображениям — чтобы обеспечить предварительные, приближенные критерии, позволяющие различить «существенные» и «несущественные» социальные процессы. Вся интеллектуальная деятельность Парсонса была направлена на разработку сложной системы связей между базисными «единичными актами», которые он впервые описал в «Структуре социального действия». Чем больше система понятий применялась к высокоорганизованным образцам единичных актов, тем больше Парсонс убеждался в том, что благодаря реквизитам выяснится, какие процессы в этих сложных формах взаимодействия помогут объяснить наивысшее «многообразие». Таким образом, императивы Парсонса образуют не столько метафизическую сущность, сколько мерило, позволяющее отличать «существенное» от «несущественного» в огромном количестве потенциальных процессов, которые могут протекать в социальных системах. Несмотря на то что Парсонс не способен выделить точные критерии, которые дали бы возможность определить, совпадают ли потребности адаптации, целедостижения, интеграции и латентности, он, по-видимому, все же умеет применять эти не слишком определенно концептуализированные реквизиты для того, чтобы установить теоретическое значение конкретных социальных явлений. В той мере, в какой Парсонс применял понятие реквизита в своих многочисленных очерках, общепризнанная проницательность этих очерков, которую не отрицают даже его критики, может, пожалуй, оправдать постоянное применение им этого понятия к определению социальных явлений.

Более того, Парсонс, видимо, хочет доказать, что реквизит особенно полезен при изучении сложных эмпирических систем, так как именно для них можно более точно определить критерии, необходимые для их выживания. В таком случае с помощью этих критериев можно отделить более существенные социальные процессы в этих системах от менее существенных, обеспечивая тем самым более глубокое объяснение. Следовательно, Парсонс, очевидно, чувствует, что стратегическая ценность реквизита для объяснения социальных процессов в социальных системах, несмотря на некото-

рые логические проблемы, возникающие при сохранении этого понятия, возрастает тем больше, чем больше он компенсирует логические трудности, которые так часто подчеркивают критики.

Толкотт Парсонс: краткий обзор

«Теория действия» на всем протяжении своего развития в течение последних десятилетий обнаруживает высокую преемственность, начиная с базисного единичного акта и кончая его перерастанием в кибернетическую иерархию контроля над системами действия. Такая преемственность обязана своим возникновением специфической точке зрения Парсонса относительно того, как должна конструироваться социологическая теория, ибо он настойчиво защищал приоритет систем понятий по отношению к системам предположений. Эта последняя может быть полезна лишь в том случае, если первая задача выполнена в достаточной мере.

И содержание тех представлений о мире, которые связаны с понятиями Парсонса, и логические проблемы, относящиеся к его схеме, стимулировали самую широкую критику намеченных им перспектив функционализма. В самом деле, если не принимать во внимание отход многих критиков от перспектив функционализма, то совершенно невозможно понять другие формы социологического теоретизирования. В последующих главах станет очевидным, что все остальные теоретические направления в социологии обычно начинаются с опровержения функционализма Парсонса, и лишь затем приступают к построению тех альтернатив, которые считаются более желательными. Действительно, Парсонс, по-видимому, становится «жупелом» социологического теоретизирования, потому что ныне ни одна «теория» не считается адекватной, если она не выполняет необходимый ритуал опровержения функционального императивизма.

Прежде чем изучить этот ритуал и теоретические перспективы, которые он стимулирует, будет исследована альтернативная форма функционализма — структурное направление, отстаиваемое Робертом Мертоном. Мертон попытался более обоснованно, чем большинство остальных критиков Парсонса, сформулировать такую функциональную стратегию, которая позволила бы

снять некоторые содержательные и логические проблемы, приписываемые функциональному императивизму.

Основная литература

Parsons T. The Structure of Social Action. New York, Free Press, 1968; первое издание: New York, McGraw-Hill Book Co., 1937.

Parsons T. The Social System. New York, Free Press, 1951.

Parsons T., Bales R. F., Shils E. A. Working Papers in the Theory of Action. Glencoe, Ill., Free Press, 1953.

Parsons T. An Approach to Psychological Theory in Terms of the Theory Action. — In: Psychology: A Science, ed. by Koch S., vol. 3. New York, McGraw-Hill Book Co., 1958.

Parsons T. An Outline of the Social System. — In: Theories of Society, ed. by Parsons T. et al. New York, Free Press, 1961.

Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood Cliffs, N. J., Prentice Hall, 1966.

Parsons T. Some Problems of General Theory. — In: Theoretical Sociology: Perspectives and Developments, ed. by McKinney J. C. and Tiryakian E. A. New York, Appleton-Century-Crofts, 1970.

Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall, Inc., 1971.

Функциональный структурализм: Роберт Мертон**Теории среднего ранга**

Как раз в то время, когда Толкотт Парсонс начал разрабатывать функциональный императивизм в его всеобъемлющей форме¹, Роберт Мертон приступил к критике парсонсовской функциональной стратегии построения социологической теории². Самую суть этой критики составило заявление Мертона о том, что интерес Парсонса к развитию всеобъемлющей системы понятий окажется и бесполезным, и бесплодным: «Искать тотальную философскую теорию, в которой наблюдения о всех аспектах социального поведения, организации и изменений заняли бы предназначенные им места, — значило бросить такой же дерзкий вызов и так же мало обещать, как это делали многие всеобъемлющие философские системы, которыми совершенно заслуженно перестали пользоваться»³.

Согласно Мертону, подобные грандиозные теоретические схемы преждевременны, потому что еще не заложен теоретический и эмпирический фундамент, необходимый для их завершения. Подобно тому как теория Эйнштейна возникла лишь вместе с ее длительным кумулятивным исследовательским обоснованием и теоретической легитимизацией, так и социологическая теория должна будет подождать своего Эйнштейна — прежде всего потому, что «еще не обнаружен ее Кеплер, не говоря уже о ее Ньютоне, Лапласе, Гиббсе, Максвелле или Планке»⁴.

С критической точки зрения Мертона, в отсутствие этого обоснования то, что считается социологической теорией, включает в себя «общую ориентацию по отношению к данным и связанные с ней предположения о разного рода переменных, которые теоретики должны как-им-то образом принимать во внимание, а не ясно

сформулированные, проверяемые суждения об отношениях между четко определенными переменными»⁵. Стратегии, отстаиваемые такими учеными, как, например, Парсонс, в действительности являются не «теориями», а «философскими системами» — с «их разнообразными гипотезами, великолепной архитектурой и полной бесплодностью»⁶. Однако следовать противоположной стратегии и создавать перечни эмпирических предложений низшего уровня — значит заниматься столь же бесплодным делом; отсюда, по мнению Мертона, вытекает необходимость в социологических «теориях среднего ранга».

В теоретическом отношении теории среднего ранга обещают гораздо больше, чем грандиозная теория, потому что они излагаются при помощи абстракций низшего уровня, в которых можно обнаружить четко определенные операциональные понятия, включенные в ковариантные для ограниченного круга явлений суждения. Несмотря на свой абстрактный характер, теории среднего ранга связаны и с эмпирическим миром, вдохновляя тем самым исследования, столь необходимые для уточнения понятий и для новых формулировок теоретических обобщений. Без этого взаимодействия между теорией и научным исследованием теоретические схемы останутся весьма гипотетическими скоплениями понятий, которые не поддаются опровержению, тогда как эмпирическое исследование, с другой стороны, останется бессистемным, бессвязным и бесполезным для дальнейшего развития сложившейся совокупности социологических знаний. Таким образом, если следовать стратегии среднего ранга, понятия и предложения социологической теории станут более организованными, тогда как эмпирические исследования, став более концентрированными в теоретическом отношении, сделают любую теорию среднего ранга более ясной и тщательно разработанной, вызовут к жизни новые формулировки ее понятий и предложений.

Возрастающая ясность теорий, ориентированных на ограниченный круг явлений и подкрепленных эмпирическими исследованиями, в конечном итоге может привести и ко всеобъемлющим теоретическим схемам. И действительно, по Мертону, несмотря на то, что нужно сконцентрировать энергию на создании ограниченных теорий, которые вдохновляют научные исследования,

теоретики должны интересоваться также и «консолидацией специальных теорий в более общие циклы понятий и взаимно согласованных предложений»⁷. Следовательно, специальные социологические теории следует формулировать с учетом того, что они могут предложить общему социологическому теоретизированию. Однако именно вопрос о том, как следует формулировать эти теории среднего ранга, чтобы в итоге содействовать их консолидации в более общую теорию, представляет собой трудную аналитическую проблему, для которой у Мертона имеется готовое решение: формулируя теории среднего ранга, нужно использовать одну из форм функционализма. Такое функциональное теоретизирование должно принять форму «парадигмы», которая позволила бы с легкостью давать точные определения и разрабатывать релевантные понятия, содействуя в то же время их систематическому пересмотру и выработке новых формулировок, которые были бы продиктованы эмпирическими открытиями. Понятый таким образом функционализм стал для Мертона *методом* построения не только теорий среднего ранга⁸, но и грандиозных теоретических схем, в которые когда-нибудь волеются подобные теории среднего ранга. Таким образом, совсем в духе Парсонса функционализм представляется Мертону стратегией упорядочения понятий и отделения «существенных» социальных процессов от «несущественных». Но, в отличие от парсонсовской стратегии, функциональная стратегия Мертона требует прежде всего формулировки целого ряда теорий среднего ранга. Только тогда, когда эта основополагающая работа будет выполнена, можно будет воспользоваться правилами функционализма с тем, чтобы создать более абстрактные теоретические системы.

Мертоновская «парадигма» функционального анализа

Подобно большинству комментаторов функционального анализа, Мертон начинает его обсуждение с обзора ошибок ранних функционалистов, в особенности антропологов Малиновского и Радклифф-Брауна⁹. Причиной этой оценки антропологической традиции отчасти служит то обстоятельство, что парадигма Мертона была впервые опубликована в 1949 г.¹⁰, когда эти антропологи были еще выдающимися представителями со-

циальных наук. Однако тот факт, что этот раздел вводных замечаний, предшествующих парадигме Мертон, сохранился неизменным в двух последующих изданиях, указывает на его обеспокоенность тем, что современный функционализм сталкивается с теми же проблемами, которые не сумели разрешить ранние антропологи. В общем, Мертон считает, что в функциональных теориях можно обнаружить (правда, только имплицитно) три сомнительных постулата: 1) функционального единства социальных систем, 2) функциональной универсальности социальных вопросов и 3) неизбежности функциональной проблематики в социальных системах.

Постулат функционального единства. Как упоминается в главе 2, Радклифф-Браун вслед за Дюркгеймом часто трансформировал гипотезу о том, что социальная система обнаруживает черты социальной интеграции, в гипотезу необходимого «реквизита», или того, что «требуется» для социального выживания. Хотя доказать, что человеческое общество в той или иной степени не интегрировано, очень трудно — потому что иначе оно не было бы системой, — тем не менее Мертон считает, что степень интеграции системы, будучи спорным вопросом, должна быть определена эмпирически. Допустить хотя бы в деликатной форме, что социальной системе должна быть присуща высокая степень интеграции, — значит полностью снять важные теоретические и эмпирические вопросы: какие уровни интеграции существуют в различных системах? Какие типы интеграции можно различать? Обнаруживают ли различные сегменты системы различные степени интеграции? И, что наиболее существенно, каковы те многообразные процессы, которые приводят к появлению различных уровней, форм и типов интеграции, характерных для разных сфер социальных систем? По мнению Мертона, начинать анализ с постулата «функционального единства» — значит потенциально отвлекать внимание не только от этих вопросов, но и от разнообразных, несоизмеримых с ними последствий данных социальных или культурных подразделений (обычаев, убеждений, форм поведения, институтов) для различных социальных групп и их отдельных членов¹¹.

В основе этого обсуждения функционального единства, приписываемого целостным системам, лежит имплицитная критика позиций раннего Парсонса относи-

тельно социальной интеграции. Напомним, что в своей ранней функциональной работе¹² Парсонс сначала постулировал только один реquisite — то, что нужно для интеграции. Позднее этому постулату предстояло распространиться на три дополнительных функциональных реquisite — реquisite адаптации, целедостижения и латентности. Но так как парсоновский функционализм, по-видимому, начинается с тех же вопросов, которые явно интересовали Дюркгейма и Радклифф-Брауна, то Мертон вынужден был поставить вопрос об «эвристической ценности» допущения, которое может отвлечь внимание от существенных теоретических и эмпирических вопросов. Поэтому вместо того, чтобы постулировать функциональное единство, следовало бы сосредоточиться на многообразии типов, форм, уровней и сфер социальной интеграции и их значении для специализированных сегментов социальных систем. Тем самым Мертон начинает ориентировать функциональный анализ не на тотальные системы, а на то, что в наиболее сложных социальных системах различные формы социальной организации возникают, сохраняются и изменяются не только при помощи реquisite целостной системы, но и благодаря взаимодействию различных социокультурных рубрик в пределах системно организованного целого.

Проблема функциональной универсальности. Вследствие постоянного подчеркивания функционального единства некоторые ранние антропологи допускали, что если в действующей системе имеется то или иное социальное подразделение, то это должно иметь положительные последствия для интеграции социальной системы. Это допущение приводило в итоге к следующему тавтологическому высказыванию: система существует; данное подразделение — ее часть; следовательно, оно имеет положительное функциональное значение для сохранения системы. Малиновский развил эту форму рассуждений до ее крайнего выражения, утверждая, что «каждый обычай, материальный объект, идея и убеждение выполняют какую-либо жизненно важную функцию». Для Мертона подобное допущение, может быть, и было понятно в свете реакции Малиновского на точку зрения, выдвинутую некоторыми антропологами на рубеже нашего столетия, согласно которой социальные обычаи нельзя объяснить их нынешней полезностью, а

скорее можно рассматривать в качестве «пережитков» исторического прошлого культуры. Однако проведенный Мертоном анализ резкой реакции Малиновского на дискредитировавшую себя в настоящее время антропологическую школу «исторической реконструкции» продолжает служить предостережением также и современным теоретикам-функционалистам, которые, возможно, в более утонченной форме подвергают концепцию «потребностей» и «реквизита» столь же одностороннему изучению, при котором исследуются только положительные функции отдельных подразделений, необходимые для того, чтобы удовлетворить их потребности.

Однако, по мнению Мертона, если предпринимается изучение эмпирических систем, то в них, совершенно очевидно, имеется гораздо более широкий спектр эмпирических возможностей. Во-первых, отдельные подразделения могут не только иметь положительное функциональное значение для всей системы или для других ее подразделений, но и вызывать дисфункции либо отдельных частей, либо всей системы в целом. Во-вторых, за некоторыми воздействиями, имеющими либо характер функций, либо характер дисфункций, признаются определенные обязанности, и они, таким образом, считаются «явными», тогда как за другими никаких обязанностей не признают, и они, следовательно, считаются «латентными». Тем самым, в противоположность такому ученому, как Малиновский, Радклифф-Браун и др., кто невольно попадает в одну и ту же тавтологическую ловушку, Мертон предлагает изучать влияния или функции — как положительные, так и отрицательные, как явные, так и латентные, — которые различные социокультурные рубрики выполняют по отношению «к индивидам, подгруппам, более сложным социальным структурам и культуре»¹³. В свою очередь анализ разнообразных влияний требует «подвести общий баланс» тех воздействий, которые все эти подразделения оказывают друг на друга и на более сложные системы. Именно таким образом, согласно представлениям Мертона, современный функциональный анализ компенсирует крайности своих ранних форм, концентрируя внимание на основных типах того влияния, которое социокультурные подразделения оказывают друг на друга и (если этого требует анализ) на социальное целое.

Проблема необходимости. Мертон рассматривает утверждение Малиновского, согласно которому каждое культурное подразделение «выполняет какую-либо жизненную функцию, должно решить какую-либо задачу, представляет собой *необходимую часть* работающего целого», просто как крайнюю точку зрения на две взаимосвязанные проблемы функционального анализа: а) имеют ли социальные системы функциональный реkvизит, или потребности, которые должны быть удовлетворены? б) существуют ли определенные структуры, имеющие решающее значение и необходимые для выполнения этих функций?

На первый вопрос Мертон в предварительном порядке дает положительный ответ, но с очень серьезной оговоркой: для каждого вида систем реkvизит должен быть установлен эмпирически. Для существующих в действительности групп и общества в целом можно установить «условия, необходимые для их выживания», а определение того, при помощи каких структур и процессов осуществляется воздействие на эти условия, имеет серьезное теоретическое значение. Однако допущение системы универсальных реkvизитов — а именно это допускает Парсонс — вносит мало нового в теоретический анализ, так как постоянное акцентирование того обстоятельства, что некоторые функции должны встречаться во всех системах, просто вынуждает наблюдателей описывать процессы, протекающие в таких социальных системах, которые собирают этот необходимый реkvизит. Подобные описания, утверждает Мертон, можно сделать и без такой дополнительной нагрузки, как системный реkvизит, потому что гораздо предпочтительней описывать культурные образцы, а потом уже давать оценку тех разнообразных влияний, которые возникают при стыковке специфических потребностей различных сегментов конкретных эмпирических систем.

Ответ Мертона на второй вопрос совершенно однозначен: эмпирические доказательства явно свидетельствуют о ложности любого заявления, утверждающего, что только определенные структуры могут служить в качестве системного реkvизита. При изучении эмпирического мира становится совершенно очевидным, что могут существовать «альтернативные структуры», которые, по существу, одинаково служат реkvизитом и в

сходных, и в отличающихся друг от друга системах. Это обстоятельство вынуждает Мертона постулировать, что для функционального анализа большое значение имеет интерес к различным типам «функциональных альтернатив», или «функциональных эквивалентов», а также к «функциональным заместителям», действующим в социальных системах. Тем самым функциональный анализ не считает социальные подразделения системы необходимыми и, следовательно, избегает тавтологической ловушки, которая возникает, если допустить, что эти подразделения существуют для того, чтобы обеспечить непрерывное существование системы. Кроме того, при поиске функциональных альтернатив аналитическое внимание исследователей было бы всегда устремлено на вопрос о «круге» подразделений, которые могли бы служить функциональными эквивалентами. Затем, если на эти вопросы нужно дать адекватные ответы, исследователь должен определить, почему из круга возможных альтернатив выбрано что-то одно, а это в свою очередь приводит нас к вопросам о «структурном контексте» и «структурных пределах», что позволяет описать весь круг альтернатив и объяснить превосходство одного подразделения над другим. Таким образом, изучение этих взаимосвязанных вопросов, по мнению Мертона, облегчало бы отдельный анализ причин и следствий структурных элементов. Задавая вопрос о том, почему из всех возможных альтернатив возникает только одна определенная структура, исследователь не должен забывать документально доказать, что специфические процессы, ведущие к возникновению этого подразделения, не зависят от результатов его функционирования. Только таким путем можно избежать опасности, вытекающей из допущения, согласно которому элементы должны существовать для того, чтобы удовлетворять потребности системы.

Если вернуться к критике Мертоном традиционных антропологических рассуждений и к имплицитно содержащейся в ней критике некоторых современных функционалистов, то совершенно очевидно, что многое в его оценке приведенных выше трех «функциональных постулатов» связано с задачей разрушения «пугала», так как в 1949 г., когда критические замечания Мертона были впервые опубликованы, ошибки Малиновского и Радклифф-Брауна были для всех совершенно очевид-

ны. Однако, разрушая это «пугало», Мертон должен был сформулировать альтернативные постулаты, которые защищали бы ориентацию на многообразис тех влияний, которые различные социокультурные элементы оказывают друг на друга и на все социальные целостные образования, и при этом обходились бы без априорного допущения функциональных требований, или императивов. Вернее, функциональный анализ должен заняться выделением: а) подлежащих рассмотрению социальных форм, будь то целостные системы или их части; б) различных типов влияний этих форм на эмпирически установленный реквизит выживания; в) процессов, благодаря которым именно данные формы, а не какие-нибудь другие начинают существовать и оказывать самое разнообразное влияние друг на друга и на целостные системы¹⁴. Своей разновидностью функционального анализа Мертон попытался обеспечить тот «минимум понятий, которым должен оперировать социолог, чтобы выполнить адекватный функциональный анализ»¹⁵. При этом он надеется, что его стратегия позволит социологическим исследованиям избежать некоторых ошибочных постулатов и допущений, свойственных прежним попыткам применения функциональной стратегии. Несмотря на то что функциональный императивизм Парсонса получает лишь краткую оценку в стратегических разработках Мертона, он явно подчеркивает необходимость альтернативной формы функционального анализа, которая меньше связана с целостными системами и абстрактными высказываниями о системном реквизите. Вместо всего этого, чтобы создать «теории среднего ранга», необходимо сконцентрировать внимание на многообразных взаимовлияниях, которые специализированные части систем оказывают друг на друга и на целостные системы. Несмотря на то что эти части и целостные системы имеют все условия, необходимые для их выживания, эти условия должны быть установлены эмпирически, потому что только благодаря ясному пониманию того, что действительно требуется конкретной системе, «потребности» социальных структур могут обеспечить ряд полезных критериев для оценки влияния, или функций, социальных подразделений. Хотя именно анализ влияния социальных структур является уникальной особенностью функционального анализа, необходимо, кроме того, также описать, какие

причинные процессы вызвали появление определенной структуры, которая имеет определенное влияние на другие структуры и на всю систему в целом. Чтобы обеспечить соблюдение этой формы структурного анализа, Мертон разработал ряд процедур, необходимых для того, чтобы осуществить его «функциональную парадигму».

Процедурные правила функционального анализа

Мертон настаивает на том, что в функциональном анализе исходным моментом для выяснения причин и следствий специфических структур и процессов является «полное описание» деятельности подлежащих изучению индивидов и групп. Именно при описании форм взаимодействий и деятельности исследуемых единиц можно будет совершенно четко выделить, какие социальные подразделения следует подвергнуть функциональному анализу. Такие описания могут также «дать ключ к пониманию функций», выполняемых подобными действующими структурами; однако для того, чтобы эти функции стали более понятными, требуются дополнительные шаги.

Для исследователей первым таким шагом служит указание на то, какие главные альтернативы исключаются благодаря доминированию какого-либо определенного образца. Подобное описание исключенных альтернатив содержит указание на «структурный контекст», в котором возникли и сохраняются наблюдаемые образцы; тем самым оно предлагает ключ к изучению их функций, то есть того влияния, которое они могут оказать на другие образцы, а возможно, и на целостную систему. Вторая ступень анализа, следующая за полным описанием, связана с оценкой «значения», то есть той умственной и эмоциональной значимости, которую деятельность имеет для членов группы. Описывая эти значения, можно предложить какие-нибудь указания на мотивы, лежащие в основе деятельности тех индивидов, о которых идет речь, и тем самым пролить некоторый свет на «явные» функции, выполняемые благодаря этой деятельности. Эти описания подводят нас к четвертой стадии анализа — выделению «некоторого множества мотивов конформности или отклонений» дей-

ствующих лиц, но эти мотивы нельзя смешивать ни с объективным описанием образца, ни с последующей оценкой обслуживаемых им функций. Однако поняв и очертив мотивы, управляющие конформизмом или отклонениями «актеров», можно понять и оценить психологические «потребности», которые удовлетворяет (или не удовлетворяет) данный образец, что в свою очередь обеспечивает дополнительную возможность понять разнообразие функций исследуемого образца.

Однако концентрация внимания исключительно на значениях и мотивах тех, кто принимает участие в какой-либо деятельности, может отвлечь анализ от непреднамеренных, или латентных, последствий этой деятельности. Поэтому последний, заключительный этап анализа включает описание того, как проявляется упорядоченность исследуемых образцов, которая не осознается действующими лицами, но, по-видимому, имеет влияние и на связанных с ним индивидов, и на другие основные образцы, и на упорядоченность всей системы. Именно таким способом анализ будет нацелен на изучение «латентных» функций данного подразделения.

Мертон допускает, что на каждой из этих ступеней можно будет подводить «общий баланс влияний» исследуемого образца, а также определять некоторые независимые от них причины, обуславливающие этот образец. Эти этапы обеспечивают проведение надлежащего функционального исследования, потому что анализу социальных структур и процессов уже не предшествуют ни постулаты функционального единства, ни допущения реквизита выживания, ни убеждение в необходимости частей. Напротив, все внимание концентрируется исключительно на наблюдаемых образцах деятельности, на том структурном контексте, где возник главный структурный образец и где он продолжает существовать перед лицом потенциальных альтернатив, на значении этих образцов для входящих в них «актеров», на мотивах их конформизма и отклонений, на значении специфических образцов для неосознанных потребностей индивидов и на других подразделениях социальной системы. Таким образом, если провести такого рода предварительную работу, функциональный анализ избежит логических и эмпирических проблем, с которыми столкнулись предшествующие формы функционализма, и тем самым обеспечит понимание причин-

но-следственных связей отдельных частей социальных систем как друг с другом, так и с более сложными системами¹⁶.

*Иллюстрация процедурных правил Мертона:
американские политические механизмы*

Примечательно, что парадигма Мертона и его правила конструирования функциональных теорий среднего ранга свободны от любых суждений о потребностях индивида и системы, или о реквизите. Излагая свои процедурные правила, Мертон, по-видимому, предпочитает подходить к вопросу о потребностях и реквизите, которые удовлетворяются специфическими подразделениями, только *после* того, как даны следующие описания: а) изучаемого образца; б) структурного контекста, в котором образец выживает; в) значения образца для входящих в него индивидов. Затем, получив эту информацию, можно установить и явные, и латентные функции данного образца, а также «общий баланс» функций и дисфункций этого подразделения в различных сегментах социальной системы. К сожалению, эта подразумеваемая последовательность функционального анализа не всегда соблюдается Мертоном, что, по-видимому, обусловлено по крайней мере двумя причинами. Во-первых, отбирая для анализа уже сложившуюся структуру какой-либо системы, исследователь обычно вводит следующее допущение: образец существует потому, что он удовлетворяет какую-то потребность. Как будет доказано, Мертон *начинает* (а отнюдь не *заключает*) свой анализ политических механизмов с этого допущения, что позволяет ему прийти к следующему выводу: «структура воздействует на функцию; а функция — на структуру». Если исходным пунктом описания образцов становится имплицитное допущение того, что их функции служат для удовлетворения потребностей, то, вполне вероятно, это описание будет выполнено таким образом, что это имплицитное допущение подтвердится. Во-вторых, при анализе структурного контекста какого-либо образца и оценке тех причин, благодаря которым он возник и продолжает существовать, доминируя над альтернативными образцами, необходимо предварительно получить некоторое представление о функциях, обслуживаемых им, — с тем, чтобы узнать, почему он

удовлетворяет ряд потребностей «лучше», чем многие другие альтернативы. Иначе трудно будет определить, что могут существовать потенциальные альтернативы, способные «заместить» существующий в настоящее время образец.

Как явствует из мертоновского анализа американских политических механизмов, применение стратегии Мертона затрудняется по крайней мере по этим двум причинам. У самого Мертона, как и у его антропологических «жупелов», например, у Радклифф-Брауна, осознание необходимости в раздельном анализе «причин» и «функций» структурных образцов далеко не столь очевидно в его действительном объяснении эмпирических событий.

Мертон начинает свой анализ американских политических механизмов с простого вопроса: «Как им удается постоянно сохранять свою действенность»¹⁷. За этим интересным вопросом следует допущение, напоминающее функциональный анализ Малиновского:

«Следовательно, если исходить из функциональной точки зрения, согласно которой мы должны *обычно* (но не постоянно) ожидать, что устойчивые социальные образцы и социальные структуры выполняют позитивные функции, *которые в настоящее время не осуществляются никакими иными образцами и структурами*, то на ум невольно приходит мысль о том, что, возможно, эта явно вредная организация тем не менее *при настоящих условиях* удовлетворяет основополагающим латентным функциям» (курсив мой. — Дж. Т.)¹⁸.

Того обстоятельства, что в этом отрывке слово «обычно» ограничивается заключенным в скобки выражением «но не постоянно», может быть, вполне достаточно, чтобы Мертону удалось избежать превращения своих идей в тавтологическое утверждение: если образец устойчиво существует в выживающей системе, то, следовательно, он должен иметь позитивные функции. Однако Мертон, по-видимому, все же утверждает следующее: если устойчивый образец не выполняет «явных функций», то он выполняет «латентные» функции, что заставляет вспомнить изречение Малиновского: «каждый обычай, материальный объект, идея и убеждение выполняет некоторую жизненную функцию и, должно быть, решает некоторую задачу». Что касается Мертона, то для него это допущение трансформируется в иное изречение: социальные образцы, которые не выполняют явных функций, должны выполнять латент-

ные; и, как добавляется в подстрочном примечании, если образец выполняет по отношению к каким-либо сегментам населения роль дисфункций, то его устойчивость наводит на мысль, что *обычно* он должен иметь позитивные функции, удовлетворяющие потребностям других сегментов.

К чести имеющегося Мертоном в виду анализа политических механизмов, следует подчеркнуть, что он предлагает его только в качестве иллюстрации того, какую пользу приносит умение различать «явные» и «латентные» функции. Этот анализ вовсе не следовало рассматривать в качестве общего применения его функциональной парадигмы или правил процедуры; он должен был служить всего лишь примером того, что внимание к «латентным» функциям может обеспечить более глубокое проникновение в действие политических механизмов. Оказалось, однако, что приверженности Мертона к определенным процедурным правилам было недостаточно, чтобы предотвратить невольную ошибку, столь типичную для ранних функционалистов, и не вводить постулаты «универсальности функций» и «функциональной необходимости». Таким образом, Мертон, по видимому, начинает свой конкретный анализ с ряда постулатов, которые он позволял себе раньше дискредитировать, что в конечном итоге получило свое выражение в следующем центральном допущении:

«Основная структурная функция босса — организовывать, централизовывать, поддерживать хорошие условия для работы тех «рассеянных сегментов власти», которые в настоящее время рассредоточены по всей нашей политической системе. Благодаря этой централизации политической власти *босс может удовлетворять потребности различных подгрупп* более обширного сообщества, которые не адекватно удовлетворены социальными структурами, юридически узаконенными и санкционированными культурой»¹⁰.

По Мертону, политические механизмы возникают в «структурном контексте» таких систем, где власть децентрализована настолько, что ее нельзя мобилизовать на удовлетворение потребностей крупных сегментов населения. Причинные процессы, благодаря которым в этом вакууме власти возникают политические механизмы, призванные сконцентрировать «рассеянные фрагменты власти», включают в себя такую последовательность событий, из которой видно, что политические механизмы способны удовлетворить «потребности» раз-

нообразных групп гораздо эффективнее, чем «юридически узаконенные и санкционированные культурой социальные структуры». В логическом отношении эта форма анализа совсем не обязательно должна носить характер тавтологии или незаконной телеологии (в чем ее могли бы обвинить некоторые критики), потому что Мертон, по-видимому, утверждает, что в свое время политические механизмы получили селективное преимущество над альтернативными структурами при удовлетворении *первичных* потребностей в некоторых сегментах системы. Такого рода «обратная причинная цепь», если воспользоваться терминологией Стинчкомба²⁰, представляет собой законную форму причинного анализа, так как потребности системы считаются здесь *предшествующими во времени* тем событиям, которые они вызывают, — в данном случае возникновению политических механизмов в социальной структуре Америки. Более того, тем сегментам системы, на которые воздействуют эти механизмы, совсем не обязательно приписывать цели (хотя иногда, конечно, цель включается), так как политическую машину можно рассматривать в качестве случайного явления, получившего селективное преимущество перед другими альтернативами в спиралевидном процессе, аналогичном процессу, типичному для роста и противоречий популяций хищников, которые быстро растут до тех пор, пока не начинают пожирать друг друга. Ясно, что возникновение политической машины — это одновременно и целенаправленный, и нецеленаправленный процесс, благодаря которому машина удовлетворяет наиболее важные потребности населения и который сигнализирует лидерам или «боссам» этой машины об эффективности всех их усилий, направленных на достижение определенной цели — удовлетворения потребностей населения. В конце концов в этом спиралевидном процессе первоначальные потребности населения, которые вызвали возникновение и развитие политических механизмов и боссов больших городов, могут потерять свое значение причин, так как в обратных причинных процессах потребности устойчивой политической машины вызывают такие действия, которые оказывают совершенно незначительное (или, возможно, дисфункциональное) влияние на те самые потребности населения, которые первоначально послужили причиной возникновения этой машины.

По-видимому, такого рода причинная аргументация входила в намерения Мертона, но, к сожалению, его заинтересованность исключительно функциями политических машин затемняет этот необходимый причинный анализ, потому что, как он любит замечать, «каково бы ни было ее специфическое историческое происхождение, политическая машина сохраняет свою устойчивость только в качестве инструмента для удовлетворения еще не удовлетворенных потребностей разнообразных групп населения»²¹. Поскольку Мертон обошел эти специфические причинные цепи, вызвавшие появление в Америке политической машины, перед ним осталась только относительно простая задача прикладного характера — свести в таблицу «потребности» населения и действия политической машины, удовлетворяющей их.

Например, политическая машина удовлетворяет потребности неимущих классов*, выполняющая благодаря деятельности людей, составляющих окружение местного политического деятеля, жизненно важные функции, включая «обеспечение бесплатным продовольствием и работой, правовыми и всякими иными советами, справедливое улаживание мелких недоразумений с законом, помощь способному, но бедному молодому человеку в получении политического образования в местном колледже, заботу о людях, лишенных средств к существованию» и т. д. Согласно Мертону, политическая машина может выполнить эти функции более эффективно, чем различные другие альтернативы, как, например, страховые агентства, дома призрения, юридические консультации и т. п., потому что она предлагает все эти услуги персонально, через местных политических деятелей, без лишних вопросов, бюрократизма, не оскорб-

* Это рассуждение Дж. Тернера свидетельствует, что он всецело находится в плену тривиальных буржуазных представлений о сущности, природе современной американской государственной машины, выступающей орудием господства правящих монополий, военно-промышленного комплекса, орудием подавления народных масс. Давно опровергнута, и не только марксистами, отстаиваемая Дж. Тернером идея о том, что буржуазное государство служит и бедным, и богатым, и «неимущим классам», и имущим. Частные же, паллиативные, зачастую благотворительного характера мероприятия буржуазной администрации разного уровня не могут изменить эксплуататорской природы государственной машины США. Далеки от истины и рассуждения автора книги, где он пытается противопоставить «политическую машину» и правительство США. Известно, что первая является по сущности аппаратом второго. — *Прим. ред.*

для человеческого достоинства. Для другой группы населения, например для делового сообщества, политические машины выполняют другой цикл необходимых для них функций, а именно функции политического регулирования и контроля над ничем не ограниченной конкуренцией корпораций и фирм, причем без чрезмерного вмешательства правительства в специфическую деятельность экономических предприятий. Благодаря контролю над разнообразными общественными агентствами и бюро босс большого города может рационализировать и упорядочивать отношения между экономическими организациями, а в то же время препятствовать слишком серьезной проверке их многообразных нелегальных действий со стороны правительства. Политическая машина может выполнить эту функцию более эффективно, чем правовые правительственные альтернативы, ибо она понимает, что экономическим организациям требуется как регуляция, так и невмешательство в некоторые виды их деятельности. Напротив, сформированные на законных основаниях правительственные агентства признавали бы только первую из этих потребностей, что дает политической машине селективное преимущество над законным правительством. Аналогичным образом политическая машина может организовывать и рационализировать нелегальные экономические предприятия, связанные с выполнением недозволенных функций, в том числе азартные игры, наркоманию, проституцию, тогда как имеющие законный статус правительственные агентства не могут разрешать, не говоря уже о том, чтобы организовывать, такого рода широко распространенную деятельность. Таким образом, политическая машина обеспечивает «охрану» и для легальных, и для нелегальных предприятий — тем, что гарантирует им устойчивый рынок, высокие прибыли, селективную правительственную регуляцию. Наконец, для других групп населения — особенно для бедняков — политическая машина обеспечивает возможность социальной мобильности в таком обществе, где денежный успех представляет большую культурную ценность, но где для многих обездоленных групп не существует реальной возможности добиться такого успеха. Таким образом, широко раскрывая двери социальной мобильности для представителей обездоленных групп, не располагающих «законными» возможностями, политическая машина удов-

летворяет потребности бедных а также обеспечивает себе лояльный, преданный и благодарный персонал.

Проблемы, возникающие перед парадигмой и процедурными правилами Мертона

Даваемое Мертоном функциональное объяснение устойчивости политических механизмов весьма правдоподобно в силу того, что в Америке действительно существование политических машин сочетается с относительно малоэффективным федеральным государственным устройством, обнищанием масс городского населения, большой потребностью в нелегальной деятельности и высоким уровнем экономической конкуренции. Однако объяснение Мертона по большей части представляет собой простое описание этой корреляции, облаченное в форму функциональных допущений о том, каким образом в Америке потребности «различных подгрупп» приводят к возникновению устойчивых политических механизмов. Совершенно очевидно, что описание корреляции — это не причинное объяснение. В той мере, в какой он просто фиксирует корреляцию между социальными «потребностями» и политическими машинами, анализ Мертона может принести некоторую пользу при построении теоретических положений такого типа: при условиях $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$ x вызывает изменение y . В анализе Мертона есть много *подразумеваемых* причинных цепей, однако его неумение сделать их явными умаляет ценность этого анализа. Как подчеркивалось в главе 2, в выполненном Дюркгеймом конкретном анализе разделения труда были ошибочные положения, в которых по крайней мере подразумевалось, что разделение труда вызвано «потребностью в социальном порядке»²². Без эксплицитных причинных высказываний о том, как потребность в порядке вызывает разделение труда, этот анализ имел статус незаконной телеологии.

Затруднения, которые имелись у «основоположников» функционализма при разделении «причин» и «функций», четко осознавались Мертоном, и, по-видимому, они послужили толчком к его блестящему описанию парадигмы и правил функционального анализа. Однако, подобно своим предшественникам, Мертон отступает от тех самых процедурных правил, которые позволили бы ему всегда разделять «причины» и

«функции». Мертон указывает на то, что возникновение и устойчивость политических машин находятся в соответствии с потребностями, но не дает точного документированного описания той последовательности причин, в силу которой «потребности» обуславливают появление и устойчивое существование данного политического механизма.

По-видимому, Мертон тоже столкнулся с проблемами тавтологии, которая так заметна в функциональном анализе Малиновского. Допуская, что «обычно» устойчивые структуры выполняют положительные функции по удовлетворению потребностей какого-либо сегмента населения, Мертон указывает, что если в существующей в настоящее время системе какой-нибудь образец сохраняет свою устойчивость, то он имеет функциональное значение (возможно, только значение латентной функции) для каких-либо групп. Довольно удивительно, что Мертон возвращается к этому постулату после того, как он столько времени продолжал предостерегать именно против этого допущения. Однако Мертон начинает свой анализ политических механизмов отнюдь не с описания этого явления; не обращается он и к структурному контексту, в котором они существуют; скорее он исходит из допущения, согласно которому политические механизмы существуют для того, чтобы выполнять какую-нибудь функцию — если не явную, то хотя бы латентную.

Эта критика мертоновского анализа конкретных явлений не означает, что при большой детализации причинных процессов можно избежать обвинений в тавтологии и незаконной телеологии. В самом деле, при более подробной детализации «исторического происхождения» политических механизмов и «обратной связи» между политическими машинами, с одной стороны, и сегментами населения, которым они служат, — с другой, объяснение Мертона можно выразить в менее подозрительных причинных терминах. Это обстоятельство заставляет нас задать существенный вопрос: почему Мертону не удалось точно определить причинные цепи, которые сделали бы его утверждения менее подозрительными? Единственный ответ на этот вопрос просто заключается в том, что Мертон предложил свое объяснение политических механизмов только в качестве примера, иллюстрирующего полезность понятия «латент-

ных» функций. В качестве иллюстрации это объяснение, естественно, должно быть кратким, и, следовательно, оно не должно включать полное объяснение возникновения в Америке политических машин. Однако то обстоятельство, что Мертон ясно осознавал проблемы, присущие предыдущим этапам функционального анализа, может лишить этот аргумент всякого доверия, ибо как он мог попасть в те самые ловушки, которых пытался избежать?

Тем не менее аналогичные неудачи Дюркгейма и Радклифф-Брауна — неумение полностью избежать тех логических проблем, которые они ясно понимали, — ставит более фундаментальный вопрос: а нет ли в функциональном анализе чего-либо такого, что побуждает теоретиков давать «короткозамкнутые» причинные объяснения? В логическом отношении не существует никаких причин, которые обязательно превращали бы функциональное объяснение в тавтологию или придавали бы ему характер незаконной телеологии. Дело в том, что, по-видимому, в функциональном анализе «причины» и «функции» по большей части смешиваются, по крайней мере он терпит неудачу в выяснении причин явлений независимо от того, кто автор — Дюркгейм, Радклифф-Браун, Парсонс или Мертон. Почему дело неизменно должно обстоять таким образом? По-видимому, ответ на этот вопрос содержится в концептуализации «потребностей», «реквизита» и «императивов». Как только эти понятия начинают играть в анализе видную роль, некоторые авторы сразу же испытывают трудности с выделением именно тех причинных процессов, которые действуют независимо от обслуживаемых ими потребностей; если же считается, что происходят телеологические процессы, то авторы испытывают затруднения с отделением телеологических процессов от нетелеологических.

Причинный анализ в социологии по большей части отсутствует, ибо знание о том, как одно событие вызывает другое, как известно, далеко не полное. Когда при таком состоянии научной дисциплины понятия потребностей и реквизита системы объединяются с причинными суждениями (которые по необходимости должны быть неопределенными), то конструирование причинных суждений становится весьма затруднительным, потому что всякая неясность в вопросе о том, как систем-

ные или индивидуальные потребности связаны с определенным кругом событий, увеличивает вероятность того, что эти высказывания приобретут характер тавтологии и/или незаконной (или по крайней мере неспецифической) телеологии.

При дальнейшей детализации причинных цепей такие высказывания потеряют всякое значение, но всегда останется опасность того, что некоторые теоретики по-прежнему будут удовлетворены тавтологическими и телеологическими объяснениями, прежде всего потому, что зачастую они звучат весьма привлекательно и, кажется, объясняют явления. Мертоновское объяснение устойчивости политических машин — хороший пример интуитивно привлекательного набора суждений, которым не хватает строгости, необходимой для научной социологической теории. В той мере, в какой стратегия Мертона может позволить себе роскошь отказаться от эксплицитных правил процедуры, чтобы сочетаться с подразумеваемой, но причинно неадекватной формой объяснения, — в той же мере ее критики получают достаточное основание, чтобы усомниться в полезности парадигмы и процедурных правил Мертона.

Функциональная стратегия Мертона: краткий обзор

Мертон занял уникальное положение в социологическом теоретизировании. Его темпераментные и разумные высказывания обычно решали застарелые интеллектуальные проблемы этой дисциплины. Например, его защита теорий «среднего ранга» прекратила ожесточенные споры между теми социологами, которые склонялись в сторону теории, и теми, кто склонялся к эмпирическим исследованиям, — прекратила потому, что доказала эффективность эмпирически ориентированной теории и теоретически ориентированного исследования.

Подобным же образом функциональная парадигма и процедурные правила Мертона помогли объяснить возрастающую критику функционального теоретизирования. Считалось, что парадигма Мертона, указывая на логические проблемы, свойственные некоторым функциональным постулатам, обеспечивает альтернативную форму функционального анализа, свободную от этих проблем. Некритическое принятие этой парадигмы, по-

видимому, подтверждает харизматическую способность Мертона «решать» спорные вопросы. Однако какой бы разумной и привлекательной ни выглядела его аргументация, ей не удалось избавиться от тех самых теоретических проблем, которые она, очевидно, была предназначена решить. Действительно, выполненный самим Мертоном анализ политических механизмов, при всей его глубине и интуитивной привлекательности, не подчиняется требованиям разработанной им процедуры, вызывая тем самым удивление критиков, не понимающих, почему функциональный анализ по-прежнему проходит мимо некоторых своих давних проблем.

На первый взгляд парадигма и процедурные правила Мертона ориентируют исследователей на взаимосвязь и взаимообусловленность структур. Разработка теоретических суждений о природе этих взаимосвязей в различных системных единицах составляет одну из главных целей социологической теории, однако императивистские допущения относительно индивидуальных и системных потребностей, по-видимому, отвлекают внимание исследователей от документальных доказательств точных причинных связей, объединенных в систему явлений. Как показывает проведенный Мертоном анализ, простое составление сводных таблиц для одного из образцов, например для существования политических механизмов, причем структура потребностей приписывается другому образцу, например «потребностям» новых иммигрантов в большом городе, — иногда заменяет более точные причинные суждения относительно связей, соединяющих два разных явления.

Эта ситуация, однако, не является автоматическим следствием функционального анализа, даже такого, где понятия системных и индивидуальных потребностей играют выдающуюся роль. Составление сводных таблиц может навести на новый теоретический вопрос: какие причинные связи могли бы объяснить то обстоятельство, что разные явления можно свести в одну таблицу? С выявлением этих связей исчезнут проблемы императивистских допущений. В самом деле, до тех пор, пока существует стремление не останавливаться на составлении сводных таблиц, а конструировать причинные высказывания, императивистская стратегия, возможно, сумеет приносить пользу при отделении «важных» социальных процессов от «неважных». Эту стра-

тегию, совершенно очевидно, защищает Парсонс. Несмотря на то что парадигма и процедурные правила Мертонa, по-видимому, уделяют меньше внимания этой аналитической задаче, его попытки применить свою процедуру обнаруживают все сходство его теоретической стратегии со стратегией Парсонса. Главное различие их соответствующих друг другу функциональных стратегий связано с тем, какую степень абстрактности каждый из них считает адекватной для социологического теоретизирования в настоящее время. По мнению Парсонса, функциональная теория должна быть грандиозной системой понятий, охватывающей самый широкий круг явлений, какой только возможно; тогда как, по Мертону, социологическое теоретизирование первоначально должно быть привязано к специфическим, разграниченным одно от другого эмпирическим явлениям.

Независимо от того, осуществляется ли функциональное теоретизирование на уровне «грандиозных» теорий или теорий «среднего ранга», оно вызывает серьезную критику, дискуссии, полемику. Несмотря на то что эта критика по большей части не носит продуктивного характера, в результате она все же привела к созданию целой сводки альтернативных теоретических перспектив. То обстоятельство, что эти перспективы наводят на серьезные размышления, свидетельствует, что чрезмерно резкая критика не была совсем бесполезной. А если так, то нужно обсудить эти альтернативные перспективы, чему и будут посвящены три следующих раздела этой книги.

Избранная библиография по функциональному теоретизированию

Barber B. Structural-Functional Analysis: Some Problems and Misunderstandings. — «American Sociological Review», April, 1956, 21, p. 129—135.

Braithwaite R. B. Scientific Explanation. New York, Harper & Bros., 1953, chaps. 9 and 10.

Bredemeier H. C. The Methodology of Functionalism. — «American Sociological Review», April, 1955, 20, p. 173—180.

Radcliffe-Brown A. R. On the Concept of Function in Social Science. — «American Anthropologist», July—September, 1935, 37, p. 392—402.

Radcliffe-Brown A. R. Structure and Function in Primitive Society. Glencoe, Ill., Free Press, 1952.

Buckley W. Structural-Functional Analysis in Modern Sociology. — In: Modern Sociological Theory, ed. by Becker H. and Boskoff A., p. 236—259. New York, Holt, Rinehart & Winston, 1966. (Рус.)

перев.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., ИЛ, 1969. — *Ред.*)

Sanctian F. The Functional Analysis of Change. — «American Sociological Review», December, 1960, 25, p. 818—827.

Cohen P. S. Modern Social Theory. New York, Basic Book, 1968, p. 58—64.

Davis K. The Mith of Functional Analysis of a Special Method in Sociology and Anthropology. — «American Sociological Review», Decembre, 1959, 25, p. 757—772.

Demerath N. J. Synecdoche and Structural-Functionalism. — In: System, Change and Conflict, ed. by Demerath N. Y., and Peterson R. A. III. New York, Free Press, 1967, p. 501—520.

Dore Ph. R. Function and Cause. — «American Sociological Review», Decembre, 1961, 26, p. 843—853.

Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York, Free Press, 1933. (Рус. перев.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. СПб, 1900. — *Ред.*)

Erasmus Ch. J. Obviating the Functions of Functionalism. — «Social Forces», March, 1967, 45, p. 319—328.

Fallding H. Functional Analysis in Sociology. — «American Sociological Review», February, 1963, 28, p. 5—13.

Gouldner A. W. Reciprocity and Autonomy in Functional Theory. — In: Symposium on Sociological Theory, ed by Gross L. Evanston, Ill., Harper & Row, 1959, p. 241—270.

Hempel C. G. The Logic of Functional Analysis. — In: Symposium on Sociological Theory, ed. Gross L. New York, Harper & Row, 1959, p. 271—397.

Malinowski B. Anthropology. — In: Encyclopedia Britannica, Supp. Vol. 1. London and New York, 1936.

Malinowski B. A. Scientific Theory of Culture. Chapel Hill, Univ. of North Carolina, 1944.

Malinowski B. Magic, Science an Religion and Other Essays. Glencoe, Ill., Pree Press, 1948.

Martindale D. The Nature and Types of Sociological Theory. Boston, Houghton Mifflin Co., 1960. Chaps. 16 and 17.

Martindaile D. Functionalism in the Social Sciences. Philadelphia, American Academy of Political and Social Science, 1965.

Merton R. K. Manifest and Latent Functions. — In: Social Theory and Social Structure. New York, Free Press, 1968.

Mulka y M. J. Functionalism, Exchange and Theoretical Strategy. New York, Schocken Books, 1971, p. 1—121.

Nadel S. F. Foundations of Social Anthropology. Glencoe, Ill., Free Press, 1951, p. 373—378.

Nagel E. Teleological Explanation and Teleological Systems. — In: Readings in Philosophy of Science, ed. by Feigl H. and Broadbeck M. New York, Appleton-Century-Crofts, 1953, p. 537—558.

Stinchcombe A. L. Specious Generality and Functional Theory. — «American Sociological Review», Decembre, 1961, 26, p. 929—930.

Stinchcombe A. L. Constructing Social Theories. New York, Harcourt, Brace & World, 1968, p. 80—116.

Wallace W. Sociological Theory. Chicago, Aldine Publishing Co., 1969, p. 24—31, 36—44.

Zetterberg H. On Theory and Verification in Sociology. Towata, N. J., Bedminister Press, 1965, p. 74—79.

ЧАСТЬ II

ТЕОРИЯ КОНФЛИКТА

ГЛАВА 5

Конфликтное наследие

В течение 50-х годов, по мере того как раскрывались существенные особенности схемы Парсонса, все содержание критических замечаний в его адрес сконцентрировалось вокруг одного пункта. Считалось, что функциональная теория в социологии, особенно ее разработанный Парсонсом вариант, затушевывает конфликтную природу социальной действительности. Вскоре нападки, идущие в этом направлении, превратились в ритуальную церемонию для тех социологов, которые пытались теоретически искупить прошлые грехи и которые теперь считали, что теория конфликтов должна вывести социологию из теоретического застоя.

Как доказывал в 1956 г. Дэвид Локвуд¹, Парсонс, который в интересах функционального анализа постоянно допускал, что система находится в состоянии равновесия, создал вымышленную концепцию социальной жизни. Исходя из этого фантастического мира (так Локвуд обозначил содержание концепции Парсонса), функциональный анализ обязательно должен был подчеркивать только те механизмы, которые поддерживали социальный порядок, а отнюдь не те, которые систематически порождали беспорядок и перемены. Более того, постоянно предполагая порядок и равновесие, такие повсеместные явления, как неустойчивость, беспорядок, конфликты, слишком легко стали считать отклонениями, аномалиями и патологией. Тогда как в действительности, настаивал Локвуд, в обществе были «механизмы», которые делали конфликты неизбежными и неотвратимыми. Например, из-за различий в распределении власти одни группы могли эксплуатировать другие, и в социальных системах складывались очаги напряженности и конфликтов. Кроме того, нехватка ре-

сурсов в обществе неизбежно порождала борьбу за их распределение. Наконец, то обстоятельство, что из-за различия своих интересов разные общественные группы преследуют разные цели и, следовательно, должны соперничать друг с другом, приводит к тому, что конфликт обязательно должен разыграться. Эти силы, доказывал Локвуд, представляли «механизмы» социального беспорядка, которые при исследовании социальных систем должны иметь такое же аналитическое значение, как и парсонсовские механизмы социализации и социального контроля. Как отмечалось в главе 3, к концу этого десятилетия Ральф Дарендорф окончательно сформулировал аргументацию этого направления, сравнив функциональную теорию с утопией². Утопии обычно имели несколько исторических предшественников, как, например, имела их гипотеза равновесия Парсонса; утопии обнаруживали универсальную согласованность преобладающих ценностей и институтов — в духе, поразительно напоминающем парсонсовское понятие институционализации; утопии всегда выявляли процессы, благодаря которым поддерживается ныне существующее устройство, что очень похоже на «механизмы» парсонсовской «социальной системы». Следовательно, и утопии, и социальная жизнь, если их рассматривать с функциональной точки зрения, изменяются не слишком серьезно, так как они не имеют отношения ни к истории, ни к расхождению с ценностями, ни к конфликтам в институциональном устройстве.

Таким образом, в начале прошлого десятилетия были заново открыты конфликты и изменения, что побудило некоторых провозгласить точку зрения конфликта «новой социологией»³. Но в действительности конфликтное направление так же старо, как и функционализм; оно имеет своим источником работы двух немецких социологов — Карла Маркса* и Георга Зиммеля, которые приблизительно были современниками выдающихся

* Здесь и далее Дж. Тернер допускает совершенно необоснованные аналогии, неправомерное сближение идей К. Маркса с идеями Зиммеля, Дарендорфа, Козера и некоторых других буржуазных социологов. Изложение Тернером концепций Маркса являет пример искажающего переложения западными социологами в собственной терминологии и толковании положений марксизма. Развернутую оценку этого подхода см. во вступительной статье к данной книге. — *Прим. ред.*

органицистов. И подобно тому, как современный функционализм подтверждает правоту этих органицистов, так и современная теория конфликта многим обязана мыслям Маркса и Зиммеля.

Карл Маркс и диалектическая теория конфликта*

Развивая модель конфликта революционного класса и социального изменения, Маркс создал такой образ социальной организации, который оказывает значительное влияние на современную социологическую теорию. Маркс начинает с простого допущения: экономическая организация, особенно собственность, определяет организацию всего остального общества. Классовая структура и институциональное устройство, так же как и культурные ценности, убеждения, религиозные догмы и другие идеи, существующие в социальных системах, в конечном итоге являются отражением экономического базиса общества. Затем он ввел дополнительное допущение: экономической организации любого общества, за исключением конечного коммунистического общества, свойственны такие силы, которые неизбежно порождают революционный классовый конфликт. Считается, что такие революционные классовые конфликты имеют диалектический характер и происходят в определенную эпоху, причем сменяющие друг друга базисы экономической организации несут в себе зародыши собственного разрушения благодаря поляризации классов и последующему свержению господствующего класса угнетенным. Отсюда следует третье допущение: конфликт имеет два полюса, причем эксплуатируемый класс, сложившийся в определенных экономических условиях, начинает сознавать свои истинные «интересы» и в конце концов образует революционную политическую организацию, которая выступает против господствующего, владеющего собственностью класса.

* Дж. Тернер считает К. Маркса одним из создателей теории конфликта. В действительности К. Маркс разработал стройное и целостное диалектико-материалистическое учение о противоречии и применил его к анализу социальных противоречий, где конфликт выступает как момент, как частный случай, как одна из форм проявления противоречия, хотя и в высшей степени существенная. См. также вступительную статью к данной книге. — *Прим. ред.*

На основе работ Маркса возникает ряд допущений, которые бросают прямой вызов допущениям, приписываемым функционализму, и служат интеллектуальным трамплином для конфликтной альтернативы социологического теоретизирования:

1. Несмотря на то что социальные отношения проявляют свойства систем, они все же изобилуют конфликтными интересами.

2. Это обстоятельство свидетельствует о том, что социальная система систематически порождает конфликты.

3. Следовательно, конфликт является неизбежным и очень распространенным свойством социальных систем.

4. Подобные конфликты имеют тенденцию проявляться в полярной противоположности интересов.

5. Конфликты чаще всего происходят из-за недостаточности ресурсов, особенно власти.

6. Конфликт — главный источник изменения социальных систем.

По-видимому, на развитие современной теории конфликта, помимо этих допущений, имеющих законную силу, такое же влияние оказали форма и содержание причинных представлений Маркса. Эти представления принимают в общем форму следующего допущения: конфликт — это неизбежная и неотвратимо действующая в социальных системах сила, которая активизируется при некоторых специфических условиях. Считается, что при некоторых из этих условий латентные классовые интересы (находящиеся в состоянии «ложного сознания») превращаются в явные классовые интересы («классовое сознание»), а это в свою очередь при определенных дополнительных условиях приводит к поляризации общества на два класса, соединенных в революционном конфликте. Таким образом, по Марксу, существует ряд условий, которым отводится роль опосредующих переменных, ускоряющих или замедляющих неизбежное превращение классовых интересов в революционный классовый конфликт.

Помимо способа аргументации, большое значение для понимания современной социологической теории имеет содержание модели Маркса. С другой стороны, ее существенный вклад лучше всего можно понять, если изложить предложения теоретической схемы Маркса в более абстрактной форме и тем самым отвлечься от его

Таблица 1
КЛЮЧЕВЫЕ ТЕЗИСЫ МАРКСА

- I. Чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами системы.
- II. Чем глубже подчиненные сегменты начинают осознавать свои истинные коллективные интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов.
- A. Чем больше социальные перемены, производимые господствующими сегментами, подрывают существующие в настоящее время отношения между подчиненными, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные интересы.
- B. Чем чаще господствующие сегменты создают у подчиненных состояние отчуждения, тем более вероятно, что эти последние начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.
- B. Чем больше члены подчиненных сегментов смогут жаловаться друг другу, тем более вероятно, что они начнут осознавать свои истинные коллективные интересы.
1. Чем больше экологическая концентрация членов подчиненных групп, тем более вероятно, что они сообщают друг другу свои жалобы.
2. Чем выше возможность членов подчиненных групп получить образование, чем разнообразнее используемые ими средства коммуникации, тем более вероятно, что они должны будут обмениваться жалобами.
- Г. Чем больше подчиненные сегменты сумеют развить унифицированную идеологию, тем более вероятно, что они начнут сознавать свои истинные коллективные интересы.
1. Чем выше способность вербовать или порождать идеологов, тем более вероятно идеологическая унификация.
2. Чем ниже способность господствующих групп регулировать процессы социализации и сети коммуникаций в системе, тем более вероятно идеологическая унификация.
- III. Чем больше подчиненные сегменты системы сознают свои коллективные интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими сегментами системы.
- A. Чем меньше способность господствующих групп проявлять свои коллективные интересы, тем более вероятно, что подчиненные группы должны будут вступить в конфликт сообща.
- IV. Чем выше идеологическая унификация членов подчиненных сегментов системы, тем более развита их структура политического руководства, тем сильнее поляризация господствующих и подчиненных сегментов системы.
- V. Чем сильнее поляризации господствующих и угнетенных, тем более насильственным будет конфликт.
- VI. Чем более насильственным является конфликт, тем больше структурные изменения системы и перераспределение недостающих ресурсов.
-

полемики по поводу социальных классов и революций. Несмотря на то что многие особенности выполненного Марксом анализа при таком изложении будут утрачены⁴⁻⁵, все, чем современная социологическая теория обязана Положениям Маркса, может стать при этом более очевидным. Эти положения приводятся в табл.1⁶.

В табл. 1* сделанные Марксом допущения о природе социальной действительности и ее ключевых причинных связей выражены пропозиционально. Именно благодаря этой пропозициональной форме можно будет надолго сохранить вклад Маркса в современную социальную теорию.

Георг Зиммель и конфликтный функционализм

Георг Зиммель стремился сформулировать такие теоретические суждения, которые в своей совокупности уловили бы *форму базисных социальных процессов*, — подход, который он назвал формальной социологией. Сначала он попытался на основе своих собственных размышлений создать абстракции формальных свойств процессов и событий в самых разнообразных социальных контекстах. При этом Зиммель надеялся развить абстрактные положения, которые позволили бы выделить наиболее фундаментальные социальные процессы, лежащие в основе всех образцов социальной организации. Именно здесь, в этой деятельности, его гений проявился гораздо очевиднее, чем в кратком очерке, посвященном конфликту⁷, который послужил главным источником современной социологической теории конфликта.

Подобно Марксу**, Зиммель считал, что конфликт в обществе неизбежен и неотвратим; он полагал, что социальная структура состоит не столько из господства и подчинения, сколько из разнообразных, неразрывно связанных процессов ассоциации и диссоциации, которые можно отделить друг от друга только в ходе анализа:

* Относительно табл. 1 см. предыдущее примечание редактора. — *Прим. ред.*

** В связи с неправомерными аналогиями, проводимыми Дж. Тернером между Марксом и Зиммелем, см. примечание редактора на с. 126, а также вступительную статью, — *Прим. ред.*

«Структура, возможно, есть *suí generis*, в которой мотивация и форма циклически взаимодействуют друг с другом, и только для того, чтобы иметь возможность описать и понять ее, мы *post factum* сопоставляем обе эти тенденции, считая одну из них монистической, а другую — антагонистической»⁸.

Причина, по которой Зиммель придает этому положению особое значение, отчасти заключается в его «организмической» точке зрения на социальную действительность: обнаруживая формальные свойства, социальные процессы, очевидно, носят системный характер — замечание, которое, несомненно, выведено из организмических доктрин, господствовавших в социологии в его время. Этот деликатный органицизм заставляет Зиммеля отыскивать те последствия конфликта, которые ведут к сохранению социального континуума, а не к его изменению:

«Конфликт, таким образом, предназначен для решения любого дуализма это — способ *достижения своеобразного единства* (курсив мой. — Дж. Т.), даже если оно достигается ценой уничтожения одной из сторон, участвующих в конфликте. Здесь мы можем провести некоторую параллель с тем, что, как известно, наиболее сильный симптом болезни — это попытка организма избавиться от нарушений и повреждений, вызываемых конфликтами его частей»⁹.

В явном противоречии с гармонией, которая обязательно подразумевается этим органицизмом, Зиммель постулировал для отдельных единиц органического целого внутренний «импульс враждебности», или «потребность *ненавидеть и бороться*», хотя этот инстинкт и смешан с инстинктами любви и страсти и ограничен действием общественных отношений. Следовательно, Зиммель считал, что конфликт выражает не просто столкновение интересов, но и нечто большее — нечто такое, что возникает на основе инстинктов враждебности. Подобные конфликты могут либо обостряться благодаря столкновениям интересов, либо смягчаться — как благодаря гармонии отношений, так и благодаря инстинкту любви. Однако в конечном итоге Зиммель все же считает, что одним из конечных источников конфликта является внутренняя биологическая природа людей — «актеров».

Возможно, именно благодаря попыткам совместить свои допущения о природе социального организма с замечаниями относительно инстинктов любви и ненависти Зиммель предпринял самые серьезные усилия с тем, что-

бы проанализировать положительные последствия конфликта для сохранения социального целого и составляющих его единиц. При этом враждебные импульсы рассматривались им не столько как противоречия или рак, разъедающий органическое целое, сколько в качестве одного из тех многочисленных процессов, которые обеспечивают сохранение социального организма. Таким образом, хотя Зиммель и признает, что полностью кооперированное, гармоническое и интегрированное общество не обнаружило бы «никаких процессов жизнедеятельности», все же его анализ конфликта обращает внимание в основном на то, каким образом конфликт содействует сплоченности и унификации.

Именно благодаря этому аспекту в работах Зиммеля, посвященных конфликту, складывается образ организации общества, принципиально отличный от той картины, на которой настаивает Маркс:

1. Социальные отношения складываются лишь в системном контексте, воплощением которого служит только органическая взаимосвязь процессов ассоциации и диссоциации.

2. Подобные процессы одновременно являются выражением как инстинктивных импульсов «актеров», так и императивов, продиктованных различными типами социальных отношений.

3. Следовательно, конфликтные процессы — это очень распространенная черта социальных систем, однако они далеко не обязательно и отнюдь не во всех случаях приводят к разрушению системы и/или социальным изменениям.

4. Действительно, конфликт — это один из главных процессов, которые служат сохранению социального целого и/или некоторых составляющих его частей.

Эти допущения отражены в многочисленных специфических высказываниях¹⁰, которые, очевидно, сделаны Зиммелем на основе прямого наблюдения происходящих вокруг событий и чтения исторических источников, объясняющих конфликты. В своих высказываниях Зиммель рассматривает конфликты в качестве *переменной*, которая проявляет различные степени интенсивности или силы. Полюсами того континуума, который образован этой переменной, по-видимому, являются «конкуренция» и «борьба», причем конкуренция связана с более упорядоченной взаимной борьбой партий, приводя-

щей к их взаимному обособлению, а борьба обозначает более беспорядочную, непосредственную битву партий¹¹.

Несмотря на то что Зиммель не дает экстенсивной разработки функциональных параметров конфликта и не пользуется своей собственной терминологией, определения Зиммеля вызвали у современных социологов длительную дискуссию о том, что является и что не является конфликтом¹². Эта дискуссия часто вырождалась в игру словами и терминами, но по существу она ставила серьезный вопрос — проблему уточнения понятий, употребляемых в высказываниях о конфликтных процессах; именно эту спорную теоретическую проблему Зиммель, совершенно очевидно, считал решающей.

Вероятно, органицизм Зиммеля сыграл решающую роль в концептуализации конфликта как изменчивого явления. В отличие от Маркса, который думал, что конфликт в конце концов обязательно усиливается, приобретает революционный характер и приводит к структурным изменениям системы, Зиммель чаще всего анализировал явления противоположного характера — менее интенсивные и острые конфликты, которые укрепляли прочность и интеграцию системы, стимулировали ее упорядоченные изменения¹³. Однако в пределах своего мягкого органицизма Зиммель все же высказал ряд суждений, относящихся к остроте конфликта, то есть к степени прямой конфронтации и насилия борющихся партий. Как и в случае с Марксом, все воздействие исследований Зиммеля на современную теорию можно будет лучше понять в том случае, если изложить его положения более формализованно, в более абстрактном виде по сравнению с его описательным очерком. Эти положения перечислены в табл. 2.

В предложении I табл. 2 Зиммель обращается к вопросу об эмоциональной причастности к конфликту участвующих в нем партий, он полагает, что, чем сильнее эмоции, вызванные конфликтом, с тем большей вероятностью конфликт будет связан с применением насилия. Предложения I-A и I-B, которые, по-видимому, относятся к межличностным конфликтам отдельных индивидов, делают ударение на том, что чувства, вызванные прежней близостью, враждой или ревностью, усилят остроту такого конфликта. В предложениях II—VII Зиммель переключается с исследования индивидуальных конфликтов на групповые. Он предполагает,

КЛЮЧЕВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЗИММЕЛЯ,
КАСАЮЩИЕСЯ ОСТРОТЫ КОНФЛИКТОВ

-
- I. Чем больше группы вовлечены в конфликт эмоционально, тем острее конфликт^а.
- А. Чем выше была раньше степень причастности групп к конфликту, тем сильнее они вовлечены в него эмоционально^б.
- Б. Чем сильнее была раньше вражда между группами, принимающими участие в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом^в.
- В. Чем сильнее соперничество участвующих в конфликте, тем сильнее их эмоции, вызванные конфликтом^г.
- II. Чем лучше «сгруппированы» группы, втянутые в конфликт, тем он острее^д.
- III. Чем выше относительная сплоченность участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт^е.
- IV. Чем крепче было раньше согласие участвующих в конфликте групп, тем острее конфликт^ж.
- V. Чем меньше изолированы и обособлены конфликтующие группы благодаря широкой социальной структуре, тем острее конфликт^з.
- VI. Чем меньше конфликт служит просто средством достижения цели, чем больше он становится самоцелью, тем он острее^и.
- VII. Чем больше, по представлению его участников, конфликт выходит за пределы индивидуальных целей и интересов, тем он острее^к.
-

^а Simmel L. Conflict and the Web of Group Affiliation, p. 38—39.

^б Ibid., p. 45—46.

^в Ibid., p. 48.

^г Ibid., p. 50.

^д Ibid., p. 33.

^е Ibid., p. 49.

^ж Ibid., p. 43.

^з Ibid., p. 66—67.

^и Ibid., p. 27—28.

^к Ibid., p. 39.

что чем лучше различаются и идентифицируются конфликтующие друг с другом группы (II), тем больше будет их внутренняя сплоченность (III). Далее, вероятность того, что конфликт вызовет применение насилия, будет тем выше, чем гармоничнее были раньше отношения участвующих в конфликте групп (IV), чем меньше эти группы были изолированы и обособлены (V), чем больше каждая из этих групп считает конфликт само-

целью (VI), чем больше члены конфликтующих групп полагают, что конфликт выходит за пределы их индивидуальных интересов (VII).

Зиммель понимает, что связанная и унифицированная организация конфликтных групп (предложения II—III), члены которых испытывают в связи с конфликтом сильные эмоции (I) и цели которых определяются как надындивидуальные (VII), в результате приведет к конфликтам, связанным с применением насилия. Зиммель не считает, что такие острые конфликты непременно вызовут реорганизацию социальной системы. Несмотря на то что и Маркс, и Зиммель, по-видимому, ставят один и тот же теоретический вопрос: каковы последствия конфликта для социальной системы и для участвующих в нем групп? Несмотря на то что, по мнению обоих этих авторов, конфликт соответственно

Таблица 3

ФУНКЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА ПО ОТНОШЕНИЮ
К УЧАСТВУЮЩИМ В НЕМ СТОРОНАМ

-
- I. Чем сильнее внутригрупповые раздоры и чаще межгрупповые конфликты, тем менее вероятно, что границы между группами должны исчезнуть^а.
 - II. Чем сильнее острота конфликта, чем меньше интегрирована группа, тем больше вероятность деспотической централизации конфликтных групп^б.
 - III. Чем острее конфликт, тем сильнее внутренняя сплоченность конфликтных групп^в.
 - A. Чем больше острота конфликта и меньше конфликтные группы, тем выше их внутренняя сплоченность^г.
 1. Чем острее конфликт и меньше конфликтная группа, тем меньше в каждой группе терпимости к отклонениям и разногласиям^д.
 - Б. Чем острее конфликт и чем больше группа выражает позицию меньшинства в данной системе, тем сильнее ее внутренняя сплоченность^е.
 - В. Чем острее конфликт и чем больше группа занята самообороной, тем сильнее ее внутренняя сплоченность.
-

^а Simmel. Conflict and the Web of Group Affiliation, p. 18.

^б Ibid., p. 87—88, 92—93.

^в Ibid., p. 92.

^г Ibid., p. 96.

^д Ibid., p. 93—97.

^е Ibid., p. 96.

Таблица 4

ФУНКЦИИ КОНФЛИКТА ПО ОТНОШЕНИЮ
К СОЦИАЛЬНОМУ ЦЕЛОМУ

-
- I. Чем меньше острота конфликта^а, чем больше социальное целое базируется на функциональной взаимозависимости^б, тем более вероятно, что конфликт имеет интегративные последствия для социального целого^в.
 - II. Чем чаще конфликты и чем они менее остры, тем лучше члены подчиненных групп могут избавиться от враждебности, почувствовать себя хозяевами своей собственной судьбы и, следовательно, поддерживать интеграцию системы^г.
 - III. Чем менее острый конфликт и чем он чаще, тем больше вероятность того, что будут созданы нормы, регулирующие конфликты^д.
 - IV. Чем сильнее вражда между группами в социальной иерархии, чем реже при этом открытые конфликты между ними, тем сильнее их внутренняя сплоченность, тем вероятнее, что они будут держать определенную социальную дистанцию и тем самым содействовать сохранению существующего социального порядка^е.
 - V. Чем более продолжителен и менее остр конфликт между группами, в различной степени обладающими властью, тем более вероятно, что они отрегулируют свое отношение к власти.
 - VI. Чем острее и продолжительнее конфликт, тем более вероятно, что группы, прежде не связанные между собой, образуют коалиции^ж.
 - VII. Чем продолжительнее угроза острого конфликта между партиями, тем прочнее коалиции, в которые вступает каждая из сторон, участвующих в конфликте^з.
-

^а Simmel. Conflict and the Web of Group Affiliation. Glencoe, p. 43—47.

^б Ibid., p. 73—75.

^в Ibid., p. 17—18.

^г Ibid., p. 19.

^д Ibid., p. 26.

^е Интерпретация Козера. См.: Coser L. A. The Functions of Conflict. London, Free Press, 1956, p. 34—35.

^ж Simmel. Conflict and the Web of Group Affiliation, p. 103—149.

^з Ibid., p. 104.

и объединяет, и поляризует конфликтные группы, — несмотря на все это, они начинают расходиться, когда Зиммель подчеркивает, что конфликт приводит к дальнейшей интеграции более широкой социальной системы, в которой он происходит. Этот интерес к интегративным функциям конфликта как для обеих его сторон, так и для социального целого, вероятно, совершенно неиз-

бежен, если принять во внимание организмические допущения, на которых основывается формулировка специфических для Зиммеля суждений. В табл. 3 и 4 соответственно обобщаются функции конфликта и по отношению к вовлеченным в него группам, и по отношению к социальному целому¹⁴.

В табл. 3 предложения I—III указывают на последствия конфликта для организации конфликтных групп. Если вернуться к табл. 2, то там утверждалось, что природа групповой организации и более широкий структурный контекст конфликта оказывают влияние на его остроту. Как свидетельствуют предложения, представленные в табл. 3, Зиммель, напротив, указывает на то, что острота конфликта вызывает изменения в организации конфликтных групп, обеспечивая тем самым различные образцы организации для различных условий. По-видимому, Зиммель имеет в виду двусторонний процесс обратной связи, где в определенный момент времени организация группы детерминирует остроту конфликта, а впоследствии острота конфликта воздействует на групповую организацию, которая в свою очередь окажет воздействие на остроту дальнейших конфликтов и т. д. — до тех пор, пока одна из участвующих в конфликте партий или какая-нибудь третья партия не сумеет разрешить этот конфликт. В этом циклическом процессе обратной связи, как считает Зиммель, повышенная острота конфликта создает: четкие границы между группами (предложение I); деспотическое руководство (II), особенно в тех случаях, когда группа первоначально раздроблена; внутреннюю сплоченность (III), особенно тогда, когда группа невелика (III-A), находится в меньшинстве (III-B) и занята самообороной (III-B).

В табл. 4 Зиммель указывает, что ряд функций конфликта состоит в том, чтобы в различных условиях обеспечивать создание различных форм интеграции систем. В предложении I Зиммель высказывает предположение о том, что в дифференцированных социальных системах, основанных на функциональной взаимообусловленности частей, менее острые конфликты усиливают интеграцию систем преимущественно тем, что мешают возникнуть острым разрушительным конфликтам. В предложении II Зиммель разъясняет и дополняет предложение I, замечая, что частые и не слишком дли-

тельные конфликты помогают избавиться от чувства враждебности, так как они внушают членам группы чувство контроля над своей собственной судьбой; поэтому частые и притом менее острые конфликты усиливают интеграцию, предотвращая всякую возможность накапливать чувства враждебности и раздражения. В предложении III Зиммель далее показывает, что частые, неглубокие конфликты могут содействовать интеграции системы, поскольку они институционализируются и, следовательно, начинают регулироваться нормативно. В предложении IV он постулирует, что в иерархически организованных системах, где часто разражаются конфликты, внутренняя сплоченность потенциальных конфликтных групп возрастает, но при этом возрастают и их изоляция, обособленность друг от друга, обеспечивая тем самым иерархическую основу интеграции системы. Предложение V означает, что продолжительные неострые конфликты групп, в разной степени обладающих властью, вероятно, институционализируются и начинают регулироваться при помощи норм (главным образом потому, что те, кто находится у власти, видят в конфликте только неприятности и, следовательно, считают, что их нужно регулировать, тогда как те, кто не обладает властью, считают, что все то, что находится «за пределами» конфликта, потенциально подлежит разрушению и, следовательно, нуждается в регулировании). В предложении VI утверждается, что острые и продолжительные конфликты содействуют созданию коалиций, причем это относится не только к различным партиям, принимающим участие в конфликте, но и к тем, на кого конфликт может оказать какое-либо влияние; таким образом, считается, что конфликт обеспечивает основу для интеграции ранее не связанных групп. Наконец, в предложении VII высказывается следующая мысль: чем продолжительнее и сильнее угроза конфликта, тем вероятнее долговечные коалиции между его потенциальными участниками.

Если вернуться к основным положениям Зиммеля, приведенным в табл. 2, 3 и 4, то в них, очевидно, можно найти много пробелов, неясностей, а возможно, и неверных выводов. Кроме того, положения в табл. 3 и 4, по-видимому, останавливаются исключительно на положительных функциях конфликтов. Несмотря на то что инверсия каждого из этих предложений могла

бы показать, при каких условиях конфликт разрушает «социальный организм», Зиммель, по-видимому, не заботится о том, чтобы дать необходимые разъяснения; вместо этого он предпочитает подкреплять свой органицизм односторонними функциональными высказываниями. Однако, несмотря на все эти затруднения, схема Зиммеля производит большое впечатление тем, что наводит на новые размышления. Дело не только в том, что по своему содержанию каждое предложение связано с коренными социальными процессами, которые требуют дальнейших исследований, но и в том, что по своей форме (то есть при абстрагировании от наблюдений и от констатации условий, при которых, вероятно, происходят те или иные события) выполненный им анализ представляет собой подходящую модель для современного теоретизирования.

Возникновение теории конфликта: краткий обзор

Несмотря на то что и Маркс, и Зиммель считали конфликт широко распространенным и необходимым свойством социальных систем, принятые ими допущения относительно природы общества в корне отличались друг от друга: Маркс подчеркивал антагонистический характер конфликтов, а Зиммель — его интегративные последствия. Эти различия выражаются в том, что они отдают предпочтение совершенно разным типам высказываний, причем Маркс обращается к условиям, которые могли бы разрешить конфликт, а Зиммеля интересует, при каких условиях может измениться острота конфликта. Кроме того, Маркса жизненно интересовали социально-структурные причины конфликта, тогда как Зиммель стремился сосредоточить свое внимание на форме и последствиях только что начавшегося конфликта, ограничиваясь при этом неопределенными ссылками на «борьбу инстинктов».

Сравнивая Маркса и Зиммеля, мы в равной мере заинтригованы тем обстоятельством, что все их высказывания, насколько можно обнаружить, противоречат друг другу. Например, с одной стороны, Зиммель доказывал, что чем яснее цели, преследуемые участниками конфликта, тем более вероятно, что конфликты можно считать просто средствами для достижения цели, причем в конфликте обе группы, пытаясь избежать той вы-

сокой цены, которую приходится платить за острые или насильственные конфликты, будут вынуждены искать компромиссов и других альтернативных средств. С другой стороны, Маркс доказывает нечто прямо противоположное, когда утверждает, что как только социальный класс осознает свои истинные интересы (а следовательно, получает ясное представление о своих целях), то в этом случае насильственный конфликт становится в высшей степени вероятным. Расхождение этих высказываний, по-видимому, проистекает из-за различия принятых авторами допущений, ибо Маркс допускает, что острый конфликт — это неизбежное и неотвратимое свойство социальных систем и их изменений, тогда как Зиммель просто допускает, что конфликт — это просто один и тот же процесс, меняющий свою остроту и имеющий разные последствия в том или ином социальном целом.

В какой-то мере современная теория конфликта попыталась объединить многообещающие особенности как схемы Маркса, так и схемы Зиммеля; однако даже после того, как это было выполнено, современные теоретики с гораздо большим энтузиазмом стремились принять допущения и суждения либо одного, либо другого из этих мыслителей. Такая избирательность привела к тому, что в современной социологической теории сложилось два основных направления, которые вдохновлялись либо Марксом, либо Зиммелем: 1) диалектическая теория конфликта и 2) конфликтный функционализм. Чаще всего считается, что именно эти направления обеспечат «новые» альтернативы функциональной социологической теории, а следовательно, и более адекватное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка: как и почему возможно общество?

Диалектическая теория конфликта: Ральф Дарендорф

Ральф Дарендорф постоянно доказывал, что схема Парсонса, как и функционализм в целом, создает слишком гармоническое, интегративное и статичное представление об обществе. Несмотря на то что, как считается, общество имеет «два облика» — облик всеобщего согласия и облик конфликта — Дарендорф настаивает на том, что сейчас наступило время начать исследование «безобразного облика» общества и отказаться от утопической картины общества, созданной функционализмом. Чтобы покончить с утопиями, Дарендорф советует:

«В будущем концентрировать внимание не только на конкретных проблемах, но и на таких, которые можно объяснить только с точки зрения напряженности, конфликта и перемен. Возможно, этот второй облик общества в эстетическом отношении окажется далеко не столь приятным, как социальная система, однако, если бы вся социология должна была отыскивать легкий путь к утопическому спокойствию, вряд ли это окупило бы наши усилия»¹.

Следовательно, чтобы избежать утопии, требуется, чтобы одностороннюю функциональную модель заменила односторонняя конфликтная модель. Несмотря на то что Дарендорф не считает эту перспективу конфликта единственным обликом общества², все же она является необходимым дополнением, которое восполнит прежнюю неадекватность функциональной теории. Именно из этого теоретического призыва возникает модель диалектической перспективы конфликта, которая, как провозглашает Дарендорф, больше соответствует тому, что происходит в мире, чем функционализм, и, следовательно, служит единственным выходом из утопии. В своем анализе Дарендорф никогда не забывает отметить, что

в социальных системах, совершенно очевидно, помимо конфликтов, происходят и другие процессы и что даже те конфликтные явления, которые он предлагает изучить, не исчерпывают всего многообразия общественных конфликтов. Однако, высказав все это, Дарендорф затем приступает к такому исследованию, которое, по видимому, противоречит этой характеристике, ибо в нем постоянно подразумевается, что данная конфликтная модель представляет собой более всеобъемлющую «теорию» общества, обеспечивающую более адекватное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

Представления Дарендорфа об общественном порядке³

Согласно Дарендорфу, институционализация связана с созданием «императивно координированных ассоциаций» (в дальнейшем обозначаемых как ИКА), которые не имеют строгих критериев для своего определения и представляют собой хорошо различимую организацию ролей. Для этой организации характерны отношения власти, причем некоторые комплексы ролей обладают властью подчинять себе другие комплексы. Несмотря на то что высказывания Дарендорфа по этому вопросу несколько неясны, очевидно, что *любую* социальную единицу — от небольшой группы или учреждения до сообщества или общества в целом — можно в интересах исследования рассматривать в качестве ИКА, если в организации ролей существует явное дифференцированное распределение власти. Следовательно, несмотря на то что власть обозначает насилие одних над другими, в ИКА эти отношения власти стремятся стать узаконенными; следовательно, их можно рассматривать как отношения *авторитета*, где некоторые подразделения имеют «общепризнанное» или «нормативное» право властвовать над другими⁴. Таким образом, по представлению Дарендорфа, «общественный порядок» поддерживается при помощи процессов, создающих отношения авторитета в различных типах ИКА, существующих в каждом слое социальных систем.

Однако в то же время власть и авторитет — весьма дефицитные ресурсы, за которые идет борьба и конкуренция между подгруппами вышеназванных ИКА и которые, следовательно, служат главными источниками конфликтов и перемен в этих институционализирован-

ных образцах. Этот конфликт в конечном итоге служит отражением того, каково отношение к авторитету различных кластеров ролей в ИКА, так как «объективные интересы» той или иной роли находятся в прямой зависимости от того, пользуется ли та или иная роль авторитетом, обладает ли она властью над другими ролями.

Однако несмотря на то, что разные роли в ИКА в разной мере пользуются авторитетом, в любой конкретной ИКА можно выделить два основных типа ролей — правящих и управляемых, причем правящие комплексы «заинтересованы» в сохранении *status quo*, а управляемые — в перераспределении власти, или авторитета. При определенных условиях осознание этой противоположности интересов возрастает, и вследствие этого ИКА поляризуется на две конфликтные группы, каждая из которых отныне сознает свои объективные интересы, которые затем вступают в конкуренцию с авторитетом. «Решение» этой конкуренции или конфликта влечет за собой перераспределение авторитета в ИКА, превращая конфликт, таким образом, в источник социальных изменений в социальных системах. В свою очередь перераспределение авторитета представляет собой институционализацию нового комплекса правящих и управляемых ролей, при определенных условиях поляризующихся на две группы интересов, которые снова начинают конкурировать друг с другом в борьбе за авторитет. Итак, социальная действительность служит прообразом этих бесконечно повторяющихся конфликтов по поводу авторитета в различных типах ИКА, из которых состоит социальная система. Иногда конфликты в различных существующих в обществе ИКА частично накладываются друг на друга, что приводит к крупным конфликтам, охватывающим большие сегменты общества, тогда как в другое время и при других условиях эти конфликты ограничиваются рамками конкретной ИКА.

Представление об институционализации как о циклическом или диалектическом процессе привело Дарендорфа к исследованию только некоторых ключевых причинных отношений: 1) принимается, что конфликт — это неотвратимый процесс, возникающий из-за противоположности сил, действующих в социально организованных структурах; 2) подобный конфликт ускоряется или замедляется благодаря ряду опосредующих струк-

турных условий, или переменных; 3) «решение» конфликта в какой-то момент времени создает такое состояние структуры, которое при определенных условиях с неизбежностью приводит к дальнейшим конфликтам противоборствующих сил.

По Марксу, источник конфликта в конечном итоге находится гораздо глубже, чем культурные ценности и институты, которые представляют собой надстройку. В самом деле, динамика общества обнаруживается в его «внутренней структуре», где дифференцированное распределение собственности и власти с неизбежностью вызывает ряд следующих друг за другом событий, которые при определенных условиях приводят к революционному классовому конфликту. Дарендорф, несмотря на то что он часто заимствует терминологию Маркса по поводу власти и угнетения в социальных системах, в действительности полагает, что источник конфликта совершенно иной, а именно — институционализированные отношения авторитета в ИКА. Такая позиция сильно отличается от позиции Маркса, который считает, что подобные отношения авторитета — это просто «надстройка», которая в конце концов будет разрушена динамичными конфликтами, происходящими на более глубоких уровнях, чем институционализированные структуры. Хотя Дарендорф и признает, что на отношения авторитета оказывают влияние господствующие группы ИКА, и часто ссылается на такие вещи, как «фактуальный субстрат», источником конфликта при ближайшем рассмотрении все же становятся ролевые отношения узаконенного авторитета в ИКА. Этот отказ подчеркивать вслед за Марксом «внутреннюю институциональную структуру» вынуждает Дарендорфа отыскивать источник конфликта в тех самых отношениях, которые — хотя и временно — интегрируют ИКА. Быть может, сам по себе этот перенос удара весьма желателен, поскольку Дарендорф открыто признает, что власть лишь отчасти является отражением отношений собственности. Однако вскоре станет совершенно очевидно, что представление о власти только как об авторитете может привести к аналитическим проблемам, которые легко могут оказаться столь же трудными, как и те, что возникают в полемически заостренной модели Маркса.

Хотя и Дарендорф, и Маркс делают ударение на

различных источниках конфликта, в их моделях обнаруживается, что к конфликту и реорганизации социальной структуры приводит аналогичная причинная цепь событий: отношения господства и подчинения ведут к «объективной» противоположности интересов*; осознание угнетенными этой внутренней противоположности интересов происходит при определенных условиях; при других условиях это новообретенное сознание приводит к созданию политической организации, а затем — к поляризации угнетенных групп, которые впоследствии вступают в конфликт с господствующей группой; в результате конфликта будет провозглашена новая форма социальной организации; в ней сложатся отношения господства и подчинения, которые повлекут за собой другие события, ведущие к конфликтам, а затем — к изменению форм социальной организации.

Опосредующие условия, влияющие на эти процессы, выделяются Дарендорфом только по отношению к формированию угнетенными осознания противоположности своих интересов, политизации и поляризации угнетенных в конфликтную группу, а также по отношению к итогам конфликта. Остается не выясненным, при каких опосредующих условиях институционализированные формы создают господствующие и подчиненные группы, а эти последние могут стать примером противоположности интересов — наверное, потому, что они заложены в природе институционализации или ИКА и, следовательно, не нуждаются в объяснении.

На рис. 4 делается попытка наметить в общем и целом основные причинные представления Маркса и Дарендорфа**. В верхней части диаграммы помещены аналитические категории Маркса, выраженные в самой абстрактной форме. В двух других рядах дается соотносительный анализ эмпирических категорий Маркса и Дарендорфа. Аналитические категории модели Дарендорфа самостоятельно не перечисляются, потому что они совпадают с такими же категориями модели Марк-

* Необходимо заметить, в противоположность точке зрения Дж. Тернера, что в антагонистическом классовом обществе сами «отношения господства и подчинения», равно как и «противоположность интересов», производны от отношений к собственности, порождающих эксплуатацию человека человеком. — *Прим. ред.*

** См. по этому поводу примечание редактора на с. 126 и 127 и вступительную статью к книге. — *Прим. ред.*

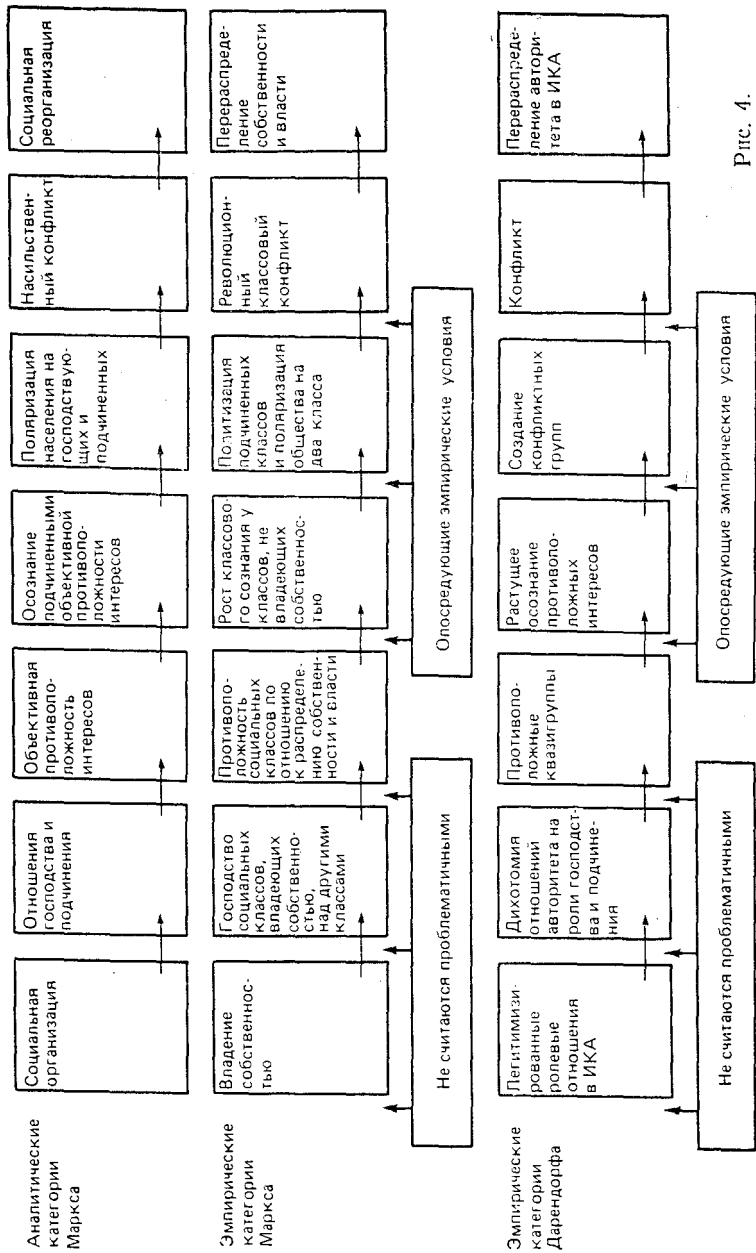

Рис. 4.

са. Становится совершенно очевидным, что эмпирические категории Дарендорфа очень сильно отличаются от эмпирических категорий Маркса. Однако форма анализа во многом остается той же самой, так как каждый из них полагает, что вопросы эмпирических условий социальной организации, того, как эта организация превращается в отношения господства и подчинения и создает противоположность интересов, не являются проблематичными и не нуждаются в причинном анализе. Согласно и Марксу, и Дарендорфу, причинный анализ начинается с разработки условий, которые приводят к росту классового сознания (Маркс) или к осознанию квазигруппами своих объективных интересов (Дарендорф); затем анализ переключается на создание политизированного класса «для себя» (Маркс) или подлинной «конфликтной группы» (Дарендорф); наконец, особое внимание обращается на возникновение конфликта между поляризованными и политизированными классами (Маркс) или конфликтными группами (Дарендорф).

Критика модели диалектического конфликта

Проблемы причинного анализа

Самая заметная критика причинных представлений Дарендорфа исходит от Петра Вейнгардта⁵, который доказывал, что, отклоняясь от Марксовой концепции «внутренней структуры» противоположных интересов, находящейся в основании культурных и институциональных надстроек, созданных правящими классами, Дарендорф расплачивается за это тем, что теряет возможность выполнить подлинно причинный анализ конфликта и, следовательно, выяснить, каким образом изменяются формы социальной организации. Эта критика ставит вопросы, напоминающие о сходстве функционализма Дарендорфа и Парсонса: неужели конфликт возникает из легитимизированных отношений авторитета между различными ролями в ИКА? Неужели та же самая структура, которая создает интеграцию, производит и конфликт? Хотя схема Маркса сталкивается с эмпирическими проблемами, причинный анализ не ставит перед ней аналитических проблем, так как источник конфликта — противоположность экономических интересов — четко отделяется от институциональных и культурных

учреждений, поддерживающих временный порядок — социетальную надстройку. Дарендорф, однако, затушевывает это различие и, таким образом, попадает в ту же самую аналитическую западню, которую он приписывал функциональной теории: изменение, вызывающее конфликт, таинственным образом должно возникать из легитимизированных отношений в социальной системе.

Пытаясь избежать этой аналитической ловушки, Дарендорф часто делает свой причинный анализ весьма запутанным. Единственная задача, которую пытается решить Дарендорф, состоит в том, чтобы доказать, что многие роли имеют также и дезинтегрирующий аспект, потому что они олицетворяют противоположность интересов тех, кто их исполняет. Эта противоположность интересов отражается в конфликте ролей, который, по-видимому, сводит все спорные вопросы ролевой напряженности и конфликта к дилеммам, создаваемым объективной противоположностью интересов, — что, конечно, является весьма сомнительным утверждением, справедливым лишь для определенного периода времени. Уравнивая интересы и ролевые экспектации (ожидания), Дарендорф, по-видимому, должен был бы предположить, что все институционализированные образцы, или ИКА, обнаруживают два противоположных ряда ролевых экспектаций — либо подчиняться, либо возмущаться, а «актеры» должны «решать» сами, каким экспектациям они будут следовать. По-видимому, актеры «хотят» понять свои «объективные интересы» и, следовательно, восстают против ролевых экспектаций, возлагаемых на них господствующей группой. Эта задача заставляет модель Дарендорфа сводить происхождение конфликта к желаниям, воле и чувствам отдельного человека или группы⁶ — редукционистский императив, который Дарендорф наверняка бы отверг, если бы он не был столь очевидно продиктован его собственными причинными представлениями.

Многие из этих проблем можно было бы преодолеть, если бы Дарендорф обеспечил ряд суждений существования и отношений, которые показали бы, при каких условиях легитимизированные отношения ролей в ИКА создают дихотомическое разделение отношений авторитета на отношения господства и подчинения. Просто допустить, что дело обстоит именно так, — значит уклониться в своей аналитической схеме от критической

причинной цепи. Необходимые предложения такого рода, или, как их оценивает Дарендорф, «опосредующие эмпирические условия», являются необходимой частью модели, потому что без них остается непонятным, как впервые возникают различные типы авторитета, насилия и угнетения, которые затем приводят к конфликту. Допустить, что они возникают непосредственно из социальной структуры или являются ее составной частью, — значит отказаться от постановки важного в теоретическом отношении вопроса о том, какие типы авторитета и в каких типах ИКА приводят к таким-то и таким-то типам господства и подчинения, которые в свою очередь ведут к различным типам противоположных интересов и конфликтов⁷. Таков круг явлений, который следует концептуализировать в качестве переменных и включить в причинные цепи диалектической модели конфликта. Если снова обратиться к рис. 4, то эта задача повлекла бы за собой необходимость сформулировать «опосредующие эмпирические условия» на всех стыках всех эмпирических категорий Дарендорфа. То, что теперь считается «непроблематичным», стало бы таким же проблематичным, как и последующие эмпирические условия.

Трудно поставить перед собой такую задачу, но это позволило бы Дарендорфу отчасти избежать следующих наиболее типичных критических упреков в адрес своих причинных представлений⁸: 1) не только конфликт вызывает изменение социальной структуры, но и изменения структуры служат причиной конфликта (при условиях, которые требуется определить); 2) конфликт не всегда приводит к изменениям (а лишь при некоторых условиях, которые требуется определить гораздо детальнее, чем это сделано в исходном исследовании Зиммеля); 3) конфликт может задержать изменения (и вновь требуется определить, при каких условиях). Если эти условия просто входят в состав причинных представлений, то теория конфликта просто фиксирует довольно очевидный факт — то, что изменения происходят, — и не дает ответа на вопросы теоретического характера — *почему, когда и где* они происходят.

Несмотря на неопределенность своего причинного анализа, Дарендорф все же систематически пытается выяснить, какие «опосредующие эмпирические условия» вызывают превращение «квазигрупп» в «конфликтные

группы», а также какие условия влияют на остроту конфликта (причастность к нему членов группы), его насильственный характер (степень регуляции), степень и темп структурных изменений, вызванных конфликтом. Если выразаться более формализованно, Дарендорф выделяет три типа опосредующих эмпирических условий: 1) «условия организации», которые влияют на трансформацию латентных квазигрупп в явные конфликтные группы; 2) «условия конфликта», которые определяют форму и остроту конфликта; 3) «условия структурных изменений», которые оказывают влияние на характер, темпы и глубину изменений социальной структуры⁹.

Таким образом, в теоретической схеме получили явное признание следующие переменные: 1) степень сформированности конфликтных групп, 2) степень остроты конфликта, 3) степень его насильственности, 4) степень изменения социальной структуры, 5) темпы подобных изменений. Для тех критических замечаний, которые будут приведены ниже, большое значение имеет следующее обстоятельство: такие понятия, как, например, «ИКА», «законность», «авторитет», «насилие», «господство» и «подчинение», не определены *эксплицитно*, как переменные, для которых требуется оговорить, какие условия влияют на их изменения. Скорее эти понятия либо просто определяются, а потом и связываются друг с другом с точки зрения частичного совпадения их определений, либо излагаются в виде допущений относительно природы социальной реальности.

По отношению к тем явлениям, которые концептуализируются в качестве переменных, высказывания Дарендорфа¹⁰, по-видимому, являются разработкой* высказываний, развиваемых Марксом (см. табл. 1), как это видно из табл. 5.

Эти высказывания по своему содержанию и форме

* Ни о какой разработке Дарендорфом положений Маркса не может в действительности идти речь. Дарендорф — буржуазный социолог, противник марксизма, и если он чисто внешне, вербально в чем-то следует терминологии марксизма, то лишь с одной целью — исказить его, противостоять влиянию идей марксизма-ленинизма в современном мире и выполнить тем самым социальный заказ, данный Дарендорфу классом, представителем которого он является. — *Прим. ред.*

ПОЛОЖЕНИЯ СХЕМЫ ДАРЕНДОРФА

-
- I. Чем больше члены квазигрупп в ИКА могут осознать свои объективные интересы и образовать конфликтную группу, с тем большей вероятностью произойдет конфликт.
 - A. Чем больше будет собрано «технических» условий организации, тем вероятнее образование конфликтной группы.
 - 1. Чем больше в квазигруппах будет создано руководящих кадров, тем вероятнее, что образуются все «технические» условия организации.
 - 2. Чем более кодифицирована идея системы, или хартия, тем вероятнее, что сложатся все «технические» условия организации.
 - B. Чем шире будет круг «политических» условий организации, тем вероятнее, что образуется конфликтная группа.
 - 1. Чем больше господствующие группы разрешают организацию противоположных им интересов, тем выше вероятность того, что будут собраны все «политические» условия организации.
 - B. Чем больше можно собрать «социальных» условий организации, тем выше вероятность образования конфликтных групп.
 - 1. Чем больше у членов квазигрупп возможностей общаться друг с другом, тем больше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.
 - 2. Чем больше новых членов могут иметь структурные образования (например, родство), тем выше вероятность того, что сложатся все «социальные» условия организации.
 - II. Чем больше соберется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем острее конфликт.
 - III. Чем больше распределение авторитета связано с распределением других вознаграждений (наложение), тем острее конфликт.
 - IV. Чем меньше мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт.
 - V. Чем меньше складывается «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем более насильственный характер приобретает конфликт.
 - VI. Чем больше обнищание угнетенных, связанных с распределением вознаграждений, переключается с абсолютного базиса на относительный, тем более насильственным является конфликт.
 - VII. Чем меньше конфликтные группы способны приходить к соглашениям, тем более насильственным является конфликт.
 - VIII. Чем острее конфликт, тем больше он вызовет структурных изменений и реорганизаций.
 - IX. Чем более насильственным является конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций.
-

исходят из наследия Маркса и с точки зрения эксплицитности представляют собой значительное усовершенствование по сравнению с функциональными формулировками, в которых бросается в глаза отсутствие систематической взаимосвязи предложений. Кроме того, в заслугу Дарендорфу можно поставить его попытки действительно придать своим высказываниям систематическую форму (в разумных пределах) — трудная задача, которую не слишком часто удавалось выполнить социологам-теоретикам. Однако даже несмотря на то, что эта инвентаризация предложений представляет собой весьма многообещающую попытку, против этой схемы был выдвинут ряд критических замечаний, обзор которых следует здесь привести с тем, чтобы учесть предлагаемые ими усовершенствования.

Одним из самых очевидных недостатков развиваемого Дарендорфом направления является неудача всех его попыток представить основные понятия в качестве *переменных*. В этом отношении наибольшее внимание обращают на себя понятия авторитета, господства — подчинения и интереса. Так как конфликт в конечном итоге возникает из легитимизации отношений авторитета, то довольно удивительно, что это понятие не считается таким переменным, минимальное значение которого изменяется благодаря изменениям таких свойств, как острота, размах и узаконенность. Дарендорф, скорее, предпочитает уклониться от этой проблемы:

«В этом исследовании мы даже не будем пытаться создать типологию авторитета. Однако здесь повсеместно допускается, что существование господства и подчинения — это общая черта всех возможных типов авторитета и всех возможных типов ассоциации и организации»¹¹.

Типология авторитета могла бы дать некоторые указания относительно изменения состояний авторитета и связанных с ним понятий — обстоятельство, которое Дарендорф, по-видимому, предпочитает игнорировать, просто доказывая, что всякий авторитет подразумевает господство и подчинение, которые в свою очередь придают ему дихотомическую структуру, необходимую для его диалектической теории конфликта интересов. Он отказывается размышлять над тем, в *каких типах* авторитета можно обнаружить, что такие-то и такие-то состояния *переменных* приводят к таким-то и таким-то

типам изменений господства и подчинения, которые в свою очередь служат причиной того, что такие-то *переменные типы* противоположных интересов приводят к таким-то *переменным типам* конфликтных групп. Таким образом, только при помощи допущений и определений Дарендорф связывает между собой основные переменные, которые находятся в причинной зависимости друг от друга, так же, как и от других величин, которые в его схеме эксплицитно являются переменными: степень конфликта, степень остроты конфликта, степень его насильственности, степень и темпы изменений. На самом же деле очень вероятно, что именно эти, не выраженные в виде переменных свойства — авторитет, господство, интересы — оказывают не менее серьезное влияние на такие эксплицитно сформулированные в его схеме переменные, как «опосредующие эмпирические условия», которые Дарендорф предпочитает выделить особо. Кроме того, как отмечалось выше, понятия авторитета, господства — подчинения и интересов, если рассматривать их в качестве переменных, требуют своих собственных «опосредующих эмпирических условий». В свою очередь эти условия могут иметь влияние на иные, следующие за ними условия, подобно тому как «условия организации», согласно схеме, влияют на последующую остроту и насильственный характер конфликта.

Невнимание к этим вопросам очень сильно снижает предсказательную ценность модели Дарендорфа; более того, оно в значительной мере превращает его модель в тавтологию. Оказывается, появление конфликтных групп следует из определения ИКА как дихотомических структур авторитета, образованных противоположностью интересов. Эту тавтологию легче переносить благодаря тому, что Дарендорф вводит понятие квазигрупп (членов ИКА), еще не осознавших своих истинных интересов), которые при определенных «условиях организации» приводят к образованию настоящих конфликтных групп. Однако введение этого подразделения просто затягивает решение вопроса о том, как возникли противоположные квазигруппы — вопроса, на который Дарендорф должен был бы ответить так: по определению, с помощью допущений. Вместо этого он предпочитает следующий ответ: «Что касается... суждения, то я полагаю, что суждение относительно дихотомии положений авторитета в императивно координированных ассоциациях не является

ни допущением, ни эмпирической гипотезой, но аналитическим суждением». Однако именно «аналитический характер суждения» в этом контексте остается неясным, хотя, по-видимому, эти слова позволяют избежать вывода о том, что большая часть всех его высказываний по поводу образования конфликтных групп — не более чем новая формулировка его определений и допущений, относящихся к ИКА и обществу.

Эти критические замечания наводят на совершенно очевидное решение — концептуализировать в качестве переменных явлений ИКА законность, авторитет, господство — подчинение и интересы и попытаться сформулировать «опосредующие эмпирические условия», влияющие на их изменения. Расширяя таким образом перечень положений, можно было бы свести до минимума неопределенность причинных представлений и сделать специальные суждения менее тавтологичными. Подходящая перестройка позволила бы также отсечь довольно широкий круг диалектических допущений (которые вряд ли изоморфны всей реальности) и обратиться к теоретическому (а отнюдь не философскому) вопросу: при каких условиях ИКА создают легитимизированные отношения авторитета, которые производят четкие отношения господства и подчинения, ведущие к резкой противоположности интересов? Вместе с предварительным ответом Дарендорфа на следующий вопрос: при каких условиях возникают конфликтные группы и какие конфликты и изменения они вызывают? — эти дополнительные высказывания, а также высказывания, имеющие форму обратных им предложений, обеспечили бы серьезный теоретический прогресс в решении конечного теоретического вопроса — «как и почему возможно общество».

Методологические проблемы

Дарендорф, как это явствует из его анализа классовых конфликтов в индустриальном обществе, озабочен тем, чтобы обеспечить формальные определения главных понятий и наметить операциональное решение вопроса об их применении в конкретных эмпирических ситуациях¹². Кроме того, включение по крайней мере *нескольких* понятий в эксплицитный перечень предложений (хотя и неполный) приводит к тому, что схема, по-видимому, начинает легче поддаваться проверке и опровержению.

Однако остается ряд методологических проблем, одна из которых связана с тем, что этим понятиям даны чрезмерно общие определения. Несмотря на то что эти определения формализованы, они зачастую носят настолько общий характер, что их можно применять *ad hoc* и *ex post facto*, притом к таким разнообразным явлениям, что в их непосредственной полезности для создания и проверки теории можно усомниться. Например, власть, законность, авторитет, интересы, господство, даже конфликт определены настолько широко, что примеры, подтверждающие эти понятия, можно обнаружить почти в любой эмпирической ситуации, какую захочет выбрать Дарендорф, — стратегия, которая обеспечивает подтверждение его допущений относительно общественной жизни, но препятствует эмпирическому исследованию этих допущений. Выше этой проблеме уже придавалось особое значение, причем при ее обсуждении отмечалось, что Дарендорф, по-видимому, неохотно рассматривает в качестве переменных свои основные понятия, как, например, авторитет и господство. Если бы эти понятия были концептуализированы таким образом, исследователям было бы легче «иметь с ними дело» эмпирически, поскольку суждения, определяющие их переменные состояния, более точно устанавливали бы, какие явления обозначены этими понятиями. Дарендорф редко оказывает эту услугу, предпочитая уклоняться от всяких типологий; и даже в тех случаях, когда понятия определяются им как переменные, Дарендорф избегает этого вопроса при помощи таких вот утверждений: «Острота конфликта варьирует в определенной шкале (от 0 до 1)». Если к этому высказыванию добавить формальное определение остроты конфликта как «затрат энергии и степени вовлеченности в конфликт конфликтующих сторон», то исследователи-эмпирики получают несколько операциональных указаний относительно того, как можно измерять такое понятие. Если бы эти определения были хотя бы в минимальной степени дополнены несколькими примерами наиболее важных точек на шкале от «0 до 1», то понятия и предложения этой схемы легче было бы подвергнуть эмпирическому исследованию. Но судя по тому, как даются определения в настоящее время, Дарендорф делает то же самое, за что он так резко критиковал Парсонса: он применяет понятия *ad hoc* и *ex post facto*

с тем, чтобы дать такую интерпретацию прошлых событий, которая подтвердила бы всю схему в целом. Чем больше внимания уделил бы Дарендорф тому, чтобы обеспечить операциональные определения, которые а priori сообщили бы понятиям, входящим в состав предложений, способность предсказывать будущие события, тем плодотворнее была бы вся его теоретическая инициатива.

Другая методологическая проблема, связанная с этой схемой, возникает из-за тавтологического характера всего теоретического направления в целом. В той мере, в какой предложения схемы истинны больше по определению, чем по выведению, в той же мере вся теоретическая схема является непроверяемой — даже в принципе — и, следовательно, приносит мало пользы созданию научной теории. До тех пор пока дихотомическое разделение отношений авторитета на господство и подчинение, приводящее к объективной противоположности интересов, входит в состав определения социальной действительности, до тех пор трудно усмотреть, из чего следует образование конфликтных групп и возникновение открытого конфликта, если не из их определения — и это несмотря на то, что существуют специальные наукообразные предложения относительно «опосредующих эмпирических условий», которые «вызывают» появление подобных конфликтов. Как уже было замечено выше, эта опасность тавтологии может быть скорректирована, если центральные понятия, как, например, «законность», «авторитет», «господство — подчинение» и «интересы», будут концептуализированы в качестве переменных, причем будет подготовлен пробный перечень «опосредующих эмпирических условий», влияющих на их изменения.

В общем, схема Дарендорфа ставит перед исследователями-эмпириками ряд проблем. Нечто подобное можно сказать о большинстве теоретических направлений в социологии; само по себе это еще не самое серьезное обвинение. Однако в схеме Дарендорфа эти методологические проблемы, оказывается, могут быть сведены до минимума при помощи самых незначительных добавочных усилий. Вероятно, по мере того, как будут производиться эти исправления, направление диалектического конфликта предложит плодотворный стратегический план создания социологической теории.

От утопии — но куда? Заключительный комментарий

Как подчеркивалось в начале этой главы, Дарендорф, уподобляя функциональное теоретизирование идеологической утопии, тем самым стал одним из самых суровых его критиков. Для того чтобы указать социологическому теоретизированию выход «из утопии», Дарендорф счел необходимым изобразить схему диалектического конфликта, которая, по-видимому, точнее отражает «реальный характер» социальной действительности по сравнению с функционализмом Парсонса. Поступая таким образом, Дарендорф считал, что его теоретическое и стратегическое направление обеспечит более адекватный круг теоретических ориентиров, позволяющих решить поставленную Гоббсом проблему порядка: как и почему возможно общество? При каких условиях наиболее вероятно возникновение, сохранение и смена различных образцов организации?

В «решении» Дарендорфом «проблемы порядка» особенно любопытно следующее обстоятельство: оно очень похоже на то решение, которое он вменял в вину функционализму Парсонса¹³. Например, ряд комментаторов¹⁴ заметили, что и Парсонс, и Дарендорф рассматривают социальную действительность на языке институционализированных образцов: для Парсонса это «социальные системы», для Дарендорфа — «императивно координированные ассоциации». Оба они считают, что общество состоит из подсистем, связанных с организацией ролей с точки зрения легитимизированных нормативных предписаний. Согласно Дарендорфу, эти легитимизированные нормативные образцы отражают различия в распределении власти в системе; и несмотря на всю его риторику по поводу «насильственной» природы этих отношений, это представление о власти удивительно похоже на парсонсовскую концепцию власти как узаконенного права некоторых ролей статуса регулировать экспектации, имеющиеся у других статусов¹⁵. Более того, согласно модели Дарендорфа, всякое отклонение от установленных ими норм вызовет попытки господствующих групп применять негативные санкции — позиция, очень близкая точке зрения Парсонса, согласно которой власть существует для того, чтобы корректировать отклонения внутри системы¹⁶.

Очевидное различие между Дарендорфом и Парсонсом в понимании «функций» власти в «социальных системах» (или ИКА) состоит в том, что Дарендорф эксплицитно показывает, каким образом различия в распределении власти вызывают и интеграцию (благодаря легитимизированным отношениям авторитета), и дезинтеграцию (благодаря устойчивости противоположных интересов). Однако говорить о том, что конфликт вспыхивает на почве легитимизированного авторитета, — значит всего лишь априорно утверждать, что противоположность интересов существует и вызывает конфликт. Возникновение конфликта выводится из весьма неясных допущений относительно таких процессов, как «внутренняя диалектика власти и авторитета» и «историческая функция авторитета»¹⁷, а не из скрупулезно доказанных причин и следствий. Таким образом, в собственной модели Дарендорфа генезис конфликта остается столь же необъяснимым, как и в функциональной утопии, которую он изображает как неадекватную — и прежде всего потому, что конфликт возникает на фоне не получивших своего объяснения концепций «системных» норм и легитимизированного авторитета¹⁸.

Возможно, проблемы, возникающие у Дарендорфа при объяснении того, почему и как возникают на основе структуры легитимизированного авторитета конфликтные группы, отчасти отражают наличие глубоко спрятанных допущений относительно «функциональных реквизитов». Он деликатно и вместе с тем настойчиво допускает, что авторитет — это функциональный реквизит, необходимый для интеграции системы, а конфликт, который каким-то образом возникает из отношений авторитета, — это функциональный реквизит, необходимый для социальных изменений. «Цель и результаты», или «историческая функция авторитета», состоят в том, чтобы порождать конфликты и, вероятно, поддерживать тем самым жизнь социальных систем. Благодаря этому понятию реквизита, необходимого для изменений, очень легко утверждать, что конфликт существует для того, чтобы удовлетворять «потребности» системы в изменениях, — незаконная телеология.

Однако в более фундаментальном плане неспособность Дарендорфа объяснить, как возникают конфликты и изменения, проницает из его неумения серьезно взяться за проблему порядка: как и почему возможна

организация ИКА? Утверждать, что они организованы за счет власти и авторитета, — значит полностью снять вопрос о том, как, почему и при помощи чего в институционализированных образцах возникают процессы, порождающие одновременно и интеграцию, и конфликты. Выполненный Парсонсом анализ пытается (хотя и неадекватно) объяснить возникновение организации институционализированных образцов, или «социальных систем», следующим образом: благодаря тому, что «актеры» согласовывают между собой различные ориентации, возникают нормативные предписания, которые влекут за собой организацию действия; подобная организация поддерживается при помощи разнообразных механизмов социального контроля — межличностных санкций, ритуалов, предохранительных структур, обособления ролей, а в некоторых случаях — и власти, а также при помощи механизмов социализации — интериоризации релевантных ценностей и приобретения критических межличностных навыков. Из-за своей приверженности к созданию «систем понятий» вместо системы предложений Парсонс, конечно, дает лишь неясные указания относительно переменных, связанных с процессом институционализации, благодаря которому возникают определенные типы противоположных интересов, что в свою очередь приводит к организации конфликтных групп и социальным переменам. Однако Парсонс по крайней мере пытается (хотя и неадекватно) концептуализировать переменные, связанные с созданием и сохранением того самого социального порядка, который Дарендорф совершенно замалчивает в своей формулировке понятия ИКА. Однако он полагает, что именно на основе институционализированных отношений в ИКА возникают вызванные конфликтом циклы изменений. Утверждать, как это любит делать Дарендорф, что он указывает выход из утопии, еще не значит избавиться от фундаментального теоретического вопроса, с которым сталкивается социологическая теория: как возможно общество во всех своих разнообразных и изменчивых формах?

В общем, критики пришли к выводу о том, что риторическое применение Дарендорфом таких понятий, как «насилие», «диалектика», «господство и подчинение» и «конфликт», должно было замаскировать представление о социальной действительности, близкое утопии.

ческим представлениям, которые он ставил в вину работам Парсонса: в ИКА Дарендорфа замаскирована «социальная система» Парсонса; его понятия роли и авторитета имеют прямое отношение к социальному контролю Парсонса; в его изображении конфликта происхождение конфликта остается таким же неясным, каким оно, по его предположениям, является в работах Парсонса; а в анализе социальных изменений даже считается, что конфликт удовлетворяет функциональную потребность в переменах (что очень напоминает Парсонса). На основе всех этих фактов можно сделать окончательный вывод: на пути, ведущем прочь от утопии, достигнут весьма незначительный прогресс.

Конфликтный функционализм: Льюис Козер

В то время как критические замечания в адрес функционализма начинают все больше походить друг на друга (критики бранят Парсонса и всех остальных функционалистов за то, что те считают общество полностью институционализированным и находящимся в состоянии равновесия), конфликтные схемы, предложенные в качестве альтернативы, обнаруживают большое разнообразие. Расхождения в теории конфликта становятся особенно заметными, если сравнить конфликтный функционализм Льюиса Козера с направлением диалектического конфликта Ральфа Дарендорфа. Хотя Козер постоянно подвергал критику парсонсовский функционализм за то, что тот не обращался к проблеме конфликта, он не менее резко критиковал и Дарендорфа — за то, что тот не придавал должного значения позитивным функциям конфликта, необходимого для сохранения социальных систем. Эти обвинения, идущие в двух направлениях, позволили Козеру сформулировать теоретическую схему, которая может быть дополнена как функциональным теоретизированием, так и диалектической теорией конфликта.

Свою первую большую работу, посвященную конфликту¹, Козер начал с такого полемического выпада против функционализма, который впоследствии стал типичным: конфликту уделяется слишком мало внимания, причем связанные с ним явления, например отклонения и разногласия, слишком легко принимаются за «патологические изменения» равновесного состояния социальной системы. Будучи заинтересованным только в том, чтобы наметить систему понятий, обозначающих, каким образом процесс институциона-

лизации решает «проблему порядка», Парсонс в своих работах по формальному анализу стал недооценивать конфликт, по-видимому просто принимая его за «болезнь», для объяснения которой нужно обратиться к механизмам «социального организма»². От этой интерпретации функционализма Парсонса уже не составляло особой сложности перейти к заявлениям о том, что для уравнивания предполагаемой односторонности парсонсовского функционализма требуется другая разновидность одностороннего анализа, концентрирующая свое внимание на явлениях конфликта. По-видимому, осуществление этой аналитической компенсации должно было растянуться более чем на десятилетие, так как в десятую годовщину своей первой полемической работы Козер счел необходимым повторить свое раннее заявление о том, что настало время, чтобы уделять конфликту все больше внимания»³.

Несмотря на то что Козер, подобно Дарендорфу, постоянно утверждал, что функциональное теоретизирование «слишком часто пренебрегало измерениями власти и интереса»⁴, он не обратил внимания — ни вслед за Марксом, ни вслед за Дарендорфом — на разрушительные последствия насильственного конфликта*. Напротив, он стремился скорректировать то, что считал аналитическими издержками Дарендорфа, в первую очередь подчеркивая интегративные и «адаптивные» функции конфликта в социальных системах. Таким образом, в результате Козер сумел оправдать и свои усилия по критике функционализма за его игнорирование конфликта, и свои усилия по критике теории конфликта за ее недооценку функций конфликта. Тем самым Козер подготовил несколько необычное «решение» проблемы порядка, ибо он считал (совсем в духе Георга Зиммеля), что даже открытый конфликт при определенных условиях содействует сохранению жизнеспособности и устойчивости институционализированных образцов социальной организации⁵.

* Согласно марксизму-ленинизму, в противоположность представлению Тернера, насилие в революционном конфликте, осуществляемое прогрессивными силами во главе с рабочим классом, играет великую созидательную роль — рождает новое общество. — *Прим. ред.*

Образы социальной организации

Любопытно следующее обстоятельство: учитывая, что именно Эмиля Дюркгейма можно до некоторой степени считать одним из родоначальников функционализма, Козер посвятил созданной Дюркгеймом картине социальной организации критический очерк⁶. Он считает (и в этом заключается наиболее характерная особенность очерка), что Дюркгейм при изучении общества придерживается консервативной ориентации, которая «мешает ему должным образом осознать многообразие социальных процессов, самым заметным из которых является социальный конфликт». Более того, этот предполагаемый консерватизм вынуждает Дюркгейма рассматривать кризисы, например насилие и разногласия, в качестве патологических отклонений от социального равновесия, а не в качестве возможностей, позволяющих осуществить конструктивные социальные перемены. Несмотря на то что Козер, по-видимому, настойчиво стремился опровергнуть органицизм социологии Дюркгейма, его собственная работа полна органицистических аналогий. Например, оценивая «функции насилия»⁷, Козер уподобляет насилие телесной боли, поскольку они оба могут служить сигналом, предупреждающим об опасности, который позволяет «социальному организму» осуществить свою саморегуляцию. Если взять другой пример, то в своем анализе «функции разногласий» Козер отказывается от представлений о том, что разногласия можно объяснить с точки зрения «болезни» отдельного человека, и допускает, что «разногласия гораздо легче объяснить в качестве реакции на то, что воспринимается как болезнь социального организма»⁸. Эта форма аналогии не обязательно умаляет силу анализа Козера, однако она свидетельствует о том, что он не отказался от органицизма. По-видимому, Козер счел необходимым подвергнуть критике органицизм Дюркгейма потому, что он не позволял исследовать конфликт в качестве такого процесса, который может содействовать дальнейшей адаптации и интеграции «социального организма»⁹.

Вскрыв аналитические неувязки применяемого Дюркгеймом метода аналогий, Козер был вынужден принять органицизм Георга Зиммеля (см. гл. 5). Отныне конфликт стало возможным рассматривать как про-

цесс, который при определенных условиях может «функционировать», чтобы сохранить «социальный организм» или какие-нибудь жизненно важные для него части. С этих удобных позиций Козер создал свой образ общества, в котором он подчеркнул следующее:

1. Социальный мир можно рассматривать как систему различным образом взаимосвязанных частей.

2. В любой социальной системе различным образом взаимосвязанных частей обнаруживаются отсутствие равновесия, напряженность, конфликтные интересы.

3. Процессы, протекающие в составных частях системы и между ними, при определенных условиях содействуют сохранению, изменению, возрастанию или уменьшению интеграции и «адаптивности» системы.

4. Можно также представить себе, что многие процессы, которые, как обычно считается, разрушают систему (например, насилие, разногласия, уклонения и конфликты), при определенных условиях укрепляют основы интеграции системы, а также ее «приспособляемость» к окружающим условиям.

Именно на основе этих допущений Козер развил довольно широкий круг тезисов относительно функций (а в некоторой, весьма ограниченной степени и относительно дисфункций) конфликта в социальных системах. Несмотря на то что Козер предлагает несколько суждений относительно условий, при которых конфликт приводит к разрушению и дезинтеграции социальных систем, все же острей его анализа направлено на выделение причинных цепей, которые отвечают за то, каким образом конфликт сохраняет или восстанавливает интеграцию системы и ее приспособляемость к меняющимся условиям. Эти представления позволяют обнаружить устойчивые ряды причинных зависимостей: 1) нарушение интеграции составных частей социального целого 2) приводит к вспышкам самых разнообразных конфликтов между составными частями, что, в свою очередь 3) вызывает временную дезинтеграцию целостной системы; при определенных условиях это 4) делает социальную структуру более гибкой, что в свою очередь 5) усиливает способность системы избавляться при помощи конфликта от грозящих ей в будущем нарушений равновесия, а это приводит к тому, что 6) система обнаруживает высокий уровень приспособляемости к изменяющимся условиям.

Эти причинные представления сталкиваются с рядом совершенно очевидных проблем, самой серьезной из которых является то обстоятельство, что в них, как и в функциональном императивизме Парсонса, процессы, протекающие в системе, слишком часто рассматриваются только с точки зрения их вклада в интеграцию и адаптацию системы. Такое акцентирование позитивных функций конфликта помогает обнаружить глубоко запрянные допущения относительно того, что с «потребностями» системы можно познакомиться только через посредство функций конфликта. Хотя Козер старательно подчеркивает, что он просто исправляет равнодушие исследователей к позитивным функциям конфликта, эта стратегия восстановления аналитического равновесия имеет весьма сомнительную ценность, поскольку она приводит к той самой аналитической односторонности, которую автор стремится исправить. Возможно, гораздо большей мудростью отличалась бы такая стратегия, которая создала бы упорядоченные предложения относительно конфликтных процессов *per se*, ибо само по себе это уже предоставляло бы громадное усовершенствование всех попыток современных теоретиков исправить все те отклонения, которые ставятся в вину аналитическим схемам их заблуждающихся коллег¹⁰.

Несмотря на эти недостатки, созданный Козером образ социальной организации получил свое выражение в ряде многообещающих предложений относительно функций конфликта в социальных системах. В таком виде схема вносит гораздо большую ясность, чем в том случае, если бы она была изложена в виде кластера допущений и причинных образов. Будучи равной им по своему значению, схема становится более проверяемой и лучше поддающейся переформулировке на основе эмпирических открытий.

Высказывания по поводу конфликтных процессов

Используя и содержание, и стиль стимулирующего анализа Георга Зиммеля, Козер расширил сферу первоначальных исследований Зиммеля, включая в современную литературу по проблеме конфликта положения, исходящие не только от Маркса, но и из других источников. Хотя в схеме Козера обнаруживается множе-

ство проблем, возникающих из-за того, что его интересуют в первую очередь функции конфликта, конфликтное направление Козера все же остается одним из наиболее всеобъемлющих. Его всеобщий характер проявляется в том, что тезисы схемы охватывают широкий круг переменных явлений: 1) причины конфликта; 2) остроту конфликта; 3) длительность конфликта, 4) функции конфликта. Под каждую из этих рубрик в суждения отношений, связывающие абстрактные понятия, включаются самые разнообразные специфические переменные.

Единственный упрек, который можно сделать в адрес составленного Козером перечня предложений, состоит в том, что в отличие от попыток Дарендорфа он не был представлен в систематической или упорядоченной форме. Скорее эти высказывания появляются в целом ряде описательных очерков, посвященных наиболее существенным вопросам, а также в его анализе очерка Зиммеля по проблеме конфликта. В то время как каждое его отдельное положение обычно бывает изложено абсолютно ясно, точные взаимосвязи между различными предложениями зачастую нуждаются в интерпретации, причем возникает некоторая опасность неправильного истолкования. Это обстоятельство превращает все попытки представить в систематической форме предложения Козера в такие упражнения ad hoc, которые не только отрывают предложения от их содержательного контекста, но и не позволяют избежать опасности неправильно интерпретировать имевшийся в виду смысл некоторых предложений. Однако груз систематических представлений все же, по-видимому, довлеет над любым теоретиком; таким образом, неверная интерпретация некоторых предложений теми комментаторами, которые хотят рассматривать взаимосвязи между абстрактными теоретическими суждениями и приступить тем самым к построению истинной теории, должна приниматься теми, кто предпочел бы не делать этого сам¹¹.

Причины конфликта

Как показано в табл. 6, Козер считает, что причины конфликта в конечном итоге коренятся в таких условиях, когда ныне существующей системе распределения начинают отказывать в законности, когда нали-

ПРИЧИНЫ КОНФЛИКТА

-
- I. Чем больше неимущие группы сомневаются в законности существующего распределения дефицитных ресурсов, тем вероятнее, что они должны будут разжечь конфликт^а.
- А. Чем меньше каналов, по которым группы могут излить свое недовольство по поводу распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны усомниться в законности^б.
1. Чем меньше в неимущих группах имеется организаций, между которыми распределяется эмоциональная энергия членов этих групп, тем более вероятно, что неимущие группы, не имеющие других поводов для жалоб, должны усомниться в законности^в.
2. Чем больше личные лишения членов неимущих групп, не имеющих возможности излить свое недовольство, тем более вероятно, что они должны усомниться в законности^г.
- Б. Чем больше члены неимущих групп пытаются перейти в привилегированные группы, чем меньше допускаемая при этом мобильность, тем вероятнее, что они не станут придерживаться законности^д.
- II. Чем больше обнищание групп из абсолютного превращается в относительное, тем более вероятно, что эти группы станут зачинщиками конфликтов^е.
- А. Чем в меньшей степени социализация, испытываемая членами неимущих групп, порождает у них внутреннюю личную принужденность, тем более вероятно, что они должны испытывать относительное обнищание^ж.
- Б. Чем меньше внешних принуждений испытывают члены неимущих групп, тем больше вероятность того, что они испытывают относительное обнищание^з.
-

^а Козер определяет конфликты таким образом: это такое поведение, которое влечет за собой борьбу между противными сторонами из-за дефицитных ресурсов и включает в себя попытки нейтрализовать, причинить вред или устранить противника. Coser. *The Functions of Social Conflict*, p. 8.) Этот же тезис повторяется в других его работах: *Social Conflict and the Theory of Social Change*, p. 197—207; *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*; *Functions of Social Conflict*, p. 37.

^б В то же время Козер стремится уклониться от определения условий, ведущих к нарушениям законности («Вопрос о том, какие факторы заставляют группу интересоваться проблемой законности системы распределения вознаграждений, лежит далеко за пределами настоящего исследования»), причем об этом говорится в его многочисленных статьях (так, эта цитата взята из «Социального конфликта и теории социальных изменений», с. 203; тезис же взят из «Сущности насилья»).

^в Ibid.

^г Ibid.

^д *Functions of Social Conflict*, p. 37—38.

^е *Social Conflict and the Theory of Social Change; Violence and Social Structure*. — In: *Science and Psychoanalysis*, ed. Mascerman J., vol. 7. New York, Greene Stratton 1963, p. 30—42.

^ж Ibid.

^з Ibid.

цо интенсивное обнищание (табл. 6, предложения 1 и 2). Отказ в законности в свою очередь рассматривается в качестве результата действия социальных структурных переменных, как, например, возможности открыто выражать недовольство в пределах социальной системы, уровня минимальной взаимной лояльности, необходимой для существования социальной системы, и уровня допускаемой в системе мобильности, тогда как на интенсификацию обнищания, по его мнению, оказывает влияние весь контекст социализации и различные структурные ограничения, которые могут быть наложены на неимущие группы.

Этот перечень тезисов, совершенно очевидно, многим обязан Марксу, поскольку здесь считается, что источником конфликта служит неравенство в распределении вознаграждений и неудовлетворенность обездоленных таким распределением. У Маркса, по-видимому, заимствовано и особое внимание к структурным условиям (предложения 1-А, 1-А, 1, 2), оказывающим влияние на возбуждение эмоциональной энергии неимущих групп, особенно по мере того, как абсолютное обнищание переходит в относительное (тезис II). В то же время Козер, как и Дарендорф, подчеркнул, что для снижения вероятности конфликта большое значение имеет социальная мобильность между господствующими и подчиненными группами. Кроме того, особое значение придается психологическим переменным, как, например, личным лишениям и угнетению личности, на которые оказывают свое влияние структурные силы и которые в свою очередь воздействуют на вероятность возникновения открытого конфликта.

Благодаря исследованиям Козера становится совершенно очевидным, что предложения, представленные в этом перечне, довольно туманны и нуждаются в дополнениях, заимствованных из других источников. Этот недостаток внимания к причинам конфликта, возможно, становится понятным в свете интеллектуальных заимствований Козера у Зиммеля, который мало что имел сказать по поводу этой фазы конфликтных процессов. Тем не менее именно благодаря тому, что Козер многое заимствовал у Зиммеля и, кроме того, отдавал себе полный отчет в значении Маркса, его анализ остроты, длительности и функций конфликта стал гораздо более глубоким.

В тезисах, приведенных в табл. 7, Козер имеет в виду, что остроту конфликтных отношений в системе можно объяснить, если рассмотреть взаимосвязи между такими переменными, как, например, эмоции, выз-

Таблица 7
ОСТРОТА КОНФЛИКТА

-
- I. Чем больше осуществляется условий, вызывающих возникновение конфликта, тем он острее^а.
 - II. Чем больше эмоций вызывает конфликт у тех, кто в нем участвует, тем острее сам конфликт^б.
 - A. Чем больше участников конфликта связывают первичные отношения, тем больше эмоций он у них вызывает.
 1. Чем меньше первичные группы, в которых происходит конфликт, тем сильнее его эмоциональный накал.
 2. Чем больше связи между участниками конфликта являются первичными, тем меньше вероятность открытого выражения враждебности, но тем сильнее она проявляется в конфликтной ситуации.
 - B. Чем больше вторичных связей между участниками конфликта, тем фрагментарнее их участие в нем, тем меньше они вовлечены в него эмоционально.
 1. Чем больше вторичных отношений, тем конфликты чаще, а их эмоциональный накал слабее.
 2. Чем крупнее вторичные группы, тем конфликты чаще, а их эмоциональный накал слабее.
 - III. Чем более жесткой является социальная структура, тем меньше в ней будет институционализированных средств, позволяющих гасить конфликты и напряженность, тем острее будет конфликт.
 - A. Чем больше участников конфликта там, где он происходит, связывают первичные отношения, тем жестче структура.
 1. Чем менее устойчивы первичные отношения, тем жестче их структура.
 2. Чем более устойчивы первичные отношения, тем свободнее их структура.
 - B. Чем больше вторичных (основывающихся на функциональных взаимосвязях) отношений между участниками конфликта там, где он происходит, тем вероятнее наличие институциональных средств, необходимых для того, чтобы погасить конфликт и снять напряженность, тем мягче конфликт.
 - B. Чем больше механизм управления системой, тем жестче ее структура и острее конфликт^в.
 - IV. Чем больше группы, вовлеченные в конфликт, преследуют свои реалистические (объективные) интересы, тем мягче конфликт^г.
 - A. Чем больше группы, принимающие участие в конфликте, преследуют свои реалистические (объективные) интересы,

- тем выше вероятность того, что они попытаются найти компромиссные способы реализовать свои интересы.
1. Чем больше различия в распределении власти между группами, принимающими участие в конфликте, тем меньше вероятность того, что они попытаются отыскать альтернативные средства.
 2. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем меньше в ней альтернативных средств.
- V. Чем в большей мере группы конфликтуют из-за нереалистических спорных вопросов (ложных интересов), тем острее конфликт^а.
- A. Чем в большей мере конфликт происходит из-за нереалистических проблем, тем сильнее эмоции его участников, тем острее конфликт.
 1. Чем острее были предыдущие конфликты между данными группами, тем сильнее их эмоции по поводу последующих конфликтов^б.
 - Б. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт окажется нереалистическим^в.
 - В. Чем дольше длится реалистический конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных проблем^г.
 - Г. Чем в большей мере возникновение конфликтных групп было обусловлено целями конфликта, тем нереалистичнее последующие конфликты^д.
- VI. Чем в большей мере конфликты объективируются за пределами индивидуальных интересов и на более высоком уровне, тем острее конфликт.
- A. Чем в большей мере группа едина в идеологическом отношении, тем дальше выходят конфликты за пределы личных интересов.
 1. Чем выше идеологическое единство группы, тем большее распространение получают в ней ее общие цели, тем больше они выходят за пределы личных интересов.
 2. Чем выше идеологическое единство группы, тем лучше осознаются конфликты, тем дальше они выходят за пределы личных интересов.
- VII. Чем больше конфликт в группе связан с наиболее существенными ценностями и проблемами, тем он острее.
- A. Чем более жесткой является структура, в которой происходит конфликт, тем более вероятно, что возникновение конфликта связано с самыми основными ценностями и проблемами.
 - Б. Чем больше эмоций вызывает ситуация, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что его возникновение связано с самыми существенными ценностями и проблемами.

^а Козер, по-видимому, определяет остроту конфликта двумя взаимосвязанными способами: 1) по уровню взаимного противоборства двух сторон, принимающих участие в конфликте, и 2) по степени применения насилия в подобном противоборстве. Однако признавая введенное Дарендорфом отличие остроты конфликта (т. е. энергии и степени причастности к нему его участников) от насилия (т. е. оружия, призванного освободить энергию), Козер замечает, что «в будущем эти и другие в высшей степени

ценные отличительные признаки, несомненно, должны быть включены в любую кодификацию общей теории социального конфликта». (Coser. Continuities in the Study of Social Conflict, p. 3.) Эти переменные, очевидно, вошли в тезисы Козера, ибо вызванные конфликтом эмоции — это решающий момент, необходимый (при некоторых дополнительных условиях) для определения того, каков уровень применения насилия в конфликте. Очевидно, Дарендорф пользуется различными определениями остроты конфликта, но в действительности насилие и вовлеченность в конфликт рассматривается обоими авторами в качестве самостоятельных переменных.

^б Coser. The Functions of Social Conflict, p. 59. Что касается следующих тезисов, то см. соответственно: p. 98—100, 98—100, 62—63, 68, 85, 98—99, 85, 68—70, 83—85, 85.

^в Coser. Social Conflict and the Theory of Social Change, p. 202.

^г По мнению Козера, реалистический конфликт связан с преследованием определенных целей, которому противостоят реальные источники враждебности, причем определяются и издержки, связанные с достижением целей. По поводу этого и некоторых последующих тезисов, соответственно, см.: Coser. Functions of Social Conflict, p. 49, 50, 45, 45. Нереалистический конфликт связан с открытым выражением враждебности, направленной не на те объекты, которые вызывают эту враждебность, а на иные объекты, и с отсутствием ясного предвидения связанных с этим издержек; что касается этого и следующего за ним тезиса, см. там же, с. 50.

^д Ibid., p. 98—99; Coser. Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution.

^ж Coser. Social Conflict and the Theory of Social Change, p. 197—207.

^з Coser. Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution; Functions of Social Conflict, p. 58—59.

^и Что касается этого и следующих за ним тезисов, см. соответственно: Coser. Functions of Social Conflict, p. 54, 116, 113, 113, 113, 75, 79, 76.

ванные у участников конфликта, жесткость социальной структуры, уровень реализма в конфликте, мера, в какой возникновение конфликта связано с наиболее существенными ценностями и проблемами, степень, в какой он может получить свое воплощение за пределами личных интересов. Хотя все эти переменные считались важными. Козер стремился подчеркнуть первенствующее значение первых двух — жесткости социальной структуры и вызванных конфликтом эмоций, — которые, по-видимому, определяют, будет ли конфликт объективированным, реалистическим, будет ли он вызван самими существенными ценностями и проблемами.

Особый интерес представляют тезисы IV и IV—A, потому что они прямо направлены против положения, которое особенно подчеркивал Маркс: осознание своих объективных интересов приводит к острому (революционному) конфликту. Заимствуя эту мысль у Зиммеля, Козер подчеркивает, что ясная осознанность конфликтных интересов (реалистический конфликт), вероятно, заставит участников конфликта искать компромиссы и иные средства, альтернативные открытому конфликту, с тем, чтобы попытаться избежать больших издержек,

связанных с острым конфликтом. Вместе с тем Козер считает, что в жестких социальных системах довольно вероятны нереалистические конфликты, поскольку здесь совершенно невероятно осуществление истинных интересов. Тем не менее Маркс совершенно справедливо уловил, что в таких жестких системах острый конфликт в высшей степени вероятен, поскольку, скорее всего, он окажется нереалистическим (V тезис Козера), будет обременен вызванными им эмоциями (II), возникнет благодаря накопившемуся недовольству (III) и получит свое воплощение за пределами личных интересов (VI).

Таким образом, Козер, по-видимому, весьма эффективно объединил идеи Зиммеля и Маркса в исчерпывающем перечне тезисов, что проливает яркий свет на серьезный теоретический вклад каждого из этих мыслителей и позволяет в то же время отказаться от некоторых их менее важных теоретических положений. Кроме того, стало совершенно очевидным, что, постоянно обращаясь к Зиммелю как к своему теоретическому вдохновителю, Козер в то же время многим в своей теоретической схеме обязан тому, что создано Марксом, и во многих отношениях эта схема обеспечивает некоторые эмпирические принципы, позволяющие синтезировать наследие Маркса и Зиммеля.*

Длительность конфликта

В тезисах табл. 8 Козер сосредоточил свое внимание на таких аспектах конфликта, которые, по существу, игнорировались Зиммелем и Дарендорфом. С точки зрения Козера, такие показатели, как ясность целей конфликтных групп, степень согласия конфликтных групп по поводу смысла победы или поражения, способность лидеров понять, чего стоит победа, и убедить своих сторонников в том, что желательно прекратить

* Об «эффективном объединении идей Зиммеля и Маркса», позволяющем «синтезировать наследие Маркса и Зиммеля», о чем ведет речь Дж. Тернер, говорить всерьез, конечно же, нельзя: Маркс и Зиммель, Маркс и Козер с точки зрения социально-классовых позиций и, следовательно, в идейном отношении — антиподы. — *Прим. ред.*

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТА

- I. Чем меньше ограничены цели противоположных сторон, принимающих участие в конфликте, тем продолжительнее конфликт^а.
- A. Чем слабее вызванный конфликтом эмоциональный накал, чем меньше жесткость структуры, чем менее реалистичен конфликт, тем вероятнее, что цели, преследуемые участниками конфликта, должны быть ограничены^б.
- II. Чем меньше единодушия проявляют конфликтующие стороны относительно целей конфликта, тем продолжительнее конфликт^в.
- A. Чем менее реалистичен конфликт, тем больше вероятность разногласий по поводу целей конфликта^г.
- III. Чем меньше интерпретаций участвующие в конфликте стороны могут дать символическому смыслу победы или поражения своих противников, тем продолжительнее конфликт.
- A. Чем меньше у обеих сторон согласия по поводу символов, тем меньше каждая из них способна интерпретировать символический смысл победы или поражения своих противников.
1. Чем сильнее поляризация конфликтующих сторон, чем сильнее они втянуты в конфликт, тем меньше у них согласия по поводу символического смысла победы или поражения.
 2. Чем меньше экстремистских фракций имеет каждая группа, принимающая участие в конфликте, тем выше вероятность того, что они будут одинаково понимать символический смысл победы или поражения.
- IV. Чем лучше лидеры конфликтных групп сумеют понять, что за то, чтобы полностью достичь своих целей, нужно заплатить гораздо дороже, чем за то, чтобы одержать победу, тем менее продолжительным будет конфликт.
- A. Чем равномернее распределена власть между двумя конфликтующими группами, тем выше вероятность того, что их лидеры поймут, как дорого обходится достижение целей в полном объеме^д.
- B. Чем более четкими являются показатели победы или поражения в конфликте, тем вероятнее, что лидеры должны понять, как дорого обходится полное достижение всех целей^е.
1. Чем больше согласия по поводу символов поражения или победы, тем более четкими являются показатели поражения или победы.
- V. Чем лучше лидеры каждой из конфликтующих групп умеют убеждать своих последователей в необходимости положить конец конфликту, тем он менее продолжителен.
- A. Чем лучше лидеры знают символы своих сторонников, чем больше согласия среди них по поводу этих символов, тем лучше они умеют убеждать своих сторонников.
- B. Чем выше централизация конфликтных групп, тем лучше их лидеры умеют убеждать своих последователей^ж.
- B. Чем меньше расхождений внутри конфликтных групп, тем лучше умеют их лидеры убеждать своих сторонников.

Г. Чем больше лидеры претендуют на то, чтобы добиться каких-нибудь выгод, тем лучше они умеют убеждать своих сторонников³.

^а Coser. The Termination of Conflict. — In: Continuities in the Study of Social Conflict, p. 37—52.

^б Coser. The Functions of Social Conflict, p. 48—55, 59.

^в Coser. The Termination of Conflict.

^г Coser. The Functions of Social Conflict, p. 50.

^д Ibid., p. 20.

^е Coser. The Termination of Conflict (этот и следующий за ним тезисы).

^ж Coser. Functions of Social Conflict, p. 128—133.

^з Coser. The Termination of Conflict.

конфликт, являются решающими при определении длительности конфликта. За каждой из этих переменных обнаруживаются некоторые взаимосвязи, на которые в свою очередь оказывают влияние другие переменные, в частности вызванные конфликтом эмоции (I—A), степень реалистичности конфликта (II—A), мера поляризации (III—A, 1), степень обладания властью (III—A), наличие четких показателей победы (IV—B) и уровень централизации (V—B). Несмотря на то что во взаимосвязях этих тезисов обнаруживаются частичные совпадения, несмотря на то, что им не хватает логической строгости, все же они представляют собой пример уточнения теоретических положений относительно длительности и окончания конфликта в социальных системах. В социологии анализ временных переменных, в особенности длительности, едва ли уделялось внимание; к чести Козера, он включил некоторые из этих переменных в свой анализ конфликта.

Таким образом, анализируя одновременно причины, остроту и длительность конфликта, Козер избежал некоторых аналитических опасностей, возникающих из-за исключительной сосредоточенности на «функциях социального конфликта». Тем не менее совершенно очевидно (как покажут тезисы, обобщение которых будет дано в следующем разделе), что он предпочел сосредоточить свое внимание прежде всего на позитивных функциях конфликта по сохранению различных институционализированных образцов как во всей социальной системе, так и в ее подсистемах.

В тезисах, приведенных в табл. 9, Козер вслед за Зиммелем показал, каковы некоторые последствия конфликта для каждой группы, принимающей в нем участие (I—IV), и для того социального целого, где происходит конфликт (V—IX). В первой группе тезисов отмечается, что конфликт может содействовать более четкому разграничению между группами, способствовать централизации принятия решений, укреплять идеологическое единство, усиливать социальный контроль.

Таблица 9

ФУНКЦИИ КОНФЛИКТА

- I. Чем острее конфликт, тем соответственно более четкие границы имеет каждая конфликтная группа^а.
- II. Чем острее конфликт, чем более дифференцированно разделение труда в каждой конфликтной группе, тем вероятнее, что каждая из них будет иметь централизованную структуру принятия решений^б.
 - A. Чем острее конфликт, чем слабее дифференцированная структура, чем неустойчивее структура и слабее внутренняя солидарность, тем в большей мере централизация носит деспотический характер.
- III. Чем острее конфликт, чем очевиднее, что он воздействует на все сегменты каждой группы, тем больше конфликт укрепляет структурную и идеологическую солидарность членов соответствующих конфликтных групп.
- IV. Чем первичнее отношения, связывающие членов соответствующих конфликтных групп, чем острее конфликт, тем сильнее он подавляет разногласия и отклонения в каждой конфликтной группе и заставляет подчиняться нормам и ценностям.
 - A. Чем сильнее конформизм, вызванный межгрупповым конфликтом, тем больше накапливается враждебность и тем вероятнее, что в конце концов разразится внутригрупповой конфликт.
- V. Чем меньшей жесткостью обладает социальная структура там, где происходит межгрупповой конфликт, чем чаще и мягче конфликт, тем вероятнее, что конфликт вызовет изменения системы, усилив ее адаптивность и интеграцию^в.
 - A. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт поддержит в системе все новое и творческое.
 - B. Чем менее жесткой является система, тем меньше вероятность того, что конфликт связан с перенесением враждебности на альтернативные объекты, тем вероятнее, что конфликт столкнулся с реалистическими источниками напряженности^г.

1. Чем в большей мере система базируется на функциональной взаимообусловленности, тем чаще конфликты, тем более мягкими они являются, тем больше вероятность того, что они снимут напряженность, не вызывая при этом поляризации системы.
 2. Чем устойчивее первичные отношения в системе, чем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что они снимут напряженность, не вызывая при этом поляризации системы, но не в такой мере, чтобы система стала базироваться на вторичных отношениях.
- В. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт будет восприниматься теми, кто находится у власти, в качестве сигнала плохой приспособленности системы, на который следует обратить внимание^а.
- VI. Чем чаще происходят конфликты, тем меньше вероятность того, что они отражают разногласия по поводу наиболее существенных ценностей, тем вероятнее, что их функции будут направлены на то, чтобы поддерживать равновесие^б.
- А. Чем в большей мере конфликтная группа может апеллировать к основным ценностям системы, тем меньше вероятность того, что конфликт вызовет разногласия по поводу этих ценностей, тем вероятнее, что он будет содействовать интеграции системы*.
 - Б. Чем меньше конфликтная группа защищает крайние интерпретации основных ценностей, тем меньше вероятность того, что образуется противостоящая ей конфликтная группа, тем менее разрушительным для системы будет конфликт.
- VII. Чем чаще конфликты и чем они мягче, тем вероятнее, что они должны содействовать нормативному регулированию конфликта.
- А. Чем менее жесткой является система, тем чаще и мягче конфликты^в.
 1. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт восстановит жизненность существующих норм^г.
 2. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт породит новые нормы.
 - Б. Чем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что группы должны быть централизованными в своих попытках укрепить конформизм всех членов каждой группы по отношению к нормам, управляющим конфликтом^д.
 1. Чем равномернее распределение власти между конфликтными группировками, тем вероятнее, что конфликт породит такую централизацию, которая будет укреплять нормативный конформизм.
- VIII. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что именно конфликт может установить равновесие и иерархию власти в системе.
- А. Чем меньше известно о силах противника и чем меньше показателей, характеризующих эти силы, тем вероятнее, что конфликт между двумя группами, соперничающими в борьбе за власть, укрепит равновесие отношений власти в системе.

- IX. Чем менее жесткой является система, тем вероятнее, что конфликт вызовет образование ассоциативных коалиций, которые увеличат сплочение и интеграцию системы.
- А. Чем больше коалиции одних партий представляют угрозу для других, тем вероятнее, что эти последние тоже образуют ассоциативные коалиции.
- Б. Чем больше система основывается на функциональной взаимообусловленности, тем вероятнее, что коалиции будут носить инструментальный характер и окажутся менее длительными.
1. Чем больше разногласий обнаружится в системе, тем выше вероятность того, что интересы групп, входящих в коалицию, носят конфликтный характер, а вся коалиция является чисто инструментальной.
 2. Чем в большей мере коалиция образуется в чисто оборонительных целях, тем выше вероятность того, что она будет иметь инструментальный характер.
- В. Чем сильнее структурирована система, чем первичнее существующие в ней связи, тем выше вероятность того, что в коалициях возникнут общие нормы и ценности и образуются более постоянные группы.
1. Чем в большей мере коалиции состоят из индивидов (или, если выразиться более обобщенно, чем меньше единицы, образующие коалицию), тем выше вероятность того, что они образуют постоянную группу.
 2. Чем больше взаимодействий требуется от участников коалиции, тем вероятнее, что они образуют более постоянную группу.

^а Coser. *The Functions of Social Conflict*, p. 37—38.

^б Что касается этого и следующего за ним тезиса, см. там же, соответственно с. 95, 92, 93, 69—72, 48.

^в *Ibid.*, p. 45—48; Coser. *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*; Coser. *Social Conflict and the Theory of Social Change*, p. 197—207. Этот тезис учитывается и в других, следующих за ним тезисах и, таким образом, считается решающим для определения того, будет ли конфликт играть роль функций или дисфункций по отношению к интеграции и адаптивности системы.

^г Coser. *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*; Coser. *Functions of Social Conflict*, p. 45—48; что касается двух следующих тезисов, см. там же, с. 85, 83, 85 (соответственно).

^д Coser. *Some Social Functions of Violence*, p. 10; Coser. *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*.

^е Coser. *Functions of Social Conflict*, p. 73.

^ж Что касается этого и следующего за ним тезиса, см.: Coser. *The Functions of Dissent*.

^з Coser. *Social Conflict and the Theory of Social Change*; *Functions of Social Conflict*, p. 125.

^и По поводу этого и следующего за ним тезиса см. там же.

^к См. там же, с. 129; что касается последующих тезисов, см. соответственно там же, с. 129, 133—136, 140, 148, 142, 143, 149, 142, 146, 146.

Как и в предыдущих тезисах, здесь отмечается, что эти события происходят только при определенных условиях, включая жесткость и дифференцированность соци-

альной структуры, остроту конфликта, а также то, в какой мере чувствуется влияние конфликта на все фракции данной группы. Особый интерес представляет следующеe обстоятельство: только в тезисе IV—А имеется совершенно определенное высказывание по поводу потенциальных дисфункций конфликта соответственно в каждой конфликтной группе. Более того, из этого специфического перечня лишь косвенно явствует, что при инверсии тезисов можно будет установить, при каких условиях конфликт приводит к дезинтеграции конфликтных групп. Возьмем в качестве примера тезис III; вряд ли можно будет утверждать, что если все члены группы не чувствуют на себе влияние конфликта, то нарушится ее идеологическое единство. Такой результат был бы вполне возможен, однако, необходимы какие-то дополнительные тезисы, которые позволили бы установить, при каких условиях этого результата следовало бы ожидать. Козер ясно осознает эти обстоятельства; однако, поскольку он предпочитает обращать внимание прежде всего на *позитивные функции* конфликта, а не на более нейтральное явление — его результаты, или последствия¹², — то эти тезисы в итоге приводят к такому абсолютно интегральному представлению о социальной действительности, которое во многом аналогично точке зрения, приписываемой криггиками функционализму Парсонса — даже перед лицом открытого межгруппового конфликта.

К сожалению, побочный смысл этого положения подкрепляется тезисами V—IX, в которых утверждается, что конфликт, протекающий в системах, имеющих подвижную структуру, способствует интеграции, новациям, творчеству, уменьшает враждебность, прикрывает внимание элиты, к плохой приспособленности системы. Кроме того, конфликты (при условии, что они будут частыми и острыми) могут укреплять различные уровни и типы равновесия, нормативное регулирование, содействовать созданию коалиций ассоциативного характера. Хотя инверсия некоторых из этих тезисов, возможно, и выявила бы какие-нибудь условия, при которых усиливаются нарушения равновесия, аномалии и антагонизмы между подгруппами, все же сами тезисы по-прежнему отличаются тенденцией подчеркивать исключительно интеграцию и адаптивность системы.

Возвратимся к простому, но важному пункту, сформулированному выше: всякая попытка «исправить» односторонность одних теоретиков, предлагая другую форму одностороннего анализа, окажется неудачной, поскольку она приведет только к созданию еще одной односторонней «корректирующей» схемы. Если бы Козер предпочел сосредоточиться на последствиях конфликта для систем и составляющих их компонентов, его теоретическое направление стало бы даже еще более «коррективным» по сравнению с односторонностью его теоретических предшественников. Таким образом, в результате Козер попался в ту же самую аналитическую ловушку, в которой он обвинял Парсонса, ибо непосредственным импульсом для его тезисов служит стремление создать такую картину мира, в которой конфликт способствует только институционализации и интеграции. Несмотря на то что эта картина совершенно не похожа на «утопию Парсонса», она, быть может, столь же нереалистична.

Наконец, следует заметить, что положениям в предлагаемой Козером схеме не хватает строгости. Они частично совпадают друг с другом; не удается четко определить, к каким социальным единицам (группам, индивидам, организациям, обществам и т. д.) они относятся; между ними обнаруживаются разрывы; определения понятий далеко не адекватны, а некоторые из них граничат с тавтологией. Во многом эта неадекватность проистекает из того обстоятельства, что полный перечень тезисов составлялся посторонним обозревателем — опасное мероприятие, ибо при этом неизбежна неправильная интерпретация. Однако если бы схема Козера обошлась без всяких попыток свести все положения в единый кодекс на самом абстрактном уровне, она оказалась бы гораздо менее емкой, поскольку ее тезисы оставались бы изолированными друг от друга, но тесно связанными с постоянно меняющимся кругом событий. Чувствуется, что и сами тезисы, и то теоретическое направление, которое они обозначают, имеют слишком глубокий смысл и слишком большое значение, чтобы их можно было оставить без всякой связи, только в конкретном выражении.

Короче говоря, несмотря на то, что схеме Козера не достает логической строгости развитой научной теории, она представляет одно из самых всесторонних и сти-

мулирующих конфликтных направлений в современной социологии. Включение этой схемы в более абстрактные тезисы позволило раскрыть и ее всесторонность, и ее неадекватность.

Стратегии, пересматривающие схему Козера

Как особо подчеркивалось выше, разработанный Козером подход в аналитическом отношении является односторонним, и если следовать этому подходу, то можно прийти к искаженному представлению об обществе. Несмотря на то что Козер начинает с заявлений о необходимости насилия, принуждения, напряженности и конфликтов, его исследование очень скоро переходит к интегративным и адаптивным последствиям подобных процессов. Такая направленность проводимого им анализа может с легкостью привести к превращению интегративных и адаптивных «функций» конфликта в функциональные «потребности» и «реквизит», который обуславливает необходимость конфликта или даже вызывает его. На телеологические идеи Козера, по-видимому, большое влияние оказала органическая модель Зиммеля. Как только он захотел документально подтвердить, что конфликт вносит свой вклад в сохранение целостной системы, или «социального организма», как он предпочитает ее называть, так у него стала иногда имплицитно проскальзывать мысль о том, что социальный организм вызывает конфликт для того, чтобы удовлетворить свои интегративные потребности. Несмотря на то что, по мнению Козера, конфликт вызывает в социальных системах перемены, он все же рассматривает его в первую очередь в качестве решающего процесса, способствующего интеграции или равновесию — хотя бы «подвижному равновесию», как предпочитает называть его Парсонс.

Однажды Дарендорф заметил по поводу функционализма Парсонса:

«Вся разница между утопией и кладбищем состоит в том, что в утопии изредка совершаются какие-нибудь события. Однако все... процессы, протекающие в утопическом обществе, являются обратимыми и происходят... в рамках плана целого. Они не только не нарушают status quo, но, напротив, укрепляют и поддерживают его, и только ради этого им вообще разрешается происходить в большинстве утопий»¹³.

Обнаруживает ли подобную же слабость и модель Козера? С одной стороны, можно заметить, что Козер постоянно подчеркивал ограниченность и «корректирующую» односторонность своей схемы, тогда как, с другой стороны, критики могут бросить ему упрек в том, что схема Парсонса не меньше, чем схема Козера, исходила из благих намерений, а в итоге была ослаблена имплицитно присущим ей органицизмом.

Если иметь в виду большинство основных работ Козера, то именно этот упрек, возможно, наиболее справедлив, поскольку допущения Козера, его представления о причинных процессах, абстрактные суждения — словом, все — указывают на то, что позитивные функции конфликта в системе состоят либо в том, чтобы обеспечивать сохранение системы, либо в том, чтобы происходящие в ней перемены обеспечивали ее возрастающую адаптивность.

Чтобы решить эту проблему, необходимо, по-видимому, несколько изменить направленность высказываний Козера по поводу причин, остроты и длительности конфликта. Эти высказывания занимают нейтральную позицию по отношению к важным вопросам и не пытаются «уравновесить» или «скорректировать» теоретическую односторонность, имевшую место в прошлом, при помощи другой односторонности. Действительно, в них обнаруживается хорошее понимание основных аспектов конфликта в социальных системах; и несмотря на то, что они явно нуждаются в дополнениях и новых формулировках, все же они предлагают важные теоретические принципы. Принципиальная односторонность схемы возникает благодаря заимствованию функциональных тезисов Зиммеля, а потом — благодаря попыткам их дополнить. Именно здесь в схеме следует произвести самые радикальные преобразования. Единственная корректирующая стратегия, которая не будет отзываться какой-либо иной формой односторонности, состоит в том, чтобы поставить перед теорией более нейтральный вопрос: при каких условиях можно ожидать, что такой-то конфликт в таких-то системах и подсистемах приведет к таким-то результатам? Несмотря на то что эта стратегия не является каким-то поразительным теоретическим открытием, она все же позволяет отделить оценку конфликтных процессов от тех вопросов, которые в конечном итоге сводятся к оценке

«функций» и «дисфункций». Если бы вопрос о последствиях конфликта был поставлен в более строгой формулировке, то заключительные положения составили бы более сбалансированное и гораздо более точное представление о социальной действительности.

Если таким словам, как, например, «функция», долго и притом неудачно придается дополнительный организмический смысл, то разумнее было бы перестать пользоваться ими в социологии, так как при их интерпретации слишком часто возникают логические и субстанциальные проблемы. Несмотря на то что Козер, по-видимому, ясно видел эту опасность, он содействовал неправильной интерпретации этих терминов, постоянно сопоставляя понятия «социальный организм» и «функции» с различными конфликтными процессами и связанными с ними явлениями, как, например, разногласия и насилие. Если бы он этого не делал, то он бы лучше выполнил поставленную перед собой цель — исправить неадекватность функционального и конфликтного теоретизирования в социологии.

Короче говоря, было бы неразумно стремиться к созданию «новых направлений», которые исправляли бы недостатки как диалектической, так и функциональной теорий конфликта. Слишком долго социологическая теория занималась такого рода деятельностью; теперь более мудрой будет такая стратегия, которая начнет согласовывать различные тезисы с тем, чтобы: 1) точнее определить, к каким аналитическим единицам они относятся — классам, группам, организациям, обществу; 2) ликвидировать разрывы между тезисами; 3) согласовать не согласующиеся между собой выводы; 4) дополнить их обобщениями, имеющимися в научной литературе. Такая стратегия позволит более эффективно установить, при каких условиях возникают, сохраняются, изменяются и разрушаются различные формы социальной организации. Ибо только таким образом социологическая теория сумеет обеспечить научное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

Диалектическая и функциональная теории конфликта: стратегия синтеза

Актуальные проблемы теоретического синтеза

Несмотря на то что и диалектическая, и функциональная теории конфликта уходят своими интеллектуальными корнями в работы Маркса и Зиммеля, каждая из них, если ее рассматривать в качестве альтернативы функционализму Парсонса, обретает более четкие контуры¹. Чрезмерно резкая в некоторых случаях полемика представителей теории конфликта с функционализмом создала атмосферу острых противоречий, которая сохраняется вот уже два десятилетия². И что теперь стало характерным для подобных хронических разногласий в социологическом теоретизировании, эта дискуссия приняла неудачный оборот: 1) первоначальная, довольно мягкая критика схемы; 2) едкая, полемическая критика схемы; 3) предложение альтернативных теоретических схем; 4) контратаки на неадекватность критических замечаний и предложенных альтернатив; 5) попытки мудрецов согласовать критикуемые схемы и предложенные альтернативы; 6) сомнения по поводу ценности всей этой деятельности для дальнейшего прогресса социологической теории. Дискуссии, которые вели представители теоретической социологии, постоянно шли именно в этом направлении, однако нигде все этапы полемики — с 1-го по 6-й — не проявлялись с такой очевидностью, как в спорах между представителями функциональной теории конфликта. Следовательно, эта ситуация представляет специфический интерес для нашего настоящего обсуждения теории конфликта и, кроме того, имеет принципиальное значение для понимания того, почему социологическое теоретизирование постоянно увязает в кажущихся бесконечными противоречиях.

И те, кто критиковали, и те, кто синтезировали эти хронические противоречия, придерживались сходной

Таблица 10

ПЕРЕЧНИ ДОПУЩЕНИЙ У СТОРОННИКОВ КОНФЛИКТНОЙ
И ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

Перечень, составленный сторонниками синтеза*	
Модель А	Модель Б
1. Элементы, лежащие в основе социальной жизни, — это нормы и ценности	1. Элементы, лежащие в основе социальной жизни, — это интересы
2. Социальная жизнь включает в себя обязанности	2. Социальная жизнь включает в себя побуждения и принуждение
3. Общества с необходимостью обладают способностью сплавиваться	3. Общественная жизнь неизбежно связана с размежеванием
4. Общественная жизнь зависит от солидарности	4. Общественная жизнь порождает противоположности, замкнутость, враждебность
5. Общественная жизнь основывается на взаимодействии и кооперации	5. Общественная жизнь порождает структурный конфликт
6. Социальные системы основываются на согласии	6. Социальная жизнь порождает групповые интересы
7. Общество признает законный авторитет	7. Социальная дифференциация порождает власть
8. Социальные системы интегрированы	8. Социальные системы дезинтегрированы, их постоянно захлестывают «противоречия»
9. Социальные системы стремятся к устойчивости	9. Социальные системы стремятся к изменениям
Перечень Дарендорфа**	
1. Каждое общество в каждый момент времени подвержено переменам: социальные изменения происходят повсеместно	1. Каждое общество есть относительно устойчивая конфигурация элементов
2. Каждое общество в каждый момент времени испытывает социальный конфликт; социальные конфликты происходят повсеместно	2. Каждое общество — это хорошо интегрированная конфигурация элементов
3. Каждый элемент общества вносит свой вклад в его изменение	3. Каждый элемент общества вносит свой вклад в его функционирование
4. Каждое общество основывается на том, что одни его члены подчиняются другим	4. Каждое общество основывается на согласии всех его членов

* Из: Cohen P. *Modern Social Theory*. New York, Basic Books, 1963, p. 167.

** Эта выдержка из «К теории социального конфликта» Ральфа Дарендорфа (Darendorf R. *Toward a Theory of Social Conflict*) перепечатана из: «*Journal of Conflict Resolution*», Vol. 2, June, 1958, 2, p. 170—183, с разрешения издателей (Sage Publications, Inc.)

тактики — они составляли перечень того, что, по их мнению, является допущениями функционализма и теории конфликта. Подобные описания обычно принимают форму попарного перечисления допущений, как это видно из двух ярких примеров, приведенных на табл. 10³.

Критики функционализма обычно претендуют на то, что конфликтная альтернатива более изоморфна реальности, хотя при этом всегда добавляется, что функционалистские догмы всегда относят к некоторым особенностям общества. Странники синтеза утверждают, что обе формулировки представляют собой крайности (это обстоятельство они подтверждают тем, что приводят эти высказывания в их крайнем выражении) и если смягчить обе схемы и совместить их друг с другом, то они обеспечат более точное отражение реальности. Поэтому сторонники синтеза выбрасывают из обоих списков все крайности и обращают особое внимание на области «конвергенции» или «примирения» ставших более умеренными перечней.

Одна из наиболее серьезных попыток синтеза была предпринята Пьером ван ден Бергом в начале 60-х годов⁴. Его стратегический замысел состоял в том, чтобы распространить применение модели, которую он назвал «моделью функционального равновесия», на объяснение конфликта и разногласий и в то же время «минимизировать» «диалектическую модель конфликта», то есть применять ее лишь в той мере, в какой она может показать, что социальные изменения имеют внутренний характер и возникают в результате того, что социальным структурам присущи противоположности. Выполняя это исследование, ван ден Берг пришел к следующим результатам: в системах обнаруживается взаимная обусловленность, но ее степень может варьировать; взаимообусловленность может подразумевать как взаимную согласованность, так и противоположность; конфликт может возникать из разных источников; конфликт может приводить и к переменам, и к застою; и, напротив, согласие может привести к дезинтеграции и конфликту. Он доказывал, что признание этих обстоятельств привело бы социологическую теорию к синтезу или согласованию между собой расходящихся требований теории конфликта и функционализма.

Эта форма теоретического анализа столкнулась с рядом проблем. Во-первых, все аргументы излагаются

здесь в метафизических терминах, а это приводит к такой ситуации, когда автор пытается согласовать между собой базисные допущения о природе реальности. Такая деятельность напоминает попытку согласовать противоположные оценки того, что есть или должно быть, с «реальным миром»; согласно самому существу подобной деятельности, это согласование будет принято только теми, чьи суждения или допущения совпадают с суждениями ван ден Берга. Во-вторых, поскольку обе позиции излагаются на языке метафизики, подобные споры нельзя разрешить, и все попытки согласовать их между собой ни к чему не приведут. Каждая из этих позиций исходит из противоположных метафизических утверждений, из которых в свою очередь выводятся какие-то другие утверждения, — и т. д., пока в литературе не накопится множество статей, возражений на них и возражений на эти возражения.

Таким образом, синтез и согласование допущений — это весьма сомнительный подход к решению теоретических противоречий. Робин Уильямс⁵ подчеркнул; все споры по поводу того, что типичнее для социальных систем — согласие и равновесие или насилие и изменение, — совершенно «бесполезны», ибо в действительности существуют эмпирические вопросы: при каких условиях согласие, насилие, принуждение, разногласия, кооперация, интеграция, равновесие и перемены служат олицетворением общества?

Именно на эти вопросы нельзя ответить при помощи допущений, именно на этом уровне их нельзя синтезировать или согласовывать друг с другом. Таким образом, все споры по поводу конфликтной и функциональной теорий, так же как и все попытки теоретически согласовать их между собой, стремились обойти серьезную и интересную в теоретическом отношении проблему: при каких эмпирических условиях действительны предложения, внушенные допущением конфликта или функциональным образом социальной организации?

В общем, социологической литературе не нужен никакой другой синтез или согласование допущений. Имевшие же место попытки синтеза и согласования выполнили свое назначение, обратив внимание на все, что казалось само собой разумеющимся, в том числе на признание того, что в социальной действительности

обнаруживаются как конфликты, так и кооперация, как согласие, так и разногласия, как напряженность, так и равновесие, а также обмен и т. д. Как подчеркивалось на первых же страницах этой книги, задача социологической теории состоит в том, чтобы обнаружить, при каких условиях общество будет находиться в каком-либо из этих состояний. В спорах и противоречивых высказываниях по поводу дихотомии конфликта — согласия, интеграции — дезинтеграции, устойчивости — изменения эта задача отодвинулась на задний план. Таким образом, в этой главе будет сделана попытка наметить следующую альтернативную стратегию для решения теоретических противоречий: по каким пунктам выдающиеся теоретические направления совершенно явно расходятся или сближаются между собой?

В контексте диалектического направления в теории конфликта, развиваемого Дарендорфом, и функционального направления той же теории, развиваемого Козером, эта стратегия исходит из предположения о том, что проверка и сопоставление всей совокупности содержащихся в них высказываний окажутся полезными. Иными словами, что же обнаружится в социальных конфликтах благодаря объединению всех высказываний Дарендорфа и Козера? При ответе на этот вопрос сразу же станет очевидным, что различие систем общественных отношений, разработанных Козером и Дарендорфом, возникает из-за некоторого различия их теоретических суждений по поводу конфликтных процессов.

Тем не менее из этого обсуждения также будет следовать, что при всех своих расхождениях обе эти совокупности предложений дополняют друг друга. Действительно, как будет показано ниже, некоторые недостатки одной из них отчасти исправляются за счет достоинств другой.

Эта проверка, по-видимому, будет гораздо более эффективной, чем попарное сопоставление двух списков допущений, что было хорошо доказано поверхностной полемикой между функционалистами и представителями теории конфликта. Кроме того, проверка объединенного списка высказываний Дарендорфа и Козера, а также последующее его сравнение с аналогичным образом объединенными списками предложений, суще-

ствующих в других школах функционального теоретизирования, помогла бы выполнить все обещания, заложенные в реальном теоретическом согласовании и синтезе. Несмотря на то что эта последняя задача — согласовать функциональные теории и теории конфликта — в этой книге не ставится⁶, в настоящей главе делается попытка представить такую стратегию, которая в конечном итоге позволит достичь этой цели, поскольку она ставит необходимую для ее выполнения предварительную задачу — выявить те пункты, по которым тезисы двух разновидностей теории конфликта расходятся и сближаются между собой. После столь многочисленных попыток согласовать между собой различные школы, существующие в рамках традиций теории конфликта⁷ и функциональной теории, синтез этих двух главных теоретических традиций, по-видимому, будет иметь большое теоретическое значение, обеспечивая тем самым более адекватное решение проблемы порядка: как и почему возможно общество?

Комплементарные ряды предложений

Как следует из содержания 6-й и 7-й глав, суждения, высказанные Дарендорфом и Козером, на первый взгляд могут показаться похожими друг на друга, поскольку их удобно анализировать в следующих общих направлениях: 1) причины конфликта; 2) острота и насильственный характер конфликта; 3) длительность конфликта; 4) результаты конфликта. Более того, некоторые из эксплицитных переменных, которые каждый из этих авторов включает в свои предложения, в значительной мере совпадают друг с другом, и все же в полном перечислении предложений эти аналогичным образом понимаемые переменные, оказывается, занимают разные места. Кроме того, при всем сходстве концептуализированных переменных Козер и Дарендорф по-разному смотрят на разные переменные свойства причин, остроты, длительности и результатов конфликта, а это приводит к тому, что списки их тезисов расходятся между собой и вместе с тем, как мы увидим в дальнейшем, хорошо дополняют друг друга.

В табл. 11 перечисляются тезисы⁸ Козера и Дарендорфа, относящиеся к причинам конфликта. Те тезисы, которые обращают внимание на аналогичные переменные явления, перечисляются попарно, тогда как все остальные тезисы приводятся по одиночке, но в той логической последовательности, которая подразумевалась автором.

Первый и главный тезис в двух списках обращает внимание на неудовлетворенность неимущих групп⁹ существующим распределением дефицитных ресурсов. По мнению Дарендорфа, большое теоретическое значение имеет проблема установления тех условий, при которых неимущие, во-первых, начинают осознавать свои объективные интересы, а затем организуются, чтобы добиться удовлетворения этих интересов при помощи конфликта. В этих тезисах единственной признаваемой им социально-психологической переменной является «осознание» (тезис I), которое существует наряду со «структурными» переменными, например лидерством (I—A, 1), составлением идеологических кодексов (I—A, 2), отношениями власти (I—B, 1), возможностями коммуникации (I—B, 1), способностью вербовать новых членов (I—B, 2), влияющими на подобное «осознание». С другой стороны, тезисы Козера больше основываются на социально-психологических переменных, так как они затрагивают проблему «законности» (в противоположность рассматриваемой Дарендорфом проблеме «осознания»). В результате особое внимание обращается на то, что ряд структурных переменных, например каналы, по которым выражается недовольство (I—A), социальная мобильность (I—B), социализация (II—A), внешний контроль (II—B), воздействует на психологические переменные, например уровень эмоциональной энергии (I—A, 1), личные лишения (I—A, 2), надежды на мобильность, относительные лишения. Эти психологические переменные в свою очередь воздействуют на силу сомнений в законности (тезис I) и увеличивают вероятность того, что конфликт все-таки начнется (тезис II).

Склонность Козера и Дарендорфа включать в соответствующие теоретические системы социально-психологические переменные происходит, по крайней мере

ТЕЗИСЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ПРИЧИНАМ КОНФЛИКТА

Дарендорф

I. Чем больше членов квазигрупп ИКА сумеют осознавать свои объективные интересы, чем больше образуются конфликтных групп, тем больше вероятность того, что конфликт произойдет

Козер

I. Чем сильнее немущие группы усомнятся в законном характере существующего распределения недостающих ресурсов, тем выше вероятность того, что они станут защитниками конфликта (1956, с. 37; 1957)

A. Чем меньше каналы, по которым немущие группы могут изливать свое недовольство распределением недостающих ресурсов, тем вероятнее, что они начнут сомневаться в его законности (1967в)

1. Чем меньше имеется внутригрупповых организационных механизмов, в которых локализуется эмоциональная энергия членов немущих групп, тем выше вероятность того, что немущие группы обойдутся без каких-либо иных альтернатив, позволяющих им выразить свое недовольство, кроме сомнений по поводу законности (1967в)

2. Чем сильнее личные лишения членов групп, не имеющих каналов, по которым они могли бы выразить свое недовольство, тем выше вероятность того, что они начнут высказывать сомнения по поводу законности (1967в)

B. Чем больше члены немущих групп пытаются стать членами привилегированных групп, чем ниже допускаемая при этом мобильность, тем выше вероятность того, что они откажутся признавать законность (1956, р. 37—38)

А. Чем больше появится «технических» условий организации, тем выше вероятность того, что образуется конфликтная группа

1. Чем больше руководящих кадров может появиться в квазигруппах, тем выше вероятность того, что появятся «технические» условия организации

2. Чем большее развитие может получить кодифицированная идея системы, или хартия, тем выше вероятность того, что появятся «технические» условия организации

Б. Чем больше сложится «политических» условий организации, тем выше вероятность того, что образуется конфликтная группа.

1. Чем больше господствующая группа допускает организацию противоположных интересов, тем выше вероятность того, что возникнут «политические» условия организации

В. Чем больше может возникнуть социальных условий организации, тем выше вероятность того, что образуется конфликтная группа

1. Чем большими возможностями общения располагают члены квазигрупп, тем выше вероятность того, что появятся «социальные» условия организации

2. Чем больше новых членов можно набирать при помощи структурных механизмов (например, родства), тем выше вероятность того, что появятся «социальные» условия организации

II. Чем больше лишения, которые испытывает группа, из абсолютных превращаются в относительные, тем выше вероятность того, что эти группы станут инициаторами конфликта (1957; 1967б).

А. Чем в меньшей степени опыт социализации членов немущих групп порождает чувство внутригруппной личной напряженности, тем выше вероятность того, что они будут испытывать относительные лишения (1967б).

Б. Чем меньше члены немущих групп принуждаются к чему-либо извне, тем выше вероятность того, что они будут испытывать относительные лишения (1967б).

Отчасти, из совершенно различных допущений. Поскольку согласно Дарендорфу, во всех социальных системах имеется внутренне присущая им противоположность интересов, или «императивно координированные ассоциации» (ИКА), которые в конечном итоге с неизбежностью порождают конфликты, постольку и положения, развиваемые с подобной точки зрения, должны, вероятно, обращать внимание на структурные условия, которые активизируют осознание противоречий, присущих ИКА, и приводят к тому, что это осознание становится базисом для образования конфликтных групп¹⁰.

Поскольку считают, что конфликты неизбежны и существуют повсеместно, постольку и проблемы, связанные с вероятностью конфликта в различных типах ИКА, с обнаружением различных типов легитимизированного авторитета и различных типов (если они вообще существуют) противоположных интересов, не ставятся хоть сколько-нибудь серьезно. Таким образом, до тех пор пока считается, что конфликт тлеет где-то в глубине социальных структур, все тезисы несут совершенно определенную нагрузку: они просто документально подтверждают, что такие-то процессы приводят к освобождению внутреннего потенциала конфликта.

Козер, напротив, начинает с более умеренных допущений и представлений по поводу неизбежности конфликта. Такая позиция вынуждает его заняться исследованием вопроса о том, в каких типах структур, для которых характерны такие-то формы законности, обнаружится необходимый для конфликта потенциал. Чтобы решить этот вопрос, Козеру нужно установить, какие структурные социальные условия и каким образом воздействуют на психологические переменные, которые могут объяснить нарушения законности, а потом пробудить энергию «актеров» с тем, чтобы вызвать конфликт.

Таким образом, если не допускается, что конфликт наступает автоматически, вследствие внутренних противоречий, то необходимо развить такие тезисы, которые включали бы психологические переменные, связанные, во-первых, с отходом от законности (тезисы I—A, I, 2 и I—B), а затем — с желанием развязать конфликт (II, II—A, II—B).

Сама форма табл. II представляет собой попытку навести на мысль о том, что разрывы между тезисами Козера и Дарендорфа подразумевают направления синтеза, позволяющие создать более адекватный набор теоретических суждений. Такой синтез исправил бы односторонность каждого из этих направлений и позволил бы им ответить на некоторые из наиболее серьезных критических упреков, направленных в их адрес. Кроме того, поскольку синтез осуществлялся бы на уровне высказываний, а не допущений, то при этом удалось бы уберечь создаваемую теорию от новых бессодержательных споров по поводу того, что скрывается за согласием, конфликтом, равновесием или изменениями в реальном мире.

Как подчеркивалось в главе 7, схему Дарендорфа можно упрекнуть в том, что она не определяет, каким образом конфликт может возникнуть из тех самых легитимизированных отношений ролей (или «отношений авторитета») в ИКА, которые поддерживают порядок¹¹. Суть этого критического замечания состоит в следующем: может ли быть, чтобы в одно время легитимизированные отношения авторитета служили источником порядка и стабильности, а в другое — источником конфликта? Тезисы Козера по крайней мере обращали внимание на некоторые условия, при которых члены ИКА или каких-либо иных форм социальной организации, выполняющие в них какие-нибудь роли, могли усомниться в легитимизированном характере всего комплекса существующих в них отношений, что действительно стало бы для них источником мотивов, побуждающих их добиваться конфликта в качестве альтернативы постоянной покорности. Дарендорф слишком легко допустил, что осознание противоположных интересов и наличие политической организации суть «причины» конфликта. Но тезисы Козера обратили внимание на следующее обстоятельство: слишком невероятно, чтобы нечто подобное могло служить полным объяснением, поскольку решающее значение для «активизации» «актеров», достаточной для того, чтобы они захотели разрушить существующие социальные формы и принять участие в конфликте, имеют другие структурные условия (тезисы I—А, Б; II—А, Б). Дарендорф, по-видимому, отсылает эти психологические состояния к тезису, относящемуся к остроте конфликта (см. ни-

же и табл. 12), но в действительности подобные высказывания должны рассматриваться в качестве причин конфликта, поскольку происходящий в системе конфликт вследствие активизации эмоциональной энергии приводит к преодолению инерции прежних социальных отношений. Таким образом, анализ, выполненный Козером, уравнивает предложенный Дарендорфом список и в то же время представляет собой попытку ответить на вопрос о том, как легитимизированные отношения ролей смогут быть и источником порядка, и источником конфликта.

Напротив, опись, сделанная Дарендорфом, может уравновесить односторонность и восполнить недостатки теоретических положений Козера. Одно из критических замечаний, направленных в адрес схемы Козера Дарендорфом и многими другими¹², заключается в том, что она не может объяснить, при каких условиях участники конфликта, выражающие сомнения по поводу существующих образцов, становятся достаточно организованными, чтобы разжечь и достаточно долго поддерживать сильный, разрушительный конфликт, приводящий к реорганизации социальных систем. Новая интерпретация со стороны Дарендорфа отчасти может внести необходимые коррективы, ибо в своих высказываниях по поводу «технических», «политических» и «социальных» условий Дарендорф предлагает некоторые решения, относящиеся к вопросу о том, как отход от законности и все усиливающееся чувство обездоленности может привести к организации групп, способных на самые разные конфликты. Тезисы Козера в той форме, в какой они выражены сейчас, почти не освещают причин организованных и распространяющихся конфликтов. Поскольку Козер, обсуждая остроту, длительность и последствия конфликта, развивает некоторые тезисы, относящиеся к организации групп, постольку при обсуждении причин конфликта следует обратиться к теоретическому вопросу о том, как организация возникает и принимает определенную форму. Перечень Дарендорфа, таким образом, предлагает некоторые необходимые суждения по поводу того, что конфликт, происходящий при ранее легитимизированных социальных порядках (ИКА), может представлять собой нечто большее, чем спонтанный эмоциональный взрыв неудовлетворенных, неимущих сегментов¹³.

Дарендорф озабочен тем, чтобы научиться различать переменные остроты и насилия. Острота относится к уровню эмоционального накала, вызванного конфликтом, и к энергии, затраченной участниками конфликта, тогда как насилие имеет отношение к воинственности принимающих участие в конфликте сторон¹⁴. Козер в своей работе точнее проводил это различие, но имплицитно, несмотря на то, что он хвалил Дарендорфа за эксплицитное разделение этих двух переменных и замечал, что «эти и другие в высшей степени ценные аналитические различия, несомненно, будут включены во все последующие кодификации общей теории социального конфликта»¹⁵.

В табл. 12 тезисы, развиваемые Козером и Дарендорфом в связи с этими переменными признаками конфликта, сопоставляются так же, как и в табл. 11. Совершенно очевидно, что тезисы, обозначающие остроту и насилие, четко выделены в описи Дарендорфа, тогда как модель Козера не нуждается в том, чтобы проводить различие между насилием и остротой конфликта. Хотя Козер посвятил «насилию» целый ряд очерков¹⁶, он всегда стремился следовать примеру Зиммеля¹⁷ и обсуждать насилие и остроту конфликта одновременно, но не делая между ними тех серьезных различий, какие делает Дарендорф.

В тезисах I—III табл. 12 Дарендорф указывает на некоторые условия, при которых, вероятно, конфликт окажется острым, а энергия его участников, их вовлеченность в конфликт возрастут. Согласно Дарендорфу, а) чем больше имеется условий организации (см. табл. 12), б) чем больше распределение одних дефицитных ресурсов зависит от других, в) чем слабее мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт. Козер тоже признает, что чем больше сложится условий, вызывающих конфликт, тем острее он окажется. Но затем, в отличие от Дарендорфа, Козер пытается показать, что, помимо «условий организации» Дарендорфа, есть и иные условия, благодаря которым у участников конфликта усиливаются вызванные им эмоции и которые, следовательно, приводят к его обострению (тезисы II—А, Б). В тезисе III Козера можно обнаружить «технические условия» Да-

рендорфа, но особенно это относится к тезису I—А, 2 в табл. 11, где рассматриваются причины конфликта. Однако Дарендорф тоже подчеркивает, что переменные, обозначающие идеологическое единство, воздействуют на остроту конфликта; это раскрывается благодаря тому, что, как признается в тезисе I табл. 12, «технические условия» организации вызывают обострение конфликта. Что касается второго тезиса Дарендорфа, относящегося к взаимному наложению распределяемых ресурсов, то в описи Козера для него не имеется прямых параллелей. Однако в тезисах Козера, относящихся к смягчающему действию вторичных отношений на остроту конфликта (II—Б, II—Б, 1, 2), по-видимому, определяется, при каких структурных условиях взаимное наложение вознаграждений оказывается невероятным, и тем самым подразумевается, что для того, чтобы увеличить полезность тезиса Дарендорфа, необходим ряд дополнительных тезисов. Третий тезис Дарендорфа, относящийся к воздействию мобильности на остроту конфликта, обнаруживается в табл. 11, при обсуждении Козером причин конфликта, ибо в своем анализе психологических переменных, которые лежат в основе желаний развязать конфликт, Козер придает решающее значение мобильности. Дарендорф тоже считает, что именно мобильность порождает эмоции по поводу конфликта, но странным образом не рассматривает ее в качестве основополагающей причины конфликта (см. табл. 11).

Все тезисы Дарендорфа, относящиеся к остроте конфликта, даже если их дополнить тезисами из списка Козера, сталкиваются с аналитической проблемой, о которой уже упоминалось выше: почему эмоциональный накал, вызванный конфликтом, и те структурные условия, которые этот накал порождают, не рассматриваются в качестве причины конфликта? Может показаться, что между «техническими», «политическими» и «социальными» условиями организации, с одной стороны, а также «условиями», вызывающими обострение конфликта, — с другой (они перечислены в тезисах I—III табл. 12), различие устанавливается в значительной мере произвольно. На самом же деле можно доказать (по-видимому, именно это и делает Козер), что «условия организации» Дарендорфа оказывают весьма незначительное воздействие, если отсутствуют *первичные*

НАСИЛЬСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР И ОСТРОТА КОНФЛИКТА

Дарендорф

Козер

Уровень остроты

- I. Чем больше имеется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем острее конфликт
- II. Чем сильнее эмоции по поводу конфликта у тех, кто в нем участвует, тем острее конфликт (1956, р. 59)
- A. Чем первичнее отношения между участниками конфликта, тем сильнее вызванные им эмоции (1956, р. 98—100)
1. Чем меньше первичные группы, в которых происходит конфликт, тем сильнее вызванные им эмоции (1956, р. 100)
 2. Чем первичнее отношения между участниками конфликта, тем меньше вероятность открытого выражения ими своей враждебности, однако тем острее проявляется конфликтный характер ситуации (1956, р. 62—63, 68)
- Б. Чем вторичнее отношения между участниками конфликта, тем фрагментарнее их причастность к нему, тем меньше эмоций он вызывает (1956, р. 85)
1. Чем вторичнее отношения, тем чаще конфликты, но слабее их эмоциональный накал (1956, р. 85)
 2. Чем крупнее вторичные группы, тем чаще конфликты, но слабее их эмоциональный накал (1956, р. 98—99)

III. Чем больше конфликты объективируются в сфере надличностных, сверхличных интересов, тем острее конфликт (1956, р. 116)

A. Чем выше идеологическое единство группы, тем в большей мере конфликт выходит за пределы индивидуальных, узко эгонистических интересов (1956, р. 113)

1. Чем выше идеологическое единство группы, тем в большей мере групповые цели имеют коллективный характер и выходят за рамки эгонистических индивидуальных интересов (1956, р. 113)

2. Чем выше идеологическое единство группы, тем более осознанно будут начинаться конфликты, тем в большей степени они будут выходить за рамки эгонистических индивидуальных интересов (1956, р. 113)

II. Чем больше распределение авторитета соединяется с иными формами вознаграждения (чем больше они складываются друг на друга), тем острее конфликт

III. Чем меньше мобильность между господствующими и подчиненными группами, тем острее конфликт

Уровень насилия

IV. Чем меньше имеется «технических», «политических» и «социальных» условий организации, тем более насильственным является конфликт

IV. Чем больше группы вступают в конфликт из-за своих реалистических (объективных) интересов, тем мягче конфликт

A. Чем сильнее конфликты между группами связаны с реалистическими интересами, тем больше вероятность того, что группы во что бы то ни стало попытаются найти компромисс, с тем чтобы реализовать свои интересы (1956, р. 50)

1. Чем более неравномерно распределяется власть между группами, принимающими участие в конфликте, тем менее вероятно, что будут сделаны попытки отыскать альтернативные средства (1956, р. 45)
 2. Чем более жесткой является система, в которой происходит конфликт, тем меньше имеется в ее распоряжении альтернативных средств (1956, р. 45)
- V. Чем больше конфликт связан с нереалистическими спорными вопросами (ложными интересами), тем он острее (1956, р. 50).
- A. Чем в большей мере конфликт происходит из-за нереалистических спорных вопросов, тем больше эмоций он вызывает у его участников, тем он острее (1956, р. 50)
1. Чем острее были предыдущие конфликты между какими-либо группами, тем сильнее будут эмоции, вызванные последующими конфликтами (1956, р. 98—99; 1967в)
 - Б. Чем более жесткой является система, где происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт окажется нереалистическим (1957)
 - В. Чем больше длится реалистический конфликт, тем больше возникает нереалистических спорных вопросов (1956, особенно с. 58—59; 1967в)
 - Г. Чем в большей мере конфликтные группы создавались во имя конфликта, тем более нереалистическими будут последующие конфликты (1956, р. 54)

V. Чем больше лишения, испытываемые угнетенными из-за определенного распределения вознаграждений, и исключаются с абсолютного базиса лишеты на относительный, тем более насильственным является конфликт

VI. Чем менее конфликтные группы способны достигнуть регулируемых соглашений, тем более насильственным является конфликт

VI. Чем более жесткой является социальная структура, тем меньше институционализированных средств для погашения конфликта и снятия напряженности окажется в ее распоряжении, тем острее будет конфликт (1956, р. 85)

A. Чем первичнее отношения групп, между которыми происходит конфликт, тем более жесткой является структура

1. Чем неустойчивей первичные отношения, тем жестче их структура (1956, р. 68—70)

2. Чем устойчивее первичные отношения, тем подвижнее их структура (1956, р. 83—85)

B. Чем более вторичны отношения групп, между которыми происходит конфликт (то есть чем больше они основаны на функциональной взаимобусловленности), тем выше вероятность того, что найдутся институционализированные средства для амортизации конфликта и смягчения напряженности, тем мягче окажется конфликт (1956, р. 85)

B. Чем больше контрольный механизм системы, тем жестче ее структура, тем острее конфликт (1957)

VII. Чем больше внутригрупповой конфликт затрагивает основные ценности, центральные спорные проблемы, тем он острее (1956, р. 75)

Продолжение табл. 12

- А. Чем более жесткой является структура, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что конфликт затрагивает основные ценности, центральные спорные проблемы (1956, р. 79)
- Б. Чем сильнее эмоции, вызванные той ситуацией, в которой происходит конфликт, тем выше вероятность того, что он происходит из-за основных ценностей, центральных спорных вопросов (1956, р. 76)

Примечание: Даты, приведенные в скобках, относятся к библиографии в конце этой главы.

условия, порождающие высокий эмоциональный накал. Более того, между вызванными конфликтом эмоциями и условиями организации, вероятно, существуют сложные циклические процессы обратных связей: на каком-то уровне обострения конфликта «актеры» охотнее организуются в конфликтные группы, которые в свою очередь воздействуют (еще не определено, как именно) на последующие уровни обострения, и т. д., причем складывается определенная последовательность во времени, которую следует выяснить. По-видимому, модель Дарендорфа недооценивает именно эту форму обратной связи, поскольку его диалектика конфликта характеризует обратную связь как механический, неотвратимый процесс, тогда как настойчивое стремление Козера на всех стадиях конфликта включать в свой анализ как психологические, так и структурные переменные делает более понятными циклические процессы обратной связи, осуществляющейся по мере разворачивания конфликта (см. табл. 11, 12, 13, 14).

Следовательно, для того, чтобы увеличить потенциал схемы Дарендорфа, необходимо соединить его тезисы, относящиеся к наложению вознаграждений и к мобильности (тезисы II и III в табл. 12), с тезисами Козера в табл. 11, в которых рассматриваются условия, вызывающие у «актеров» сомнения в законности существующей системы распределения ресурсов (тезис I в табл. 11). В известной мере первый тезис в схеме Дарендорфа (тезис I табл. 11), относящийся к осознанию неравенства, помогает раскрыть, что именно обуславливает возникновение эмоций, и побуждает эмоционально возбужденных «актеров» (I и II тезисы Козера в табл. 11) образовать конфликтную группу (I—A и I—B тезисы Дарендорфа в табл. 11). Кроме того, высказывания Козера (табл. 12) по поводу типов организованных групп, в которых эмоции достаточно накалены, помогают объяснить, до какой степени обостряется конфликт — проблема, с которой сразу же сталкиваются первоначальные «условия организации» Дарендорфа. Следуя этому стратегическому курсу, тезисы теории конфликта могли бы по крайней мере указать: 1) каковы некоторые из структурных условий, необходимые для того, чтобы распределение ресурсов пробуждало у «актеров» чувство неравенства; 2) при каких организационных условиях эти пробуждающиеся эмо-

ции канализируются в конфликтных группах; 3) в чем заключается взаимодействие между организацией группы и последующим эмоциональным участием в конфликте¹⁸.

Такая реорганизация схемы позволила бы более адекватно выяснить, при каких условиях конфликт, вероятно, приобретает насильственный характер, как это видно в IV, V и VI тезисах Дарендорфа из табл. 12. В тезисе IV Дарендорф показывает, что чем острее конфликт (чем сильнее пробужденные им эмоции) и чем меньше каналов, по которым эти эмоции могут изливаться в конфликтных группах, тем более насильственным будет конфликт¹⁹. Выполненный Козером в тезисах III и IV табл. 12 анализ реалистического и не-реалистического²⁰ конфликта указывает на то же самое явление, но, как и в других своих тезисах, он затем устанавливает некоторые условия, при которых даже наличие каналов, позволяющих изливать эмоции, окажется не эффективным и, следовательно, приведет к усилению эмоционального накала, а возможно, придаст конфликту, если он в конце концов разразится, насильственный характер. Кроме того, в отличие от Дарендорфа, Козер обращает особое внимание на взаимодействие психологических и структурных переменных на всех стадиях конфликта. Подобно тому как структурные условия пробуждают эмоции, которые при определенных дополнительных условиях могут канализироваться и образовать конфликтные группы, что в свою очередь при других дополнительных условиях может увеличить или уменьшить остроту конфликта, так и данный уровень остроты и образование конфликтной группы, взаимодействуя с определенными дополнительными условиями, воздействует на степень применения насилия в конфликте (см. тезисы IV—A, 1, 2; V—A, 1, V—B, B, Г; VI; VI—A; VI—A, 1, 2; VI—B, B). Поскольку некоторые из этих условий включают в себя те же самые переменные, которые порождают и первоначальный отход от законности, и пробуждение эмоций, и организацию конфликтных групп, и усиление вызванных конфликтом эмоций, постольку в списке Козера содержатся указания на результаты переключений и взаимодействий структурных и психологических переменных в разные моменты, на разных стадиях конфликта.

Однако именно Дарендорф вводит важную психоло-

гическую переменную (см. его тезис V в табл. 12), которую, по-видимому, опускает Козер, — относительное обнищание²¹. Хотя Козер относит эту переменную к причинам конфликта (табл. 11), все же включение Дарендорфом этой переменной именно в этом пункте за-полняет разрыв между тезисами Козера. Несмотря на то что относительное обнищание играет среди причин конфликта решающую роль, оно тоже взаимодействует с различными структурными условиями (IV тезис Дарендорфа и IV и V тезисы Козера) и в результате оказывает воздействие на степень применения насилия в конфликте.

В VI тезисе обоих авторов (табл. 12) каждый из них признает, что способность системы институционализировать конфликт влияет на степень применения насилия, однако при этом тезис Козера указывает на некоторые условия, влияющие на способность системы нормативно регулировать антагонистические отношения. Наконец, список тезисов Козера признает, что ценности и спорные вопросы, которые разделяют антагонистические стороны, оказывают воздействие на степень применения насилия (тезис VII, табл. 12), тогда как Дарендорф, по-видимому, игнорирует эту переменную — потому, наверное, что конфликт отражает «борьбу за авторитет», а другие спорные вопросы просто представляют собой «надстройку», которая маскирует действительные источники конфликта. Однако даже в этом случае весьма вероятно, что тип символической надстройки, применяемый ради того, чтобы возбудить или успокоить участников конфликта, окажет большое влияние на насильственный характер конфликта. Хотя Дарендорф и признает имплицитно эту переменную, обсуждая вопрос о том, каким образом отсутствие «технических» условий организации увеличивает вероятность насильственного конфликта (тезис IV, табл. 12), все же введение этой переменной, по-видимому, не имеет большого значения для его схемы. Таким образом, VII тезис Козера вносит необходимое дополнение в список Дарендорфа.

Длительность конфликта

Из табл. 13 со всей очевидностью следует, что Дарендорф в своем формализованном списке не предлагает никаких тезисов относительно длительности конф-

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ КОНФЛИКТА

Дарендорф

Козер

- I. Чем меньше ограничены цели сторон, принимающих участие в конфликте, тем продолжительнее конфликт (1967d)
- A. Чем меньше эмоций вызывает конфликт, чем подвижнее структура и реалистичнее характер конфликта, тем вероятнее, что цели его участников должны быть ограничены (1956, с. 48—55, 59)
- II. Чем меньше у участников конфликта согласия по поводу его целей, тем продолжительнее конфликт (1967d)
- A. Чем нереалистичнее конфликт, тем вероятнее разногласия по поводу целей конфликта (1956, с. 50)
- III. Чем меньше поддается интерпретации символический смысл победы или поражения «противной стороны», тем продолжительнее конфликт (1967d)
- A. Чем меньше у обеих сторон согласия по поводу символов, тем хуже каждая из них может интерпретировать символический смысл победы или поражения противника (1967d)
1. Чем сильнее поляризация участвующих в конфликте групп, чем большее влияние оказывает на них конфликт друг с другом, тем меньше у них согласия по поводу символического смысла победы или поражения (1967d)
 2. Чем меньше в каждой группе, принимающей участие в конфликте, экстремистских фракций, тем вероятнее, что они будут согласны по поводу символического смысла победы или поражения (1967d)
- IV. Чем лучше лидеры конфликтных групп сумеют понять, что полное достижение целей обходится гораздо дороже, чем победа, тем непродолжительнее будет конфликт (1967d)
- A. Чем равномернее распределена власть между двумя конфликтными группами, тем вероятнее, что лидеры должны будут понять, как дорого обходится достижение всех целей (1956, р. 20)
- B. Чем более четкими являются показатели поражения или победы в конфликте, тем вероятнее, что лидеры должны будут понять, как дорого обходится достижение всех целей (1967d)

1. Чем больше согласия по поводу символов победы или поражения, тем более четкими являются показатели победы или поражения (1967d)
- V. Чем лучше лидеры каждой группы, принимающей участие в конфликте, умеют убедить своих сторонников в необходимости прекратить конфликт, тем он непродолжительнее (1967d)
 - A. Чем лучше лидеры знают символы своих последователей, чем больше согласия по поводу этих символов, тем лучше они умеют убеждать своих сторонников (1967d)
 - B. Чем более централизованы конфликтные группы, тем лучше их лидеры умеют убеждать своих сторонников (1956, p. 128—133)
 - B. Чем меньше в конфликтных группах внутренних расхождений, тем лучше умеют их лидеры убеждать своих сторонников (1967d)
 - Г. Чем больше лидеры могут претендовать на то, чтобы добиться каких-либо выгод, тем лучше они умеют убеждать своих сторонников (1967d)

Примечание: Даты в скобках относятся к библиографии, приведенной в конце главы.

ликта. Этот пробел является серьезным недостатком всего списка, поскольку длительность конфликта, очевидно, имеет двусторонние имплицитные связи с причинными переменными, обуславливающими возникновение конфликтов в будущем, а также их остроту и степень применения насилия. В противоположность Дарендорфу, Козер предлагает интересный перечень тезисов. Согласно Козеру, решающее значение для определения длительности конфликта имеют: ясность целей, стоящих перед группами, принимающими участие в конфликте; степень согласия конфликтных групп по поводу того, что считать победой и поражением; умение лидеров уловить, во что обойдется победа, и убедить своих сторонников в желательности окончания конфликта. На каждую из этих переменных в свою очередь оказывают влияние другие переменные, например: вызванные конфликтом эмоции (I—A), степень реалистичности подхода к конфликту (II—A), уровень поляризации (III—A, 1), степень обладания властью (III—A), четкие показатели победы (IV—B), уровень централизации (V—B).

В табл. 14 тезисы обеих схем, относящиеся к последствиям конфликта, перечисляются таким же образом, как и в предыдущих таблицах. У Дарендорфа единственным результатом, включенным в его модели, оказываются социальные изменения, причем в расчет в качестве переменных явлений принимается только их количество (тезис I) и темпы (тезис II). С другой стороны, Козер концептуализировал явления совершенно противоположного характера.

Вслед за Зиммелем Козер в этих тезисах в самых общих чертах намечает интегративные и «адаптивные» функции конфликта — как для каждой из групп, принимающих участие в конфликте (тезисы I—IV), так и для более широкой системы, в которой происходит конфликт (тезисы V—IX). Согласно тезисам I—IV, конфликт может вызвать усиленное разграничение групп, централизованное принятие решений, идеологическую сплоченность, усиление социального контроля. Эти события происходят только при определенных условиях, в том числе при определенном уровне жесткости и дифференциации социальной структуры, определенной остроте конфликта и при определенном уровне восприятия, когда чувствуется, что конфликт затрагивает все фракции группы.

И в списке Дарендорфа, и в списке Козера имеются императивистские допущения, согласно которым конфликт функционально необходим либо для регулирования системы (Козер), либо для ее изменений (Дарендорф). Подобные дополнительные императивистские соображения, вероятно, совершенно неизбежны при крайней односторонности каждого из этих списков. Несмотря на то что дивергенция этих двух списков предполагает высокий уровень их комплементарности, перечень Дарендорфа слишком неполон, чтобы предложить такой набор тезисов, который мог бы «уравновесить» суждения Козера. Чтобы обеспечить такое равновесие, список Дарендорфа следовало бы расширить с тем, чтобы включить в него ряд дополнительных суждений.

1. Одна группа таких суждений показала бы, какое влияние оказывает тот тип структуры, в котором происходит конфликт, либо на его остроту, либо на его насильственный характер. Хотя тезисы Козера слишком

ПОСЛЕДСТВИЯ КОНФЛИКТА

Дарендорф	Козер
I. Чем острее конфликт, тем больше он производит структурных изменений и реорганизаций	I. Чем острее конфликт, тем лучше разграничиваются одна от другой конфликтующие между собой группы (1956, р. 37—38)
II. Чем насильственнее конфликт, тем выше темпы структурных изменений и реорганизаций	II. Чем острее конфликт, чем сильнее разделение труда в каждой из конфликтных групп, тем вероятнее, что в каждой из них структура принятия решений будет централизованной (1956, р. 95)
	A. Чем острее конфликт, чем менее дифференцирована структура, чем она неустойчивее, чем меньше внутренняя сплоченность, тем депотичнее централизация (1956, р. 92)
	III. Чем острее конфликт, чем сильнее ощущается его воздействие на все сегменты каждой группы, тем лучше содействует конфликт укреплению структурной и идеологической сплоченности членов соответствующих групп, принимающих участие в конфликте (1956, р. 93)
	IV. Чем в большей мере отношения между членами соответствующих групп, принимающих участие в конфликте, носят первичный характер, чем острее конфликт, тем больше он приводит к подавлению инакомыслия и отклонений в каждой из конфликтующих групп и усиливает подчинение нормам и ценностям (1956, р. 69—72)
	A. Чем больше конфликт между группами ведет к усилению конформизма, тем больше накапливается враждебных чувств, тем вероятнее, что в конце концов вспыхнет вну-

- тригрупповой конфликт (1956, р. 48).
- V. Чем подвижнее социальная структура, в которой происходит межгрупповой конфликт, чем чаще конфликты и чем они слабее, тем вероятнее, что изменения системы в результате приведут к усилению ее адаптивности и интеграции (1956, р. 45—48)
- А. Чем подвижнее система, тем вероятнее, что конфликт будет содействовать инновациям и творчеству (1957)
- Б. Чем подвижнее система, тем меньше вероятность того, что конфликт вызовет перенесение враждебных чувств на альтернативные объекты, тем вероятнее, что конфликт столкнется с реальными источниками напряженности (1956, р. 45—48, 1967с)
1. Чем в большей мере система основывается на функциональной взаимозависимости, тем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что они ликвидируют напряженность, не приводя при этом к поляризации системы (1956, р. 85)
 2. Чем устойчивее первичные отношения в системе, чем чаще и мягче конфликты, тем вероятнее, что они снимут напряженность, не вызывая поляризации системы, но не в такой степени, чтобы система стала базироваться на вторичных отношениях (1956, р. 83, 85)
- В. Чем подвижнее система, тем выше вероятность того, что конфликт воспринимается властью имущими в качестве сигнала непригодности, на который нужно обратить внимание (1966; 1967с)
- VI. Чем чаще происходят конфликты, тем меньше вероятность того, что они отражают разногласия по поводу основных ценностей, тем в большей мере их функциональное значение состоит в том, чтобы сохранять, по-видимому, равновесие (1956, р. 73)

- A. Чем больше группа, принимающая участие в конфликте, может апеллировать к основным ценностям системы, тем меньше вероятность того, что конфликт вызовет разногласия по поводу этих ценностей, с тем большей вероятностью он усилит интеграцию системы (1968)
 - B. Чем меньше группа, принимающая участие в конфликте, отстаивает какие-нибудь крайние интерпретации основных ценностей, тем ниже вероятность того, что образуется противостоящая ей группа, тем меньше разрушений причиняет конфликт системе (1968)
- VII. Чем чаще и слабее конфликты, тем выше вероятность того, что они будут содействовать нормативной регуляции конфликтов
- A. Чем подвижнее система, тем чаще и слабее конфликты (1956, р. 125; 1957)
 - 1. Чем подвижнее система, тем выше вероятность того, что конфликт приведет к оживлению существующих норм (1956, р. 125)
 - 2. Чем подвижнее система, тем с большей вероятностью конфликты вызовут к жизни новые нормы (1956, р. 125)
 - B. Чем чаще и слабее конфликты, тем больше вероятность того, что группы, пытаясь поддержать конформизм своих членов по отношению к нормам, управляющим конфликтом, станут централизованными (1956, р. 129)
 - 1. Чем равномернее распределяется власть между конфликтными группами, тем выше вероятность того, что благодаря конфликту возникнет централизация, укрепляющая нормативный конформизм (1956, р. 129)
- VIII. Чем подвижнее система, тем выше вероятность того, что конфликт сможет установить в системе сбалансированную иерархию власти (1956, р. 133—138)
- A. Чем меньше известно о силах про-

тивника, чем ниже соответствующие индексы, тем выше вероятность того, что конфликт между двумя группами, соперничающими в борьбе за власть, укрепит в системе равновесие отношений власти (1956, р. 136)

- IX. Чем подвижнее система, тем вероятнее, что конфликт вызовет образование ассоциативных коалиций, а это укрепит целостность и интеграцию системы (1956, р. 140)
- А. Чем больше одним группам в данной системе угрожает коалиция других групп, тем выше вероятность того, что они тоже объединятся в ассоциативную коалицию (1956, р. 148)
- Б. Чем в большей мере система базируется на функциональной взаимообусловленности, тем вероятнее, что коалиции будут носить инструментальный характер и окажутся не слишком долгосрочными (1956, р. 142)
1. Чем сильнее проявляется раскол системы, тем выше вероятность того, что интересы групп, входящих в коалицию, тоже вступят в конфликт, а коалиция будет носить инструментальный характер (1956, р. 142)
 2. Чем в большей мере коалиция образуется в чисто оборонительных целях, тем вероятнее, что она окажется инструментальной (1956, р. 149)
- В. Чем в большей мере отношения в системе являются первичными, чем лучше они структурированы, тем вероятнее, что в коалициях возникнут общие нормы и ценности, причем образуется более постоянная группа (1956, р. 142)
1. Чем в большей степени коалиции состоят из индивидов (или, говоря более обобщенно, чем мельче единицы, из которых состоит коалиция), тем выше вероятность того, что они превратятся в постоянную группу (1956, р. 146)

2. Чем больше группы, входящие в коалицию, нуждаются во взаимодействии, тем выше вероятность того, что она превратится в постоянную группу (1956, р. 156)

Примечание: Даты, приведенные в скобках, относятся к библиографии в конце этой главы.

односторонни и подчеркивают в первую очередь позитивные функции конфликта, все же он делает попытку показать, каким образом структура, в которой происходит конфликт, может повлиять на различные уровни и типы интеграции и адаптации. 2. Другая группа суждений относилась бы к обратной связи уже вспыхнувшего конфликта с образованием конфликтной группы (или ее дезинтеграцией). Дарендорф по существу игнорирует следующее обстоятельство: само по себе существование конфликта—это одно из «условий организации», которое оказывает влияние на все последующее развитие антагонистического противоборства. Этот вывод, несомненно, был одной из важнейших заслуг Зиммеля, и Козер поступил мудро, включив его (хотя и очень односторонне) в свой список (тезисы I—IV табл. 14).

Таким образом, тезисы Козера говорят о том, в каких направлениях должен происходить пересмотр тезисов Дарендорфа. Напротив, интерес Дарендорфа к социальным изменениям означает довольно резкий разрыв с целиком «функциональной» концепцией реальности Козера, согласно которой конфликт, по-видимому, благоприятствует только интеграции и «адаптивности». Чтобы выправить этот перекокс, список тезисов Козера следовало бы дополнить некоторыми суждениями, о которых говорится в схеме Дарендорфа; серия наиболее важных суждений Дарендорфа показала бы, каково переменное влияние острого или насильственного конфликта как на обе его стороны, так и на ту целостную систему, в которой он происходит. В подобных тезисах был бы поставлен вопрос о том, каким образом самые разные формы конфликтов, взаимодействуя с самыми разнообразными структурными контекстами, содействуют не только интеграции и адаптивности, но и таким процессам, как изменения, реорганизация и рас-

пад групп, принимавших участие в конфликте, и всей системы, в которой происходит конфликт. Действительно, от переменной адаптивности следовало бы отказаться, поскольку она обуславливает неизбежность оценочных суждений по поводу того, каким должно быть «надлежащее» состояние системы по отношению к окружающей ее среде. Вместо всего этого из обоих списков следовало бы вычеркнуть некоторые из их императивистских допущений по поводу функций конфликта (независимо от того, идет ли речь об изменениях или об устойчивом состоянии) и просто обратить внимание на те последствия, какие имеет конфликт для целостной системы и различных ее частей. Именно таким образом взаимодействие, оказывающее свое влияние на многие переменные, связанные с получением различных результатов, можно было бы очень легко включить в сбалансированную систему теоретических положений.

Пропозициональный синтез: заключительная точка зрения

Эта коротенькая глава представляет собой упражнение на тему, которой недоброжелательная критика может приклеить *ad hoc* ярлык жонглирования абсолютно несоизмеримыми тезисами. Критики могли бы заявить, что, когда подобные упражнения проделывались в табл. 11—14, то тезисы были вырваны из их аналитического и содержательного контекста, а построение теории свелось к искусству составлять из этих тезисов «картинки-загадки». Подобным схемам неизбежно будет не хватать целостности, свойственной хорошей теории, ибо как это возможно, чтобы тезисы разных мыслителей, вырванные из контекста и совмещенные друг с другом, образовали последовательную теоретическую систему, которая стимулировала бы эмпирические исследования? Тем критикам, которые легко позволили бы себе утомиться упражнениями, проделанными в табл. 11—14, можно было бы возразить следующим образом.

Во-первых, социологическое теоретизирование уже начало увязать в конструировании концептуальных направлений, которые часто оказываются смесью высказанных и невысказанных допущений, а также импли-

цитных и эксплицитных тезисов. Подобные направления обычно конструировались либо относительно независимо друг от друга, либо в духе чрезмерно резкой реакции на допущения какого-нибудь нежелательного направления (чаще всего функционализма). Несмотря на то что каждая схема, которая была сконструирована тем или иным из этих способов, быть может, и обнаруживает необходимую для зрелой теории целостность и последовательность, в конечном итоге теоретические направления в социологии не ладят друг с другом, причем каждое из них отстаивает определенную школу мышления. Кроме того, следует учитывать психологические склонности сторонников каждой школы: мыслители либо вели полемику с другими направлениями, пытаясь при этом продемонстрировать свои собственные заслуги, либо разрабатывали свои индивидуальные схемы, по-видимому даже не пытаясь при этом осознать, какой вклад могли бы внести другие направления. Именно благодаря этой ситуации стало возможным выделить на страницах книги или в содержании теоретических знаний четыре главных школы или направления, какими являются направления функционализма, конфликта, взаимодействия и обмена, которые включены в этот том, а затем обсудить схемы главных мыслителей, работающих в пределах каждого из этих общих направлений.

Во-вторых, как подчеркивалось выше, когда делались попытки разрушить довольно произвольные барьеры между ними, сторонники синтеза обычно пытались совместить *допущения* (а не тезисы) двух или нескольких направлений, которые, по их мнению, обнаруживали гораздо больше сходства, чем прежде улавливали представители этой дисциплины. Такая деятельность могла оказаться полезной, если бы ей сопутствовала более сложная задача — синтезировать фактически существующие теоретические положения, которые были внушены соответствующими допущениями каждого из синтезируемых направлений. В отсутствие же такого рода деятельности уместно поставить следующий вопрос: какую пользу для создаваемой теории приносит совмещение допущений, если «оценочные суждения» по поводу того, что «по-настоящему реально» в общественной жизни, можно подтвердить или опровергнуть только в том случае, когда они сформулированы в виде

поддающихся проверке высказываний? Создавая теорию, часто бывает полезно понять допущения, сделанные теоретиками, но реально принимаются во внимание только проверяемые высказывания каждого теоретика. Ибо действительно только поддающиеся проверке положения отличают науку от метафизических философских трактатов. К сожалению, многое из того, что происходит при теоретическом синтезе в социологии, напоминает совмещение философских допущений о природе реального мира, а не ряд проверяемых суждений, которые подтвердили бы или опровергли подобные допущения.

При всех недоработках, которые имеются в табл. 11—14, в них отстаивается совершенно ясная стратегия построения теории — попытаться выразить тезисы различных мыслителей в абстрактной форме, а затем приступить к трудной задаче синтеза этих положений: а) друг с другом, б) с другими теоретическими направлениями и, самое главное, в) с имеющимися в наличии эмпирическими данными. В этой главе осуществлена лишь первая часть этого стратегического замысла — сделана попытка совместить абстрактные теоретические положения, имеющие одинаковую теоретическую ориентацию, подкрепленная самым внимательным изучением других теоретических направлений и всего имеющегося эмпирического материала. Эта последняя задача — привлечения эмпирических данных, — быть может, гораздо труднее по сравнению с упражнением, выполненным в табл. 11—14, но ее можно решить гораздо эффективнее, если выразить абстрактные теоретические положения мыслителей эксплицитно и придать им подлинно теоретическую форму — даже в том случае, если это решение носит такой же приближенный, предварительный характер, как и то, которое намечено здесь. Только таким образом теория может освещать эмпирические исследования, а исследования — содействовать пересмотру теории.

Что касается тех критиков, которые предпочли бы не придавать своим высказываниям подлинно теоретической формы, то можно сделать лишь один вывод: их больше интересует социальная философия, а не наука. Что касается тех критиков, которые посчитают сделанные в этой главе попытки упражнением *ad hoc*, то можно только допустить, что их интересует не теорети-

ческая форма, а лишь «последовательные» направления, где допущения и высказывания остаются имплицитными и, следовательно, непроверяемыми. Что касается тех критиков, которые обратят внимание на «немногочисленность» мыслей Козера и Дарендорфа, обнаруженную в табл. 11—14, то им можно только возразить, что первоначальные попытки создать теорию, в противоположность попыткам создать метафизические схемы, всегда будут скромными. К чести Козера и Дарендорфа, они, в конечном итоге, предпочли изложить свою аргументацию пропозиционально и тем самым сделали соответствующие схемы доступными такой проверке, которая обещает социологии реальную теоретическую отдачу. Если рассматривать их в этом контексте, то Козер и Дарендорф внесли серьезный вклад в построение теории; при этом они усовершенствовали способность социологии находить научное решение поставленной Гоббсом проблемы порядка.

Избранная библиография теоретических работ Ральфа Дарендорфа

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Calif., Stanford Univ. Press, 1957.

Dahrendorf R. *Toward a Theory of Social Conflict*. — «Journal of Conflict Resolution» 2, June, 1958 (a).

Dahrendorf R. *Out of Utopia Toward a Reorientation of Sociological Analyses*. — «American Journal of Sociology», September, 1958, 64 (b).

Dahrendorf R. *Gesellschaft und Freiheit*. München, R. Piper, 1961.

Dahrendorf R. *Essays in Theory of Society*. Stanford, Calif., Stanford Univ. Press, 1967.

Coser L. A. *The Functions of Social Conflict*. London, Free Press, 1956.

Coser L. A. *Social Conflict and the Theory of Social Change*. — «British Journal of Sociology», September, 1956, 8, p. 197—207.

Coser L. A. *Some Functions of Deviant Behavior and Normative Flexibility*. — «American Journal of Sociology», September, 1962, 68.

Coser L. A. *Social Functions of Violence*. — «Annales of the American Academy of Political and Social Science», March, 1966, 364, p. 9—18.

Избранная библиография теоретических трудов Льюиса Козера

Coser L. A. *Continuities in the Study of Social Conflict*. New York, Free Press, 1967 (a).

Coser L. A. *Violence and the Social Structure*. — In: *Continuities in the Study of Social Conflict*, ed. by Coser L. A. New York, Free Press, 1967, p. 53—72 (b).

Coser L. A. *Internal Violence as a Mechanism for Conflict Resolution*. — In: *Continuities in the Study of Social Conflict*, ed. by Coser L. A. New York, Free Press, 1967, p. 93—110 (c).

Coser L. A. *Termination of Conflict*. — In: *Continuities in the Study of Social Conflict*, ed. by Coser L. A. New York, Free Press, 1967, p. 37—52 (d).

Coser L. A. *The Functions of Dissent*. — In: *The Dynamics of Dissent*. New York, Grune & Stratton, 1968, p. 158—170.

Coser L. A. *The Visibility of Evil*. — «*Journal of Social Issues*». Winter, 1969, 25 (a).

Coser L. A. *Unanticipated Conservative Consequences of Liberal Theorizing*. — «*Social Problems*». Summer, 1969, 16 (b).

Рождение интеракционизма

Взаимоотношения между обществом и индивидом принадлежат к наиболее интересным проблемам социологической теории. Как одно отражается в другом? Как общество формирует индивидов? Каким образом индивиды создают, сохраняют и преобразуют общество? Какие особенности общества и личности индивидов делают их взаимосвязанными и в то же время самостоятельными, эмерджентными феноменами?

Эти вопросы встали перед социологической теорией в конце XIX века, когда вслед за масштабными проблемами, поднятыми в трудах Маркса, Дюркгейма, Спенсера и других европейских ученых, объектом анализа стали конкретные процессы, участвуя в которых индивиды оказываются связанными друг с другом и с обществом. С макроструктур и процессов — таких, как эволюция, классовый конфликт, природа «социального тела», — внимание переключилось на процессы социального взаимодействия и их последствия для индивида и общества.

Георг Зиммель был, вероятно, первым европейским социологом, который всерьез занялся изучением социального взаимодействия, которое он назвал «социальностью». Взаимодействия перестали восприниматься как нечто само собой разумеющееся¹. Для Зиммеля и первого поколения американских социологов макропроцессы и структуры, бывшие объектом изучения функциональных теорий и некоторых теорий конфликтов — класс, государство, семья, религия, эволюция, — в конечном счете были отражением конкретных взаимодействий между людьми. Поскольку эти взаимодействия имеют своим результатом возникновение социальных явлений, серьезное проникновение в сущность по-

следних может быть достигнуто с помощью понимания основных процессов взаимодействия, которые сначала дают им существование, а затем поддерживают его. Зиммель добился блестящих успехов в изучении форм взаимодействия, однако в основе современной теории интеракционизма лежат все-таки концепции, сформулированные американскими учеными, которые пытались решить две взаимосвязанные проблемы: каким образом взаимодействия между индивидами формируют социальную структуру и как в свою очередь социальные структуры, выступающие в роли сети взаимодействий, формируют индивидов.

Разум, Я и общество

Видную роль в развитии теории интеракционизма сыграли такие мыслители, как Уильям Джемс, Чарльз Хортон Кули, Джеймс Марк Болдуин и Джон Дьюи. Но как бы ни был велик вклад каждого из них в отделимость, именно Джордж Герберт Мид сумел выстроить их соответствующие концепции в последовательную теоретическую систему, которая связывала воедино в процессе взаимодействия возникновение человеческого разума, социального Я (Self) и социальной структуры².

В основу теории Мида лег, по-видимому, синтез двух исходных положений: 1) биологическая слабость человеческих организмов заставляет их, чтобы выжить, сотрудничать друг с другом в контекстах групп; 2) действия внутри и между человеческими организмами, которые облегчают их сотрудничество и, следовательно, способствуют их выживанию, закрепляются. Исходя из этих посылок Мид реконструировал концепции, разработанные другими учеными, в единую систему, которая позволяла понять, как в процессе взаимодействия возникли и продолжали существовать человеческий разум, социальное Я и общество.

Разум

По мнению Мида, человеческий разум обладает уникальной способностью 1) использовать символы для обозначения объектов окружающей среды, 2) внутри себя вырабатывать варианты альтернативных действий

по отношению к этим объектам и 3) отбрасывать неправильные линии действий и выбирать правильный курс открытых действий. Мид обозначает этот внутренний процесс использования символов или языка термином «репетиции в воображении». Это означает, что в его концепции разум выступает не как структура, а как процесс. Более того, по мнению Миды, как будет показано далее, существование и устойчивость общества, или сотрудничество в рамках организованных групп, зависит от этой способности людей «репетировать в воображении» линии действий по отношению друг к другу и таким образом выбирать модели поведения, облегчающие сотрудничество и адаптацию.

Основное внимание Мид уделяет не сложившемуся разуму человека, а его формированию. Общество и Я могут существовать только в том случае, если разум ребенка будет развиваться. По Миду, разум является продуктом процесса отбора, в ходе которого происходит сужение первоначального широкого диапазона случайных жестов, совершаемых младенцем. Такое сужение объясняется тем, что некоторые жесты вызывают положительную реакцию у лиц, от которых зависит жизнь ребенка. Отбор жестов, облегчающих приспособление к окружающей среде, совершается методом проб и ошибок или под сознательным воздействием тех, с кем ребенок должен сотрудничать. В конце концов под влиянием того или иного процесса жесты приобретают «общее значение» для ребенка и лиц из его окружения. В результате такого развития жесты обозначают одни и те же объекты и передают сходные указания всем участникам взаимодействия. Мид обозначает такие жесты, имеющие общее для всех значения, термином «конвенциональные жесты». Конвенциональные жесты повышают эффективность взаимодействия индивидов, поскольку они обеспечивают большую точность сообщений о желаниях и потребностях, а также о намеченных действиях, что усиливает способность организмов приспособляться друг к другу.

Способность использовать и интерпретировать конвенциональные жесты, имеющие общее значение, является значительным шагом вперед в развитии разума, Я и общества. Воспринимая и интерпретируя жесты, человек реализует способность «принимать роль другого», так как теперь он может принимать участие в перспек-

тиве (предрасположенность, запросы, потребности и склонности к действию) тех, с кем он должен сотрудничать, для того чтобы выжить. Осуществляя внутреннее прочтение и интерпретацию конвенциональных жестов, индивиды «репетируют в воображении» альтернативные варианты действия, облегчающие их приспособление друг к другу. Следовательно, способность поставить себя на место другого, или, пользуясь терминологией Мида, «принять роль другого», повышает эффективность внутреннего проигрывания действия, поскольку актеры могут лучше оценить последствия своих действий для других, а значит, повысить вероятность сотрудничества в ходе взаимодействия.

Итак, Мид полагает, что человеческое существо обладает *разумом* тогда, когда у него развивается способность 1) понимать конвенциональные жесты, 2) использовать эти жесты для того, чтобы принимать роль других, и 3) репетировать в воображении альтернативные варианты действий.

Я

Люди обладают способностью символически обозначать других «актеров» в окружающем их мире. Точно так же они могут символически представить себя в виде объекта. В этом случае интерпретация жестов не только облегчает человеческое сотрудничество, но и служит основой для самооценки, суждений о самом себе. Эта способность создавать образ самого себя в качестве объекта оценки в ходе взаимодействия определяется процессами, протекающими в разуме. По мнению Мида, существенной чертой данного процесса является то, что по мере взросления преходящие «образы собственного Я», полученные от других лиц в каждой конкретной ситуации взаимодействия, в конце концов кристаллизуются в более или менее устойчивую «концепцию собственного Я» как определенного объекта. Мид полагает, что с появлением таких концепций собственного Я действия индивидов приобретают последовательный характер, поскольку они теперь опосредованы связным и стабильным комплексом установок, устремлений или значений относительно самого себя как определенного типа личности.

Мид считал необходимым выделить три стадии в развитии Я, причем каждой стадии свойственны не только свои изменения в типе преходящих образов собственного Я, могущих возникнуть у индивида в результате принятия роли, но и возрастающая кристаллизация и стабилизация концепций собственного Я. Мид назвал начальную стадию принятия роли, на которой возникают образы собственного Я, «игрой» (play). В процессе этой игры дети способны усвоить перспективу только ограниченного числа других участников игры, сначала только одного или двух. Позднее в результате биологического созревания и тренировки в принятии роли взрослеющее человеческое существо обретает способность принимать роли нескольких лиц, участвующих в какой-либо организованной деятельности. Мид обозначил эту стадию термином «коллективная игра» (game), который подразумевает способность индивидов сотрудничать с группой индивидов, занятых определенным видом координируемой деятельности, и воспринимать от них целый ряд Я-образов. (Характерно, что для иллюстрации этой стадии Мид использует пример игры в бейсбол, когда каждый член команды должен символически принимать роли всех остальных игроков команды для того, чтобы игра была успешной.) На заключительной стадии развития Я индивид принимает роль «обобщенного другого», или, другими словами, усваивает «сообщество установок», наглядно проявляющихся в жизни общества. В представлении Мида, на данной стадии индивиды способны воспринимать общую перспективу сообщества, или общие убеждения, ценности и нормы, свойственные различным сферам взаимодействия, в которых они участвуют. Это означает, что человек и 1) повышает способность надлежащим образом реагировать на других лиц, с которыми он должен вступать во взаимодействие; и что 2) оценочные «образы собственного Я» вырабатываются теперь на основе экспектаций не нескольких конкретных других лиц, а более широкого сообщества. Итак, с переходом на каждую последующую стадию развития Я усиливается способность принятия роли всевозрастающего числа «других».

Для Мида «общество», или «институты», как он его часто называет, представляет собой организованные и оформленные взаимодействия различных индивидов. Организация взаимодействий зависит от разума. Если бы разум не обладал способностью принимать роли и проигрывать в воображении альтернативные варианты деятельности, индивиды не могли бы координировать свою деятельность. Мид подчеркивает:

«Контроль, который индивид способен осуществлять над своей реакцией, является прямым результатом такого принятия роли. Контроль за действием индивида в процессе сотрудничества может проявляться в поведении самого индивида, если индивид способен принять роль другого. Такой контроль за реакцией, осуществляемый самим индивидом через посредство принятия роли другого, делает данный тип коммуникации ценным с точки зрения организации поведения в группе»³.

Общество также зависит от способностей Я, особенно от оценки самого себя с точки зрения «обобщенного другого». Без способности воспринимать и оценивать себя как объект с помощью «сообщества установок» социальный контроль полностью зависел бы от самооценки, сделанной в результате принятия роли конкретных лиц, входящих в непосредственное окружение данного индивида. Это чрезвычайно осложнило бы координацию различных родов деятельности в рамках более широких групп⁴.

Мид уделяет пристальное внимание тому, как способности разума и Я поддерживают и сохраняют общество, в то же время эти понятия позволяют ему рассматривать общество как находящееся в постоянном движении и подверженное изменениям образование. Участники всякой ситуации взаимодействия постоянно находятся в процессе принятия роли и внутреннего проигрывания вариантов действия. Это обстоятельство свидетельствует о тех возможностях, которые данные процессы дают участникам взаимодействия для приспособления и корректировки их реакции. Более того, участие Я как объекта в процессе взаимодействия позволяет с уверенностью утверждать, что результат взаимодействия определяется первоначальным прочтением жестов и последующим проигрыванием альтернативных вариантов поведения, которые оцениваются через приз-

му концепций собственного Я. Такая перспектива подчеркивает, следовательно, что способность разума к корректировке поведения и опосредующее воздействие Я сохраняют и изменяют общество и различные формы социальной организации:

«Итак, социальные институты представляют собой организованные формы групповой, или социальной, активности — формы, организованные таким образом, что отдельные члены общества могут действовать адекватно и социально исходя из установок других по отношению к их деятельности... [Но] не существует никакой необходимой или неизбежной причины, по которой социальные институты должны были быть угнетающими или косно консервативными, а не гибкими и прогрессивными, как это происходит со многими из них, способствующими раскрытию, а не подавлению индивидуальности»⁵.

В этом отрывке ключ к тому глубокому отращению, которое Мид испытывает к косным и угнетающим системам социальной организации. Он рассматривает общество как *сконструированный* феномен, порождаемый взаимодействиями между индивидами, стремящимися приспособиться друг к другу; общество как таковое может быть изменено или реконструировано в ходе процессов, обозначенных понятиями «разум» и «Я». Однако Мид, по-видимому, не останавливается на этом выводе и подчеркивает, что изменения не только возможны, но и зачастую непредсказуемы даже для тех, чье поведение их вызывает. Для того чтобы учесть такую неопределенность действий, Мид разработал две дополнительные концепции: «I» (Я) и «me» (меня, мне)⁶. По Миду, «I» обозначает импульсивные тенденции индивидов, а «me» — Я-образ осуществляемого поведения. С помощью этих понятий Мид подчеркивает непредсказуемость «I», или импульсивного поведения, поскольку только «знать в опыте» («me») позволяет индивиду судить о том, что действительно произошло и каковы будут последствия «I» для взаимодействия.

Короче говоря, Мид рассматривает общество как сконструированные формы координированной деятельности, которые сохраняются или изменяются в результате символического взаимодействия между «актерами» и внутри них. Следовательно, общество сохраняется или изменяется в ходе процессов, протекающих в разуме и Я. Хотя, как считает Мид, многие взаимодействия, обеспечивающие стабильность и изменения в

группах, предсказуемы, тем не менее всегда существует возможность спонтанных и непредсказуемых действий, могущих изменить сложившиеся формы взаимодействий.

Целое поколение американских социологов испытало на себе глубокое воздействие теоретического наследия Мида еще до выхода в свет записей его лекций, которые были опубликованы в 1934 году после его смерти. Но уже к этому времени стало ясно, что, несмотря на всю их привлекательность, концепции Мида не давали ответа на некоторые важные вопросы теории.

В частности, отсутствовала необходимая ясность в понятиях, касающихся природы социальной организации или «общества» и точек соприкосновения между обществом и индивидами. Мид рассматривал общество как организованную и направляемую обобщенным другим деятельность, в ходе которой индивиды согласовывают свое поведение и сотрудничают друг с другом. Предполагалось, что такое согласование и сотрудничество становятся возможными благодаря способностям, присущим «разуму» и «Я». Хотя разум и Я возникают на основе существующих форм социальной организации, сохранение или изменение этой организации рассматривалось Мидом как отражение процессов разума и Я. Несмотря на то что эти и другие близкие понятия в схеме Мида указывали на существование взаимодействия между обществом и индивидом, несмотря на то, что понятия разума и Я обозначали решающие процессы, через которые поддерживалась эта зависимость, они не позволяли проанализировать различия в формах социальной организации и различные виды участия индивидов в этих формах. Утверждать, что «общество» представляет собой координированную активность и что такая активность осуществляется и преобразуется благодаря принятию роли и процессу самооценки индивида, — значит дать чересчур широкую теоретическую картину связей между индивидом и обществом. Действительно, картина общества, нарисованная Мидом, не позволяла судить о том, каким образом изменяющиеся типы социальной организации взаимодействовали с изменяющимися особенностями Я и разума. Таким образом, в конечном счете понятия Мида призваны были подчеркнуть, что общество формирует разум и Я и что последние в свою очередь воздейству-

ют на общество. Это было простое, но для своего времени глубокое наблюдение, которое, однако, нуждалось в дополнениях.

Сложная работа по прорисовыванию деталей на этом широком полотне началась всего четыре десятилетия назад, когда исследователи и теоретики осознали всю неопределенность и расплывчатость концепции, разработанной Мидом. Первоначальные усилия по уточнению и конкретизации связей между обществом и личностью привели к попыткам сформулировать серии понятий, которые позволили бы пролить свет на основные компоненты, из которых строится общество. Предполагалось, что это обеспечит более адекватную концептуализацию связей между обществом и личностью.

Роль, статус, общество и личность

Вдохновленный отчасти концепцией принятия роли Мида и своими собственными исследованиями в Европе, Джекоб Морено одним из первых создал теорию ролей. В своей книге «Кто должен выжить»⁷ и многочисленных статьях, опубликованных главным образом в американских журналах, Морено рассматривал социальную организацию как сеть ролей, ограничивающих и направляющих поведение людей. В своих ранних работах Морено следующим образом подразделял типы ролей: а) «психосоматические роли», в которых поведение связано с основными биологическими потребностями, определенными культурой, а проигрывание роли обычно носит бессознательный характер; б) «психодраматические роли», когда поведение личности строится в соответствии с конкретными требованиями данного социального окружения, и в) «социальные роли», когда личность ведет себя так, как этого ожидают от представителя той или иной социальной категории (например, рабочего, христианина, матери, отца и т. д.).

Однако значение данных различий определяется не столько их содержанием, сколько поставленной перед ними задачей: представить социальные структуры в виде сетей экспектаций (ожиданий), которые требуют от личности проигрывания различных типов ролей. Таким образом от туманной концепции Мида об обществе как координируемой деятельности, направляемой «обоб-

шенным другим», анализ перешел к более сложному представлению об обществе как о различных *типах* взаимосвязанных ролей, регулируемых различными *видами* экспектаций.

Вскоре после опубликования работы Морено «Кто должен выжить» антрополог Ральф Линтон разработал более глубокую концепцию природы социальной организации и места личности в ней, установив различия между ролью, статусом и личностью:

«Статус, в отличие от обладающей им личности, представляет собой просто-напросто совокупность прав и обязанностей... *Роль* представляет собой динамический аспект статуса. Личность социально наделяется статусом и обладает им по отношению к другим статусам. Осуществляя права и выполняя обязанности, составляющие ее статус, личность играет определенную роль»⁸.

В этом отрывке содержится несколько важных концептуальных моментов. В данном случае социальная структура воспринимается как содержащая ряд отдельных аналитических элементов: а) сеть позиций, б) соответствующую систему экспектаций и в) линию поведения, осуществляемую в соответствии с экспектациями конкретных сетей взаимосвязанных позиций. И хотя с современных позиций эти различия кажутся очевидными и тривиальными, тем не менее они сделали возможной дальнейшую разработку многих понятий теории интеракционизма.

1. Различия, установленные Линтоном, позволили представить общество в виде четко ограниченных переменных: природы и вида взаимодействий между позициями и видами экспектаций, связанных с этими позициями.

2. Переменные, которые Мид обозначил понятиями разума и Я, теперь можно было аналитически отделить от социальной структуры (позиции и экспектации) и поведения (проигрывание роли).

3. Концептуальное отделение процессов принятия роли и внутреннего их проигрывания от социальной структуры и поведения позволяет с большей точностью определить точки соприкосновения между обществом и личностью, поскольку принятие роли относится к скрытой интерпретации экспектаций, связанных с сетями позиций, а роль означает осуществление этих экспектаций через посредство Я.

Углубив таким образом понимание природы социальной организации, Морено и Линтон дали необходимое дополнение к интересным идеям Мида. Теперь стало возможным яснее представить себе природу взаимодействия разума, Я и общества.

Современный интеракционизм: предварительные замечания

Научное наследие Мида дало начало направлению теоретических исследований, которое лучше всего называть «символическим интеракционизмом». В рамках этого направления, которое будет рассмотрено в главе 11, изучаются символические процессы принятия роли, внутреннего ее проигрывания и самооценки личностей, пытающихся приспособиться друг к другу, и значение этих процессов как основы для понимания строения, функционирования и изменения общества. Однако более молодое поколение исследователей в соответствии с аналитическим значением этих символических процессов отдает предпочтение концепциям Морено и Линтона. Несмотря на то что их точка зрения, рассматриваемая в главе 10, имеет менее четкую классификацию или единообразие по сравнению с положениями символического интеракционизма, она может быть названа «теория ролей», поскольку основное внимание в ней уделяется *структуре сетей статуса и соответствующим экспектациям*, которые составляют рамки для внутренних символических процессов личности и последующего проигрывания ролей.

На первый взгляд различие между символическим интеракционизмом и теорией роли может показаться произвольным, так как обе теории основываются главным образом на идеях Джорджа Герберта Мида и исследуют отношения между личностью и обществом. Но как станет ясно из последующих двух глав, исходные положения этих двух теорий и созданные ими модели общества настолько различны, что каждая из них требует собственной стратегии теоретических построений и исследований.

Теория ролей: в поисках концептуального единства

Сторонники теории ролей¹ любят цитировать следующие слова Шекспира:

... Весь мир — театр.
 В нем женщины, мужчины — все актеры.
 У них свои есть выходы, уходы,
 И каждый не одну играет роль.
 («Как вам это понравится», акт 2, действие 7)².

При этом проводится аналогия между актерами на сцене и членами общества. Подобно актерам, исполняющим определенную роль, члены общества занимают определенные позиции; так же как актеры придерживаются текста пьесы, члены общества должны придерживаться соответствующих норм; если актеры обязаны выполнять указания режиссера, то члены общества должны выполнять требования тех, кто обладает властью или влиянием; так же как актер должен реагировать на игру другого, члены общества должны взаимно корректировать свою реакцию друг на друга; как актеры обязаны реагировать на зрителей, так и члены общества принимают роль различных аудиторий или «обобщенных других», и, наконец, подобно тому как актеры в зависимости от способностей дают свою интерпретацию роли, члены общества, обладающие различным представлением о себе и различными навыками проигрывания роли, имеют свой стиль взаимодействия.

Несмотря на кажущуюся простоту, эта аналогия вполне уместна, ибо, как мы покажем ниже, теория ролей подтверждает смысл шекспировских слов. Однако с самого начала следует заметить, что, несмотря на широкое применение в социологии, анализ роли отнюдь

не является законченной и стройной теорией. Даже простой обзор множества работ по теории ролей требует предварительного теоретического синтеза³.

Представление об обществе и личности

Приведенный выше отрывок из пьесы Шекспира дает общее представление о той роли, которую, по мнению исследователей, играет социальный мир. «Театр» раскрывает природу социальной организации, «актеры» дают представление о природе личности, а за образом «женщин и мужчин» как «актеров», имеющих свои «выходы» и «уходы», угадывается отношение индивидов к различным формам социальной организации.

Природа социальной организации

Сторонники теории ролей рассматривают социальный мир как сеть взаимосвязанных *позиций*, или статусов, в рамках которых личности играют свои роли⁴. Для каждой позиции, так же как для групп и классов позиций, можно выявить различные *экспектации* в отношении поведения личностей⁵. Таким образом, социальная организация в конечном счете состоит из различных сетей статусов и экспектаций.

Статусы обычно рассматриваются с точки зрения их взаимодействия для образования различного рода социальных компонентов. По таким переменным, как размеры, степень дифференциации и сложность взаимосвязей, сети статусов подразделяются на различные формы, начиная с различных групп и кончая более крупными формами социальной организации. Формальные свойства сетей статусов были подвергнуты определенному анализу⁶, однако сами сети редко анализировались в отрыве от присущих им экспектаций. Такая тесная взаимосвязь между содержанием и формой частично объясняется тем, что виды экспектаций, типизирующих определенные сети позиций, в то же время являются одной из их основных характеристик. Обычно предполагается, что поведение личностей, занимающих определенное положение, определяется не только структурой позиций, но и экспектациями, присущими этим позициям.

Теория ролей предусматривает разнообразие экспектаций. Развивая аналогию с драматургическим произ-

ведением, можно сказать, что представление об окружающем мире, свойственное этой теории, содержит, по-видимому, три общих класса экспектаций: а) экспектации, заложенные в «сценарии», б) экспектации, присущие другим «актерам», и в) экспектации «аудитории».

Эспектации, заложенные в «сценарии». Социальная реальность во многом может рассматриваться как сценарий, в котором многим позициям соответствуют *нормы*, конкретизирующие поведение личности. Степень регулирования поведения этими нормами определяется конкретными условиями. Вот почему одна из задач теории ролей заключается в определении условий, в которых нормы изменяются по широте охвата, силе воздействия, эффективности, конкретности, ясности и степени противоречивости⁷.

Эспектации других «актеров». Помимо определения нормативной структуры поведения и социальных отношений, теория ролей рассматривает требования, выдвигаемые «другими актерами», вовлеченными в ситуацию взаимодействия. Такие требования, воспринимаемые путем интерпретации жестов других, являются одним из наиболее мощных факторов, формирующих человеческое поведение.

Эспектации «аудитории». И наконец, экспектации высказываются «аудиторией», т. е. личностями, обладающими статусом. Аудитории могут быть реальными или воображаемыми, представлять группу людей или социальную категорию, принадлежать к ним или желать добиться такой принадлежности. Необходимо, правда, чтобы экспектации, приписываемые личностью этим различным аудиториям, использовались как руководство к действию. В таком случае аудитория выступает как мерило поведения или референтная группа⁸, определяющая границы поведения актеров в рамках различных статусов.

Короче говоря, согласно теории ролей, структура социального мира во многом определяется экспектациями, содержащимися в различных источниках: сценарии, других «актерах» или различных аудиториях. В этой связи возникает один из наиболее важных эмпирических вопросов данной теории, а именно: какие именно типы ожиданий связаны с данным статусом или сетью позиций.

Согласно теории ролей, вся социальная организация распадается на статусы и экспектации, однако совокупность социальных организаций исследуется весьма редко. Фактически анализ в рамках этой теории обычно затрагивает только ограниченные сети статусов, например группы и небольшие организации, а также типы экспектаций, имеющиеся в этих социальных микрообразованиях. Такой анализ, по-видимому, является частью общего подхода к изучению чрезвычайно сложной сети статусов и соответствующих экспектаций общества в целом или, некоторых из его наиболее крупных компонентов. Ограничение сферы исследований подразумевает, что социальный порядок строится из некоторых основных микрогрупп и организаций. Изучение более крупных образований, например социальных классов или государств, и отношений между ними не имеет принципиального значения, поскольку предполагается, что эти явления могут быть истолкованы с точки зрения входящих в них групп или организаций.

Такой упор на микроструктуры общества, вероятно, неизбежен в силу того, что теория ролей в конечном счете пытается объяснить проигрывание ролей личностями. Несмотря на то что макроструктуры социальной организации рассматриваются как факторы, во многом определяющие это проигрывание, общество не может восприниматься в отрыве от своих членов и их поведения.

Природа личности

В рамках теории ролей личности, занимающие определенные позиции и проигрывающие роли, обычно разделяются двумя взаимосвязанными атрибутами: а) характеристиками, связанными с Я, и б) навыками и способностями к проигрыванию ролей. Теория ролей выдвигает разнообразные концепции, связанные с Я, но в целом в их основе лежит воздействие представлений о себе на интерпретацию различных экспектаций, свойственных тому или иному статусу. Под навыками проигрывания роли понимаются способности личности воспринимать различные виды экспектаций и действовать в соответствии с ними с разной степенью компетентности и с разным стилевым рисунком. Эти два атрибута — Я и навыки проигрывания роли — считаются тес-

но связанными, так как восприятие экспектаций и способ проигрывания роли определяются представлениями о себе, а навыки проигрывания роли определяют представления о самом себе, Я-образы (пользуясь терминологией Мида), которые возникают в рамках ситуации взаимодействия и способствуют возникновению устойчивого представления о себе.

Такая концептуализация личности в общем-то совпадает с концепциями разума и Я, разработанными Мидом. Для Мида и современных сторонников теории ролей главная особенность человека заключается в способности принимать роли и вырабатывать Я-образы через посредство устойчивого представления о себе. Такая концепция Я и способностей к проигрыванию ролей оставляет возможность для неповторимой интерпретации ожиданий (экспектаций) и анализа спонтанных форм проигрывания роли, однако теории ролей чаще приписываются совершенно иные положения. Дело в том, что объект этой теории, по-видимому, поведение личности в соответствии с экспектациями, присущими конкретному статусу. Степень и форма этого соответствия обычно рассматриваются как результат разнообразных внутренних процессов, протекающих в личности. В зависимости от ситуации взаимодействия эти внутренние процессы представлены в виде следующих переменных: 1) степень, в которой экспектации были интернализированы как часть структуры личностных потребностей⁹; 2) степень, в которой личность воспринимает негативные и позитивные санкции как часть определенного комплекса экспектаций¹⁰; 3) степень, в которой экспектации используются как критерий самооценки¹¹; 4) степень, в которой ожидания (экспектации) выступают либо как интерпретация фактической реакции других, либо как предвосхищение потенциальной реакции¹². Совокупность этих внутренних процессов, действующих в конкретной ситуации взаимодействия, определяется характером статусов и соответствующих экспектаций. Одной из основных задач теории ролей является понимание этого сложного процесса взаимодействия хотя бы на уровне начальных теоретических построений.

В рамках вышеизложенной концепции личность рассматривается не как творчески активная и стремящаяся преобразовать социальную структуру посредством раз-

пообразных и неповторимых реакций, а как прагматический исполнитель роли, пытающийся справиться с разнообразными ожиданиями, заложенными в социальной структуре, и приспособиться к ним. Эти имплицитные положения относительно природы личности совпадают с воззрениями Мида на адаптацию и приспособление человека к обществу, однако они явно недооценивают творческое воздействие разума и Я на формирование и изменение общества. Таким образом, теория ролей способствовала развитию только некоторой части наследия Мида, что привело к определенной односторонности — теоретики пытались разобраться только в исследовании лишь некоторых типов динамических взаимодействий между обществом и личностью.

Взаимосвязь между личностью и обществом

Точка взаимодействия между обществом и личностью обозначается понятием роли и охватывает индивидов, обладающих статусом и использующих Я и способности к проигрыванию роли для адаптации к различного рода ожиданиям. Несмотря на единство мнений относительно общих особенностей роли, существуют различия в ее концептуализации¹³. Имеются три основных концепции роли, подчеркивающие один из ее компонентов¹⁴.

Предписанные роли. Если основное значение придавать ожиданиям личностей, обладающих статусом, то отсюда следует, что социальный мир выдвигает относительно четкие требования. При этом Я личности и ее способности к проигрыванию роли рассматриваются как действие по выполнению этих требований; в результате объектом анализа становится степень соответствия требованиям, предъявляемым тем или иным статусом.

Субъективные роли. Поскольку все ожидания проходят через призму Я, они подвергаются интерпретации со стороны личностей, обладающих статусом. Если основное внимание обращается на восприятие и интерпретацию ожиданий, то социальный мир предстает в виде личностных субъективных оценок ситуации взаимодействия. Таким образом, межличностные отношения индивидов, интерпретирующих и приспособляющихся к ожиданиям, попадают в центр исследования.

Проигрываемая роль. Экспектации и их субъективная оценка со стороны личности в конечном счете проявляются в поведении. Если в качестве объекта изучения выступает поведение, то социальный мир рассматривается как совокупность взаимосвязанных линий поведения. Повышение внимания к проигрыванию роли означает понижение внимания к экспектациям или же к их личностной интерпретации.

Совершенно очевидно, что взятые отдельно эти концепции неадекватны. Действительно, явное поведение личности связано с субъективной оценкой различных экспектаций. Исследовательская и теоретическая литература по теории ролей свидетельствует о том, что независимо от того, какому компоненту роли — предписанному, субъективному или проигрываемому — уделяется основное внимание, теоретики обычно исследуют сложные причинно-следственные связи между этими компонентами.

Теория ролей, вероятно, в большей степени, чем какая-либо другая теория, излагает не точные причинно-следственные связи, а скорее их общую картину. Такая неопределенность отчасти объясняется тем обстоятельством, что термин «теория ролей» охватывает широкий круг конкретных концепций в различных областях. Тем не менее исследователи теории ролей склонны разрабатывать концепции, обозначающие конкретные процессы взаимодействия, не раскрывая существующих между ними причинно-следственных отношений.

При попытке уточнения причинно-следственных связей с помощью теории ролей проясняется детерминистическое воздействие социальной структуры на взаимодействие. Однако анализ причинно-следственных отношений редко охватывает более крупные образования культуры и структуры. Напротив, особое внимание уделяется воздействию конкретных норм, других и референтных групп, ассоциирующихся с конкретными совокупностями статусов, на а) самооценку и интерпретацию своего Я, б) способности к проигрыванию роли или в) явное ролевое поведение. Несмотря на большие расхождения во мнениях, высказываемых в литературе по теории ролей, самооценка своего Я и его интерпретация обычно рассматриваются как решающие факторы, определяющие способность к проигрыванию роли, при этом явное поведение соответствует способностям к

проигрыванию роли. Выделение той или иной причинно-следственной связи зависит от того, каким ролям уделяется основное внимание: предписанным, субъективным или проигрыванию роли. Тем не менее в целом причинно-следственные отношения обрисовываются в том виде, в котором они представлены в верхней части рис. 5.

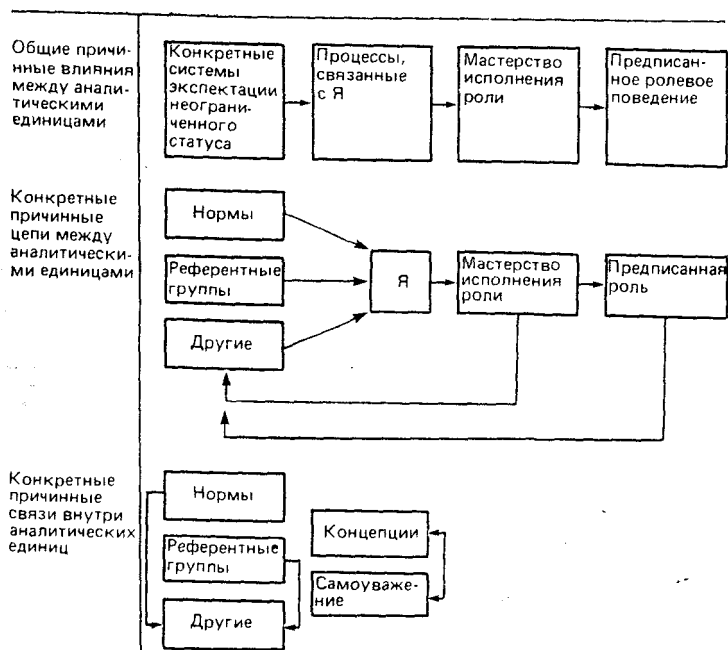

Рис. 5.

В отличие от верхней части рисунка средняя часть более подробно освещает сложные конкретные причинно-следственные отношения, изложенные в существующей литературе. Несмотря на то что экспектациям по-прежнему отводится определяющая роль, теоретики часто подчеркивают обоюдный характер причинно-следственного процесса. Иначе говоря, некоторые стадии в цепочке причинно-следственных отношений имеют «эффект обратной связи» и воздействуют на последующие причинно-следственные отношения между

компонентами, указанными в середине рис. 5. Хотя между этими компонентами имеются многочисленные логические взаимосвязи, в теории ролей подчеркиваются лишь некоторые из них, обозначенные на рисунке жирной стрелкой. Более того, как явствует из нижней части рис. 5, исследовались лишь некоторые конкретные компоненты, а именно: экспектации, переменные Я, навыки проигрывания роли и явное поведение.

Что касается взаимоотношений между экспектациями, навыками к проигрыванию ролей и явным поведением, то основным объектом исследования в теории ролей, по-видимому, являются способы отражения экспектаций, исходящих из различных источников — норм, других и референтных групп, — в интерпретациях Я и самооценках и их последующее воздействие через посредство навыков проигрывания роли на стиль проигрывания роли. Этот стиль обычно анализируется с точки зрения его соответствия экспектациям¹⁵. Однако на каждой стадии рассматриваются некоторые процессы «обратной связи» с целью определения, насколько «значение» норм, других или референтных групп влияет на выбор экспектаций, заслуживающих наибольшего внимания личности. В данном случае упор делается на степени принадлежности Я к данным группам¹⁶, на степени близости с конкретными другими¹⁷ и на степени приверженности определенным нормам или их интернализации¹⁸. Кроме того, значительное внимание уделяется еще одному важному процессу обратной связи, а именно: воздействию явного поведения в определенный момент времени на экспектацию других и их воздействие в другой момент времени на самовосприятие личности и ее последующее поведение. В этом плане широко исследовались вопросы социализации детей и взрослых и возникновение Я¹⁹, а также aberrации поведения²⁰.

Преобладающая в настоящее время в литературе точка зрения на взаимосвязь внутри компонентов общей цепи причинно-следственных отношений показана на нижней части рис. 10-1 стрелками. Что касается взаимосвязей между типами ожиданий, то внимание специалистов, по-видимому, обращено на персонификацию конкретными другими групповых норм или стандартов референтных групп. В свою очередь эти «значимые» другие зачастую рассматриваются как факторы,

определяющие детерминистическую связь между интерпретациями Я и самооценками личности, с одной стороны, и нормами группы или стандартами референтной группы — с другой²¹. Что же касается отношений между компонентами Я, то исследователи, по всей видимости, пошли по стопам Уильяма Джеймса²² и основное внимание уделяют связям между «самоуважением» и концепциями Я, имеющимися у личности²³. В свою очередь взаимодействие между самоуважением и другими компонентами Я рассматривается как результат реакции различных других, влияющей на Я-образ личности. И наконец, сложные взаимодействия всех этих компонентов формируют явное поведение личности.

Итак, согласно рис. 5, детальной теоретической разработке подверглись лишь некоторые из многочисленных возможных причинно-следственных отношений. Разумеется, в ряде исследований рассмотрено значительно большее количество возможных узлов причинно-следственных связей, но тем не менее по-прежнему остаются малоизученными: а) более широкие социальные и культурные структуры и конкретные формы взаимодействия; б) поведение при проигрывании роли и его воздействие на способности к проигрыванию роли; в) способности к проигрыванию роли и Я и г) проигрываемые роли и оценки своего Я, которые имеют место *независимо* от принятия роли от конкретных других или групп²⁴. Напротив, анализу подверглись главным образом отношения между Я и ожиданиями и их воздействие на проигрываемые роли и ответная реакция на них.

Проблемы построения «теории ролей»

Теоретические построения

До сих пор понятие теории ролей служит для категоризации и классификации ожиданий, Я, способностей к проигрыванию роли, проигрывания роли и отношений между этими объектами анализа. Применение концепций ограничивается в основном классификацией различных явлений, связанных с формами сетей статусов²⁵, видами и источниками ожиданий²⁶, отношениями Я к ожиданиям²⁷ или проигрыванием роли²⁸. Научно-теоретические понятия должны быть способны обеспе-

чить классификацию явлений, но в то же время они должны входить в ассоциативные и причинно-следственные построения. На сегодняшний день теория ролей не добилась значительных успехов в этом направлении, в результате чего в ней трудно обнаружить утверждения типа: $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$ вызывает изменения в y .

В будущем, столкнувшись со сложной задачей составления взаимосвязанных перечней утверждений, исследователям придется разрешить ряд теоретических проблем. Во-первых, будет необходимо заполнить пробелы в картине причинно-следственных отношений. Выделение лишь нескольких причинно-следственных связей в ущерб другим приводит к получению неполного и неточного набора теоретических утверждений. В этом отношении важное значение приобретает разработка утверждений, конкретизирующих связи между понятиями, обозначающими более широкие социальные и культурные переменные, с одной стороны, и понятиями, обозначающими конкретные переменные взаимодействия,— с другой.

Во-вторых, необходимо переработать существующие в теории ролей «утверждения», с тем чтобы добиться большей эксплицитности в условных утверждениях о вероятности некоторых процессов. Например, в отношении «теории» поведения референтной группы утверждения гласят, что использование конкретной группы в качестве руководства к действию, вероятно, будет иметь место тогда, когда а) имеется вероятность контакта с членами референтной группы; б) членство в альтернативных группах вызывает неудовлетворение; в) имеется вероятность восприятия возможности получения вознаграждения от группы; г) имеется возможность восприятия стандартов этой группы и д) возможно восприятие того, что в этой группе имеются значимые другие²⁹. Несмотря на то что эти утверждения наводят на определенные размышления, они не позволяют с точностью определить, какие формы контактов, уровни неудовлетворенности, виды вознаграждения и потерь, стандарты группы и какие типы значимых других служат условиями для использования группы в качестве руководства к действию со стороны личности. Более того, в эти утверждения не включены многие важные переменные. Например, для того, чтобы улучшить «тео-

рию» поведения референтной группы, требуется, как минимум, разработать теоретические построения об интенсивности вовлеченности личности, способности к принятию ролей в группе, характере стандартов в группе и их совместимости с различными сторонами самооценки личности.

Любая теория, пытающаяся установить связь между переменными социальной структуры и личности, неизбежно столкнется с этими проблемами. Если рассматривать такие психологические переменные, как самооценка, самоуважение и способность к проигрыванию роли, во взаимодействии с такими культурными и структурными переменными, как статус, норма, референтная группа и «другие», то в результате возникает сложная совокупность теоретических утверждений. Входящие в нее утверждения должны не только охватывать внутренние состояния личности, но и несколько уровней эмерджентных явлений, таких, как минимум, личность, непосредственная ситуация взаимодействия и более широкие структурные и культурные контексты, в которых происходит взаимодействие.

Методологические последствия

Потенциальная полезность теории ролей связана с рассмотрением сложных взаимодействий между ожиданиями, порожденными социальной структурой, опосредования этих ожиданий через Я и способностей действующих лиц со статусом к проигрыванию роли, а также результирующего поведения. Измерение проигрывания роли не создает серьезных методологических затруднений, поскольку данное явление достаточно изучено в рамках теории ролей. Однако в той степени, в какой такое явное поведение рассматривается как результат воздействия ожиданий и переменных, связанных с Я, возникает ряд методологических проблем. Сложный характер взаимоотношений между ролевым поведением, с одной стороны, и Я и ожиданиями — с другой, а также сложность определения показателей таких взаимоотношений создают ряд методологических проблем, которые затрудняют разработку совокупностей теоретических утверждений об отношениях между обществом и личностью.

Поскольку предполагается, что ожидания, с кото-

рыми сталкивается личность, образуют одну из связей между обществом и личностью, чрезвычайно важно осуществить измерение различных типов экспектаций и их воздействия на индивидов. Невозможность измерить эти явления может поставить под сомнение пригодность теории ролей к построению социологической теории. Один из методов измерения экспектаций заключается в их определении исходя из наблюдаемого поведения. Наиболее очевидная и важная проблема при использовании данного метода состоит в том, что экспектации, которые, как предполагается, воздействуют на поведение, становятся известны только после самого факта поведения. Следовательно, явление экспектаций, выводимых из поведения, мало полезно в теоретическом отношении, поскольку оно не может быть измерено вне зависимости от поведения. Отсюда следует, что ролевое поведение нельзя предсказать на основании содержания экспектаций и их отношения к Я. Другой метод связан а) с накоплением вербальных отчетов людей³⁰, проведенных до конкретной ситуации взаимодействия; б) с логическим определением типов экспектаций, регулирующих поведение, и в) предсказанием ролевого поведения на основании этих экспектаций. Преимущество данного метода заключается в возможности предсказания воздействия экспектаций, однако он страдает следующим недостатком: подобно логическим заключениям, выводимым из проигрывания роли, экспектации невозможно измерить независимо от личности, которая ими руководствуется³¹. В конечном счете при решении этих методологических проблем получается, что экспектации представляют собой логические выводы, которые трудно отделить от поведения — как в виде вербальных отчетов, так и проигрывания роли,— которое они направляют.

Альтернативный подход к решению данной методологической проблемы заключается в том, чтобы исследователи стали активными участниками социальных отношений и таким образом обрели «интуитивное чувство» экспектаций, воздействующих на индивидов. Предполагается, что такое «интуитивное чувство» позволит затем разработать более формальную концептуальную картину различных типов экспектаций и их разнообразного воздействия на личность и поведение. Основной недостаток такого подхода состоит в том, что

исследователи приобретают разные «интуитивные чувства». Следовательно, структура *экспектаций*, наблюдаемая разными исследователями в одной и той же ситуации, может на самом деле оказаться результатом их усилий по выработке единой точки зрения. Однако если такой конечный результат способен обеспечить прогнозирование, он становится показателем структуры *экспектаций*, которая, по крайней мере частично, не зависит от вербальных заявлений и определяемого ею поведения.

Короче говоря, исследование *экспектаций* является сложной задачей. Поскольку большинство социологических теорий предполагает существование структуры *экспектаций*, постановка методологических проблем имеет огромное значение. Дело в том, что эти проблемы имеют серьезные последствия для разработки теории. Наиболее важным последствием является возможность построения теории с помощью принципиально неизмеримых концепций. Изучение слевого поведения или вербальных заявлений с последующим выводом о существовании *экспектаций* приводит к тавтологичности конкретных утверждений, поскольку вариации поведения объясняются вариациями явлений, вывод о существовании которых делается на основании поведения. Проблема решается с помощью непосредственного участия исследователя или с помощью наблюдений, однако в этой связи возникает не менее сложная проблема, а именно: каким образом разные исследователи могут воспроизвести полученные результаты. Отсюда возникает возможность их опровержения. Если концептуализация структуры *экспектаций* является результатом усилий по согласованию различных точек зрения, то последующее изучение подобных явлений другими исследователями может потребовать новых усилий по выработке единого мнения. Если природа явлений, охваченных теоретическим утверждением, не была подвергнута эксплицитному определению и классификации в терминах поддающихся проверке, четких и согласованных стандартов, а является результатом «переговоров», то такие утверждения непроверяемы в принципе. В качестве продукта «переговоров» они мало пригодны для построения научно обоснованной теории. В конечном счете серьезность данных проблем определяется субъективно: одни исследователи считают их осново-

полагающими, а другие объясняют их недостатком имеющихся методов исследования.

Независимо от того, носят ли проблемы концептуализации ожиданий фундаментальный или технический характер, они усугубляются методологическими проблемами измерения переменных, связанных с Я. Как получить действенные показатели представлений о себе, самоуважения и внутренних психических оценок ситуации? Для оценки этих аспектов взаимодействия обычно используются вербальные заявления и методы наблюдений; с технической точки зрения они несовершенны и их точность может быть поставлена под сомнение, однако они не ставят фундаментальных вопросов, как это делается в экспектациях, поскольку они в принципе представляются измеримыми. Проблемы возникают только при попытке увязать эти переменные, связанные с Я, с экспектациями, которые, как предполагается, управляют возникновением и последующим развитием процессов, связанных с Я. Если интуитивное ощущение независимого существования норм, других, референтных групп и тому подобного доставляет известное удовольствие, то концептуализация этих явлений и их измерение в отрыве от Я-связанных процессов, которые ими предположительно управляются, остаются центральной проблемой теории ролей. В будущем эта проблема вряд ли станет менее острой и по-прежнему применимость теории ролей будет ставиться под сомнение.

Существенные последствия

Существенные критические замечания в адрес теории ролей вызывает чрезмерно структурированная и ограниченная картина человеческого поведения и, следовательно, социальной организаци. И хотя можно утверждать, что современная теория ролей весьма многогранна и потому не подвержена такой критике, ее основные теоретические построения, а также совокупные результаты эмпирических исследований свидетельствуют о высоко структурированной концептуализации социальной реальности.

В онтологическом плане теория ролей предполагает, что социальный мир структурирован в терминах сетей статусов и соответствующих совокупностей экспек-

таций, в рамках которых индивиды, обладающие Я и различными способностями, играют те или иные роли. Несмотря на то что ожидания рассматриваются как опосредованные Я и способностями к проигрыванию роли (субъективная роль), основное внимание уделяется тому, как личности приспосабливаются к требованиям «сценария», других «актеров» и зрителей «пьесы». Несомненно, многие стороны социальной жизни структурированы именно таким образом, однако под совокупным воздействием концепций анализ предполагает слишком большую структурированность и упорядоченность социального мира.

Казалось бы, чрезмерная структурированность представления о реальности уравнивается заметной концептуализацией «ролевых конфликтов»³² (конфликты экспектаций), «ролевой напряженности»³³ (неспособность удовлетворить все экспектации) и «аномии»³⁴ (отсутствие ясных экспектаций). На самом деле напряжение, конфликт и аномия зачастую рассматриваются как «аномальные» ситуации, представляющие собой «исключение» в структуре «нормального» социального порядка. Следовательно, необходимо, чтобы эти концепции получили дальнейшее развитие и вошли в существующие теоретические утверждения. Это будет способствовать конкретизации условий, при которых социальный мир будет менее ограничен социальной структурой.

Чрезмерной структурализации представлений о социальной реальности способствует также картина причинно-следственных отношений, присущая теории ролей. Как показано на рис. 5, в рамках теории ролей основное внимание уделяется воздействию экспектаций, опосредованных Я и способностями к проигрыванию роли, на самопроигрывание роли. Несмотря на то что в центре внимания оказывается воздействие проигрывания роли на экспектации, анализ обычно охватывает поведение индивидов и его влияние на поведение других, закрепляющее или изменяющее «Я-концепции».

При этом игнорируются детерминативные последствия проигрывания роли для изменения социальной структуры. Подчеркивая влияние поведения на «Я-концепции», теория ролей принижала значение того обстоятельства, что поведение также может вызвать изменения в организации сетей статусов, норм, референт-

ных групп, в реакции других и в некоторых других особенностях социальной структуры. В теории ролей социальный мир чрезмерно ограничен структурой экспектаций, и такое положение будет сохраняться до тех пор, пока главную роль в причинно-следственных отношениях будут играть последствия проигрывания роли для Я-соотнесенных переменных и переменных социальной структуры.

Такое представление о социальном мире объясняется, в частности, некоторыми логическими проблемами, возникающими в процессе анализа теории ролей. Туманность положений о том, какими конкретными способами и при каких обстоятельствах социальная структура воздействует на Я и проигрывание роли, приводит к появлению не подкрепленных доказательствами утверждений о том, что поведение личности определяется обществом. Для того чтобы предположения, выдвигаемые в теории ролей, стали теоретически значимыми, необходимо точно определить, когда, где, каким образом и в ходе каких процессов формируется ролевое поведение. При отсутствии точности в теоретических положениях подразумевается наличие некой императивности: ограничение такого поведения вызвано потребностями социальной структуры и личности. Эта императивность усугубляется классифицирующим характером понятий теории ролей. Определяя виды взаимоотношений между обществом, Я и поведением без указания условий, при которых такие отношения возможны, эти понятия, по-видимому, обозначают необходимые процессы, не указывая, когда, где и каким образом они должны протекать³⁵.

И наконец, методологические проблемы измерения экспектаций независимо от индивидуальных процессов, которые, как предполагается, они ограничивают, еще больше затрудняют решение вопроса о том, как и каким образом социальная структура воздействует на поведение личности. Неспособность измерить этот решающий узел причинно-следственных отношений вновь приводит к тривиальному утверждению, содержащему императивные коннотации, согласно которым общество определяет и направляет поведение личности.

Многие из этих существенных проблем можно решить, если допустить небольшие изменения в анализе роли. Онтологически признание того факта, что по-

ведение личности во многом определяется не зрителем или сценарием, а актерами, приспособляющимися друг к другу в отсутствие этих сил, подводит к более сбалансированному теоретическому вопросу: при каких условиях и какими видами экспектаций определяется поведение человека? До сих пор манья классифицирования видов референтных групп, норм, других функциональных отношений между ними и личностью позволяла исследователям избегать постановки этого теоретического вопроса, не говоря уже о том, чтобы попытаться ответить на него.

Что же касается причинно-следственных отношений, то необходимо обеспечить большее признание процессов множественных причинно-следственных связей, с тем чтобы отразить в теоретических положениях взаимодействие сетей статусов, экспектаций, Я, способностей к проигрыванию роли и ролевого поведения. Учитывая возобновившийся интерес к включению классифицирующих понятий в теоретические положения, ставится возможным разрешить многие логические проблемы, существенно осложняющие теорию ролей, поскольку скрытая императивность заменяется более точными утверждениями относительно того, когда возможны или невозможны те или иные события. Методологические проблемы теории ролей нелегко поддаются разрешению и будут по-прежнему осложнять анализ роли. Однако при внесении этих изменений в суждения, систему причинно-следственных отношений и форму теоретических положений вышеперечисленные недостатки методологии по крайней мере перестанут способствовать созданию чрезмерно структурированной картины социального мира.

Изменение направленности теории ролей: некоторые заключительные замечания

Поскольку понятие роли представляет собой узел сопряжения между личностью и обществом, без его изучения невозможно осмыслить причины возникновения, существования, изменения и исчезновения различных видов социальной организации. В настоящее время исследователи теории ролей основное внимание уделяли тому, как конкретные социальные ситуации определяют изменения в поведении личности, и сравнитель-

но мало были озабочены тем, как это поведение, опосредованное Я и способностями к проигрыванию роли, воздействовало на эти социальные ситуации и более общие компоненты социальной организации. Такая стратегия позволила пролить значительный свет на индивидуальные и групповые процессы, тем не менее теории ролей еще предстоит выяснить пригодность ее концепций для понимания социальных макроструктур и процессов.

До тех пор пока не будет проделана эта работа, место теории ролей в социологической теории почти неопределимо. Несомненно, эта теория способствует изучению организаций, групп и поведения личности, но в какой момент ее понятия и их включение в общий теоретический контекст становятся бесполезными в теоретическом отношении? Исследователи теории ролей обычно предполагают, что их понятия широко применимы в теоретическом плане. Однако их крайне редко включают в теоретические положения, объясняющие существование разнообразных видов социальной организации. Скорее сторонники теории ролей удовлетворялись утверждением, что ее понятия будут иметь решающее значение при разработке социологической теории, поскольку сложные социальные компоненты в конечном счете слагаются из конкретных видов ролевого поведения личностей, обладающих Я и способностями к проигрыванию роли. Такие утверждения, по-видимому, не способствовали разработке общих положений, которые подтвердили бы обоснованность подобных претензий.

Для того чтобы полностью использовать возможности теории ролей, необходимо внести изменения в ее стратегию. Во-первых, чрезвычайно важно разработать такие положения, которые включали бы в себя быстро растущее число классифицирующих понятий. Дальнейшее умножение числа систем понятий вместо систем положений будет препятствовать полному использованию возможностей теории ролей по разработке социологической теории. Во-вторых, в этих положениях следует рассматривать не только воздействие процессов, связанных с Я, и способностей к проигрыванию роли на поведение личности, но и последствия такого ограниченного поведения для разнообразных форм социальной организации. В-третьих, накопление положений последнего типа должно выявить способ-

ность понятий теории ролей к прогнозированию и осмыслению социальных событий на различных уровнях социальной организации. Если же выяснится, что теория ролей неспособна теоретически объяснить некоторые эмпирические явления, недостатки понятий теории ролей станут более явными. Коротко говоря, на данном этапе теория ролей должна выявить свои недостатки.

Символический интеракционизм

По мере того как теория ролей заимствовала отдельные положения из богатого наследия Джорджа Герберта Мида, она пополняла это наследие понятиями из других теоретических школ и традиций исследований, все более удаляясь от направленности мидовского анализа. Одновременно с этим альтернативным интеракционистским подходом «символические интеракционисты»¹ упорно хранили верность концепциям Мида. Хотя понятия теории ролей и символического интеракционизма в значительной мере совпадают, во многих важных отношениях эти теории различаются.

Образы общества и личности

Различия между теорией ролей и символическим интеракционизмом становятся очевидными при рассмотрении человеческого взаимодействия как изменяющегося по всему континууму². На одном полюсе этого континуума личности выступают как актеры «театра», а на другом — как участники «игры». Когда действия человека приравниваются к игре в театре, имеется вероятность того, что взаимодействие будет восприниматься как заданное сценарием, режиссерами, другими актерами и учителями. Однако когда оно концептуализируется как игра, взаимодействие скорее воспринимается как неструктурированное и определяемое широким диапазоном действий, имеющих в распоряжении участников. Таким образом, в отличие от теории ролей, где взаимодействие между людьми рассматривается как структурируемое ожиданиями, символический интеракционизм склонен концептуализировать взаимодействие и общество в терминах стратегических коррективов и приспособления иг-

роков. Хотя в играх имеются правила, символические интеракционисты прежде всего обращают внимание на взаимодействие игроков, которое в зависимости от его направленности устанавливает, поддерживает и изменяет правила игры. Этот общий взгляд на взаимодействие между людьми определяет ряд предположений относительно природы взаимодействия, природы социальной организации и природы личности.

Природа взаимодействия

Основное внимание в символическом интеракционизме уделяется такому процессу принятия роли, в котором люди производят жесты и интерпретируют жесты других. На основе информации, полученной при интерпретации жестов, актеры могут скрытно отрепетировать различные действия, а затем принять такую линию поведения, которая позволит осуществить согласованную и организованную деятельность. Однако на этом примере видны лишь самые общие контуры сложных символических процессов, определяющих и направляющих взаимодействие. Современная концепция символического взаимодействия охватывает ряд конкретных процессов:

1. Помимо того, что актеры рассматривают друг друга как объекты ситуации взаимодействия, они выбирают и символически обозначают дополнительные объекты во взаимодействии: а) одним из наиболее важных объектов является Я. С одной стороны, Я может представлять переходящие образы, которые возникают у актера при интерпретации жестов других, с другой — Я может обозначать установившиеся представления о себе как об объекте, которым актер оперирует в ходе взаимодействия; б) другим важным классом объектов являются различные структуры экспектаций, например нормы и ценности, которые могут регулировать взаимодействие; в) наконец, способность человеческого организма манипулировать объектами позволяет включать во взаимодействие почти любой другой «объект» — другую личность, набор стандартов или какой-то аспект Я.

2. «Актеры» склонны по-разному действовать в отношении объектов, включенных в ситуации взаимодей-

ствия. Вот почему для понимания способности группы личностей к действию необходимо понять мир объектов, которые ими символически обозначены.

3. Каждый «актер» определяет данную ситуацию с точки зрения конкретного набора объектов и склонности к действиям, которые они подразумевают. Такое определение служит точкой отсчета при оценке последствий конкретных линий поведения. Этот процесс обозначается термином «картирование».

4. Выбор конкретной линии поведения связан со сложными символическими процессами. Как минимум «актеры» обычно оценивают а) требования других, входящих в их непосредственное окружение; б) Я-образы, возникающие при принятии роли в отношениях не только с непосредственными участниками данной ситуации, но и с отсутствующими; в) нормативные экспектации, воспринимаемые ими в данной ситуации, и г) склонность действовать в отношении любых дополнительных объектов, которые они могут символически ввести в ситуацию взаимодействия.

5. После реализации поведения может произойти переопределение и, вероятно, перекартирование действия по мере интерпретации реакций других, а также введения новых объектов во взаимодействие и изъятие старых.

Таким образом, подчеркивая значение интерпретации, оценки, определения и картирования, символический интеракционизм обращает внимание на определяющее влияние взаимодействия на личность и общество. Символическая природа взаимодействия не является простым орудием, с помощью которого существовавшие ранее психологические, социальные и культурные структуры неумолимо формируют поведение, она обеспечивает изменения социальных, культурных и психологических структур за счет сдвигов в определениях и поведении людей.

Природа социальной организации

Утверждение символического интеракционизма о примате процесса взаимодействия основывается на ряде предположений относительно природы социальной организации:

1. Поскольку поведение является отражением процессов интерпретации, оценки, определения и картиро-

вания, осуществляемых личностями в различных контекстах взаимодействия, социальная организация представляет собой активную увязку действий участников взаимодействия. Следовательно, социальная организация должна рассматриваться скорее как процесс, а не как структура.

2. Несмотря на то что социальная организация представляет собой эмерджентное явление, которое невозможно свести к конституирующим действиям индивидов, сложно понять виды социальной организации, не признавая того факта, что они являются переплетением линий поведения отдельных личностей.

3. Взаимодействие во многом является повторяющимся, и его структура определяется четкими ожиданиями и общими определениями ситуации, однако его символическая природа позволяет вводить во взаимодействие новые объекты и изымать старые, в результате всегда может произойти новая переоценка, истолкование, переопределение и новое картирование поведения. Следовательно, социальная структура должна рассматриваться как обладающая широкими возможностями по изменению и преобразованию.

4. Таким образом, виды социальной организации представляют собой эмерджентные явления, которые могут служить «объектами», определяющими ситуации для актеров. Однако те же самые символические процессы, которые порождают и поддерживают существование видов социальной организации, могут изменять и преобразовывать их.

Природа личности

В этой концепции социальной организации содержится ряд предположений относительно природы личности. 1. Люди обладают способностью рассматривать себя в качестве объектов и вводить в ситуацию взаимодействия любые объекты. 2. Таким образом, люди не повинуются слепо социальным и психологическим силам, а являются активными творцами мира, на который они реагируют. 3. Итак, взаимодействие и эмерджентные формы социальной организации можно понять, только разобравшись в способностях личностей символически создавать мир предметов, на которых они реагируют.

Взятые вместе, эти предположения³ о природе взаимодействия, общества и личности создают картину социальной организации, в которой главное место отводится процессам, с помощью которых личности согласовывают свои действия путем сложных символических манипуляций. Социальная организация представляет собой эмерджентное явление и, следовательно, является одним из «объектов» любой ситуации взаимодействия. Однако процессы интерпретации, оценки, определения и картирования, совершаемые действующими лицами, свидетельствуют не только о зависимости социальной структуры от символических процессов, но и о способности личности перестроить эти структуры. Таким образом, символический интеракционизм уделяет значительное внимание специфическим процессам, с помощью которых взаимодействующие личности⁴, обладающие способностью создавать символическую среду, создают, поддерживают и изменяют виды социальной организации.

Проблемы построения «теории» символического интеракционизма

Построение причинно-следственных утверждений

Для современных сторонников символического интеракционизма наследие, оставленное Мидом, ставит под сомнение пригодность теоретических построений, в которых принижается значение внутренних символических процессов, с помощью которых действующие лица пытаются «уложить» свое поведение в какую-то организованную схему. Социальная организация является не продуктом системных сил, потребностей общества и структурных механизмов, а результатом взаимной интерпретации, оценки, определения и картирования отдельными действующими лицами. Итак, символические процессы личностей нельзя рассматривать как нейтральную среду, в которой действуют социальные силы; напротив, эти процессы следует рассматривать как определяющие способы формирования, поддержания и изменения социальных форм⁵.

Аналогичным образом символический интеракционизм ставит под сомнение пригодность теоретических построений, в которых поведение рассматривается как

простое высвобождение склонностей, заложенных в структурированной личности. Подобно тому как схемы социальной организации должны рассматриваться в непрерывном состоянии потенциального изменения посредством процессов интерпретации, оценки, определения и картирования, человеческая личность должна рассматриваться как постоянно развивающийся процесс, а не жесткая структура, которая механически избирает определенную линию поведения. В силу того обстоятельства, что люди способны давать себе различные и изменяющиеся символические указания, они способны и изменять свое поведение. В результате поведение не столько «освобождается», сколько «конструируется» действующими лицами путем последовательных указаний⁶.

Главным в причинно-следственной системе символического интеракционизма является определение способа, каким взаимодействия детерминируют организацию личности, поведения и общества. Процесс символического взаимодействия считается детерминирующим в любом случае: идет ли речь об образовании Я-концепций, интернализации культурных ценностей, генезисе отклонений личности от нормы или же о процессе социального контроля, образовании групп, социальном движении, схеме коллективного поведения или о любой другой из многочисленных существенных проблем. Итак, считается, что структура личности, конкретные проявления поведения или существование некоторых схем социальной организации во многом отражают процессы символического взаимодействия, протекающие между индивидами.

Однако отношения между символическим взаимодействием, с одной стороны, и личностными, поведенческими и социальными переменными — с другой, обычно рассматриваются как носящие обоюдный характер. Социальные структуры и экспектации, которые они воплощают, рассматривают как «объекты», которые необходимо интерпретировать и затем использовать для определения ситуации и картирования возможного поведения, составляющего в конечном счете социальные структуры. Обычно предполагается, что открытое поведение в один момент времени производит Я-образы, которые используются личностями для символического картирования последующих действий в

другой момент времени; при этом особенности личности, например Я-концепции, самоуважение и интернализированные потребности, рассматриваются как опосредующие каждую последующую фазу интерпретации жестов, оценки Я-образов, определения ситуации и разработки различных линий поведения.

Представление о символическом взаимодействии между личностями как о факторе, формирующем личность, поведение и социальную организацию и определяемым ими, невероятно усложняет картину причинно-следственных отношений, поскольку в этом случае трудно разобраться в том, какая из переменных — символическое взаимодействие, личность, поведение или социальная структура — вызывает изменения в других переменных. Одно дело отметить, что переменные, по-видимому, обоюднo воздействуют друг на друга⁷, и совсем другое — выявить условия, при которых одна переменная вызывает изменения в другой, и наоборот. В настоящее время во многих литературных источниках просто отмечается наличие процессов взаимного влияния между символическим взаимодействием, личностью, поведением и социальными структурами и не уточняется природа этого обоюдного воздействия. Идет ли речь об изучении взаимодействия людей, поведение которых отклоняется от нормы, с другими⁸, социализированными агентами и молодежью, различными группами и их членами, или о поведении коллективном и отдельных индивидов, система причинно-следственных связей в символическом интеракционизме характеризуется обоюдным характером процессов обратной связи, без определения точных способов и условий, при которых продукты символического взаимодействия влияют на последующий ход взаимодействия. Без такой точности утверждение символического интеракционизма о обоюдном характере причинно-следственных отношений между взаимодействием и его объектами, поведением и социальной структурой, являющимися продуктом взаимодействия, будет в лучшем случае наводить на размышления. Попытки же построения причинно-следственных утверждений будут по-прежнему обречены на провал.

Короче говоря, именно отсутствие точности не позволяет символическому интеракционизму пролить свет на условия, при которых возникают, сохраняются, из-

меняются и исчезают схемы социальной организации. Утверждать, как это делали некоторые ученые⁹, что «общество есть символическое взаимодействие», не значит разрешить эти проблемы. Заявления о важности процессов интерпретации, самооценки, определения и картирования также не вносят ясности в вопрос об условиях, при которых между социальной организацией и этими символическими процессами имеется причинно-следственная связь.

Некоторые последствия для методологии

Предположения и система причинно-следственных связей символического интеракционизма обусловили возникновение стройной методологии социальных исследований. Поскольку социальная жизнь является в конечном счете продуктом интерпретации, оценки, определения и картирования, которые осуществляют индивиды, пытающиеся скоординировать свое поведение, изучение этой жизни должно быть направлено на осмысление символических процессов отдельных действующих лиц. Исходя из этой методологической посылки интеракционисты, подобные Блумеру¹⁰, последовательно и настойчиво критикуют социологическую теорию и ее исследования, ставя под сомнение пригодность современных способов исследований для раскрытия символических процессов, в ходе которых возникают и поддерживаются социальные структуры и личность. Блумер и его сторонники утверждают, что существующие стратегии исследований сами выбирают объект изучения, а не диктуются характером эмпирического мира:

«Вместо того чтобы обратиться к эмпирическому социальному миру как к первой и последней инстанции, используются априорные теоретические схемы, непроверенные концепции и возведенные в ранг святыни протоколы исследовательской процедуры. Они определяют подход к рассмотрению эмпирического социального мира, подчиняя себе исследования и подгоняя эмпирический мир под свои посылки»¹¹.

Слишком часто модные увлечения протоколами исследований затушевывают перед исследователями и теоретиками «реальный характер» социального мира. Такие протоколы уводят анализ от непосредственного изучения эмпирического мира в сторону преждевременно сложившихся представлений о том, что является

«истиной» и как эти «истины» надлежит изучать. Со своей стороны процессы символического взаимодействия требуют от методологии исследований уважения эмпирической реальности и использования таких методов, которые способствуют ее непосредственному и непредвзятому изучению¹².

Для достижения этой цели сам акт исследования должен рассматриваться как процесс символического взаимодействия, в котором исследователи «принимая роль» исследуемых индивидов. Для того чтобы «принятие роли» было эффективным, исследователи должны подходить к изучению взаимодействия с помощью концепций, которые заставляют их обратить внимание на процессы взаимодействия, а не раскладывать преждевременно социальный мир на структуры. Такой подход позволяет сохранить различие между научными концепциями и концепциями исследуемых личностей, находящихся в процессе взаимодействия. Так процессы интерпретации и определения, осуществляемые действующими лицами с целью приспособления друг к другу в конкретных ситуациях, способствовали уточнению научных понятий и в конечном счете их включению в теоретические утверждения относительно процессов взаимодействия, из которых складывается общество.

Блумер¹³ выступает за проведение двойственного процесса исследований. Это, во-первых, «разведывательные» исследования, когда изучаются конкретные ситуации, с тем чтобы иметь возможность пересмотреть их в зависимости от изменения ситуации. Во-вторых, как подчеркивает Блумер, за «разведкой» должна следовать «проверка», когда на основе наблюдений исследователи определяют, каким образом надлежит уточнить научные понятия и включить их в более абстрактные и обобщенные утверждения относительно отношений между понятиями. В ходе такого двойственного процесса исследований необходимо понять, как каждое действующее лицо определяет данную ситуацию, каково отношение этого определения к объектам, воспринимаемым действующими лицами, а также экспектации действующего лица в его непосредственном и отдаленном социальном мире¹⁴. Таким образом, исследования, направленные на построение абстрактных концепций и положений социологической теории, были бы соединены с эмпирическим миром, где действующие лица осу-

ществляют интерпретацию, оценку, определение и выработку форм поведения, создающих, поддерживающих или изменяющих системы социальной организации.

Такой методологический подход вызвал ряд разногласий в теоретической литературе. Прежде всего возникает вопрос об использовании только *этого* методологического подхода при построении целостной социологической теории. Сторонники различных научных школ редко отвергают важность процессов интерпретации и определения для понимания социальных процессов. Напротив, понимание на «уровне значения» почти всегда считается необходимым. Спор вызван утверждениями символических интеракционистов о неприменимости других методологий при изучении социальных процессов и структур. Если социальные явления действительно вытекают из исходных процессов символического взаимодействия, то возможно ли изучение групп, организаций и различных форм коллективных организаций только за счет «принятия роли» их членов? Может быть, существуют и другие эмерджентные социальные силы, которые следует изучать иными, менее интуитивными методами? Методология «разведки — проверки» может во многом способствовать анализу таких эмерджентных явлений, однако маловероятно, что понимание на «уровне значения» способно полностью объяснить или обеспечить целостное понимание эмерджентных социальных явлений. Итак, до тех пор, пока не будет доказано, что только методология, защищаемая Блумером и другими учеными, пригодна для изучения макроформ коллективной организации, у критиков будет достаточно оснований сомневаться в возможности использования только одной методологии.

Методологическая позиция Блумера вызвала разногласия и в связи с вопросом об операционализации понятий. Но как операционализировать такие понятия, как «Я» и «определение ситуации», для того чтобы разные исследователи, в разное время и в различных контекстах могли изучить одно и то же явление? Блумер¹⁵ предпочитал уклоняться от прямого ответа на вопрос о том, как в терминах четких операциональных определений изучить процессы интерпретации, оценки, определения и выработки поведения, ибо такие вопросы «свидетельствовали о глубоко неправильном пони-

мании как научных исследований, так и символического интеракционизма». Для Блумера понятия и выводы теории символического интеракционизма обеспечивали возможность непосредственного изучения эмпирического мира; следовательно, «их ценность и обоснованность должны определяться этим изучением, а не теми результатами, которые получаются при их проверке чуждыми критериями не относящейся к делу методологии». Под «чуждыми критериями» Блумер понимал набор ложных предположений относительно связи между концепциями и событиями реального мира. В целом, согласно этим «ложным» предположениям, для каждого абстрактного понятия должен существовать набор операциональных определений, которыми руководствуются исследователи, изучающие эмпирические случаи, обозначенные операциональным определением. Таким образом, можно изолировать конкретные примеры абстрактных концепций и отношений между ними и воспользоваться ими для построения социологической теории (см. гл. 1). Игнорирование процесса операционализации приводит к тому, что теория отрывается от эмпирических событий, которые она должна была объяснять.

Блумер настойчиво подчеркивал неправомерность соединения социологических понятий с фактическими событиями эмпирического мира:

«Нечеткий характер понятий является основным недостатком социальной теории. Он мешает нам подступиться к нашему эмпирическому миру, поскольку мы не уверены, к чему именно мы должны подступиться. Наша неуверенность в том, о чем именно мы говорим, мешает нам задавать правильные вопросы и ставить перед исследователями соответствующие задачи»¹⁶.

Отвечая своим оппонентам, Блумер утверждал, что только методологические процессы «разведки» и «проверки» позволяют соединить между собой понятия и эмпирический мир. Вместо того чтобы с помощью жестких операциональных определений создавать ложную уверенность в научной правоте, социологическая теория должна признать тот факт, что соединение абстрактных понятий с реальным миром является непрерывным процессом, в ходе которого исследователи «разведывают» и «проверяют» события, происходящие в эмпирическом мире.

Короче говоря, в изложении Блумера методологиче-

ский подход символического интеракционизма ставит под сомнение существующие принципы исследований. В качестве альтернативы предлагается чаще использовать метод «разведки» и «проверки», с помощью которого исследователи пытаются понять символические процессы, составляющие взаимодействие. Следует признать также, что только такие методы исследования позволяют сохранить связь между понятиями и изменяющимися процессами взаимодействия, существующими в эмпирическом мире. В свою очередь данная методология имеет серьезные последствия для построения социологической теории.

Последствия построения теории

Высказанные Блумером положения, понятие причинно-следственных связей и определенная методология — все это образует понятие «социологическая теория». По мнению Блумера, признание того факта, что социологические понятия не передают всей сложности эмпирического мира, является результатом недостаточного внимания к фактическим событиям, происходящим в этом мире, а также продуктом этого мира. И хотя при построении теории было бы желательно использовать более «определенные понятия», относящиеся к классам точно определенных событий, это может оказаться невозможным в силу природы эмпирического мира. Поскольку этот мир состоит из постоянно меняющихся процессов символического взаимодействия между действующими лицами различных контекстуальных ситуаций, понятия, вырывающие из контекста лишь некоторые фактические явления, не могут отразить контекстуальный характер социального мира. Более того, поскольку социальная реальность в конечном счете «строится» из символических процессов между личностями, фактические примеры взаимодействия, обозначенные соответствующими понятиями, будут меняться, что, следовательно, затруднит их классификацию с помощью жестких операциональных определений.

По утверждению Блумера, эти обстоятельства требуют применения «сенситивизирующих понятий», хотя и не обладающих способностью конкретизации событий и их признаков, тем не менее позволяющих высказать некоторые предположения относительно того, где сле-

дует искать те или иные классы событий. В этом смысле сенсibiliзирующие понятия создают общее ощущение того, что имеет значение в том или ином случае, и, следовательно, позволяют исследователям обеспечить гибкий подход к изменяющемуся эмпирическому миру, «нащупывать и выбирать дорогу в незнакомой местности». Использование подобных понятий не обязательно означает отсутствие в социологической теории строгого подхода, скорее оно является признанием того факта, что «если наш эмпирический мир предстает перед нами в виде четко различных и неповторимых событий и если мы стремимся посредством прямого изучения этого мира установить классы объектов и отношения между ними, мы... вынуждены иметь дело с сенсibiliзирующими понятиями».

И хотя эмпирический мир может препятствовать разработке четких понятий, уточнение и совершенствование сенсibiliзирующих понятий вполне возможно. Последнее, однако, требует гибкого подхода к эмпирическим ситуациям, обозначенным сенсibiliзирующими понятиями, с последующей оценкой расхождений между фактическими событиями и этими понятиями. И хотя отсутствие точных критериев и определений делает оперирование сенсibiliзирующими понятиями более сложным, нежели с точными, тем не менее постепенное уточнение сенсibiliзирующих понятий предполагает «тщательное и творческое изучение этого упрямого мира, пронизанного этими понятиями»¹⁷. Более того, сформулированные таким образом сенсibiliзирующие понятия поддаются передаче и использованию для построения социологической теории. И хотя формальные определения и жесткие классификации непригодны, сенсibiliзирующие понятия могут быть эксплицитно выражены посредством описаний тех событий, к которым они относятся.

Короче говоря, уточнение, формулирование и коммуникация сенсibiliзирующих понятий неизбежно становятся «строительными блоками» социологической теории. При соответствующей тщательной формулировке они могут быть включены в предварительные теоретические утверждения, конкретизирующие условия, при которых имеется вероятность осуществления различных видов взаимодействия. Таким образом, в теоретических понятиях будет закреплён изменяющийся ха-

рәктер социальнóго мира и, следовательно, бóдут сò-держаться более точные утверждения относительно условий, при которых возникают, сохраняются, изменяются и исчезают схемы социальной организации.

Характер социального мира и определяемая им теория во многом обеспечивают построение таких теоретических утверждений и их организацию в рамках теории. По мнению Блумера, реальность носит конструируемый характер, что требует разработки соответствующих понятий. Вот почему он настаивал на необходимости индуктивного построения теории. В индуктивной теории общие положения абстрагируются от наблюдений конкретных ситуаций взаимодействия. Такой индуктивный подход считается желательным, поскольку современные попытки использования дедуктивного метода для построения социологической теории обычно игнорируют необходимость выведения одного положения из другого и не направлены на поиски негативных эмпирических случаев, которые могли бы опровергнуть эти положения¹⁸. По утверждению Блумера, из-за этих недостатков дедуктивная социологическая теория оторвана от событий эмпирического мира и неспособна внести исправления в свои теоретические утверждения. Кроме того, имеется тенденция руководствоваться модными веяниями при определении направлений и методов исследований. Поэтому маловероятно, чтобы с помощью дедуктивной теории и ее методов исследования можно было обнаружить процессы, подтверждающие или опровергающие ее общие утверждения. Учитывая наличие этого теоретического тупика, чрезвычайно важно добиться того, чтобы построение социологической теории не осуществлялось в отрыве от фактических событий эмпирического мира: «никакое, даже самое хитроумное теоретизирование, никакое соблюдение научного протокола, каким бы тщательным оно ни было, не заменят знания того, что фактически происходит в изучаемой сфере жизни»¹⁹. Без такого индуктивного ознакомления социологическая теория останется набором необоснованных теоретических предсказаний, имеющих мало общего с изучаемыми явлениями.

Блумер утверждает, что индуктивный подход является наилучшей стратегией для разработки социологической теории. В то же время по ряду других причин он возражает против дедуктивной теории. Предположе-

ния Блумера о природе эмпирического мира несовместимы с логикой дедуктивных рассуждений. Эти возражения гораздо более серьезны, чем это обычно свойственно Блумеру, ибо они ставят под сомнение не только целесообразность и эффективность дедуктивной теории, но и саму ее возможность.

Основные возражения против дедуктивной теории сводятся к следующему:

1. Дедуктивная теория основывается на логическом развитии одной предпосылки из другой. Для этого требуется, чтобы понятия каждой предпосылки имели четкие операциональные определения для того, чтобы явления, описанные в понятиях логически взаимосвязанных предпосылок, были описаны *буквально*.

2. Буквальное описание связано с конкретизацией особенностей явлений, с тем чтобы была четко видна их принадлежность к четко обозначенному классу явлений. Такой процесс классификации должен включать в себя установленные и согласованные стандарты, позволяющие ученым, действующим независимо друг от друга, распознавать принадлежность явлений к тому или иному классу.

3. Поскольку предполагается, что социальная реальность является продуктом процесса интерпретации символического взаимодействия, описания учеными этих символических процессов, протекающих между действующими лицами, также должны представлять собой интерпретации, полученные посредством принятия роли и другими методами.

4. «Если наблюдатель может идентифицировать имевшие место действия только посредством документальной интерпретации, то полученные описания не поддаются должной межличностной проверке, так как интерпретации действий различными индивидами обязательно совпадут только тогда, когда они смогут *договориться о наличии какой-то общей социальной реальности*» (курсив мой. — Авт.)²⁰.

5. Следовательно, если ученым приходится постоянно договариваться об описаниях явлений, такие описания социальных явлений не могут быть *буквальными*, поскольку не могут быть четко классифицированы этими учеными, действующими *независимо друг от друга*, в терминах четких критериев.

6. Итак, интерпретирующие и документальные опи-

сания не могут быть организованы в дедуктивную систему теоретических утверждений.

Эти аргументы представляются неизбежными до тех пор, пока предполагается, что социальный мир строится на основании процессов интерпретации, которые поддаются описанию *только* с помощью сенсibiliзирующих, а не дефинитивных понятий. Поскольку предполагается, что понятия дедуктивной теории являются дефинитивными и, следовательно, логически взаимосвязанными, утверждение Блумера о том, что характер реальности требует применения только сенсibiliзирующих понятий, логически исключает использование дедуктивной теории. Таким образом, с точки зрения блумеровского символического интеракционизма индуктивная конструкция теории является не только лучшей, но и необходимой стратегией.

Допущения, виды причинно-следственных связей и методология символического взаимодействия не только сказываются на построении социологической теории, но и на видах утверждений, входящих в эту теорию. Несмотря на то что в теории символического взаимодействия, разработанной Блумером и другими, отмечается, что взаимодействие во многом обладает системностью и повторяемостью²¹, ее выводы и виды причинно-следственных связей постоянно предполагают возможность новой интерпретации, оценки, определения и картирования. Возможно, что вслед за Мидом, ощущавшим неопределенность понятия Я, современные сторонники символического интеракционизма озабочены «творческими» и «спонтанными» результатами символического взаимодействия. В той мере, в какой символическое взаимодействие порождает эти творческие и спонтанные коррективы во взаимодействии, теоретические утверждения должны носить вероятностный характер, то есть содержать набор вероятностных суждений о дальнейшем существовании или изменении различных видов взаимодействия. Хотя большинство теоретических утверждений в социологии имеет вероятностный характер, можно предположить, что это обстоятельство является следствием несовершенства их формулировок или данных, используемых для их проверки. С другой стороны, представление о реальности, присутствующее символическому интеракционизму, неизбежно требует применения вероятностных, а не детерминистских

теоретических утверждений, поскольку символические способности действующих лиц позволяют вводить в данную ситуацию неповторимые элементы, которые могут изменить ход взаимодействия.

Некоторые существенные следствия

Выводы, виды причинно-следственных связей и даже стратегии исследований и построения теории, разработанные Блумером и другими, свидетельствуют о том, что символическое взаимодействие является основным социальным процессом, из которого выстраивается личность и социальные структуры. Идет ли речь о структуре личности или общества, символическое взаимодействие между участниками является именно тем процессом, который создает, поддерживает и изменяет эти эмерджентные структуры. Хотя системные аспекты личности или социальной структуры могут втягиваться во взаимодействие как «объекты» ситуации, формирующие процессы интерпретации, оценки, определения и картирования, осуществляемые действующими лицами, символическое взаимодействие, по-видимому, охватывает главным образом *взаимодействие* как таковое. Его продукты в разной степени рассматриваются в специальной литературе, в которой основное внимание уделяется структуре различных типов личности²², а не структуре различных видов социальной организации.

Рассмотрение существа процесса взаимодействия обладает рядом преимуществ по сравнению с другими теоретическими подходами. Во-первых, это, по-видимому, позволяет более внимательно по сравнению с функционализмом и теорией конфликтов, рассмотреть символические процессы, лежащие в основе построения и поддержания видов социальной организации. Во-вторых, понятия «теории» символического интеракционизма, вероятно, имеют более общий характер, чем конкретные виды взаимодействия, описываемые в других теориях. В результате такие концепции, как обмен, коммуникация и информация, могут быть выражены в понятиях символического интеракционизма. В-третьих, понятия символического интеракционизма позволяют охватить весь диапазон отношений между людьми, например конфликт, сотрудничество и господство; поэтому символический интеракционизм делает ненужными,

по крайней мере в принципе, отдельные «теории» каждого вида человеческих отношений.

В свете этих обстоятельств символический интеракционизм представляется весьма многообещающей теорией, однако он страдает некоторыми существенными недостатками. Нередко символический интеракционизм содержит красивые заявления, вроде: «Общество есть символическое взаимодействие», не уточняя при этом, какие типы эмерджентных структур создаются, поддерживаются и изменяются, какими видами взаимодействия это делается и в каком контексте. Подобно утверждениям критиков о «социальной системе» Парсонса и «императивно координируемых ассоциациях» Дарендорфа, социально-структурные явления довольно таинственно возникают и затем поддерживаются или изменяются с помощью туманных ссылок на процессы взаимодействия. Неясность связей между процессом взаимодействия и его социально-структурными продуктами²³ приводит к тому, что символический интеракционизм состоит в основном из голословных заявлений и очень незначительного числа обоснованных утверждений относительно того, каким образом, где, когда и с какой вероятностью процессы взаимодействия создают, поддерживают и изменяют различные виды социальной организации.

Соответствующим образом видение социального мира, присущее символическому интеракционизму, характеризуется принижением роли социальных структур, которые рассматриваются исключительно как «объекты» ориентации действующих лиц или как «вещи», каким-то образом возникающие из взаимодействия. Символический интеракционизм увязывает социальные процессы с социальной структурой только на словах, без этой связи мир предстает изменяющимся и постоянно преобразующимся, при этом действующие лица символически интерпретируют, оценивают, определяют и намечают соответствующие действия. Разумеется, такое видение мира отражает его важные социальные особенности, однако это, по-видимому, достигается за счет игнорирования структур, направляющих символические процессы действующих лиц.

В этой связи возникает еще одна проблема, а именно: неспособность символического интеракционизма создать понятия, с помощью которых можно было бы

описать взаимодействие между коллективными организациями. Блумер настойчиво утверждал, что взаимодействие между коллективными образованиями определяется теми же самыми процессами интерпретации, оценки, определения и картирования, которые характерны для взаимодействий между индивидами, однако ему и другим интеракционистам еще предстоит доказать это. На самом общем уровне вполне вероятно, что эмерджентные социальные образования действительно «оценивают» ситуацию и «затем намечают» действия, но это не вносит ясности в вопрос о том, как взаимодействуют социальные образования, как они связаны между собой и как они образуют сложные системы социальной организации. По-видимому, необходимо разработать дополнительные понятия для объяснения этих более сложных связей между более крупными социальными образованиями; по мере необходимости понятия символического интеракционизма могут применяться только на тех уровнях анализа, где в качестве взаимодействующих единиц выступают индивиды. В этом случае неспособность символического интеракционизма показать, каким именно образом взаимодействие создает, поддерживает и изменяет социальные структуры, может быть вызвана, по крайней мере частично, тем обстоятельством, что его понятия обозначают лишь ограниченный круг микроявлений.

До тех пор пока символический интеракционизм не откажется от самоуверенных и не подкрепленных доказательствами заявлений относительно природы реальности и ее причинно-следственных процессов, останется без ответа чрезвычайно важный вопрос: каким образом взаимодействие создает, поддерживает и изменяет те или иные особенности социальной реальности, создаваемой в процессе так называемого символического взаимодействия.

Символический интеракционизм: некоторые заключительные замечания

Сторонники символического интеракционизма выступают за разработку четкой стратегии для построения социологической теории. Выделение процессов интерпретации, оценки, определения и картирования, осуществляемых действующими лицами, приводит к тому,

что социологическая теория может быть создана лишь на основе индукции этих процессов. Далее. Постоянно изменяющийся характер этих процессов требует использовать не «дефинитивные», а «сенсibiliзирующие» понятия; следовательно, дедуктивное теоретизирование должно быть заменено индуктивным подходом. Итак, независимо от того, рассматриваются ли сенсibiliзирующие понятия как предпочтительная стратегия или логическая «необходимость», стратегия символического интеракционизма заключается в выведении общих утверждений из протекающих процессов, осуществляемых индивидами в конкретных ситуациях взаимодействия.

Такая стратегия, вероятно, позволит учитывать в теоретизировании процессуальный характер социального мира. Однако в настоящее время с помощью этого подхода не удалось увязать процессы символического взаимодействия с формированием различных видов социальной организации. Более того, предстоит еще доказать возможность использования индукции из символических взаимодействий между личностями для анализа взаимодействия между более крупными, коллективными социальными образованиями. Пока эти проблемы не решены, представляется нецелесообразным придерживаться исключительно стратегии Блумера и его последователей. До тех пор пока символические интеракционисты не сумеют более убедительно доказать, что индуктивный подход с использованием сенсibiliзирующих понятий способен объяснить более сложные формы социальной организации, применение их стратегии исключит возможность теоретизирования относительно значительной части социального мира.

Символический интеракционизм обращает внимание на некоторые существенные теоретические вопросы, которые зачастую игнорируются. Прежде всего необходимо теоретически осмыслить сложную проблему концептуальной взаимосвязи между структурными категориями и лежащими в их основе классами социальных процессов. Для решения этой проблемы символический интеракционизм предложил массу интересных концепций. Во-вторых, макросоциологическое теоретизирование традиционно было оторвано от процессов социального мира, осмыслить которые оно было призвано. Во многом это объясняется отсутствием четко определенных понятий для обозначения процессов эмпирического

мира, выраженных в этих понятиях. Если понятия символического интеракционизма смогут дополнить это теоретизирование, то они, вероятно, приблизят его к фактическим эмпирическим процессам и таким образом ликвидируют разрыв между социологической теорией и событиями, которые она намерена объяснить.

Совершенно ясно, что одно дело говорить, что символический интеракционизм обладает большими возможностями для ликвидации недостатков социологической теории, и другое дело показать, *как* эти возможности использовать. Сторонники символического интеракционизма поступили бы правильно, если бы прекратили разрабатывать определения основ социологической теории и приступили к решению такой сложной задачи, как в конкретном теоретическом контексте (т. е. не только в области социализации и теории личности) продемонстрировать свои возможности по дополнению или замене других теорий. В частности, символический интеракционизм с помощью эмпирических доказательств должен продемонстрировать применимость своих принципов главным образом для предсказания изменений в макроструктурных явлениях.

ЧАСТЬ IV

ТЕОРИЯ ОБМЕНА

ГЛАВА 12

Интеллектуальные корни теории обмена

Интеллектуальное наследие, лежащее в основе современной теории обмена, отличается разнообразием; оно имеет источники в политической экономии, антропологии и психологии. Наряду с разнообразием этого наследия его отличительной чертой является неясность и неопределенность связей между современными специалистами в области теории обмена и их предшественниками. Действительно, современные теории обмена предстают как странные и неопределенные конгломераты, состоящие из утилитарной экономики, функциональной антропологии и психологии поведения. Когда подобный конгломерат соединяется с попытками современных исследователей предложить в противовес функционализму Парсонса некую альтернативу в рамках теории обмена, то в развитии социологических теорий обмена в течение последних двух десятилетий раскрываются пестрые картины всевозможных избирательных заимствований устойчивых понятий и принципов из других дисциплин и реакции исследователей на неадекватности функциональных форм теоретизирования. Поэтому в настоящей главе дается пробный обзор традиционных взглядов, к которым обратились социологи в поисках приемлемой альтернативы, противопоставляемой функционализму и разрабатываемой в рамках теории обмена.

Утилитаризм: наследство «классической» политической экономики

Имена Адама Смита, Давида Рикардо, Джона Стюарта Милля и Иеремии Бентама занимают обширное место в истории политической экономики в столетие

между 1750 и 1850 годами. При том что каждый из этих мыслителей внес свой уникальный вклад как в политическую экономию, так и в социологию, некоторые ключевые положения относительно природы человека и отношений между людьми, особенно в сфере экономического рынка, позволяют нам подвести их концепции под рубрику «утилитаризма». Хотя крайние формулировки утилитаризма уже давно отвергнуты в истории науки, некоторые его ключевые идеи все еще продолжают стимулировать теоретические исследования в социальных науках. Например, как отмечалось в полемике по поводу волюнтаристской теории действия Толкотта Парсонса, эта теория, несомненно, многим объяснена в интеллектуальном плане утилитаристской концепции. Так же обстоит дело и в случае современных теорий обмена, хотя их интеллектуальный долг утилитаризму не столь явно подтверждается и признается, как в случае теории Парсонса.

В основе всех современных теорий обмена лежат видоизмененные формулировки некоторых базисных утилитаристских допущений и понятий. С точки зрения классических экономистов, человек рационально стремится увеличить до предела свои материальные блага, совокупность «полезных вещей», в процессе деловых или обменных операций, осуществляемых в рамках свободного или конкурентного рынка. Считалось, что в качестве разумных участников свободной торговли люди имеют доступ ко всей необходимой информации, могут рассматривать все наличные альтернативы и на основе всестороннего учета последних разумно выбирать такой курс действий, который должен обеспечить максимальное приращение материальных благ. В число разумных соображений, учитываемых людьми в процессе торговли, включались разного рода расчеты «затрат» («издержек»), предполагаемых курсом следования той или иной альтернативе. Подобные затраты должны взвешиваться на шкале сопоставления с материальными благами с целью определения того, какая альтернатива должна принести максимум вознаграждения или прибыли (материальные блага минус затраты)¹.

Со становлением социологии как отдельной самостоятельной дисциплины отмечались разнообразные случаи существенной опоры на эту концепцию, случаи ре-визии и противодействия этой концепции человека и

его деловых связей с другими людьми. Фактически с появлением социологии полемика между интеллектуальными последователями утилитаризма и его противниками существенно обострилась. Например, формулировки Конта и Дюркгейма в значительной мере диктовались стремлением выработать какую-либо альтернативу утилитаристской концепции в разнообразных работах Герберта Спенсера. В сравнительно недавнее время, как отмечалось в ходе обсуждения функционализма Парсонса, Парсонс предпринял попытку переформулировать утилитаристские принципы и объединить их с другими теоретическими традициями, чтобы исправить ошибки Спенсера. Аналогичным образом, современные специалисты в области теории обмена пытаются переформулировать утилитаристские принципы и создать на этой основе различные теории социального обмена.

Эта переформулировка предполагает признание того, что: а) люди весьма редко стремятся максимально увеличить прибыль; б) люди не всегда бывают рациональны; в) их деловые операции как в сфере экономического рынка, так и в других областях не свободны от внешнего регулирования и ограничения и г) люди не располагают исчерпывающей информацией относительно всех возможных альтернатив. Признание этих фактов приводит к ряду альтернативных утилитаристских допущений. 1. Хотя люди и не стремятся достичь максимальной прибыли, они всегда стремятся извлечь определенную выгоду в своих социальных взаимодействиях с другими людьми. 2. Хотя люди не идеально рациональны, они ведут учет издержек и приобретений в своих социальных взаимодействиях. 3. Хотя люди и не располагают исчерпывающей информацией обо всех возможных альтернативах, они обычно все же осведомлены по крайней мере о некоторых альтернативах, которые образуют базис для оценок издержек и приобретений. 4. Хотя всегда существуют ограничения, налагаемые на деятельность людей, люди находятся в состоянии конкуренции друг с другом в стремлении извлечь выгоду из своих взаимодействий. В дополнение к указанным модификациям утилитаристских допущений теория обмена освобождает взаимодействие людей от ограничений материальных взаимодействий на экономическом рынке. 5. При том что экономические взаи-

модействия в сфере установленного рынка имеют место во всех обществах, они составляют лишь частный случай более общих отношений обмена, существующих между индивидами практически во всех социальных контекстах. 6. При том что для обмена в сфере экономического рынка характерны материальные цели участников обмена, люди обмениваются также и другими, нематериальными ценностями, относящимися к сфере эмоций или к разнообразным услугам.

Кроме значительного наследства утилитаризма в целом, некоторые формы современной теории обмена также восприняли *стратегию* утилитаристов для построения социальной теории. Предполагая рациональность людей, утилитаристы утверждали, что обмен между людьми тоже подлежит изучению в рамках рациональной науки, в которой «законы человеческой природы» должны стоять в основании дедуктивной системы объяснения. Таким образом, утилитаристы заимствовали концепцию ранней физической науки, в соответствии с которой теория есть логико-дедуктивная система аксиом или законов, а также различных уровней научных положений низшего порядка, которые могут быть «рационально» выведены из законов, регулирующих действия людей в сфере экономики. Как будет особо указано в конце данной главы, утилитаризм стимулировал развитие психологического бихевиоризма, который не только согласовал понятия допущения классической экономической теории с ее целями, но и воспринял приверженность к аксиоматической форме теоретических рассуждений. Эта приверженность в том виде, в каком она была воспринята непосредственно или опосредованно через бихевиоризм, сохранилась до настоящего времени и преобладает в текущей литературе по теории обмена.

Однако при рассмотрении догматов утилитаризма обнаруживается лишь часть исторического наследия, лежащего в основе теории обмена. Кроме влияния на бихевиористов, которым в свою очередь суждено было повлиять на современную теорию обмена, утилитаризм возбудил обширную дискуссию и полемику в ранней антропологии. На самом деле, как оказалось, современная теория обмена испытала по преимуществу лишь косвенное влияние утилитаризма, и последний в середине текущего столетия первоначально воздейство-

вал на бихевиоризм и на социальную антропологию. Таким образом, хотя теории обмена, разрабатываемые в социологии, могут оказывать в настоящее время существенное влияние на социальную теорию, социологические теории обмена были построены на базе пионерских исследований социальных антропологов.

Теория обмена в антропологии²

Джеймс Фрейзер

В 1919 году Джеймс Фрейзер во втором томе своей работы «Фольклор в Старом завете» предпринял исследование, которое, по-видимому, было первым анализом социальных институтов, выполненным эксплицитно в рамках теории обмена³. Анализируя разнообразные типы родственных и брачных отношений в первобытных обществах, Фрейзер был поражен очевидным преобладанием среди австралийских туземцев случаев кросскузенного брака по сравнению с ортокузенным браком. «Почему столь часто предпочитается кросскузенный брак? Почему столь строго запрещается ортокузенный брак?»⁴

При том что существенные детали выполненных Фрейзером описаний отношений в туземных обществах сами по себе весьма любопытны (даже в плане неточности этих описаний), важнейшая теоретическая заслуга Фрейзера состоит именно в форме описания. Очевидным образом опираясь на практику утилитаристской экономики, Фрейзер предложил экономическую интерпретацию преобладания кросскузенных разновидностей брака. В своем объяснении Фрейзер обратился к «закону экономических мотивов», поскольку, «не имея возможности предоставить в обмен на жену никакого эквивалента в виде собственности, австралийский туземец обычно обязан дать в качестве компенсации какого-либо родственника женского пола, обычно сестру или дочь»⁵.

Таким образом, материальные или экономические мотивы индивидов в обществе (отсутствие собственности и стремление иметь жену) объясняют разнообразные социальные модели поведения (кросскузенные браки). Существенно и то, что Фрейзер пошел дальше и постулировал, что, коль скоро та или иная модель пове-

дения, сформированная на базе экономических мотивов, устанавливается в культуре общества, она ограничивает и подавляет другие потенциальные социальные образцы.

Следовательно, для Фрейзера институционализированные образцы, характерные для той или иной культуры, представляют собой отражение экономических мотивов людей, которые при обмене разного рода предметами или услугами стремятся удовлетворить свои основные экономические потребности. Хотя, как было установлено антропологами последующих поколений, в особенности Малиновским и Леви-Стросом, объяснение Фрейзера, к сожалению, недостаточно, большинство современных теорий обмена в социологии исходит из аналогичной концепции социальной организации:

1. Процессы обмена представляют собой продукт мотивов, складывающихся у людей в ходе удовлетворения их потребностей.

2. Доставляя вознаграждения участникам обмена, процессы обмена приводят к институционализации или формированию образцов взаимодействия людей.

3. Подобные институционализированные системы взаимодействия не только обслуживают потребности людей, но и ограничивают такие виды социальных структур, которые могут образоваться в дальнейшем в социальной системе.

Анализ Фрейзера не только предвосхитил генеральную линию современных объяснений того, как в результате процессов элементарного обмена складываются в обществе те или иные институциональные образцы; этот анализ предварил также другую проблему современной теории обмена: дифференциацию социальных систем по действующим в них привилегиям и власти. Системы обмена, отмечает Фрейзер, позволяют тем, кто обладает полезными предметами высокой экономической ценности, «эксплуатировать» тех, кто располагает малым количеством таких предметов; таким образом, первые получают высокие привилегии и определенную власть по отношению ко вторым. Таким образом, наблюдаемый Фрейзером институт обмена женщинами у австралийских аборигенов приводит исследователя к дифференциации привилегий и власти по крайней мере по двум независимым основаниям⁶. Во-первых, «поскольку среди австралийских туземцев женщины

имели высокую экономическую и коммерческую ценность, мужчина, у которого было много сестер и дочерей, считался богатым, а мужчина, у которого не было ни тех, ни других, — бедным и вообще неспособным содержать жену»⁷. Во-вторых, «старики использовали систему обмена с целью обеспечить себе несколько жен, выбираемых среди молодых женщин, тогда как молодые мужчины, не располагавшие женщинами для обмена, нередко были вынуждены оставаться холостыми или довольствоваться отвергнутыми женами старших членов общества»⁸. Таким образом, по крайней мере неявно, Фрейзер предвосхитил четвертый принцип социальной организации, разработанный в рамках современной теории обмена:

4. В результате действия процессов обмена происходит дифференциация социальных групп по их относительному доступу к ценностям, что ведет к дифференциации членов общества по шкале власти, по престижу и по привилегиям.

Хотя анализ Фрейзера внешне выглядит весьма эффективным и плодотворным, его непосредственное влияние на современную теорию обмена не велико. Современная социология обязана скорее не Фрейзеру, а исследователям-антропологам, вступившим в полемику с фрейзеровской разновидностью утилитаризма с целью ее усовершенствования.

Бронислав Малиновский и психологизм обмена

Несмотря на тесную связь с Фрейзером, Малиновскому суждено было наметить новые перспективы теории обмена, которые радикально модифицировали утилитаристский уклон фрейзеровского анализа обменного брака. Фактически сам Фрейзер в своем предисловии к книге Малиновского «Аргонавты западной части Тихого океана» признал важность вклада Малиновского в анализ отношений обмена⁹. В своем ныне широко известном описании островных этнических культур, присущих жителям островов Тробриан в южных морях Тихого океана, Малиновский выявил систему обмена, названную «Kula Ring» — «Кольцо Кула», представляющую собой замкнутый круг отношения обмена среди индивидов в племенах, населяющих широкое кольцо островов¹⁰. Существенной чертой этого замкнутого

круга отношений, как указал Малиновский, было преобладание обмена двумя разрядами предметов — браслетами и ожерельями, постоянно передаваемыми в противоположных направлениях. В одном направлении по «Кольцу Кула» передавались браслеты в обмен на ожерелья, которые двигались в противоположном направлении по кольцу. Во всяком конкретном случае обмена между индивидами браслет всегда обменивался на ожерелье.

При интерпретации этой уникальной системы обмена Малиновский пришел к необходимости различать материальные, или экономические, и нематериальные, или символические, формы обмена. В противоположность утилитаристам и Фрейзеру, которые были неспособны осмыслить отношения нематериального обмена, Малиновский признал, что Кула являлась не экономической (материальной) системой обмена, а скорее символическим обменом, формирующим и укрепляющим сеть социальных взаимоотношений: «Одна деловая операция не завершает отношения Кула; общее правило состоит в том, что, «вступив в Кула, всегда остаешься в Кула», и товарищество между двумя индивидами постоянно и пожизненно»¹¹. Хотя в рамках Кула могли осуществляться и чисто экономические операции, церемониальный обмен браслетами и ожерельями, как обнаружил Малиновский, составлял основную «функцию» системы Кула.

Сами туземцы, подчеркивал Малиновский, признавали различие между чисто экономическими ценностями и символической значимостью браслетов и ожерелий. Однако разграничение экономических и символических ценностей не следует интерпретировать в том смысле, что жители островов Тробриан не приписывали шкальных оценок символическим ценностям; на самом деле они располагали подобной шкалой оценок и использовали ее для выражения и закрепления характера отношений между партнерами обмена как равных или различающихся по социальному статусу (один выше, другой ниже). Однако, как замечает Малиновский, «во всех формах обмена [Кула] на островах Тробриан нет и следа какой-либо материальной выгоды, и поэтому совершенно безосновательно рассматривать эту систему с чисто утилитаристской и экономической точек зрения, поскольку в результате обмена не возни-

кает никакого приращения материальных благ у его участников»¹². Мотивы, лежащие в основе Кула, носили сугубо социально-психологический характер; Малиновский оценивал обмен в «Кольце Кула» с точки зрения его импликаций для «потребностей» как отдельных индивидов, так и общества в целом. На базе своего типично функционалистского подхода (см. главу 2) Малиновский интерпретировал Кула как систему, отвечающую «коренному побуждению членов общества демонстрировать друг другу их совместные социальные связи и глубинной тенденции создавать новые социальные связи»¹³. Таким образом, по Малиновскому, устойчивые социальные институты типа «Кольца Кула» трактуются с точки зрения их положительных функциональных последствий в плане удовлетворения *индивидуальных* психологических потребностей и *общественных* потребностей социальной интеграции и солидарности.

Как подчеркивали впоследствии Роберт Мертон и другие ученые (см. главу 4), эта форма функционального анализа чревата многими логическими затруднениями. Несмотря на эти затруднения, анализ Малиновского все же внес существенный вклад в современную теорию обмена:

1. По словам Малиновского, «значение системы Кула существенно потому, что она ниспровергает научную концепцию, по которой разумное существо стремится лишь к удовлетворению своих простейших потребностей и осуществляет это в соответствии с принципом наименьшего усилия»¹⁴.

2. Скорее психологические, нежели экономические, потребности являются, таким образом, движущей силой, вызывающей и поддерживающей отношения обмена; следовательно, именно они существенны для объяснения социального поведения.

3. Отношения обмена могут также иметь последствия за пределами двух групп — участников обмена, поскольку, как показывает система Кула, сложные модели косвенного обмена могут действовать для поддержания обширных и существующих длительное время социальных систем.

4. Отношения символического обмена составляют базисный социальный процесс, лежащий в основе как дифференциации рангов социальных групп в обществе,

так и интеграции общества в сплоченное и солидарное целое.

Таким образом, Малиновский освободил теорию обмена от ограничительных пут утилитаризма тем, что указал на важность фактов символического обмена и для индивидуальных психологических процессов, и для образцов социальной интеграции и солидарности. Тем самым он подвел концептуальную базу под два основных типа перспектив обмена, в одном из которых подчеркивается важность психологических процессов, а в другом — значимость возникающих культурных и структурных сил для отношений обмена. Как будет показано в последующих главах, в современных социологических теориях обмена обнаруживается расхождение по двум линиям, соответствующим двум указанным перспективам обмена, выявленным в работе Малиновского.

Марсель Мосс и появление структурализма в теории обмена

Марсель Мосс, возражая против той стороны концепции Малиновского, которая, по его мнению, состояла в преувеличении значимости психологических потребностей по сравнению с социальными, пришел к переосмыслению анализа системы Кула, проведенного Малиновским¹⁵. В своих попытках усовершенствовать этот анализ он принужден был очертить широкие рамки «коллективистской» перспективы, или перспективы структурного обмена¹⁶. Для Мосса решающий вопрос при анализе столь сложной системы обмена, какой была Кула, состоял в следующем: «Каков основной принцип вознаграждения одного индивида другим взамен некоторой ценности, полученной вторым от первого, в примитивных или архаических типах обществ? Каков характер движущей силы, вынуждающей получателя отдавать долг дающему?»¹⁷

«Сила», вызывающая ответное действие, была, по Мосу, обществом или социальной группой, поскольку «именно группы, а отнюдь не индивиды вступают в обмен, заключают соглашения и оказываются связанными обязательствами»¹⁸. Индивиды, фактически участвующие в обмене, — это «лица», которые представляют моральные нормы данной группы. Операции обмена

между индивидами осуществляются в соответствии с правилами группы, что одновременно усиливает и закрепляет эти правила и нормы. Таким образом, по Моссу, понятие индивидуального личного интереса в смысле утилитаризма и потребности в смысле психологизма Малиновского заменяются трактовкой индивидов исключительно как представителей социальных групп; в конечном счете отношения обмена формируют, укрепляют и обслуживают мораль данной группы, составляющую сущность *sui generis* (лат. — самостоятельную. — *Ред.*), если прибегнуть к известному выражению соратника Мосса Эмиля Дюркгейма. Более того, в духе рассуждений Фрейзера, коль скоро подобная мораль возникает и укрепляется в ходе обменных действий, она становится регулятором других действий в социальной жизни группы, выходящих за пределы сферы обмена.

Хотя работа Мосса получила лишь скудную долю внимания со стороны социологов, он первым наметил линию примирения между принципами обмена в концепции утилитаризма и структурной, или коллективистской, концепцией Дюркгейма. Признавая, что операции обмена порождают и в то же время укрепляют нормативные структуры общества, Мосс предвосхитил структурную позицию некоторых современных теорий обмена, таких, как теория, отстаиваемая Блау (см. главу 14). Все же влияние Мосса на современную теорию было косвенным, поскольку лишь через посредство структурализма Леви-Строса французская коллективистская традиция Дюркгейма оказала существенное воздействие как на психологические, так и на структурные перспективы обмена в современных социологических исследованиях.

Клод Леви-Строс и структурализм

В 1949 году Клод-Леви-Строс предложил анализ кросскузенного брака в своей классической работе «Элементарные структуры родства»¹⁹. Заново формулируя возражения Дюркгейма против утилитаристов, таких, как Спенсер, Леви-Строс выделил при этом фрейзеровскую утилитаристскую интерпретацию видов кросскузенного брака. И в духе возражений Мосса против преувеличенной роли, отводимой Малиновским психологическим потребностям, Леви-Строс разработал наибо-

лес сложную и изоциренную концепцию структурных перспектив обмена, тем самым предвосхитив проблемы процессов обмена, исследуемые в современной социологической теории²⁰.

Возражая против фрейзеровской интерпретации кросскузенного брака, Леви-Строс прежде всего отвергает концептуальную основу утилитаристской концепции Фрейзера, поскольку «Фрейзер изображает бедного австралийского туземца озабоченным тем, как ему получить жену при отсутствии материальных средств, которые он мог бы дать взамен ее, и находящим выход в обмене как способе решения этой, казалось бы, неразрешимой проблемы: «мужчины обмениваются сестрами, вступая в брак, ибо это было наиболее дешевым способом приобретения жены»²¹. В отличие от этого Леви-Строс подчеркивает, что «существен именно обмен, а не обмениваемые объекты», поскольку, как будет вскоре показано, обмен, по Леви-Стросу, должен оцениваться с точки зрения его функций в образовании сложной, более крупной социальной структуры. Далее Леви-Строс оспаривает допущение Фрейзера и утилитаристов, согласно которому основные принципы социального поведения носят экономический характер. Подобное допущение терпит крах в свете того факта, что социальная структура представляет собой возникающее явление, подчиняющееся собственным внутренним законам и принципам.

Леви-Строс отвергает также психологические интерпретации процессов обмена, в особенности позицию, отстаиваемую бихевиористами (см. следующий раздел). В противовес последователям психологического бихевиоризма, которые не усматривают существенной разницы между законами поведения животных и людей, Леви-Строс подчеркивает, что люди обладают культурным наследием норм и ценностей, которое отделяет их поведение и их общественную организацию от поведения и организации представителей животного мира. Человеческое поведение, таким образом, отличается качественно от поведения животных, особенно в плане социального обмена, ибо животные не руководствуются в своем поведении системой ценностей и правил, регулирующих, когда, где и каким образом необходимо осуществлять те или иные социальные взаимодействия. В отличие от животных люди привносят в

любую ситуацию обмена усвоенные ими и институционализированные предписания того, как они должны вести себя в данной ситуации, чем и обеспечивается соблюдение принципов обмена среди людей.

Далее, обмен являет собой нечто больше, чем продукт психологических потребностей, даже тех из них, которые приобретаются в процессе социализации. Обмен не может быть понят исключительно в терминах индивидуальных мотивов, так как отношения обмена представляют собой отражение образцов социальной организации, которые существуют в виде сущностей *sui generis*, соотносимых с теми или иными психологическими склонностями и предрасположениями индивидов. Поведение в ситуации обмена регулируется, таким образом, извне особыми нормами и ценностями, в результате чего процессы обмена могут анализироваться исключительно с точки зрения их «последствий», или «функций», для этих норм и ценностей.

Отстаивая эту точку зрения, Леви-Строс устанавливает несколько основных принципов обмена. Во-первых, все отношения обмена предполагают определенные издержки со стороны индивидов, но в противовес экономическим или психологическим объяснениям обмена подобные издержки атрибутивны обществу — его обычаям, правилам, законам и ценностям. Эти черты общества требуют таких линий поведения, которые предполагают те или иные издержки; таким образом, индивид не оценивает издержки сам для себя, но с точки зрения «социального порядка», требующего, чтобы поведение было ценностно значимым. Во-вторых, для всех редких и высоко ценимых ресурсов в обществе — будь то материальные объекты, такие, как жены, или же символические ресурсы, такие, как уважение и престиж, — их распределение регулируется определенными нормами и ценностями. Коль скоро те или иные ресурсы составляют излишки или невысоко ценятся в обществе, их распределение ничем не регулируется, но, если ресурсы становятся редкими или получают высокую оценку, их распределение вскоре институционализируется. В-третьих, все отношения обмена регулируются нормой взаимности, требующей от получателей ценных ресурсов вознаграждения дающих другими ценными ресурсами. В концепции взаимности Леви-Строса существенно то, что в ней выделяются разнооб-

разные модели взаимности, определяемые нормами и ценностями. В некоторых ситуациях следование нормам взаимности требует «обоюдного» и непосредственного вознаграждения дающего, тогда как в других ситуациях взаимность может быть «односторонней» («univocal»), предполагать разные типы косвенного обмена, в котором «актеры» взаимодействуют не непосредственно, но через разнообразных третьих (четвертых, пятых и т. п.) партнеров. В пределах этих двух основных типов взаимности в ситуации обмена — обоюдной и односторонней — могут быть нормативно выделены различные промежуточные подтипы систем обмена.

На основе учета этих трех принципов Леви-Строс выделил полезную совокупность понятий, эффективных при описании образцов кросскузенного брака. В настоящее время эти виды можно оценить с точки зрения их функций в более крупной социальной структуре. Уже не нужно интерпретировать конкретные образцы брака и другие признаки системы родства исключительно как факты непосредственного обмена между индивидами, но их можно понимать как факты одностороннего обмена между индивидами и обществом. Освобождая обмен от понятий, жестко предполагающих анализ только непосредственного и обоюдного обмена, Леви-Строс идет дальше и предлагает предварительную теорию общественной интеграции и солидарности. В его объяснениях представлены попытки расширить плодотворный анализ Дюркгейма и стремление указать, каким образом разнообразные подтипы непосредственного и одностороннего обмена отражают и укрепляют различные образцы социальной интеграции и организации.

Эта теория интеграции имеет сама по себе важное значение, но для наших целей существенно ее воздействие на современные социологические перспективы обмена. Как станет очевидно в последующих главах, два научных положения Леви-Строса, как оказалось, имели огромное влияние на современную социологическую теорию:

1. Разнообразные формы социальной организации — скорее, чем индивидуальные мотивы, — составляют существенные переменные в анализе отношений обмена.
2. Отношения обмена в социальных системах зачастую не сводятся к непосредственному взаимодействию индивидов, но складываются в обширные и слож-

ные системы косвенного обмена. С одной стороны, эти процессы обмена обуславливаются образцами социальной интеграции и организации; с другой стороны, они способствуют образованию и развитию разнообразных форм подобной организации.

Окидывая взглядом наследие антропологических исследований, достижения Леви-Строса можно рассматривать как кульминацию противодействия экономическому утилитаризму, как он был исходно включен в антропологию Фрейзера. Малиновский признал ограниченность анализа Фрейзера, сводящегося лишь к материальным или экономическим мотивам во взаимодействиях непосредственного обмена. Как продемонстрировала система «Кольцо Кула», обмен мог складываться в обобщенные системы, включавшие неэкономические мотивы, которые имели существенные последствия для общественной интеграции. Мосс привлек внимание к важности социальной структуры в регулировании процессов обмена и к значимости таких процессов для поддержания социальной структуры. Последними в этой интеллектуальной цепи событий в антропологии были достижения Леви-Строса, который впервые указал, каким образом различные образцы непосредственного и косвенного обмена связаны с различными образцами социальной организации. При том что это интеллектуальное наследие повлияло и на существование и на стратегию теории обмена в социологии, это влияние проявилось только после коренной модификации теории обмена в свете положений и понятий, заимствованных из конкретного направления в психологии — бихевиоризма.

Психологический бихевиоризм и теория обмена

Психологический бихевиоризм как теоретическая перспектива исторически черпал свои принципы из наблюдения над поведением низших по отношению к человеку существ, над поведением животных. От первых пронизательных наблюдений Павлова реакций собак на световые сигналы, которые ранее связывались с дачей пищи, до экспериментальных манипуляций с голубями и мышами в известном ящике Скиннера многие исследователи поведения исходили из того, что элементарные принципы, описывающие поведение живот-

ных, составляют ядро дедуктивной системы утверждений, объясняющих человеческое поведение. Чрезвычайно важное значение в понимании научной позиции некоторых бихевиористов имело предположение о том, что вовсе не нужно проникать в «черный ящик» человеческого мышления и познания, поскольку вполне допустимо и желательно изучать только *явное* поведение как реакцию на *наблюдаемые* стимулы в окружающей среде. Хотя эта крайняя позиция не принимается всеми бихевиористами, она определяла генеральную линию исследований таких ученых, как, например, Б. Ф. Скиннер²², оказавший огромное влияние на социологическую теорию обмена.

Во многих отношениях бихевиоризм представляет собой крайнюю разновидность утилитаризма, поскольку он исходит из принципа, согласно которому и животные и люди причислены к организмам, стремящимся к определенному вознаграждению и избегающим альтернативы, которые обеспечивают максимальное вознаграждение и минимальный урон. «Вознаграждение» — это просто другая перефразировка экономического понятия пользы, а «наказание» — это слегка пересмотренное понятие издержки. Для бихевиориста вознаграждение — это любое поведение, которое поддерживает или удовлетворяет потребности организма, тогда как наказание — такое поведение самого организма или других организмов в окружающей среде, которое препятствует удовлетворению потребностей организма — например, потребности избегать боли (одной из наиболее типичных).

Современные теории обмена заимствовали у бихевиористов понятие вознаграждения и использовали его для переосмысления утилитаристского наследия. Вместо пользы получило распространение понятие вознаграждения — в основном потому, что оно позволяет теоретикам рассматривать поведение как мотивированное психологическими потребностями. Однако утилитаристское понятие «издержки» оказалось предпочтительным по отношению к неясным и неопределенным бихевиористическим формулировкам «наказания», поскольку представление об «издержках» позволяет специалистам по теории обмена более ясно видеть альтернативные вознаграждения, от которых организмы отказываются в поисках того или иного конкретного вознаграждения.

Как кажется, «наказание» слишком тесно ассоциируется с понятием «боль», которое не обязательно обеспечивает понимание людей, способных к выбору, как организмов, стремящихся не только избежать боли, но и способных также осуществлять выбор среди нескольких вознаграждающих альтернатив в большинстве ситуаций.

Несмотря на эти модификации базисных понятий бихевиоризма, его отдельные ключевые теоретические обобщения были заимствованы почти без изменений некоторыми разновидностями социологической теории обмена:

1. В любой данной ситуации организмы следуют той линии поведения, которая обеспечивает наибольшее вознаграждение и наименьшее наказание.

2. Организмы повторяют те способы поведения, которые в прошлом оказались эффективными в плане обеспечения вознаграждения.

3. Организмы повторяют способы поведения в ситуациях, аналогичных тем ситуациям в прошлом, в которых поведение оказалось эффективным.

4. Стимулы в текущей ситуации, которые в предыдущих случаях ассоциировались с вознаграждениями, вызывают те способы поведения, которые аналогичны способам, использованным в прошлом в соответствующих ситуациях.

5. Повторение тех или иных способов поведения практикуется лишь постольку, поскольку они продолжают обеспечивать вознаграждения.

6. Организм испытывает и обнаруживает эмоцию, если то или иное поведение, которое раньше вознаграждалось в той же самой или аналогичной ситуации, неожиданно остается без вознаграждения.

7. Чем больше вознаграждений получает организм в результате определенного способа поведения, тем менее эффективным становится это поведение (в зависимости от ситуации) и тем с большей вероятностью организм обратится к альтернативным способам поведения в поиске других вознаграждений.

Поскольку эти принципы были обнаружены в лабораторных ситуациях, в которых экспериментаторы обычно свободно видоизменяли окружение организма, довольно трудно представить себе экспериментальную ситуацию как *взаимодействие*, ибо жесткий контроль

ситуации, осуществляемый экспериментатором, препятствует влиянию поведения животных на действия экспериментатора. Этот факт вызвал к жизни современные теории обмена, использующие бихевиористические принципы с целью усвоения утилитаристского интереса к «взаимодействию», или «обмену», поскольку только таким способом можно рассматривать членов общества в плане их взаимного воздействия с точки зрения возможностей их взаимного вознаграждения. В противоположность поведению животных в ящике Скиннера или в какой-либо аналогичной лабораторной ситуации люди обмениваются вознаграждениями, в результате чего каждое лицо рассматривается другим лицом с точки зрения потенциальной ситуации вознаграждения.

Когда специалисты по социологической теории обмена предпринимали попытки применить бихевиористические принципы к изучению человеческого поведения, они с неизбежностью сталкивались с проблемой «черного ящика», состоящей в том, что люди отличаются от лабораторных животных по своей более развитой способности участвовать в широком спектре сложных познавательных процессов. И действительно, как впервые подчеркнули утилитаристы, отличительной способностью человека является способность к абстрагированию, расчету, планированию результатов действий, оценке альтернатив и к целому ряду других неявных познавательных операций. Более того, заимствуя бихевиористические понятия, современные специалисты по теории обмена также были вынуждены прибегнуть к понятиям интроспективной психологии и структурной социологии, ибо человеческое мышление не только отличается исключительной сложностью — оно пронизано эмоциями и обуславливается многими социальными и культурными силами (данные научные представления впервые были введены в теории обмена Мосса и Леви-Строса). Коль скоро признается, что бихевиористические принципы должны содержать понятия, относящиеся и к внутренним психологическим процессам, и к ограничениям социальной структуры и культуры, необходимо также рассматривать обмен как операцию, нередко выходящую за пределы взаимной вознаграждающей деятельности индивидов в их непосредственном взаимодействии. Организация поведения посредством

социальной структуры и культуры в соединении со сложными познавательными способностями человека обеспечивает возможность существования систем опосредованного и косвенного обмена.

Снова обращаясь к воздействию бихевиоризма на некоторые формы современной теории обмена, мы обнаруживаем весьма любопытное объединение понятий и принципов. При том что терминология и общие принципы бихевиоризма прозрачны и очевидны, его научные представления и принципы все же подверглись пересмотру и модификации в плане учета принципиальных наблюдений ранних утилитаристов, а также реакции антропологов на утилитаризм. Конечный результат для приверженцев перспективы обмена, использующих бихевиористические понятия и принципы, состоял в отказе от того, что делало бихевиоризм единственной перспективой, поскольку они столкнулись со сложностями, связанными с познавательными способностями человека и организацией людей в социокультурные группировки.

Бихевиоризм в теории обмена: Джордж К. Хоманс

Одним из наиболее ярких современных сторонников перспективы обмена является Джордж Хоманс. В своей долгой деятельности, посвященной теоретическому исследованию обмена, Хоманс упорно отстаивал свою научную стратегию построения социологической теории, которая все в большей мере опиралась на принципы теории обмена. Большинство аргументов Хоманса направлено на обоснование теоретической альтернативы, противопоставляемой теоретической стратегии и концептуальной доктрине Толкотта Парсонса. Любопытно, однако, то обстоятельство, что при повсеместном принятии критики функционализма Парсонса схема обмена, предложенная Хомансом, попала под сокрушительный огонь критики, как правило резервируемой только для «функционального» теоретизирования. Интересно, что эта критика исходит не только от «функционалистов», но и от представителей других теоретических лагерей. Задача настоящей главы состоит прежде всего в обзоре разработки перспективы обмена Хоманса и в последующем объяснении и анализе оснований для широкой критики этой перспективы.

Хоманс о построении теории социологии

Ранняя индуктивная стратегия

К 1950 г. с публикацией работы «Человеческая группа»¹ в исследованиях Хоманса обнаружилась очевидная перспектива построения социологической теории на базе индуктивной стратегии. В работах, варьирующих от анализа социальной группы на заводе и уличной шайки до изучения системы родства в примитивном обществе и

структуры всего общества в Новой Англии, Хоманс подчеркивал важность наблюдения фактического поведения людей и их деятельности в разнообразных типах социальных групп. Наблюдение реальных действий людей могло бы способствовать выработке научных понятий, «приложимых» к текущим процессам в социальных системах. Такие понятия были названы Хомансом «абстракциями первого порядка», поскольку они всего лишь представляют «имена», которые используются наблюдателями для обозначения «одного класса наблюдений», относящихся к данной группе. Хоманс весьма осмотрительно выбрал выражение «абстракции первого порядка», так как он хотел подчеркнуть их отличие от «абстракций второго порядка», обычно используемых социологами. В отличие от предпочитаемых Хомансом абстракций, абстракции второго порядка относятся к нескольким классам наблюдений и тем самым как бы отвлекаются от текущих событий, происходящих в действительных группах. Например, «статус» и «роль» — излюбленные понятия социологов, используемые ими для характеристики процессов в социальных группах; однако в результате внимательного размышления становится очевидно, что никто не может непосредственно наблюдать «статус» или «роль»; дело в том, что это высоко абстрактные имена, охватывающие многочисленные типы и классы событий в социальных группах.

Хоманс считает поспешной нередко используемую практику непосредственного обращения к абстракциям второго рода при построении теории:

«[Социологам следовало бы прежде всего] попытаться оставить высокоумные слова социальной науки и спуститься с ее вершин хотя бы до уровня простого наблюдения, основанного на здравом смысле. После этого, если мы захотим, мы снова сможем подняться на вершину, но на этот раз с помощью надежной лестницы»².

Строя прочную «нижнюю ступеньку» в этой лестнице абстракций, Хоманс ввел три абстракции первого порядка, представляющие собой обозначения или имена для реальных событий, происходящих в группах: деятельности, взаимодействия и чувства. Деятельность относится к тому, что «люди делают» в данной ситуации; взаимодействие обозначает процесс, в котором одна единица действия стимулирует единицу действия со стороны

другого лица; и, наконец, чувства относятся к внутренним психологическим состояниям людей, занятых деятельностью и находящихся во взаимодействии.

Эти три абстракции первого порядка, или «элементы», как охотно называл их Хоманс, рассматривались как существующие в пределах «внешней системы», которая, по Хомансу, представляла собой совокупность параметров, характеризующих окружение конкретной изучаемой группы. Как он сам впоследствии характеризовал этот аналитический подход, внешняя система представляла «данные» конкретной ситуации, которая в соответствии с текущими целями анализа не исследуется в экстенсивном плане. Большой интерес, однако, вызывала «внутренняя система», которая действовала в рамках ограничений, налагаемых внешней системой, и которая складывалась из взаимосвязанных деятельностей, взаимодействий и чувств членов группы. Тот факт, что деятельности, взаимодействия и чувства были тесно связаны друг с другом, имел серьезную аналитическую значимость, поскольку, по Хомансу, изменения в одном элементе вызывали изменения в других элементах в пределах внутренней системы.

Решающую значимость в анализе внутренних систем имел процесс «разработки», при котором постоянно возникают новые образцы организации в деятельности, во взаимодействии и в чувствах благодаря их соотносительности друг с другом и с внешней системой. Таким образом, группа «разрабатывает самое себя, усложняет самое себя, выходя за пределы первоначальной ситуации»; развиваясь подобным образом, она порождает новые типы деятельности, новые формы взаимодействия и новые чувства.

В работе «Человеческая группа» стратегия Хоманса состояла в том, чтобы дать сжатое описание пяти исследований различных социальных групп. На основе каждого описания Хоманс стремился включить «элементы» внутренней системы в суждения, которые описывали эмпирические закономерности, «наблюдаемые»³ им в той или иной группе. Как Хоманс сам отмечал в своих описаниях социальных групп, он стремился обосновать обобщения, выводимые из исследования данной группы, посредством материала другой группы, в то же время используя каждое очередное исследование группы как источник для дополнительных обобщений. Опираясь на

эту стратегию, можно было надеяться, что таким образом будет выявлен единый корпус взаимосвязанных обобщений, описывающих разнообразные способы, посредством которых различные типы групп разрабатывали свои внутренние системы деятельности, взаимодействий и чувств. Таким образом, первая ступенька лестницы абстракции, используемой в социологических теоретических построениях, становится «надежной» и прочной основой для последующего теоретизирования на более абстрактном уровне.

Например, в своем описании известного цеха электрокабелей на Западном электрическом заводе в Хоторне Хоманс отметил следующие закономерности⁴: 1. Если частота взаимодействия между двумя или более лицами возрастает, то усиливается и степень их взаимной симпатии друг к другу, и наоборот⁵. 2. Лица, у которых взаимное чувство симпатии усиливается, выражают эти чувства посредством усиления активности своих действий, и наоборот⁶. 3. Чем чаще лица взаимодействуют друг с другом, тем большее сходство проявляется в их действиях и чувствах, и наоборот⁷. 4. Чем выше ранг данного лица в группе, тем в большей степени его действия согласуются с нормами этой группы, и наоборот⁸. 5). Чем выше социальный ранг лица, тем шире диапазон его взаимодействий⁹.

Эти положения описывают некоторые из процессов формирования групп, которые Хоманс «наблюдал» на упомянутом заводе. Положения 1 и 2 суммируют наблюдение Хоманса о том, что чем больший размах приобрело взаимодействие рабочих на этом заводе, тем в большей степени проявлялась их взаимная симпатия, что в свою очередь, как казалось, вызывало последующие взаимодействия, выходящие за рамки рабочих требований внешней системы. Подобное формирование взаимодействий, чувств и деятельности проявлялось также в дифференциации социальных подгрупп, обнаруживших свои собственные уровни производительности, характерные для них темы бесед и образцы рабочей взаимопомощи. Эта тенденция отражена в положении 3. Другой тип социальной дифференциации на данном заводе описывается в положении 4, посредством которого различие индивидов и подгрупп по социальным рангам связывалось с тем, что члены групп сопоставляли свои действия с действиями других членов и с нормами произво-

дительности в данной группе. Положение 5 описывает тенденцию членов высокого ранга в данном цехе к более частому взаимодействию со всеми членами группы и к профессиональной помощи.

Установив в предварительном порядке эти и другие эмпирические закономерности для данного цеха, Хоманс затем подверг анализу социальную жизнь тоже известной шайки с Нортон-стрит, описанной в труде Уильямса Уайта «Общество на углу улицы». При изучении этой второй социальной группы Хоманс следовал стратегии поиска подтверждений для своих предшествующих положений и дальнейшего вывода новых обобщений. 6. Чем выше социальный ранг человека, тем шире круг лиц, порождающих для него взаимодействие, либо непосредственно, либо через посредников¹⁰. 7. Чем выше социальный ранг человека, тем шире круг лиц, для которых он порождает взаимодействие, либо непосредственно, либо через посредников¹¹. 8. Чем меньше различия в социальном ранге у людей некоторого круга, тем чаще они взаимодействуют друг с другом¹².

Положения 6 и 7 являются просто следствиями положения 5, поскольку по самой сути соответствующих определений получается, что люди, участвующие в широком диапазоне взаимодействий, получают и инициируют большее количество взаимодействий. Однако положения 6 и 7 были независимо выведены из «наблюдения» Хоманса, состоящего в том, что Док, лидер шайки с Нортон-стрит, находился в центре сложной сети общения. Подобная модель общения не могла наблюдаться в цехе упомянутого завода, поскольку там не проявлялись устойчивые ранги социального лидерства. Положение 8 описывает другой процесс, который наблюдался Хомансом в группах с явно выраженными лидерами: внутренняя система имела тенденцию к дифференциации подчиняющихся и подчиненных подгрупп, члены которых, как оказалось, больше взаимодействовали друг с другом, чем члены высшего или низшего ранга.

Используя процессы формирования групп, которые наблюдались в шайке с Нортон-стрит, для подтверждения и дополнения положений, выведенных из изучения цеха на заводе в Хоторне, Хоманс затем исследовал семью Тикопиа, как она описана в известных этнографических работах Раймонда Фёрса (Firth). Как и в случае с шайкой с Нортон-стрит, система семьи Тикопиа бы-

ля использована Хомансом для подтверждения его предшествующих положений и как источник для вывода новых положений. 9. Чем чаще лица взаимодействуют друг с другом, при том что никто из них не порождает взаимодействие гораздо чаще, чем другие, тем выше степень их взаимной симпатии и тем более явно их чувство свободы и непринужденности в обществе друг друга¹³. 10. Когда два лица взаимодействуют друг с другом, то чем чаще одно из них порождает взаимодействие для другого, тем сильнее проявляется у другого чувство уважения (или вражды) к нему и тем ближе к минимуму частота их взаимодействия¹⁴.

Эти положения раскрывают другой аспект индуктивной стратегии Хоманса, так как они определяют ряд условий, при которых выполняется положение 1. В положении 1 Хоманс отметил тот факт, что растущее взаимодействие между двумя лицами усиливает их взаимную симпатию, однако в системе семьи Тикопиа Хоманс «открыл», что это обобщение подтверждается только при условии, что власть одного лица над другим невелика. В системе семьи Тикопиа братья проявляли чувства симпатии в результате своего частого взаимодействия — прежде всего потому, что они не обладали властью друг над другом. Однако частое взаимодействие с их отцом, обладавшим властью, носило напряженный характер, поскольку отец был инициатором взаимодействия и поскольку взаимодействие обычно несло на себе печать его авторитета.

Вероятно, стратегия, раскрываемая в положениях 9 и 10, носит менее решающий характер, чем само содержание этих положений. Хоманс прибегнул к индуктивным методам для разработки широкого ряда положений, которые описывали эмпирические закономерности. Постоянно «проверяя» эти положения на материале различных типов социальных групп, он получал возможность «подтверждать» их или, как в случае положений 9 и 10, оценивать выдвинутые ранее положения. Следуя этой стратегии, Хоманс пришел к выводу о возможности выработки широкого свода эмпирических утверждений, обнаруживающих единообразный вид: y изменяется вместе с x при условиях $S_1, S_2, S_3, \dots, S_n$. Сформулированные в такой форме и тесно связанные с реальными событиями в человеческих группировках, подобные положения должны были способствовать выдвижению более абстрактных

понятий и теоретических утверждений. Кроме того, эти утверждения, как надеялся Хоманс, имели под собой прочный эмпирический фундамент — фундамент, который должен был обеспечить возможность проверки абстрактных утверждений в социологии на материале конкретных фактов текущей жизни социальных групп.

В последние десятилетия Хоманс, как представляется, отошел от этой стратегии и вместо нее взял на вооружение дедуктивный подход. Это выглядело как обращение к вопросам объяснения эмпирических закономерностей — типа тех, которые были описаны в работе «Человеческая группа» и в исследовательской литературе, стремительно нараставшей с начала 50-х годов. Как вскоре будет разобрано ниже более подробно, объяснение, по Хомансу, включает конструирование дедуктивной системы положений; и именно это обстоятельство может способствовать уяснению того, почему Хоманс избрал метод дедуктивного движения к эмпирическим данным, противопоставленного индуктивному выводу положений из эмпирических данных. Однако критики последней теоретической стратегии Хоманса и вытекающей из нее перспективы обмена настаивают на том, что перемена стратегии Хоманса проистекает из основных проблем, содержащихся в его индуктивных исследованиях. Обсуждение этих проблем вполне можно здесь опустить, поскольку основной задачей главы является разбор перспективы обмена, предложенной Хомансом, без выяснения того, почему он отказался от стратегии, принятой им в работе «Человеческая группа». Однако, как отмечают критики Хоманса, в своем дедуктивном подходе к построению теории он повторяет множество концептуальных ошибок своей индуктивной стратегии.

Индуктивная стратегия в построении теории требует неуклонного выполнения двух важных задач: а) обобщения, выведенные из одного массива данных, должны проверяться на материале других данных, чтобы положения, извлеченные из одного исследования, можно было подтвердить, модифицировать, расширить и усовершенствовать в другом исследовании (подобно тому, как действовал Хоманс при исследовании пяти социальных групп в книге «Человеческая группа»); б) абстракции первого порядка индуктивной теории должны постоянно совершенствоваться, чтобы на основе теоретических положений можно было вырабатывать точные индикаторы

реальных событий в эмпирической действительности и тем самым подводить под понятия и утверждения более высокого порядка надежный теоретический фундамент. После опубликования «Человеческой группы» Хоманс уделял мало внимания этим задачам, и обобщения этой его работы составляют весьма скудную основу и для индуктивной, и для дедуктивной стратегии.

Затруднения, обнаруженные в «Человеческой группе», происходят главным образом из неточности базисных переменных положений Хоманса: деятельность, взаимодействие и чувства. Попытка Хоманса отказаться от «высокоумных слов» и абстракций социальной науки и спуститься к эмпирической реальности осталась незавершенной. Фактически его абстракции первого порядка отличаются большей сложностью и абстрактностью, чем допускает он сам. Например, термин «чувство» используется для охвата «привязанности», «симпатии», «гнева», «жажды», «голода», «ностальгии», «презрения» и вообще «любого внутреннего состояния человеческого тела»¹⁵. Разнообразие явлений, охватываемых понятием «чувство», приводит к его высокой абстрактности и поэтому требует его уточнения — так, чтобы различные типы чувств относились, по словам Хоманса, к «единому классу наблюдаемых данных». По самой логической природе индуктивной стратегии Хомансу следовало бы приступить к выполнению трудной задачи разработки подлинных абстракций первого порядка, имеющих ясные эмпирические референты, и включить эти понятия в более четкий корпус эмпирических положений. Вместо этого Хоманс предпочел уклониться от этой задачи и начал «объяснять» в терминологии дедуктивной теории корпус эмпирических обобщений, которые нуждались в серьезном уточнении и совершенствовании¹⁶.

Аналогичные проблемы свойственны и хомансовским понятиям деятельности и взаимодействия. Поскольку деятельность представляет собой факты поведения, а взаимодействие есть такая деятельность, которая стимулирует последующую деятельность других, взаимодействие представляет собой разновидность действия, а именно такую разновидность, которая предполагает обоюдное стимулирование участников. Следовательно, деятельность и не может быть абстракцией первого порядка, так как, по словам Хоманса, абстракции первого порядка «относятся не к

нескольким классам фактов одновременно, но к одному и только одному классу»¹⁷. С точностью хомансовских абстракций первого порядка и с неудачей в разграничении решающих понятий типа деятельности и взаимодействия связана неясность и неадекватность положений, содержащих эти переменные. Далее, увеличивается вероятность появления тавтологических положений, особенно тогда, когда понятие деятельности рассматривается как варьирующее совместно с понятием взаимодействия, определяемым как конкретный тип именно того объекта, который оно меняет, а именно деятельность. Эта проблема становится еще более запутанной, когда эмпирические референты этих понятий неясно заданы в терминах нечетких критериев, так как без ясных и определенных эмпирических референтов, различающих тип взаимодействия и тип деятельности, подлежащие выражению в том или ином теоретическом положении, само положение оказывается в логическом круге. Например, положение «Лица, которые часто взаимодействуют друг с другом, сходятся в большей степени в их деятельности, чем они сходны с другими лицами, с которыми они взаимодействуют реже»¹⁸ можно интерпретировать как тавтологию, поскольку трудно установить с полной определенностью, что переменная «сходные действия» действительно отличается от переменной «частота взаимодействия». При том что социальный контекст, из которого было индуктивно выведено это положение, содержит некоторые ключи к решению вопроса о том, как можно различить эти переменные, сформулированное обобщение раскрывает весьма мало в событиях реальной действительности и, таким образом, оказывается в сущности бесполезным как для индуктивного, так и для дедуктивного теоретизирования. Если бы Хоманс уделил больше внимания и времени уточнению понятий взаимодействия и деятельности и превращению их в абстракции первого порядка, описывающие разнообразные типы взаимодействия и деятельности, тогда те типы деятельности, которые не носят характер взаимодействия, могли бы правильно соотноситься с разнообразными типами взаимодействия без неясностей и подходов тавтологического порядка. Опять же, без подобного уточнения понятий полезность увязывания индуктивных положений с теоретическими утверждениями высших порядков практически сводится к нулю, поскольку неясность эмпирического

обобщения затрудняет опровержение обобщения высшего порядка. Если теоретические утверждения не опровергаются эмпирическими утверждениями, они не могут входить в научную теорию.

Несмотря на указанные недостатки, работа Хоманса «Человеческая группа» положила плодотворное и многообещающее начало исследованиям в индуктивной теории. Любопытно, что Хомансу не удалось сделать последующие шаги, диктуемые этой стратегией, и он занялся уточнением своих понятий и положений первого порядка. Впрочем, нужда в «объяснении» этих неточных обобщений очевидным образом улетучилась, когда он обратился к разработке абстрактных принципов своей теории обмена. Однако по иронии судьбы сама неясность эмпирических обобщений, развитых в «Человеческой группе» и использованных в недавней дедуктивной стратегии Хоманса, сделала невозможными правильные научные объяснения, за которые он столь пылко ратовал, так как эти неясные и потенциально тавтологичные обобщения в принципе не могут опровергнуть его абстрактные принципы обмена.

Последняя дедуктивная стратегия

По самой логике индуктивной стратегии Хоманса ему следовало бы после обоснованных попыток совершенствования и уточнения своих понятий и положений первого порядка сосредоточить усилия на получении более абстрактных и общих положений на основе обзора своих собственных и чужих эмпирических обобщений. Вследствие ли неадекватности своих эмпирических обобщений или нового увлечения абстрактными принципами обмена Хоманс принимает гораздо более простую стратегию для социологического теоретизирования, а именно заимствует из экономики и психологии некоторые основные принципы, которые могли бы стать аксиомами дедуктивной системы теоретических утверждений. Пытаясь сохранить иллюзию преемственности между стратегией в «Человеческой группе» и ныне отстаиваемой стратегией, Хоманс решил назвать разработку абстрактных принципов обмена «индукцией»:

«Процесс заимствования или выдвижения более общих положений я называю *индукцией* независимо от того, совпадает или нет это с индукцией философов; процесс вывода эмпирических положе-

ний из более общих я называю объяснением, и это как раз объяснение в философском смысле»¹⁹.

Несомненно, это хомансовское понятие индукции не совпадает ни с философским понятием, ни с понятием индукции в «Человеческой группе». Однако его понимание научного объяснения совпадает с пониманием некоторых философов — в особенности тех философов, которые отстаивают естественнонаучную интерпретацию объяснения. Поскольку именно это несколько искаженное понимание индукции и более четкая концепция объяснения направляли разработку Хомансом его перспективы обмена, нам следует уяснить, что же в настоящее время понимает Хоманс под объяснением в социальных науках²⁰.

Со времени публикации «Человеческой группы» Хоманс положил начало все усиливающейся критике социологического теоретизирования с надеждой на то, что «Мы приводим то, что мы говорим относительно теории, в соответствие с тем, что мы реально делаем, и тем самым уничтожаем наше интеллектуальное лицемерие». Первый шаг на пути уничтожения «интеллектуального лицемерия» — неприятие парсонсовской стратегии разработки систем понятий и категориальных схем:

«Некоторые ученые приобретают столь сильное ощущение интеллектуальной безопасности на базе подобной схемы вследствие того, что она позволяет им присваивать наименование почти любому социальному явлению и его квалифицировать, что они опасаются пускаться в плавание по водам рассуждений по поводу отношений между явлениями — в связи с возможным риском сделать ошибку»²¹.

По Хомансу, более правильная стратегия, т. е. такая стратегия, которая позволяет доказывать ошибочность теорий, состоит в конструировании дедуктивных систем положений. На верхнем уровне дедуктивной системы располагаются общие аксиомы, из которых логически выводятся положения низших порядков. Самый низший порядок в этой системе имеют те положения, которые складываются из абстракций первого порядка, описывающих реальные события в эмпирической действительности. Поскольку эти эмпирические обобщения логически соотносятся с иерархией положений, последовательно возрастающих по степени абстрактности и наконец достигающих логического уровня аксиом, тем самым допускается, что эмпирические обобщения объясняются

посредством аксиом (см. главу 1, приложение, посвященное обсуждению аксиоматических схем). Таким образом, по Хомансу, логически вывести эмпирическую закономерность из совокупности более общих положений и аксиом и означает *объяснить* эту закономерность²².

Модель обмена

Источники психологической перспективы обмена, по Хомансу

Схема обмена, по Хомансу, сначала появилась как полемическая реакция на предложенный Леви-Стросом структурный анализ обменной разновидности брака. В соавторстве с Давидом Шнейдером Хоманс в 1955 г. набросал предварительный очерк тем, которым впоследствии суждено было стать постоянными в его сочинениях²³: 1) скептический взгляд на все виды функционального теоретизирования, 2) установка на выявление психологических принципов в качестве аксиом социальной теории и 3) пристрастие к понятиям теории обмена.

В своих оценках обменного функционализма Леви-Строса Хоманс и Шнейдер особо выделяли все те положения теории Леви-Строса, которые делали ее важным вкладом в социальную теорию. Во-первых, было отвергнуто осмысление различных форм косвенного, обобщенного обмена, поскольку, трактуя обмен таким образом, Леви-Строс, по мнению указанных авторов, «лишал это понятие всякого содержания». Во-вторых, оспаривалась точка зрения Леви-Строса, согласно которой различные формы обмена символически поддерживают и закрепляют различные социальные институты, так как «социальный институт становится тем, чем он является, потому что он проистекает из побуждений и тенденций индивидов или подгрупп в данном обществе или удовлетворяет их потребности»²⁴. В конечном счете, отвергая мнение Леви-Строса, Хоманс и Шнейдер приходят к заключению, что теория обмена должна с самого начала выделять личное, непосредственное взаимодействие, прежде всего сосредоточиваться на случаях ограниченного и непосредственного обмена между индивидами и признавать значимость психологических побуждений (в

противовес социально-структурным) к отношениям обмена.

Проводя эту крайнюю полемику с антропологической традицией, расцветшей как реакция на утилитаризм, Хоманс возродил утилитаристское внимание к понятию личного интереса индивида в концептуальном оснащении психологического бихевиоризма. Действительно, как подчеркивали Хоманс и Шнейдер, «эту концепцию можно назвать теорией индивидуальных личных интересов, если вспомнить, что интересы индивидов не сводятся только к экономическим интересам»²⁵. Как стало очевидно в начале 60-х годов, этой теории личных интересов предстояло найти особое выражение на бихевиористском языке Б. Ф. Скиннера. При склонности Хоманса к построению аксиоматической теории и его интересе к проблемам личного взаимодействия он неминуемо должен был обратиться к Скиннеру и к понятиям и принципам, вытекавшим из лабораторных экспериментов с животными, проводимых его коллегой²⁶.

Будучи лишенным тонкости, как предпочитает трактовать его Хоманс, бихевиоризм Скиннера утверждает в качестве своего главного принципа: если животное испытывает некоторую потребность, оно произведет те действия, которые в прошлом приводили к удовлетворению этой потребности. Первое следствие этого принципа состоит в том, что организмы стремятся избегать неприятных переживаний, но допускают все же некий ограниченный объем таких переживаний как цену, выплачиваемую ими в процессе осуществления поведения, удовлетворяющего некую острую потребность. Второе следствие состоит в том, что организмы продолжают достигать желательных и ожидаемых результатов. Третье следствие психологии Скиннера подчеркивает тот факт, что, коль скоро потребности удовлетворяются определенным поведением, животные с большей вероятностью осуществляют это поведение. Четвертое следствие утверждает, что если в опыте недавнего прошлого некоторое поведение привело к вознаграждениям, а затем серия вознаграждений внезапно прервалась, организм испытает раздражение и постепенно перестанет осуществлять поведение, которое прежде удовлетворяло его потребности. Последнее следствие утверждает, что, если некоторое событие последовательно отмечалось в то же время, что и определенное поведение, которое вознаграждалось или нака-

зывалось, это событие приобретает характер стимула и с большой вероятностью вызывает соответствующее поведение или отказ от него.

Эти принципы были выработаны на основе проведенных под строгим контролем психологов-бихевиористов наблюдений над животными, потребности которых могли выясняться экспериментаторами посредством лишения животных тех или иных желательных объектов. Хотя установить человеческие потребности гораздо труднее, чем потребности лабораторных голубей и мышей, и несмотря на тот факт, что люди взаимодействуют в составе группировок, которые плохо поддаются экспериментальному контролю, Хоманс понимал, что принципы операционной психологии можно было использовать для объяснения поведения людей как в простых, так и в сложных группировках. Одна из наиболее важных коррекций принципов Скиннера для объяснения фактов социальной организации людей включает признание того, что потребности одного человека могут удовлетворяться другими людьми и что люди вознаграждают и наказывают друг друга. В отличие от животных Скиннера, которые лишь косвенно взаимодействовали со Скиннером через посредство оборудования в лаборатории и которые обладали весьма малой способностью к вознаграждению Скиннера (кроме, пожалуй, подтверждения его принципов), люди постоянно дают и получают вознаграждения и наказания, т. е. обмениваются друг с другом.

Концептуализация человеческого поведения как обмена вознаграждениями (и наказаниями) между взаимодействующими индивидами привела Хоманса к усвоению в несколько модифицированном виде первого элементарного экономического принципа: люди рационально рассчитывают далекие последствия своих действий на деловом рынке и стремятся максимально увеличивать материальные прибыли в ходе своих рыночных взаимодействий. Однако, как подчеркивает Хоманс, этот простой экономический принцип нуждается в некоторой модификации:

«Мы действительно собираемся реабилитировать экономическое человека. Связанное с ним затруднение состояло отнюдь не в том, что он принадлежит к сфере экономики, что он использовал ресурсы для достижения определенной выгоды, но в том, что он был существом антисоциальным и меркантильным, заинтересованным только в деньгах и материальных благах и готовым пожертвовать даже своей старой матерью для их приобретения»²⁷.

Таким образом, чтобы стать адекватным объяснением человеческого поведения, это базисное экономическое допущение требовало модификации в четырех аспектах: а) люди не всегда стремятся получить максимальную прибыль; они стремятся извлечь лишь некоторую прибыль из отношений обмена, в которые они вступают; б) люди обычно не предпринимают ни далеких, ни рациональных расчетов в своих обменных операциях, ибо в повседневной жизни «теория игр предоставляет хорошие рекомендации для человеческого поведения, но плохое описание этого последнего»; в) обмениваемые объекты включают нечто большее, чем просто деньги, — другие ценности, включая одобрение, уважение, уступки, любовь, привязанность и другие менее материальные блага; г) «рынок» не представляет собой какую-либо автономную область в сфере человеческого обмена, так как все ситуации взаимодействия предполагают индивидов, обменивающихся вознаграждениями (и наказаниями) и стремящимися извлечь выгоду.

Основные понятия перспективы обмена Хоманса²⁸

Опираясь на понятия и принципы бихевиоризма, Хоманс ввел ряд новых бихевиористских понятий в ходе бихевиористского уточнения старых понятий, описанных им ранее в «Человеческой группе». Внешне будучи занятым проблемой внешней наблюдаемости поведения, Хоманс расширяет область понятия «деятельность» и использует его в своих определениях ключевых понятий обмена:

Деятельность — факты поведения, имеющего целью приобретение вознаграждений

Вознаграждение — любой объект, получаемый лицом, или любая деятельность, обращенная к нему, которую данное лицо считает ценной

Ценность — степень усиления или способности удовлетворять потребности деятельности некоторого индивида — как его собственной деятельности, так и обращенной к нему деятельности

Чувство — совокупность деятельностей, в которых индивиды сообщают друг другу их «внутреннее расположение» — типа симпатии — антипатии или одобрения — неодобрения

Взаимодействие — факты поведения, посредством которого люди обращают свои деятельности друг на друга с целью извлечь вознаграждение или избежать наказания

Нормы — вербальные утверждения — тип деятельности — посредством которых люди устанавливают, какие виды деятельности следует или не следует предпринимать в некоторой ситуации

Количество — число единиц деятельности (вознаграждающей или наказывающей), производимой и/или получаемой в определенный отрезок времени

Хотя значение психологии Скиннера для теории Хоманса несомненно и широко признается, остальные понятия теории Хоманса представляются в большей степени обусловленными элементарной экономикой, чем операциональной психологией:

Издержки (стоимости) — деятельность, приносящая наказание или альтернативное вознаграждение, от которого отказываются для того, чтобы получить другое вознаграждение

Вложения — совокупность предшествующих значимых деятельностей лица (типа умений и способностей, образования и специальных знаний) и социальных характеристик (типа пола, возраста и расы), которые приносятся в ситуацию взаимодействия и оцениваются как самим действующим лицом, так и теми, с кем оно взаимодействует

Прибыль — вознаграждения минус издержки и вложения за участие в определенной деятельности

Справедливость распределения — деятельности, предполагающие расчет того, обеспечат ли определенные издержки и вложения индивида в некотором обмене «справедливую» прибыль.

Объяснительные принципы социальной организации

Располагая этими понятиями, составляющими их теоретический фундамент, Хоманс затем перечисляет пять базисных аксиом, или положений более высшего порядка, которые будут использованы для объяснения образцов социальной организации²⁹:

1. Если в прошлом та или иная ситуация-стимул оказывалась случаем, в котором деятельность индивида вознаграждалась, то чем в большей степени текущая ситуация похожа на прошедшую, тем с большей вероятностью индивид выполнит соответствующую или похожую деятельность.

2. Чем чаще в пределах данного отрезка времени деятельность одного индивида вознаграждает деятельность другого индивида, тем чаще второй индивид будет выполнять соответствующую деятельность.

3. Чем более ценна для некоторого индивида единица определенной деятельности, единица, которую представляет ему другой индивид, тем чаще он выполнит деятельность, вознаграждаемую соответствующей деятельностью другого.

4. Чем чаще индивид в недавнем прошлом получал некоторую вознаграждающую деятельность от другого, тем менее ценной оказывается для него любая последующая единица соответствующей деятельности другого.

5. Чем чаще в ущерб некоторому индивиду правило справедливости распределения оказывается нереализованным, тем с большей вероятностью он обнаружит эмоциональное поведение, которое мы называем раздражением.

В положениях 1—3 принципы психологии Скиннера переформулированы в значительно упрощенном виде. Чем более ценна некоторая деятельность (3), тем чаще

Подобная деятельность вознаграждается (2) и тем в большей степени соответствующая ситуация приближается к той, в которой деятельность вознаграждалось в прошлом (1), поэтому тем с большей вероятностью будет выполняться эта конкретная деятельность. Положение 4 указывает на условие, при котором первые три временно отменяются, поскольку в соответствии с принципом насыщения или экономическим законом предельной полезности люди в конечном счете характеризуют вознагражденные деятельности как менее ценные и обращаются к другим деятельности в поисках других вознаграждений (опять же, впрочем, в соответствии с принципами, перечисленными в положениях 1—3). Положение 5 вводит более сложный набор условий, определенным образом модифицирующий положения 1—4. Из наблюдения Скиннера о том, что голуби обнаруживают «раздражение» или «разочарование», если они не получают ожидаемого вознаграждения, Хоманс заключает, что люди, по-видимому, должны проявлять в сущности то же самое поведение. Однако люди в большей степени интеллектуально изощрены, чем голуби или мыши, и предпринимают некоторые неявные расчеты, прежде чем они проявят голубиную разновидность раздражения. Наиболее важными из таких расчетов являются расчеты «справедливости распределения», посредством которых в соответствии с определенной подразумеваемой формулой люди производят оценку того, пропорциональны ли вознаграждения, получаемые в некоторой ситуации, издержкам и вносимым вложениям. Справедливость распределения является, таким образом, ожидаемым отношением суммы вложений и издержек к сумме вознаграждений; когда соответствующее ожидание не выполняется, люди — аналогично их более просто устроенным собратьям из животного мира в ящике Скиннера — тоже испытывают раздражение.

Эти базисные принципы, или «законы», человеческого поведения предназначены для объяснения (в дедуктивном смысле) образцов социальной организации людей. Очевидно, что они по своей природе психологические³⁰. Более того, эти психологические аксиомы составляют единственные известные общие социологические положения, поскольку «не существует таких общих социологических положений, которые выполняются для всех обществ или социальных групп как таковых»³¹.

Однако тот факт, что психологические положения носят наиболее общий характер, не обесценивает и не снижает статус социологических положений, формулирующих отношения между свойствами разных социальных групп или между свойствами социальных групп и свойствами индивидов. Наоборот, как раз эти положения должны дедуктивно выводиться из психологических аксиом. Таким образом, социологические положения займут заметное место в дедуктивной системе, вытекающей из психологических принципов. Хоманс подчеркивает, что социология в конечном счете преобразует то, что она говорит относительно теории, в то, что она реально делает, когда она согласует и абстрактные социологические утверждения, и специфические эмпирические обобщения в дедуктивной системе с психологическими аксиомами, располагающимися на верхнем уровне этой системы. Ибо, как он постоянно подчеркивает, дедуктивно выводятся одни положения из других и значит объяснять их.

Построение дедуктивных систем, способ Хоманса

Тот факт, что базисные аксиомы, предназначенные для использования в социологическом объяснении, представляются «очевидными трюизмами», не должен внушать тревоги. Слишком часто, как настойчиво утверждает Хоманс, социологи исходят из того, что базисные законы социальной организации носят более запутанный и скрытый — и поэтому менее очевидный — характер, поскольку для них научная игра предполагает поразительные открытия новых, неизвестных и по возможности глубоких принципов. Ссылаясь на подобных социологов, Хоманс пишет:

«Подобная очевидность аксиом породила пренебрежительное отношение, которое укрепилось в ходе развития социальной науки. Ее фундаментальные положения кажутся столь очевидными, что наводят скуку на некоторых, а ведь настоящий интеллектуал, как высокий ум и гражданин вселенной, не должен останавливаться ни перед чем, чтобы избежать очевидного»³².

Однако раз исходные принципы социологии очевидны вопреки попыткам доказать противоположное со стороны некоторых, так сказать, «ученых», Хоманс полагает, что социология должна прекратить бесполезный поиск скрытого и тайного и начать построение дедуктивных си-

стем с признанием того факта, что наиболее общие положения являются не только психологическими по сути, но и вполне очевидными. А если социологи хотят и ищут сложности, то это стремление, разумеется, будет удовлетворено указанной задачей, поскольку дедуктивные системы, вытекающие из этих «простых» принципов и позволяющие наблюдать эмпирические закономерности, будут невероятно сложными.

Таким образом, теоретическая задача социальной науки состоит в построении подлинной теории, которая в данный момент предполагает ликвидацию разрыва между быстро растущим корпусом эмпирических положений в исследовательской литературе по социологии и общими принципами психологии. По мнению Хоманса, приверженность этой стратегии обещает большую теоретическую отдачу, чем иные альтернативы, будь то разработка концептуальных таксономий типа «теории» Парсонса или поиск собственных исходных принципов в социологии. В большом числе работ Хоманс предпринял попытки построения дедуктивных систем, согласующихся с принятой им стратегией; хотя дать обзор всех этих опытов не представляется возможным, ниже мы обсудим некоторые примеры, иллюстрирующие попытки Хоманса заполнить лакуны между наблюдаемыми эмпирическими событиями и психологическими аксиомами.

Ранние опыты дедуктивных построений: статус и конформность. В работе «Человеческая группа» одно из наиболее существенных положений Хоманса гласило, что «чем выше социальный ранг лица в группе, тем в большей степени его действия согласуются с нормами этой группы, и наоборот». Это положение было индуктивно выведено Хомансом на основе исследования в упомянутом цехе электрокабелей, в особенности рассмотрения зарождающегося лидера этой группы, человека по имени Тейлор, который строго соблюдал внешние нормы группы. Кроме своего высокого ранга, Тейлор также был способен инициировать и испытывать частые взаимодействия с другими членами группы, которые все, казалось, испытывали к нему симпатию. Стараясь объяснить причины конформности Тейлора, Хоманс предвосхитил перспективу обмена, выявленную десятилетием позже: «По мере того, как Тейлор пользовался своим рангом, своими связями и своим влиянием, изменение в объеме его приобретений, как правило, причиняло ему

вред» (курсив мой.— Дж. Т.)³³. Иными словами, издержки отклонения от норм приобретенный были высоки, тогда как вознаграждения, которые должны были быть извлечены из конформности, были велики. Таким образом, можно ожидать лишь конформности.

Однако последующие размышления Хоманса по поводу этой ранней гипотезы раскрывают как раз противоположный факт: лидерам свойственно, как правило, отклоняться от норм группы. Поэтому в своей основной работе, посвященной проблемам объяснения³⁴, Хоманс стремился прояснить очевидное противоречие между наблюдениями в «Человеческой группе» и в его обзоре дополнительной литературы. Рассматривая другие эмпирические исследования и ряд экспериментальных исследований рангов и конформности в социальных группах, Хоманс пришел к следующей эмпирической закономерности: члены социальных групп «с высоким рангом» и «с низким рангом» наименее всего склонны к конформности в составе групп, а члены «со средними рангами» в наибольшей степени склонны к конформности. Как и в случае поведения Тейлора в цехе электрокабелей, Хоманс обращается к принципам обмена для объяснения этой закономерности; на этот раз, однако, принципы обмена были сформулированы более эксплицитно, что должно обеспечить более адекватное объяснение, чем объяснение, относившееся к поведению Тейлора.

Чтобы объяснить эту закономерность, Хоманс сначала устанавливает исследовательский фундамент тем, что определяет переменные, значимые для обмена, и пределы своего объяснения. Хоманс берет в качестве «исходного» тот факт, что социальным группам свойственна определенная шкала рангов — высоких, средних и низких, — которая выявляется экспериментальным путем и которая эндемична для каждой данной группы. Эта стратегия брать в качестве данного структуру группы читателю, должно быть, уже знакома, так как фактически «данные» — это другое наименование для «внешней системы», использованной в «Человеческой группе».

Определяя некоторые переменные и рассматривая их тем самым в качестве данных, Хоманс может обратиться к более адекватному анализу конкретных частных переменных, которые в свете его текущих целей представляют для него интерес. Этот подход подводит Хоманса к перечислению видов вознаграждений, извлекаемых из

конформности или неконформности («деятельность» с личными интересами), в экспериментальных результатах, которые он суммирует. Одно вознаграждение — это очевидным образом уважение, связываемое с высоким рангом в группе; люди считают уважение и связанный с ним ранг вознаграждениями, аналогично Тейлору в цехе электрокабелей. Конформность тоже может быть источником вознаграждений, так как в соответствии с первой аксиомой Хоманса конформность в прошлом была вознаграждаема для большинства людей. Другим вознаграждением оказывается «принятие группой» индивида как ее члена, поскольку предполагается, что люди ценят членство в группе и принятие их группой. Последнее вознаграждение из числа перечисленных Хомансом требует дополнительного объяснения, поскольку оно частично обусловлено способами экспериментальных действий, использованных в исследованиях, на основе которых он выявил эмпирическую закономерность, подлежащую объяснению. Несколько упрощая изложение Хоманса, можно сказать, что данные, о которых он сообщает, относятся главным образом к экспериментальным ситуациям, в которых члены групп могли как подчиняться, так и не подчиняться решению группы, которое в дальнейшем будет «раскрыто» как правильное или неправильное. Таким образом, подчиниться решению группы, которое какой-то член группы считал ошибочным, означало для этого члена пожертвовать «самоуважением», которое сопровождает правильные поступки, — тем чувством, которое в прошлом было источником вознаграждения для большинства людей. Самоуважение становится тем самым последней переменной типа вознаграждения, включенной в объяснение Хоманса.

Хотя Хоманс и не столь эксплицитен в своем перечислении переменных, эти четыре переменные — конформность (неконформность), уважение или ранг, принятие группой в качестве своего члена и самоуважение — включаются в объяснение эмпирической закономерности и, таким образом, оказываются ключевыми переменными в его дедуктивных построениях. Однако дедуктивные шаги в изложении Хоманса не отличаются однозначностью и определенностью и, следовательно, должны выявляться читателем. Поэтому, хотя Хоманс сам явно не говорит об этом, объяснение отношения между рангом и

конформностью, как представляется, выводится из аксиом 1, 3 и 4 его общей схемы обмена.

Аксиома 1. Высокий ранг, принятие группой, конформность к мнениям группы и самоуважение в прошлом были источниками вознаграждений; следовательно, любое поведение, ориентированное на эти вознаграждения, возможно.

Аксиома 3. Чем в большей степени лицо считает вознаграждающими, или ценными, такие переменные, как конформность, самоуважение, членство в группе и высокий ранг, тем более склонно это лицо выполнять деятельность, позволяющую получить эти вознаграждения от других.

Чтобы объяснить данную закономерность, Хоманс должен вывести следствие, или, если угодно, дедуктивное заключение, из этих двух аксиом:

Вывод 1. «Когда отношение между ценностями двух вознаграждений выше, чем отношение между вероятностями их достижения, разумнее обратиться к более высокой ценности, чем к более высокой вероятности»³⁵.

Иными словами: если некоторые действия более ценны, чем другие, но шансы извлечения вознаграждений из тех и других более или менее одинаковы, то наибольшее вознаграждение можно достичь, выполняя деятельность, обещающую наивысшее вознаграждение. Но что определяет, что конформность или неконформность будет наиболее ценной или наиболее вознаграждающей? Вероятно, ценность членства в группе, уважение, вытекающее из ранга, или самоуважение, которое поддерживается следованием собственным убеждениям, определяют ценность конформной или неконформной деятельности. В свою очередь ценность этих действий является функцией принципов, перечисленных в аксиоме 4:

Аксиома 4. Чем более насыщены члены группы в отношении уважения и ранга, самоуважения и членства в группе, тем в меньшей степени склонны они производить действия типа конформности, обеспечивающей упомянутые вознаграждения.

Однако насыщение не единственный принцип обмена, который влияет на отношения ценностей между конформностью и неконформностью (вывод 1). Кроме него, Хомансу пришлось бы сделать эксплицитным допущение, лежащее в основе аксиомы 3, так как степень ценности действия есть отражение издержек, которые вызывались меньшими вознаграждениями, или меньшей прибылью, при выполнении этой деятельности.

Вывод 2. Ценность действия есть функция прибылей, которые, по ощущению индивида, он может извлечь из выполнения этой деятельности.

Располагая этой довольно нескладной концептуальной доктриной, Хоманс уже может «вывести» изложенные им данные по социальному рангу и конформности и тем самым дать им «объяснение». Для этого необходимо воспользоваться «выводами» из аксиомы 3, а также аксиомой 4, определить «отношение» между ценностями различных потенциальных деятельностей — в данном случае конформности и неконформности. Затем с помощью вывода 1 из аксиомы 3, а также допущения, обеспечиваемого аксиомой 4, можно «объяснить», почему члены групп с высоким, средним и низким рангом обнаруживают разные степени конформности. Хоманс проделывает эту операцию в несколько сбивчивой манере — он оценивает потенциальные прибыли, которые должны извлекаться членами групп различных рангов, разделяющими или отвергающими общее мнение группы³⁶.

Высокий статус: Если группа права, а член группы ошибается, он не утратит уважения и не понизит свой ранг в большой степени, поскольку он располагал избытком того и другого и, по-видимому, сохранит еще достаточно многое для использования в дальнейшем. И он сохранит в неприкосновенности по меньшей мере то, что, по всей вероятности, является наиболее ценным вознаграждением в ситуации насыщения уважением, а именно самоуважение. Если же он прав, а группа ошибается, то он усилит уважение к себе как человек редкой проницательности. Если он придерживается своих убеждений и при этом и он и вся группа ошибаются (или правы), он сохраняет самоуважение без какой-либо реальной утраты уважения к нему или принятия группой.

Таким образом, в соответствии с выводами 1 и 2 из аксиомы 3 и аксиомами 1 и 4, наибольшая потенциаль-

ная прибыль связана со следованием собственным убеждениям. Поскольку лидеры в наибольшей степени склонны к насыщению уважения и ощущением принятия группой и, таким образом, не обязаны беспокоиться по поводу своей неправоты, они могут извлекать более высокую прибыль посредством сохранения своих убеждений, которые — в том случае, если группа ошибается, а они правы, — могут быть обращены в большее уважение.

Средний статус: Если группа права, а некто ошибается, то он терпит убыток в своем статусе, так как он не настолько выше членов группы низкого статуса, и даже одна неудача может передвинуть его вниз. Если он прав, а группа ошибается, он повышает свой статус, но все же недостаточно для того, чтобы достичь высокого статуса. Если он ошибается и группа ошибается, он остается «неудачником» наряду с другими. Если и он и группа правы, он подтверждает свой статус как член группы.

Таким образом, в соответствии с выводами 1 и 2, наибольшее вознаграждение для индивидов средних рангов достигается конформностью, поскольку неконформность и правота в одном конкретном случае не приводят к существенному усилению уважения или чувства принадлежности к группе, тогда как неконформность и ошибка могут привести к серьезной утрате уважения к индивиду и признания его как полноправного члена группы. Следовательно, для тех членов группы со средним статусом, у которых уважение и членство в группе не слишком устойчивы, риск ошибки представляет собой весьма высокую цену за относительно малое вознаграждение, достигаемое в случае правоты. Поэтому эти члены склонны подчиняться нормам группы с целью сохранения своего неустойчивого ранга и чувства принадлежности к группе в качестве ее полноправных членов.

Низкий статус: Если группа права, а некто ошибается, то он не утрачивает существенно уважения, поскольку ему нечего терять; но при этом он усиливает самоуважение тем, что следует своим убеждениям. Если его мнение и мнение группы согласуются, этот один случай конформности мало добавит и уважения к нему, и признания его как полноправного члена. Но конформность предполагает цену принесения в жертву самоуважения.

Таким образом, в соответствии с выводами 1 и 2 из аксиомы 3, неконформность в данном случае наиболее

вероятна, поскольку она означает сохранение самоуважения — единственно реального вознаграждения, которое индивиды с низким статусом могут получить в группе, где уважение к ним весьма низко.

Из этого пространного примера выявляется скрытый характер «выводов» Хоманса, поскольку он соотносит понятия своей теории с эмпирическими данными весьма непоследовательно и нечетко. Нескладность «дедуктивной системы» в этом примере проистекает из того, что в связи с ним встала необходимость построения «выводов» на основе стимулирующего, но весьма неясного изложения Хоманса. Не построив явно того, что было им обещано — дедуктивной системы, Хоманс, к тому же, введенными им понятиями пользуется весьма непоследовательно. Например, самоуважение как цена за конформность обсуждается в связи с людьми высокого и низкого ранга, но не в связи с людьми среднего ранга. Далее, принцип насыщения, аксиома 4, ориентирован на высокий статус, однако дополняющий его принцип нехватки никогда не применяется к индивидам низкого ранга. На основе всех этих фактов можно прийти к заключению, что никакие реальные теоретические дедуктивные выводы не были достигнуты Хомансом в его основной теоретической работе, в связи с чем Джеймс Дейвис заявил, что «отношение между статусом и конформностью не может быть дедуктивно выведено из этой теории, но вытекает из ряда подразумеваемых принципов *ad hoc*»³⁷. Однако перед тем, как адекватность дедуктивных построений Хоманса может быть правильно оценена, вероятно, разумно рассмотреть более поздний пример его дедуктивной стратегии, так как ранние дедуктивные опыты Хоманса пострадали, возможно, от того, что они представляли радикальный пересмотр предшествующей индуктивной стратегии.

Недавний дедуктивный опыт: использование закона Голден. Психологический характер понятий обмена, по Хомансу, и их включение в аксиомы вызвали обширную критику. Предположение о том, что все социологические положения сводимы к этим аксиомам, явилось предметом бурной полемики (см. последующее обсуждение этого вопроса), поскольку социологи оспаривали адекватность дедуктивных объяснений, которые опираются на психологические аксиомы как на положения высшего порядка. Хоманс ответил на эту критику тем, что бросил

вызов социологам и предложил очертить какой-либо социологический закон, который отличается большей общностью, чем психологические принципы, и при этом не может быть выведен на их основе³⁸.

Принимая этот вызов, Роберт Блейн предположил, что «закон Голден» является не только столь же общим, как любая психологическая аксиома Хоманса, но не сводим ни к одной из них; следовательно, он может трактоваться как общее объяснительное положение; тем самым опровергалась претензия Хоманса на то, что все социологические положения сводимы к психологическим принципам³⁹. В сжатом виде закон Голден гласит: степень грамотности в обществе всегда положительным образом связана с уровнем индустриализации общества. В своих исследованиях Хильда Голден обнаружила, что две переменные — грамотность и индустриализация — всегда тесно коррелированы друг с другом, и, возможно, эти корреляции имеют статус социологического закона, противопоставленного психологическим законам. Блейн затем в свою очередь предложил Хомансу свести это положение к психологическим принципам.

Тогда Хоманс построил следующую «дедуктивную» систему:

1. Люди тем более склонны выполнять некоторую деятельность, чем более ценным представляется им вознаграждение от этой деятельности.

2. Люди тем более склонны выполнять некоторую деятельность, чем более успешной представляется им эта деятельность для достижения вознаграждения.

3. По сравнению с сельскохозяйственными обществами в индустриальных обществах большая доля людей подготовлена к вознаграждению деятельности, предполагающей грамотность. (Предпринимателям требуется нанимать бухгалтеров, клерков, лиц, способных составлять и читать проекты, руководства, отчеты и т. п.)

4. Следовательно, в индустриальных обществах большая доля людей воспринимает усвоение грамоты как вознаграждающее занятие.

5. И поэтому (согласно 1) большая доля людей стремится усвоить грамоту.

6. Обучение требует вложения денег, непосредственного или косвенного.

7. По сравнению с сельскохозяйственными обществами в индустриальных обществах большая доля людей

состоятельна в соответствии с определенными нормами.

8. Следовательно, большая доля людей способна обеспечивать обучение (осуществляемое правительством или через частную благотворительность) и большая доля людей способна платить за обучение без обращения к какой-либо благотворительности.

9. И большая доля людей воспринимает усилия по усвоению грамоты как потенциально успешные.

10. И (согласно 2 и 1) большая доля людей стремится усвоить грамоту.

11. В силу того, что ощущения людей, как правило, точны, большая доля людей в индустриальных обществах фактически усваивает грамоту. Поэтому процент грамотности в индустриальном обществе обычно выше, чем в сельскохозяйственном обществе⁴⁰.

Эта дедуктивная система характерна для более поздних попыток Хоманса объяснить социологические обобщения при помощи психологических принципов⁴¹. В этой системе явно выделяется несколько признаков дедуктивной стратегии Хоманса: а) положения высшего порядка (1 и 2) представляют выводы из его аксиом. Но, как наблюдалось и в случае его предшествующей работы по рангу, статусу и конформности, логические шаги в выводах не даны в явном виде. Поэтому можно лишь умозаключать, что эти два положения представляют выводы из аксиом 1 и 3; б) положения 3 и 7 берутся как «данные», так как не предлагается никакого объяснения того, почему, когда и при каких условиях люди вознаграждают грамотность, а также не предпринимается попыток объяснить, почему состоятельность индивида способствует росту предпринимательства; в) вслед за каждым из двух упомянутых положений, взятых в качестве данных, идут важные логические умозаключения, отмеченные словом «следовательно», вводящим положения 4 и 8.

Эти свойства данной дедуктивной системы — отсутствие явных выводов из аксиом и готовность брать в качестве «данных» интересные социологические вопросы и затем делать на их основе важные логические умозаключения — позволяют предположить, что более поздняя внешне эксплицитная дедуктивная стратегия Хоманса напоминает его ранние опыты. Подобно «дедуктивной системе» для ранга и конформности, логическое исчисление данной системы оказывается неявным и подразуме-

ваемым. Эти два примера дедуктивной стратегии Хоманса показывают, что, возможно, Хоманс лишь использовал риторику аксиоматического, дедуктивного теоретизирования, но при этом не слишком успешно выполнял логические требования подобного теоретизирования (см. главу I, приложение). По крайней мере были подняты некоторые вопросы по поводу фактов логической адекватности в дедуктивной стратегии Хоманса, — вопросы, которые подлежат дальнейшему исследованию с целью выявления степени полезности стратегии Хоманса.

Логические импликации перспективы обмена, по Хомансу

*Понятия обмена Хоманса: понятия ad hoc
и тавтологичные?*

Прибегая к риторике бихевиоризма с его интересом исключительно к наблюдаемому поведению как предмету науки, Хоманс выдвинул понятие «деятельность» на особое высшее место. Все остальные понятия определяются как «деятельность», но фактически Хоманс использует понятие «деятельность» для обозначения явлений интроспективной психологии — любви, ненависти, уважения, престижа и других «чувств». Подобная трактовка внутренних состояний человеческого организма должна была претить многим взыскательным бихевиористам, которые в строгих пределах своих экспериментов стремились уклониться от рассмотрения «черного ящика» внутреннего психологического функционирования. Признание Хоманса, что избегать «черного ящика» значит игнорировать все то, что является уникально человеческим, разумеется, можно только приветствовать. Однако, пытаясь объяснить эти внутренние психологические процессы в терминах бихевиоризма, Хоманс заимствовал понятия, которые представляются неприемлемыми для этой цели, поскольку они были введены отнюдь не для обозначения тех психологических процессов, которые представляют наибольший интерес для Хоманса.

Вместо погружения в «черный ящик» человеческого познания бихевиористы стремились проводить свои эксперименты на животных с возможно более жестким

контролем окружающих факторов. Более того, они научились определять степень усиления разнообразных деятельностей с помощью лишения животных предметов первой необходимости (например, пищи и воды) на определенные отрезки времени и тем самым придавали понятию «лишение» статус операционного индикатора «вознаграждающей ценности» деятельности. В противоположность этому, понятие ценности, согласно Хомансу, или степени усиления деятельности, относится к *любой* деятельности, которую некое лицо определяет, воспринимает или рассматривает как вознаграждающую. Определяя понятие «ценность» и соответственно понятие «вознаграждение» (ценная деятельность) столь общим образом, Хоманс сталкивается с вопросом о том, каким образом может быть известно, что является ценным или вознаграждающим для того или иного лица? Поскольку он не может операционально определить ценность как продолжительность насильственного лишения некоторого известного предмета первой необходимости, например пищи и воды, ценность может быть лишь выведена на основе количества деятельности, которое затрачивает некоторое лицо для достижения определенных вознаграждений. Подобная концептуализация может привести к тавтологичным положениям, поскольку будет весьма трудно измерять «ценность» независимо от самой «деятельности», которая сама подлежит объяснению на основе ценности⁴². Хоманс пытается уклониться от этой логической проблемы, подчеркивая, что оценки лица должны определяться на базе истории его жизни или его предшествующей деятельности; тем самым он допускает, что понятия ценности и деятельности могут быть включены в состав нетавтологичных положений⁴³. Однако измерение ценности по количеству деятельности, затраченной в прошлом, не устраняет тавтологии, поскольку все еще остается необходимость обеспечить возможность измерения данных для ценностей независимо от деятельности, подлежащей объяснению на основе этих ценностей⁴⁴.

Аналогичные проблемы встают в связи с заимствованным Хомансом экономических понятий типа стоимости и прибыли. В элементарной экономике эти понятия относятся к явлениям в рыночных взаимодействиях, использующих в большинстве случаев четко определенное и измеримое понятие «деньги». Коль скоро эти понятия

применяются к интроспективной психологии, в которой отсутствует столь ясно определяемая или измеримая «валюта», какой являются деньги, они становятся неясными и нечеткими. Стоимость есть отчуждаемое вознаграждение, а прибыль есть вознаграждение минус стоимость; но как эти параметры могут оцениваться независимо от деятельности, которую они, как предполагается, объясняют? Хотя иногда оказывается возможной оценка объективных стоимостей деятельности независимо от подлежащих объяснению деятельностей, в общем случае это невозможно, так как «стоимость» и «прибыль» относятся в конечном счете к «внутренним расчетам» «ценности», производимым каждым индивидуальным «актером» в обменном взаимодействии, и, следовательно, могут стать известными только после того, как осуществлена деятельность, которую они должны объяснить.

Кроме риска порождения тавтологических положений, решающие понятия Хоманса — «деятельность», «ценность», «вознаграждение», «стоимость», «прибыль» — определяются столь общим образом, что возникает возможность их использования практически для любой цели *ad hoc*. Хоманс обычно предпочитает использовать эти понятия для изложения своих интерпретаций эмпирических исследований *ex post facto* (лат. — после совершившегося факта. — *Ред.*), таких, как его интерпретация обсужденных выше исследований ранга и конформности. В случае каждой такой интерпретации понятия деятельности, ценности, вознаграждения, стоимости, прибыли (и иногда вложения) определяются так, чтобы они «соответствовали фактам» исследуемого материала. Эта стратегия заставила Бенгта Абрахамсона назвать эти «объяснения» после совершившегося факта своеобразной «игрой», которая, аналогично экспериментальным исследованиям, упоминаемым Хомансом в доказательство своих принципов, разыгрывается следующим образом:

«Игрок, начинающий игру, — назовем его Лицом — предлагает своим друзьям (например, Другому и Третьему человеку) перечислить столь много исследований социального поведения, сколько они смогут вспомнить (Другой и Третий человек должны быть хорошо начитаны в области социальной психологии, чем обеспечивается максимальный интерес к игре). Другой и Третий ставят один доллар каждый на каждое упоминаемое исследование — с условием, что Лицо платит каждому из них десять долларов за каждое исследование, которое Лицо неспособно интерпретировать в терминах вознагра-

граждений и стоимостей. Затем Лицо приступает к объяснениям; и при условии, что оно следует правилам, установленным Хомансом (т. е. определяет «вознаграждение» и «стоимость» так, чтобы охватить все возможные случаи), верхняя граница прибыли Лица будет определяться только количеством исследований, которые смогут вспомнить Другой и Третий. Его собственный риск потери денег сводится к нулю, коль скоро его коллеги достаточно благодушны (или наивны), чтобы позволять ему продолжать пользоваться крайне широкими определениями Хоманса»⁴⁵.

Объяснения Хоманса: псевдодедукции?

Обвинение в том, что понятия Хоманса столь неясны, что приводят к тавтологичным объяснениям и объяснениям *ad hoc*, носит по-настоящему серьезный характер, так как импульс исследований Хоманса состоял как раз в обеспечении научных объяснений социальных явлений. Прежде чем поспешно принимать это серьезное обвинение, разумно более подробно изучить вопрос о том, принимает ли Хоманс вызов своих критиков в своих реальных дедуктивных построениях.

Прежде всего необходимо задаться вопросом: являются ли аксиомы Хоманса тавтологиями? Рассматривая первые четыре базисных положения в схеме Хоманса, можно видеть, что переменные деятельности и вознаграждения коварируют под воздействием других переменных условий. Положение 1: Текущая *стимулирующая ситуация*, похожая на ситуации в прошлом, в которых деятельность вознаграждалась, приведет к аналогичной ситуации в настоящем. Положение 2: Чем *чаще* некоторая деятельность вознаграждается в *данный отрезок времени*, тем в большем объеме будет выполняться эта деятельность. Положение 3: Чем *ценнее* деятельность, тем больше будет выполняться эта деятельность. В каждом из этих положений вознаграждение выступает как ключевая причинная переменная, поскольку вариации в деятельности должны объясняться сходством вознаграждений в некоторой ситуации, количеством вознаграждений в данной ситуации и ценностью вознаграждений. Положение 4 оценивает эти аксиомы введением принципа насыщения и предельной пользы: чем *чаще* (количество) деятельность вознаграждалась в недавнем прошлом, тем *менее ценна* эта деятельность; и, следовательно, в соответствии с положением 3 тем с *меньшей вероятностью* эта деятельность будет выполняться в будущем. Таким образом, хотя положение 4

несколько более сложно, чем положения 1—3, оно, в сущности, лишь задает еще одно условие — ситуации и предельной пользы, — при котором вознаграждение вызывает вариации в деятельности. Положение 5 еще более сложно, так как в нем вводится понятие «справедливости распределения», которое представлено как варьирующее совместно с эмоциональным поведением или раздражением. Однако, поскольку эмоциональное поведение есть «деятельность», а справедливость распределения затрагивает внутренние расчеты лиц, относящиеся к «справедливости» вознаграждений по отношению к стоимостям и вложениям, положение 5 все еще трактует деятельность как функцию вознаграждений. Таким образом, несмотря на свою внешнюю сложность, положение 5 мало отличается в этом отношении от предшествующих четырех положений, так как справедливость распределения являет собой не что иное, как еще одно условие — степень справедливости, — при котором вознаграждения вызывают вариации в действии.

Тогда ключевой вопрос о тавтологичности этих аксиом сводится к вопросу о возможности дать независимые определения вознаграждения и деятельности. Другие переменные в указанных положениях — стимулирующая ситуация, количество, ценность, насыщение и справедливость — задают важные условия, которые влияют на причинную связь «вознаграждение — деятельность», но они не устраняют потенциальной тавтологии. Этого можно добиться только с помощью самостоятельных и раздельных определений вознаграждения и деятельности. К сожалению, определения Хоманса не рассеивают обвинений его критиков, так как его определения этих ключевых понятий недостаточно ясны и эксплицитны. Деятельность сначала определяется как единица явного поведения⁴⁶, но в последующем изложении понятие деятельности используется применительно к фактам поведения, нацеленного на приобретение вознаграждений. Вознаграждения затем определяются как нечто получаемое лицом и воспринимаемое им как ценное. В свою очередь ценность определяется как степень усиления деятельности⁴⁷. Стало быть, деятельность оказывается поведением, преследующим вознаграждения (хотя Хоманс и здесь весьма нечеток); а вознаграждения — это усиленные деятельности. Таким образом, в этих определениях обнаруживается логический круг; хотя Хоманс, вероят-

но, и не имел в виду этого, его выразительное изложение вовсе не проясняет того, что он намеревался прояснить. Поскольку деятельность и вознаграждение представляют собой *определенные* ключевые переменные схемы обмена, достойно сожаления, что часто они оказываются определяемыми посредством друг друга; дело в том, что, не давая четких, независимых друг от друга определений этим понятиям, Хоманс делает себя беззащитным от обвинений в том, что его аксиомы являются по существу определениями, не выходящими за пределы логического круга, или тавтологиями.

Для того чтобы отвести такого рода обвинение, в дедуктивных системах Хоманса следовало бы предусмотреть возможность выводов из аксиом, в которых *классы* и *типы* деятельности представлены как варьирующие вместе с независимо определенными *классами* и *типами* вознаграждений. Затем при изучении эмпирических закономерностей эмпирические частные случаи деятельности могут рассматриваться как индикаторы определенного класса деятельности, которая вызывает конкретный тип независимо определенного и операционализованного вознаграждения. Таким способом можно было бы разграничить типы деятельностей, подлежащих объяснению при помощи этих аксиом, и типы вознаграждений, используемых для их объяснения. Тем самым можно было бы устранить тавтологичный характер высоко абстрактных аксиом в дедуктивной системе, если были бы осуществлены точные и четкие выводы из аксиом, поскольку в ходе этого процесса можно было бы получить независимые определения и индикаторы ключевых понятий. Однако, если эти дедуктивные шаги будут опущены, а неясные аксиомы просто приведены в соответствие с эмпирическими событиями по способу *ad hoc*, объяснение будет нести печать тавтологичности. К сожалению, Хоманс не осуществляет необходимых выводов из своих аксиом; как показывает внимательное изучение его дедуктивной системы, в ней отражены типичные попытки согласования его аксиом с разнообразными эмпирическими обобщениями⁴⁸.

Например, в дедуктивной системе Хоманса, «объясняющей» закон Голден, два положения об обмене, находящиеся на верхнем уровне дедуктивной системы, четко не выводятся из аксиом. Они просто заданы способом *ad hoc*: 1. Индивиды тем более склонны выполнять не-

которую деятельность, чем более ценным представляется им вознаграждение, получаемое от этой деятельности (по-видимому, это следствие аксиомы 3). 2. Индивиды тем более склонны выполнять некоторую деятельность, чем более успешным представляется им деятельность, приносящая соответствующее вознаграждение (другое важное следствие из аксиомы 3 и приведенного выше положения). В этих двух положениях высшего порядка вводится несколько важных переменных, но они систематически не соотносятся с аксиомами обмена. «Восприятие вознаграждения» является центральной переменной в положении 1, но оно нигде систематически не определяется и явным образом не соотносится с аксиомами. Наоборот, оно вводится способом *ad hoc* для учета эмпирической закономерности, описываемой законом Голден. В положении 2 другое ключевое понятие, «восприятие успеха», вводится аналогичным способом *ad hoc* для учета того, почему люди стремятся к грамотности. Эти два понятия — восприятие вознаграждения и восприятие успеха — оба требуют более четкого и точного вывода из аксиом, так как при отсутствии явной демонстрации того, как они выводятся из аксиом, оказывается, что Хоманс просто ввел их для того, чтобы объяснить некоторый конкретный набор эмпирических данных. Более того, остается неясным, являются «восприятие вознаграждения» и «восприятие успеха» вознаграждениями или деятельностями. С одной стороны, восприятие внешне выглядит как деятельность, или некоторый *класс*, или *тип*, *деятельности*, который необходимо вывести как следствие из аксиом. С другой стороны, восприятие «успеха» и «вознаграждения», вероятно, можно трактовать как тип вознаграждения — скажем, «предварительное вознаграждение», которое поддерживает деятельность лиц, направленную на приобретение грамотности и более отдаленных вознаграждений (денег? престижа? или чего-либо другого?). Таким образом, в случае отсутствия точного логического выведения следствий из аксиом и четких определений содержащихся в них понятий следствия сходны с аксиомами в том смысле, что становится невозможным естественное разграничение деятельности и вознаграждений, что делает выводы столь же тавтологичными, как и аксиомы.

Последующие дедуктивные шаги в «объяснении» Хоманса закона Голден иллюстрируют дополнительные

процедуры ad hoc—в ходе попыток Хоманса довести дедукцию до уровня эмпирических событий. Для демонстрации методики Хоманса достаточно привести положения 3—5. 3. По сравнению с сельскохозяйственными обществами, в индустриальных обществах большая доля людей подготовлена к вознаграждению деятельности, предполагающей грамотность. (Промышленникам требуется нанимать бухгалтеров, клерков, лиц, умеющих составлять и читать проекты, руководства, отчеты и т. п.) 4. Следовательно, в индустриальных обществах большая доля людей воспринимает усвоение грамоты как вознаграждающее занятие. 5. И поэтому (согласно 1) большая доля людей стремится усвоить грамоту.

В положении 3 дедуктивной системы социологически интересный вопрос остается без ответа и просто берется в качестве данного. Анализ сложного институционально-процесса, в ходе которого возникновение и рост промышленности порождает требования к расширению образовательных учреждений, заменяется лишь констатацией того, что люди «подготовлены к вознаграждению деятельности, предполагающей грамотность», и коротким добавлением в скобках о потребности промышленников в клерках и бухгалтерях. Хоманс упорно защищает законность такого рода маневров, подчеркивая, что «любая дедуктивная система должна брать определенные положения в качестве данного; такие положения часто называются «данными» или пограничными условиями, в пределах которых в настоящем случае должны применяться общие положения...»⁴⁹. Хотя логика аргумента, что «никакая теория не объясняет всего», не может быть оспорена, для дедуктивных систем Хоманса характерно игнорирование сложного взаимодействия следствий социальных переменных, что создает впечатление незаконченности его системы. Однако игнорирование важных классов социальных переменных способствует также впечатлению, что Хоманс реально и не создал полезной дедуктивной системы, но скорее лишь согласовал способом ad hoc нечетко сформулированные аксиомы или столь же нечеткие следствия с набором эмпирических обобщений.

Слово «следовательно», которым вводится положение 4 в схеме Хоманса, выразительно подчеркивает, каким образом Хоманс обходит интересную область социологических вопросов: почему люди воспринимают усвоение

грамоты как вознаграждающее занятие? На каком уровне индустриализации это происходит? Каков уровень развития образования? Какие обратные последствия имеет стремление к грамотности для развития образования? В положении 5 аналогичным образом игнорируются интересные социологические вопросы, ибо здесь естественно спросить: каким образом восприятие вознаграждений, вытекающих из грамотности, преобразуется в реальные попытки приобрести грамотность? Какие силы ограничивают этот процесс и/или ему содействуют? Не предшествует ли иногда вынуждаемое извне приобретение грамотности восприятию выгод от грамотности (в особенности среди детей, которых правительство и семья заставляют учиться в школе)?

Аналогичные вопросы встают в связи с другими дедуктивными шагами в данной системе (см. полное описание системы, данное в одном из предшествующих разделов). На основе этого сжатого, но весьма типичного примера можно видеть, что Хоманс позволяет себе роскошь а) введения новых понятий по мере надобности (восприятие, вознаграждение и успех); б) свободного присоединения новых следствий к своим аксиомам без демонстрации строгих выводов (положения 1 и 2) и в) игнорирования сложных социологических процессов, вследствие которого можно использовать простой словарь бихевиоризма обмена («вознаграждение» и «действие»)⁵⁰.

В связи с тавтологическим характером аксиом Хоманса и его попытками выведения следствий можно было бы заключить, что Хоманс предложил лишь псевдодедукции. Однако даже если позволить Хомансу сомневаться по поводу спорного статуса тавтологий, можно спросить, действительно ли полезны его дедуктивные системы, когда они игнорируют как данные изначально сложные процессы, представляющие интерес для большинства социологов, или затемняют эти процессы неприязательными словами обменного бихевиоризма. Хоманс обычно утверждал, что, когда мы рассуждаем только в терминах социологических переменных, не выводя их из психологических положений, мы «весьма легко удовлетворяемся»⁵¹ тем, что мы называем «объяснениями». Но когда те же самые социологические переменные и положения игнорируются как данные или когда сложные процессы трансформируются в несколько

непритязательных слов с целью дедуктивного выведения сложных социологических положений из нечетко сформулированных психологических аксиом, это, по-видимому, становится менее очевидным для критиков Хоманса, которые «весьма легко удовлетворяются» тем, чему присваивается название объяснения.

Эта оценка дедуктивных систем Хоманса далека от бесцеремонных суждений критиков, поскольку сама полезность дедуктивных систем, когда столь многое берется в качестве данного и когда понятия столь нечетко определяются, здесь ставится под сомнение. С логической точки зрения в дедуктивной стратегии Хоманса ошибочного мало; и, по-видимому, ему следует отдать должное за попытку организовать теоретические утверждения в виде квазиаксиоматической схемы. И все же можно утверждать, что его конкретная методика отнюдь не столь полезна, как претендует он, для выполнения научных задач. Выработан ли на основе его понятий интересный и ясный способ упорядочения явлений и организации их в классификационные и типологические схемы? Явно ли усилили его понятия — «деятельность», «вознаграждение», «насыщение», «частота» и «справедливость» — драматически возрастающее у социологов ощущение понимания сложных социокультурных процессов? И позволяют ли его дедуктивные системы делать точные априорные предсказания? Хотя перспектива обмена Хоманса в интеллектуальном плане весьма интересна, на ее основе нельзя строить типологии, и это прежде всего потому, что нечетко определенные понятия в его схеме не характеризуют типы или классы событий в эмпирической действительности. Понятия вместо этого приспособляются для обслуживания целей конкретного «объяснения» *ex post facto*. Хотя на основе понятий Хоманса и появляется ощущение понимания при анализе конкретных событий, особенно в микросоциальных процессах, всеобъемлющая полезность этих понятий при достижении такого понимания не была доказана. Более того, представляется маловероятным, что эта возможность будет реализована, пока Хоманс не осуществит последующие шаги в дедуктивной стратегии: а) более точно определит свои базисные понятия, в результате чего они будут априорно обозначать типы и классы деятельности и вознаграждений, и б) выведет более строгим способом следствия, включающие более точно определенные понятия

тия. И все же, даже если осуществлены эти шаги, аксиоматические системы всегда порождают затруднение в связи с ощущением понимания, поскольку реальные причинные цепочки фактов иногда затемняются из-за необходимости организации положений в дедуктивную систему (см. главу 1, приложение)⁵². Однако от аксиоматических схем, если они правильно построены, следует ожидать очень точных предсказаний в связи с будущими событиями, так как утверждения в дедуктивной иерархии логически переходят от аксиом к специфическим суждениям по поводу того, что должно произойти в конкретной эмпирической ситуации.

Хотя аксиомы Хоманса и стимулированные ими дедуктивные системы порождают ряд очевидных проблем и трудностей, возможно, некоторые из этих последних компенсируются тем фактом, что на основе первых можно делать предсказания будущих событий. Хотя Хоманс предпочитал строить объяснения уже после совершившегося факта, он стремился использовать свою перспективу обмена для предсказаний до оценки реальных данных. Можно лишь восхищаться тем, что Хоманс взялся за решение такой задачи, так как, делая предсказания, он всегда рискует в будущем оказаться неправым и незащищенным для критики, а это позволяли себе немногие социологи-теоретики⁵³.

В одном случае исследования Хоманс и несколько его коллег пришли на американский завод, собрали информацию о характере работы в отделе кадров завода и, привлекая свои знания об американской промышленности, сделали на основе принципов обмена некоторые предсказания об отношении между статусом рабочего в сообществе вне завода и уважением к нему в рабочей группе. Консультация с отделом кадров завода состояла лишь в установлении исходных «данных» объяснения, так как Хоманс и другие исследователи были щепетильны и не собирали сведений о реальном поведении членов в составе рабочих групп. Поскольку это исследование проводилось до того, как были явно заданы аксиомы Хоманса, его гипотеза не была выведена формально из аксиом. Однако, учитывая несколько искусственный характер последующих дедуктивных выводов Хоманса из его аксиом, можно предположить, что положения, выработанные им в том исследовании, могли бы быть аналогичным образом согласованы с аксиомами и тем самым

встроены в одну из типичных дедуктивных систем Хоманса. Существенно то, что Хоманс явно уже держал в сознании свои принципы обмена, когда он формулировал эти положения, и он, по-видимому, интуитивно «выводил» дедуктивным образом соответствующие положения из этих принципов (это не слишком отличается от тех операций, которые он выполняет, когда делает свои «выводы» явными).

Базисное положение гласило: высокий внешний статус в обществе должен ассоциироваться с высоким уважением в рабочей группе. Это обобщение ощущалось как истинное, поскольку высокий внешний статус ассоциируется с опытом, позволяющим индивидам высокого статуса вознаграждать других членов рабочей группы и тем самым получать уважение со стороны тех, кого они вознаграждают. Для проверки этого положения Хоманс и его коллеги сначала ранжировали большой цех завода по четырем подгруппам в соответствии с внешним статусом членов: ранг 1, высокооплачиваемые механики; ранг 2, высокооплачиваемые сборщики; ранг 3, низкооплачиваемые механики; и ранг 4, низкооплачиваемые сборщики. Исследователи ощущали правильность данного упорядочения по рангам в силу двух соображений: а) заработная плата является наиболее важным показателем статуса; б) работа, требующая квалификации, требует большей подготовки, чем работа, не требующая квалификации, и поэтому механики должны стоять выше по рангу, чем сборщики, коль скоро нет большой разницы в заработной плате. Тогда в соответствии с предсказанием, содержащимся в приведенном выше положении, это упорядочение по рангам должно быть также шкалой уважения в данной рабочей группе. Но последующее исследование выявило такую шкалу уважения: ранг 1, высокооплачиваемые механики; ранг 2, высокооплачиваемые сборщики; ранг 3, низкооплачиваемые сборщики (между рангами 2 и 3 не было никаких реальных различий); и ранг 4, низкооплачиваемые механики.

Хоманс сознавал, что, несмотря на перестановку рангов 3 и 4 и неясность в отношении рангов 2 и 3, он правильно предсказал расположение рангов в верхней части иерархии. Перестановка рангов объясняется при помощи новой переменной — неустойчивости статуса, который не был включен в предшествующие предсказания

исследователя. Хоманс затем повторно анализирует данные с привлечением этого фактора, но, к сожалению, дальнейших предсказаний не делается и новых проверок предсказаний не производится. Так, аналогично другим случаям его объяснений для объяснения конкретных событий предлагается интерпретация *ad hoc*. Это вполне законно, пока подобные новые интерпретации обеспечивают новые положения, систематичным образом связываемые с положениями высших порядков и способные служить в качестве базы для дальнейших предсказаний. Хоманс, однако, прерывает занятие этой темой, довольствуясь интерпретацией *ad hoc* и, по-видимому, полагая, что для него достаточно доказать свою частичную правоту, а затем «объяснить», почему он частично ошибался. В конечном счете так и остается неясным, каким образом из схемы обмена Хоманса получаются предсказания, которые могут компенсировать некоторые из ее прочих логических дефектов.

Проблема редукционизма

Время от времени старые философские проблемы возрождаются к жизни и горячо дебатировются. Перспектива обмена Хоманса разожгла один спор такого рода, относящийся к вопросу о редукционизме. Одни высказывания Хоманса по этому вопросу отличаются сдержанностью, другие полемически заострены, однако основная направленность его аргументов вполне очевидна. Он пишет:

«Институты, организации общества, изучаемые социологами, также могут быть без остатка сведены к поведению отдельных людей. Они должны, следовательно, объясняться с помощью положений относительно поведения индивидов»⁵⁴.

Эта позиция посеяла тревогу среди некоторых социологов, поскольку она поставила следующую проблему: если признается, что социологические положения сводимы к положениям о людях, то последние положения сводимы к положениям физиологии, которые в свою очередь сводимы к положениям биохимии, и так далее вдоль редукционистской цепи, завершающейся базисными законами физического мира. Хоманс не слишком успешно умирил беспокойство социологов по поводу того, отстаивает ли он такого рода редукционизм, поскольку фактически он отстаивает позицию, согласно которой,

хотя психологические аксиомы и «не могут быть выведены из положений физиологии... такое состояние вряд ли сохранится навсегда»⁵⁵.

Однако Хоманс весьма счастливо уклоняется от похожего и тоже весьма старого философского спора — вопроса о реализме — номинализме. Хоманс явно не номиналист, поскольку он не утверждает, что, грубо говоря, общество и его разнообразные коллективные формы (группы, институты, организации и т. п.) суть лишь наименования, произвольно присваиваемые социологами единственному «реально реальному» явлению, индивиду:

«Я со своей стороны не собираюсь возвращаться к позиции, отрицающей реальности социальных институтов... Вопрос состоит не в том, является ли индивид окончательной реальностью или включает ли социальное поведение нечто большее, чем поведение индивидов. Вопрос всегда состоит в том, как *должны* объясняться социальные явления»⁵⁶ (курсив мой. — Дж. Т.).

Суть последнего высказывания была, по-видимому, недостаточно оценена в критических замечаниях по поводу редукционизма Хоманса, поскольку критики слишком часто предполагали, что его редукционизм вынуждает его принять особую разновидность номинализма. Однако для Хоманса данный предмет обсуждения всегда был вопросом о том, как с помощью дедуктивных — или аксиоматических — систем объяснить социальные группы и институты, изучаемые социологами.

Хоманс и заблуждение «смещенной конкретности». Наиболее упорным и постоянным среди критических замечаний в адрес редукционистской стратегии Хоманса было утверждение о том, что он впал в заблуждение «смещенной конкретности»⁵⁷. Как впервые понял философ Альфред Норт Уайтхед⁵⁸, ученые некогда попались в ловушку предубеждения, что они могут разложить вселенную на ее составные части и тем самым в конечном счете выявить базисные элементы или строительные блоки всякой материи. Коль скоро обнаруживался *определенный* строительный блок, необходимо было лишь уразуметь законы обращения с ним, чтобы понять все остальное во вселенной. По мнению Уайтхеда и других, такие ученые ошибочно предполагали, что базисные составные части вселенной составляют единственную реальность явлений. Тем самым они «неправильно поняли» конкретность явлений, ибо в действительности *отношение* между частями, составляющими целое, несом-

ненно, столь же «реально», как и составные части. Организация частей не есть просто «сумма частей», но скорее образование нового типа реальности.

Впал ли Хоманс в это заблуждение? Многочисленные критики считают, что дело обстоит именно так, когда Хоманс предполагает, что факты поведения лиц или «людей» представляют собой базисные единицы, и требуется лишь понять законы этих последних, чтобы объяснить более сложные социокультурные образования. Эти критики, как представляется, слишком преувеличенно реагируют на редукционизм Хоманса, вероятно смешивая его редукционистскую стратегию с ошибочным предположением, что Хоманс скрытый номиналист. В действительности Хоманс никогда не отрицал важность социологических законов, описывающих сложные социокультурные процессы; наоборот, эти законы являются решающими положениями в любой дедуктивной системе, ориентированной на *объяснение* этих процессов. Все, что утверждал Хоманс, состоит в следующем: эти социологические законы не носят самого общего характера; они сводимы к более общим психологическим законам (его аксиомам), которые в конечном счете на основе более обширных знаний и более изощренных интеллектуальных приемов будут сведены к еще более общей совокупности законов. Ни в одном месте этой редукционистской философии Хоманс не утверждает, что положения, сводимые к более общей совокупности законов, незначимы или несущественны. Таким образом, Хоманс отнюдь не «сместил конкретность» реальности, ибо он не отрицал метафизическое существование возникающих социальных образований, таких, как группы, организации и институты, а также теоретическую значимость законов, описывающих эти возникающие явления. Хоманс вовсе не скрытый номиналист, а социологический реалист, который отстаивает определенную *стратегию понимания социокультурных явлений*.

Полезность редукционистской стратегии Хоманса. Коль скоро стало очевидно, что редукционизм Хоманса не что иное, как теоретическая стратегия, не отрицающая метафизического, или онтологического, существования возникающих явлений, встает новый вопрос, требующий ответа: полезна ли эта стратегия для объяснения явлений? Некоторые критики⁵⁹ подчеркивали, что редукционистская стратегия должна затрагивать разнообразно-

сти теоретических и исследовательских вопросов, которые вправе задать социологи. Если кто-либо заинтересуется по преимуществу психологическими законами как объяснительными принципами, то, скорее всего, исследовательские вопросы и теоретические обобщения будут вращаться вокруг психологических и социально-психологических явлений, так же как эти явления легче всего выводятся из психологических аксиом. Таким образом, вопреки признанию реальности сложных социологических явлений, приняв редукционистскую стратегию в построении теории, исследователь неумышленно уклонится от рассмотрения макрообразцов социальной организации, изучаемых многими социологами. В той мере, в какой подобное одностороннее исследование и построение теории вытекает из редукционистской стратегии, эта стратегия может быть признана нежелательной и оспариваться только на данном основании. Однако есть более серьезные основания для отклонения стратегии Хоманса: следование этой стратегии в настоящее время приведет к логически неточным и эмпирически бессодержательным теоретическим формулировкам.

Это обвинение, разумеется, весьма серьезно и нуждается в обосновании. Хоманс, возможно, правильно считает, что с логической точки зрения дедуктивная аксиоматическая стратегия с необходимостью предполагает редукционизм, ибо цель такой стратегии состоит в подведении под более общие аксиомы того, что мы ранее рассматривали как наиболее общие аксиомы. Такой процесс подведения может и на самом деле привести сначала к подведению социологических аксиом под психологические аксиомы, а затем к последующему подведению этих последних аксиом под физиологические, биохимические и физические законы. Аналогично тому, как многие из законов химии могут быть подведены под законы физики, социологические законы тоже можно подвести под законы психологии. Однако дедуктивное выведение социологических законов из психологических аксиом должно производиться в два этапа: 1) прежде всего должен быть установлен ряд строгих социологических законов, на основе которых возможен дедуктивный вывод широкого и разнообразного спектра социологических положений, получивших надежную эмпирическую поддержку. После этого и только после этого 2) можно использовать для объяснения социологических зако-

нов четко определенный корпус психологических аксиом, которые поддаются аналогичным редукциям и которые получили надежную эмпирическую поддержку. Этап 1 должен непременно предшествовать этапу 2, как обычно и бывает в физических науках. Хоманс признает тот факт, что социальные науки не достигли этапа 1, когда он замечает, что «для социальных наук существен не вопрос о том, следует ли нам быть редукционистами, а вопрос о том, сможем ли мы найти какие-либо положения для сведения их к более общим, если уж мы станем редукционистами»⁶⁰.

Хомансу, впрочем, не удалось осознать все последствия своего заявления. При отсутствии строгих социологических законов как материала для подведения под более общие законы критики Хоманса вправе спросить: какова польза от попыток подведения под более общие категории того, что не существует? Не разумнее было бы направить наши усилия на установление социологических законов и предоставить вопросу о редукционизме самому определить свою значимость, когда эти законы будут установлены? Предпринимать преждевременные попытки разработки психологических аксиом и затем дедуктивно выводить из них социологические положения при отсутствии надежных социологических законов — это все равно что порождать тавтологичные аксиомы и логически неточные дедукции, как было показано выше. Типичные операции Хоманса в его «дедукциях» сводятся к следующему: а) утверждение способом *ad hoc* некоторых общих психологических положений, логически не выводимых из аксиом, и б) взятие в качестве данных всех интересных социологических вопросов, ответы на которые привели бы к установлению социологических законов, необходимых для расширения его дедуктивной системы. Конечный результат хомансовских псевдодедукций состоит в том, что некоторые эмпирические обобщения — скажем, закон Голден — могут «объясняться» без привлечения каких-либо логически необходимых компонентов дедуктивной системы, т. е. без четких социологических законов и без психологических аксиом.

Такие дедуктивные системы будут не только логически бесполезными, но также эмпирически запутанными, поскольку в конечном счете они сведутся к формулировкам такого рода: вещи являются такими, каковыми они

являются, потому что они вознаграждают. Такая формулировка всего-навсего повторяет эмпирическое обобщение словами бихевиористской психологии, без *логического* сведения обобщения к четким психологическим аксиомам. Наоборот, данное обобщение «запутывается» словами и фразами бихевиористской психологии⁶¹.

Подведем итог. Полезность далеко идущей редукционистской стратегии Хоманса оспаривать, по-видимому, довольно трудно (будущее покажет). В ближайшее время использование дедуктивной стратегии Хоманса позволит социологам временно игнорировать в качестве исходных данных некоторые социологические проблемы, исследование которых станет необходимым в том случае, когда потребуется установить настоящие социологические законы. При отсутствии этих законов в дедуктивных системах, защищаемых Хомансом, такие системы логически неадекватны и эмпирически запутанны. Гораздо более разумная дедуктивная стратегия состоит в попытке установления «законов социологии», которые в некотором отдаленном будущем можно *логически* подвести под более общую совокупность принципов — возможно, аналогичных тем, которые предлагает Хоманс. Продолжать же следовать банальным рекомендациям Хоманса в построении социологической теории означает обрекать на провал разработку такой теории.

Образ общества, по Хомансу

Горячей пропагандой своей теоретической стратегии Хомансу не удалось убедить многих социологов — главным образом потому, что с его логической схемой связаны многочисленные концептуальные и логические затруднения. Ввиду методологических трудностей, связанных с приданием операционального статуса таким понятиям, как «ценность», «вознаграждение», «стоимость» и «справедливость распределения», вовсе не удивительно, что обменная перспектива Хоманса вызвала обширную критику. Однако Хоманс, по-видимому, прав в своем утверждении, что на элементарном уровне взаимодействия процессы, обозначаемые его понятиями, действительно происходят, как это обнаруживается уже при поверхностном обращении к интроспекции.

Очевидно, именно последнее обстоятельство объясняет притягательность теоретических опытов Хоманса.

При всех связанных с ними логических затруднениях и сопутствующих методологических проблемах Хоманс предлагает образ общества и социальных процессов, необычайно привлекательный даже на чисто интуитивном уровне. Теоретическая схема *per se* груба и даже банальна, но реальное самостоятельное видение социальной действительности, впервые представленное в «Человеческой группе» и расширенное в последующих работах по обмену, носит стимулирующий характер и является, по-видимому, наиболее устойчивым признаком теоретической перспективы Хоманса.

В работе «Человеческая группа» многочисленные эмпирические обобщения Хоманса описывали процессы формирования и дезинтеграции группы. Было замечено, что группы распадаются на подгруппы, формируют ранговые ступени лидерства, устанавливают нормы, переживают периоды временного равновесия, а затем, как в случае его последнего исследования угасающего города в Новой Англии, обнаруживают в себе процессы, противоположные указанным. В последующих работах по обмену понятия «деятельность», «взаимодействие» и «чувства», которые были включены в положения, описывающие такое формирование групп, Хоманс подверг ревизии с целью обеспечить себе возможность объяснения того, почему эти процессы должны происходить. Деятельность человека стала рассматриваться как поведение, направленное на получение вознаграждений и избежание наказаний. Взаимодействие стало социальным поведением, в котором совместная деятельность индивидов имеет для партнеров взаимодействия последствия, связанные с издержками и вознаграждениями. Люди уже рассматривались как производители той деятельности, которая должна увеличивать вероятность прибылей — вознаграждений минус издержки, — измеряемых с помощью некоторого стандарта справедливого распределения. Факты такого вознаграждающего и требующего издержек обмена не мыслились как непременно предполагающие обмен материальными вознаграждениями и наказаниями, но чаще «психологическими прибылями», или деятельностью, называемой «чувствами».

Аналогично тому как он поступал в «Человеческой группе», в своих недавних работах Хоманс перечисляет понятия, позволяющие ему обозначать процессы формирования групп. В работе «Социальное поведение» част-

ные объяснения *ad hoc* представляют меньший интерес, чем хомансовские описания (противопоставляемые «объяснениям») того, как жизненно важные для группы процессы — взаимодействие, влияние, конформность, соперничество, присвоение уважения, справедливости, рангов, нововведения — протекают и угасают по мере того, как «актеры» стремятся к психологическим прибылям в их обмене вознаграждениями и наказаниями. В этих описаниях очевидно незаурядное интуитивное проникновение в базисные процессы человеческого взаимодействия. Именно эти открытия делают книгу «Человеческая группа» столь привлекательной, и именно эта черта работы «Социальное поведение» придает ей серьезное значение.

Несмотря на плодотворность хомансовских описаний базисных процессов, все же наиболее интересным в теоретическом плане разделом в «Социальном поведении» является заключительная глава «Институциональное и субинституциональное». Извиняясь в ее начале за «разгул» при последнем издыхании, Хоманс тем не менее возвращается к вопросу, впервые поднятому в работе «Человеческая группа»: отношение процессов в группах к структурам более крупных обществ, или «цивилизаций», как он сам формулировал этот вопрос в то время. Как он подчеркнул в последнем абзаце «Человеческой группы», развитие цивилизаций осуществляется в конечном счете лицами в составе групп:

«На уровне малых групп общество всегда было способно сохранять согласованность. Мы делаем, таким образом, вывод, что, если цивилизации суждено сохраниться, она должна поддерживать в отношениях между группами, образующими общество и обеспечивающими центральное направление развития общества, некоторые из признаков самой малой социальной группы»⁶².

В работе «Социальное поведение» Хоманс располагает более тонким ответом на вопрос о том, почему оказывается, что общество сохраняет согласованность в пределах малых групп: общество подобно группе в том отношении, что оно формируется и структурируется на основе в сущности тех же процессов обмена, которые структурируют и вызывают формирование малых групп. Все социальные структуры строятся, таким образом, на основе одних и тех же процессов обмена; в своем объяснении того, почему это так, Хоманс предлагает интересный образ того, как создаются, сохраняются, изменяют-

ся и разрушаются образцы социальной организации. Как уже было показано, этот образ не перерастает в то, что можно считать адекватной теорией. Но он предлагает видение социальной действительности, которое, вероятно, может служить в теории обмена источником более эффективной перспективы в изучении процессов, лежащих в основе разнообразных образцов социальной организации.

Для того чтобы выявить отношение между элементарными процессами обмена и более сложными образцами социальной организации, Хоманс, аналогично Парсонсу десятилетием раньше, предлагает эскизное описание процесса институционализации⁶³. В некоторые моменты истории некоторые люди располагают «капиталом» для усиления или обеспечения вознаграждений для других людей, причем этот капитал может быть связан с тем, что они обладают излишком продуктов, денег, моральным кодексом или ценными качествами лидеров. На основе такого капитала может происходить «формирование социальных институтов, поскольку некий человек или некие люди могут в той или иной форме «вкладывать» свой капитал в попытки побуждать других людей (посредством вознаграждений или угроз наказания) к выполнению новой деятельности. Эта новая деятельность может включать «взаимное сцепление фактов поведения огромного числа лиц, гораздо более сложное и запутанное, чем обычное поведение людей в прошлом». Независимо от того, предполагает это «вложение» завоевание территории и основание государства или создание новых форм деловых организаций, люди, которые осуществляют вложение, должны обладать ресурсами — будь то армия для осуществления угрозы наказания, боговдохновенная личность для морального убеждения последователей или способность предусматривать удовлетворение насущных жизненных потребностей людей, — чтобы объединять других людей в организации в ситуациях, где они извлекали бы некоторую прибыль. В некоторый момент этого процесса подобная организация может стать значительно эффективнее и, следовательно, вознаграждать в большей мере всех ее членов, когда вознаграждения явным образом выражаются посредством обобщенных усилителей типа денег и когда деятельность, расходуемая ради достижения вознаграждений, измеряется значительно более точно и ясно, как в случае

появления эксплицитных норм и правил. В свою очередь эта возросшая действенность новых социальных явлений предусматривает более высокую организацию деятельности, тем самым повышая вероятность того, что обобщенные усилители и эксплицитные нормы будут использоваться для регулирования отношений обмена и, следовательно, увеличения прибылей тех, кто участвует в обмене. В конечном счете сети обмена, включающие обобщенные усилители, и постоянно усложняющийся свод правил, требуют дифференциации, или подразделения — типа системы права или банковской системы, — которые способны поддерживать стабильность обобщенных усилителей и целостность норм.

Затем из процесса обмена такого рода вырастает социальная организация на разных уровнях — на уровне общества, группы, организации или на институциональном уровне. Возникновение большинства образцов организации часто бывает скрыто в тайниках истории, однако такое возникновение характеризуется ускорением следующих процессов. 1. Люди с «капиталом» (способностью вознаграждения) «вкладывают» его в формирование более сложных социальных отношений, которые увеличивают вознаграждения и позволяют тем людям, деятельность которых организуется, реализовать «прибыль». 2. Располагая возросшими вознаграждениями, эти люди могут делать вложения в более сложные образцы организации. 3. Постоянно усложняющиеся образцы организации требуют прежде всего использования обобщенных усилителей, а затем кодификации норм для регулирования деятельности. 4. При наличии этой организационной базы становится возможным далее совершенствовать образцы организации, что вызывает необходимость дифференциации новых организационных подразделений, обеспечивающих стабильность обобщенных усилителей и целостность норм. 5. При наличии этой дифференциации возможно дальнейшее расширение сетей взаимодействия, поскольку они становятся стандартизированными средствами вознаграждения деятельности и кодификации новых норм, а также усиления соблюдения старых правил.

Однако эти сложные образцы социальной организации, использующие формальные правила и «вторичные» или «обобщенные» усилители, никогда не могут перестать удовлетворять более «первичные»⁶⁴ потребности

индивидов. Институты сначала возникают для удовлетворения этих потребностей, и независимо от того, насколько сложны институциональные установления и сколько установлено норм и формальных правил, эти расширенные сети взаимодействия должны в конечном счете поддерживать более первичные потребности человека. Когда эти установления перестают удовлетворять первичные потребности, из которых они в конечном счете возникли, соответствующее установление становится уязвимым и грозит гибелью, если выдвигается в качестве новой возможности альтернативная деятельность, которая может обеспечить первичные вознаграждения. В этой ситуации лица низкого или высокого статуса или кто-либо из тех, кто не потеряет много вследствие неподчинения существующим предписаниям, разрывают оковы установленных порядков, чтобы показать другим более вознаграждающую альтернативу; хотя в течение какого-то времени социальные институты могут продолжать с трудом обеспечивать конформность, они прекратят делать это тогда, когда утратят способность обеспечивать первичные вознаграждения. Таким образом, сложные социальные институты в конечном счете должны быть удовлетворительными с точки зрения индивидов, и не просто в силу авторитета культуры и норм, а потому, что они создаются как раз для того, чтобы обслуживать «людей как людей».

«Институты существуют и сохраняются вовсе не потому, что они закреплены в нормах, и кажется в высшей степени удивительным, что кто-либо может рассуждать так, как если бы дело обстояло именно таким образом. Они сохраняются потому, что они предполагают награды, в конечном счете награды для индивидов. Общество вовсе не является вечным двигателем, вырабатывающим свое собственное горючее. Оно не может поддерживать свое существование внушением молодежи желания иметь те и только те блага, которые оно в состоянии обеспечить. Оно должно обеспечивать блага, которые люди считают вознаграждающими не просто в силу того, что они совместно пользуются данной культурой, но потому, что они являются людьми»⁶⁵.

Тот факт, что институты общества должны также удовлетворять «первичные» потребности, выдвигает основание для постоянного конфликта между формированием институтов и первичными потребностями людей. Коль скоро та или иная форма формирования институтов удовлетворяет некоторую совокупность потребностей, она может лишать людей других важных вознаграждений.

раждений, открывая дорогу отклонениям и нововведениям со стороны тех, кто раскрывает альтернативные вознаграждения, которые ранее подавлялись доминировавшими социальными институтами. В свою очередь процессы выработки новых социальных институтов, которые могут проистекать из усилий новаторов, обладающих капиталом для вознаграждения других членов общества, будут подавлять иные потребности, а это совершенно аналогичным образом может инициировать другой процесс формирования новых социальных институтов.

Итак, данное эскизное описание того, как социальная организация связана с элементарными процессами обмена, открывает интересную перспективу проанализировать, каким образом создаются, поддерживаются, изменяются и разрушаются образцы социальной организации. Хотя здесь и отмечаются очевидные концептуальные затруднения — например, трудность отграничения «первичных вознаграждений» «людей как людей» от «других типов» вознаграждений, обеспечиваемых институтами, *образ общества*, нарисованный Хомансом, весьма впечатляет и стимулирует мысль. Он может привести Хоманса к плодотворной стратегии в разработке теории отношений обмена.

Стратегии переориентации перспективы обмена, по Хомансу

Отказ от банальных утверждений Хоманса по поводу «надлежащей» формы теории является, по-видимому, первым шагом на пути пересмотра его перспективы обмена. Естественно, опыты дедуктивного теоретизирования не должны прерываться, но попытка вывести социологические обобщения из психологических аксиом явно преждевременна даже при следовании редукционистской стратегии. Хоманс мог бы с большей пользой вернуться к стратегии, отстаиваемой в книге «Человеческая группа», в которой формулировка обобщений о человеческих группах или других формах социальной организации могла служить в качестве индуктивной базы для более абстрактных теоретических утверждений.

Изучая социальные явления в обычной для него прощательной манере, Хоманс мог обратиться к своей перспективе обмена для разработки социологических положений, предназначенных для ответов на некоторые

из социологических вопросов, которые Хоманс берет в качестве «данных» в своей текущей редукционистской стратегии. В случае привязки своих более абстрактных обобщений к *социологическим* процессам Хоманс столкнулся бы с необходимостью характеризовать классы и типы ценности, вознаграждения, вложения и справедливости, которые относились бы к специфическим процессам в разнообразных типах социальных единиц, будь то группы, организации, социальные институты или какой-либо другой образец коллективной организации. Например, Хоманс мог бы начать характеризовать классы вознаграждений и стоимостей, приемлемых для дифференциации иерархий статуса в малых группах — скажем, уважения, самоуважения и ощущения членства в группе, — а затем формулировать обобщения относительно того, как действуют эти параметры при образовании, поддержке и изменении подобных иерархий. Как очевидно, Хоманс приступает к выполнению этой задачи в «Социальном поведении», но делает это логически непоследовательно, прежде всего потому, что, как кажется, Хоманс в большей степени нацелен на обоснование психологических принципов, чем на разработку корпуса логически взаимосвязанных обобщений, которые в отдаленном будущем, вероятно, могли бы быть выделены из психологических (физиологических? биохимических? и т. п.) аксиом. Неудача в характеристике классов и типов его основных переменных становится еще очевиднее, когда Хоманс пытается свести преждевременные социологические обобщения типа закона Голден к своим психологическим аксиомам. В настоящее время более разумное объяснение закона Голден должно предполагать выявление — в терминах более точно определенных понятий обмена — того, как процессы институционализации в экономической, политической, образовательной, юридической сферах, сфере родственных отношений и в других обуславливают «восприятие грамотности как вознаграждающего занятия» у людей как таковых. Хоманс выдвигает стимулирующую концепцию институционализации; если бы он направил свои усилия на определение классов и типов вознаграждений, предполагаемых в разнообразных формах институционализации, и на последующее выявление отношений между этими более точно определенными понятиями, он сумел бы прийти к некоторым интересным социологическим обобщениям, подле-

жащим выведению из его аксиом⁶⁶. Если же брать эти процессы институционализации в качестве исходных данных, то это должно привести к логически неполным и эмпирически неясным дедукциям Хоманса (см. обсуждение этих проблем выше).

Хотя конструирование этих дедуктивных систем способствует полемике против других форм теоретизирования, особенно против излюбленной мишени Хоманса — функциональной теории, эти системы представляют собой недостаточную альтернативу тем типам теоретизирования, которые Хоманс считает неадекватными. Более того, даже логика, диктуемая дедуктивно-редукционистской стратегией, должна требовать от Хоманса концентрации усилий на разработке социологических законов, которые, если он по-прежнему будет считать эту задачу стоящей внимания, он мог бы в дальнейшем вывести из психологических аксиом.

Хоманс нередко говорил, что, если бы социологи предполагали какими-нибудь собственными социологическими законами, они проявляли бы меньший интерес к тому, сводимы ли эти законы к более общим психологическим положениям⁶⁷. В этом Хоманс прав, но можно предположить, что, если бы Хоманс и другие исследователи направляли усилия на их разработку вместо обсуждения вопроса об окончательной сводимости их к психологическим законам, выведение этих социологических законов из психологических аксиом показалось бы менее трудной задачей, даже для Хоманса.

Избранная библиография работ Джорджа К. Хоманса

H o m a n s G. G. *The Human Group*. New York, Harcourt, Brace & World, 1950.

H o m a n s G. C. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York, Harcourt, Brace & World, 1961.

H o m a n s G. C. *Sentiments and Activities*. New York, Free-Press, 1962.

H o m a n s G. C. Commentary. — «Sociological Inquiry». Spring, 1964, 34, p. 233—240.

H o m a n s G. C. *Contemporary Theory in Sociology*. — In: *Handbook of Modern Sociology*, ed. by Faris E. L. Chicago, Rand-McNally & Co. 1964, p. 251—277.

H o m a n s G. C. *The Nature of Social Science*. New York, Harcourt, Brace & World, 1967.

H o m a n s G. C. *Fundamental Social Processes*. — In: *Sociology*, ed. by Smelser N. J. New York, John Wiley & Sons, 1967, p. 27—78.

Структурализм обмена: Питер М. Блау

Теоретическое развитие социологии за последнее время в основном, по-видимому, представляет собой результат реакции, иногда чрезмерной, на ее функциональное направление. В предшествующих главах была сделана попытка доказать, что диалектические и функциональные теории конфликта, символический интеракционизм и психологическая теория обмена Джорджа С. Хоманса рассматривались их сторонниками как наилучшие альтернативы функциональной теории, в особенности теории Толкотта Парсонса. Однако, как это неоднократно показывалось, функционализм Парсонса и выдвинутые ему альтернативы имеют больше общих черт, чем это признавали создатели теорий конфликта, интеракционизма и некоторых направлений теории обмена. В рамках одной из теоретических перспектив рассматривается в данном томе и эта скрытая общность, которая служит для построения альтернативной функционализму концепции. Она включает не только «полезные» идеи функционализма Парсонса, но и идеи, заимствованные из теорий конфликта, интеракционизма и обмена.

Эта перспектива была выдвинута Питером М. Блау. Являясь в теоретическом плане разновидностью теории обмена, она представляет собой одновременно попытку вобрать в себя многие допущения и понятия функционализма, теорий конфликта и интеракционизма. Таким образом, перспектива обмена Блау на уровне макросоциологического анализа представляет собой попытку перекинуть мост между микропроцессами взаимодействия, конфликта и межличностного обмена и возникновением таких структурных единиц, как группы, сообщества, организации и институты. Несмотря на тот факт, что эта схема весьма спорна в сущностном и логическом планах,

она тем не менее представляет собой ценный синтез теоретических взглядов на такие теоретические проблемы, как причины и механизмы возникновения, поддержания, изменения и разрушения различных типов социальной организации.

Теоретическая стратегия Блау

Противопоставляя свой подход акценту Хоманса на дедуктивное объяснение социальных феноменов, Блау выдвигает некий теоретический, по его словам, «пролегомен» — иными словами, концептуальный очерк, служащий введением в более зрелые теоретические построения¹. Во многом стратегия Блау напоминает стратегию Парсонса, поскольку он, по-видимому, больше заинтересован в разработке понятий, способных схватить в свободно сформулированных и взаимосвязанных предложениях фундаментальные процессы, имеющие место на различных уровнях социальной организации, чем в развитии строгой системы предложений. Несмотря на меньшую, чем у Парсонса, степень категоризации, Блау тем не менее стремится создать изначальный «набор» понятий и теорем, способных обеспечить понимание протекания социологических процессов самого широкого спектра, начиная от индивидуального поведения в контексте малых групп — вплоть до функционирования целых обществ.

Для реализации этой стратегической цели основным в теоретическом исследовании Блау является решение двух следующих фундаментальных проблем: 1) концептуализировать некоторые простые и непосредственные процессы обмена, происходящие в относительно узких рамках взаимодействия; и 2) применить затем эти концептуальные конструкции к объяснению сложностей, заключенных в процессах обмена, опосредованных более крупными социальными системами. Подобно Хомансу, Блау начинает исследование «элементарных» форм социального обмена с точки зрения того, способствуют ли они анализу «доинституционального» поведения. Если Хоманс завершает свое исследование просто некоей концептуальной «оргией» в последней главе «Социального поведения»², то Блау дополняет теорию обмена описанием простейших процессов в стремлении более полно постичь сложные процессы институционализации.

Так, в форме, напоминающей анализ процессов институционализации, данный Парсонсом в «Социальной системе»³, Блау начинает с концептуализации основных процессов взаимодействия; затем, используя и дополняя понятия, развитые в этом анализе, он переходит к концептуализации того, каким образом создаются, поддерживаются, изменяются и распадаются более развитые институциональные комплексы.

Основные принципы обмена

В своей системе обмена Блау не определяет переменные так четко, как Хоманс. Скорее, гораздо большее внимание он уделяет определению обмена как специфического типа ассоциации, включающего «действия, которые зависят от получаемых от других лиц вознаграждений и которые прекращаются при прекращении ожидания этих вознаграждений»⁴. По Блау, обмен имеет место лишь в рамках таких отношений, при которых вознаграждения *ожидаются и получаются от определенных посторонних лиц*. Во многом напоминает парсонсовскую концепцию волюнтаризма определение Блау обменной «деятельности» как только такого рода поведения, которое ориентировано на достижение конкретных целей, или *вознаграждений*, и подразумевает выбор «актерами» специфической линии действия. Она выбирается из различных потенциальных альтернатив, или *цен*, и приносит ожидаемое вознаграждение. Преследующие цель получения вознаграждения и выбирающие альтернативные линии поведения «актеры» в отношениях с другими ищут *выгоды* (вознаграждение минус цена). Таким образом, Блау, использует основные понятия всех теорий обмена—«вознаграждение», «цена», «выгода»,—не ограничивает их применение рамками отношений с *другими*—т. е. лицами, от которых *ожидаются и получаются* вознаграждения. Это определение обмена гораздо более ограничено, нежели определение Хоманса, охватывающее *любую* деятельность в рамках обмена, независимо от ожидания или получения вознаграждений.

Подобно Хомансу, однако, Блау признает, что при рассмотрении ассоциаций, включающих «явный или скрытый, выгодный или дорогостоящий обмен деятельностью между двумя лицами, используется элементар-

ная экономическая модель»⁵. В самом деле, социальная жизнь рассматривается в качестве «базара», где «актеры» торгуют друг с другом в стремлении извлечь выгоду. Блау, однако, разделяет скептицизм, приведший Хоманса к отказу от «теории игр» как от «хорошего совета», но «плохого описания» человеческого поведения — скептицизм, заставивший Парсонса в его раннем труде «Структура социального действия»⁶ отбросить крайности утилитаризма. Блау признает, что в отличие от простого «экономического человека» классической политэкономии (и большинства последних рационалистических моделей человеческого поведения) люди, во-первых, редко преследуют одну-единственную цель, исключая все иные; во-вторых, они редко проявляют последовательность в выборе своих предпочтений; в-третьих, они практически никогда не располагают полной информацией об альтернативах, и, наконец, они никогда не свободны от социальных обязательств, ограничивающих доступные альтернативы. К тому же в отличие от чисто экономической модели взаимодействия между людьми социальные ассоциации включают обмен вознаграждениями, стоимость которых колеблется во взаимодействии без какой-либо постоянной рыночной цены и не может быть точно выражена в одном общепризнанном средстве обмена (такой, как деньги). В действительности расплывчатость ценностей, представляющих предмет обмена в социальной жизни, является «существенным фактом, а не чисто методологической проблемой»⁷, поскольку, как подчеркивает Блау, человеческим ценностям неотъемлемо присуща расплывчатость и они с трудом поддаются определению»⁸.

В отличие от Хоманса Блау не дает формальный набор принципов обмена в первую очередь потому, что он имеет своей целью создание высшего порядка аксиом дедуктивной теоретической системы. Он все же, хотя и в менее четком варианте, использует ряд принципов обмена. Поскольку эти принципы не всегда им перечисляются, зачастую остается неясным, представляют они собой допущения или же утверждения ковариантности переменных его системы обмена. Несмотря на расплывчатость теоретической перспективы Блау, она не может быть понята без понимания «принципов» или «законов», которые он считает определенными факторами динамики процесса обмена. Для удобства эти принципы мы

примем за утверждения ковариантности переменных обмена, хотя Блау, возможно, предпочел бы их назвать допущениями.

Принцип 1. Чем большую выгоду человек ожидает от другого, осуществляя определенную деятельность, тем более вероятно, что он будет осуществлять эту деятельность.

Этот принцип объединяет 1, 2 и 3-ю аксиомы Хоманса, которые рассматривают ситуацию стимулов вознаграждения (1), частоту получения вознаграждения (2) и стоимость вознаграждения (3) как повышающие вероятности осуществления деятельности. В своих дедуктивных построениях, например, в том, которое он создал с целью «объяснения» закона Голден, Хоманс обычно объединяет три свои начальные аксиомы и просто утверждает: «Люди тем более склонны осуществлять свою деятельность, чем более ценным они считают вознаграждение за нее»⁹. За этим положением следует, что типично для Хоманса, такой вывод: «Люди с тем большей вероятностью осуществляют деятельность, чем с большей вероятностью эта деятельность, по их мнению, приведет к получению данного вознаграждения». Таким образом, на деле Хоманс и Блау используют один и тот же основной принцип, поскольку понятие «ожидание вознаграждения» подразумевает тот же самый феномен, определенный Хомансом как «восприятие вознаграждения» или восприятие «успеха в получении вознаграждения».

Принцип 2. Чем большим количеством вознаграждений человек обменялся с другим лицом, тем более вероятно возникновение последующих актов обмена благодаря возникшим и направляющим их взаимным обязательствам.

Отправляясь от первой дискуссии между Малиновским и Леви-Стросом, воспроизведенной Альвином Гоулднером¹⁰, Блау постулирует, что «необходимость компенсировать полученные блага с целью продолжать получать их служит «пусковым механизмом» социального взаимодействия»¹¹. Важно в равной степени и то, что, как только произошел акт обмена; возникают и «фундаментальные нормы взаимности» для регуляции последующих его актов. Таковым и является принцип взаимности, имманентный *per se*, процессу обмена. С течением времени и при условии выполнения принципа 1 он кодифицируется как социальная норма взаимности, наруше-

ние которой приводит к социальному осуждению и другим негативным санкциям. Поскольку нарушение нормы взаимности важно для последующего анализа Блау оппозиции и конфликта, уместно будет четко сформулировать вывод из принципа 2, рассматриваемый нами в качестве отдельного принципа.

Принцип 3. Чем чаще нарушаются при обмене взаимные обязательства, тем меньшей властью располагают партии, склонные к негативному санкционированию лиц, нарушающих нормы взаимности.

Следуя экономическому анализу рыночных взаимоотношений, Блау вводит в свой принцип 4 экономический «закон» «маргинальной полезности». Чем большее вознаграждение получено человеком, тем быстрее наступает пресыщение и тем менее ценным становится для него дальнейшее увеличение вознаграждения. (Принцип 4 является эквивалентом аксиомы 4 Хоманса.) «Актеры» поэтому будут искать альтернативных вознаграждений, пока не снизится степень их пресыщения.

Принцип 4. С приближением момента вознаграждения, являющегося результатом определенной деятельности, эта деятельность падает в цене и вероятность ее осуществления снижается¹².

Блау критиковал Хоманса за молчаливое признание того факта, что принцип «распределительной справедливости» может работать независимо от групповых норм¹³. Имея в виду, что распределительная справедливость есть «естественное чувство», Блау обвиняет Хоманса в недооценке того факта, что пропорция, рассматриваемая как «равное» соотношение цены и затраты вознаграждений участвующих в обмене сторон, есть возникающая характеристика социальной структуры. Как отмечает Блау, «несмотря на то, что каждому человеку, безусловно, присуще чувство справедливости, пониманию им справедливости придает специфическое содержание и значение система ценностей и норм, доминирующая в данном обществе¹⁴. Таким образом, есть необходимость перефразировать аксиому 5 Хоманса относительно распределительной справедливости. Тогда становится явным признанием того факта, что все виды обмена уместаются в рамки «справедливого обмена», то есть такого, при котором соблюдается должное соотношение вознаграждений и цены, или вложений. Так подобные нормы создают минимальные «ожидания» относительно того, что

должны получить стороны, вступая в различные отношения обмена. Отсюда Блау выводит принцип 5:

Принцип 5. Чем больше установилось отношений обмена, тем более вероятно, что управлять этими отношениями будут нормы «справедливого обмена».

Вывод этого принципа видоизменяет утверждение Хоманса о том, что «гнев» вытекает из нереализованной «справедливости». Для удобства этот вывод может рассматриваться как отдельный принцип.

Принцип 6. Чем меньше соблюдаются в отношениях обмена нормы справедливости, тем меньше власти имеют партии, склонные к негативному санкционированию лиц, нарушающих эти нормы.

Поскольку в модели обмена Блау живой интерес уделяется условиям возникновения в социальных системах конфликта и изменений, принцип 6 приобретает роль ключевого обобщения. Впоследствии Блау анализирует переход при определенных условиях от лишения нарушителей норм обмена вознаграждений к наказанию нарушителей. Внимание, уделяемое принципам обмена, которые могут объяснить конфликт в социальных отношениях, исчерпывается последним принципом обмена Блау¹⁵.

Принцип 7. Чем более стабильный и сбалансированный характер носят отношения обмена между социальными единицами, тем менее сбалансированный и стабильный характер приобретают другие отношения обмена.

Всем устанавливающимся отношениям обмена предшествует «цена», или альтернативное вознаграждение. Поскольку в соответствии с принципами 1, 2 и 3, большинство «актеров» *должны* вступать более чем в одно отношение обмена, баланс и стабильность в одних отношениях обмена предполагает дисбаланс и напряжение в других. По Блау, социальная жизнь, таким образом, полна «дилемм», решая которые, люди вынуждены менять стабильность и баланс одних отношений обмена на напряженность других, поскольку все они стремятся к поддержанию всего многообразия этих отношений. В своей последней главе, посвященной вопросам институционализации, Хоманс имел в виду этот принцип, подчеркивая тот факт, что, удовлетворяя некоторые из человеческих потребностей, институциональные соглашения отри-

цают другие и тем самым приводят в движение вечную диалектику доминирующих социальных институтов и ориентированных на изменение актов инноваций и отклонений¹⁶. Именно с этой заключительной попытки Хоманса проникнуть в диалектическую природу взаимоотношений между установившимися социальными образцами и силами оппозиции начинается Блау свой анализ обмена в социальной жизни.

Формулируя концепции обмена и заключая их в рамки семи основных принципов, Блау строит фундамент анализа социальных процессов, который объединяет элементы функционального, интеракционистского, конфликтного и других вариантов теории обмена. Его отправная посылка сходна с ранней формулировкой Парсонсом «единицы действия», которая включает как элемент обмена целенаправленное поведение, подразумевающее выбор альтернатив и ориентированное на получение ожидаемых вознаграждений. Более того, в принципе 2 Блау акцентирует внимание на доказательстве того, каким образом акты обмена институционализируются, приобретая форму систем взаимности, что вызывает интерес к данным вопросам, впервые поставленным в рамках и структурного функционализма и социальной антропологии. Концептуализируя погоню за вознаграждением, Блау подчеркнет также важность связанных с ней процессов «принятия на себя ролей» и формирования «представления о себе»: в сетях обмена люди неоднократно корректируют свое поведение. Не развивая чисто интеракционистской перспективы, он признает, однако, что, поскольку любая ситуация, связанная с обменом, включает ряд «ожиданий», то обмен подразумевает взаимные попытки «актеров» ясно представить себе ситуацию, определить ее. Многое в социальной жизни может быть понятно лишь в том случае, если концептуализировать определения и переоценки «актерами» ситуаций обмена. Акцент Блау на том, каким образом процесс обмена с неизбежностью порождает дисбалансы и вытекающие из них потери при нарушении норм взаимности и адекватности, демонстрирует его стремление теоретически оформить позицию относительно диалектических источников процесса обмена и изменений социальной системы. Кроме того, анализ Блау проблемы порядка и способов возникновения из диалектики конфликта институционализированных образцов позволит ему создать,

подобно Зиммелю и Козеру, целостное представление о позитивных «функциях», выполняемых конфликтом.

Эти комментарии предваряют концептуализацию Блау социальных процессов и социальной структуры и поэтому являются лишь предисловием к истории, которую нам предстоит рассказать. Но по мере раскрытия сути модели обмена Блау, о них не следует забывать, так как его теория представляет собой ярко выраженную попытку аналитического синтеза важнейших концептуальных перспектив социологии.

Основные процессы обмена в социальной жизни

Элементарные системы обмена

Блау начинает свое рассмотрение простейших процессов обмена с предположения, что люди вступают в отношения социального обмена, так как они ощущают возможность извлечения вознаграждений (принцип 1). Блау окрестил это ощущение *социальным притяжением* и постулирует, что до тех пор, пока отношения не включают подобное притяжение, они не являются отношениями обмена. Вступая в отношения обмена, каждый «актер» строит догадки относительно стремлений другого лица, получая тем самым представление о его нуждах. Каждый «актер» затем манипулирует своим собственным образом с тем, чтобы убедить своего партнера, что обладает ценными качествами, которыми, видимо, желает обладать и партнер. Корректируя ролевое поведение в стремлении «впечатлеть» другого имеющимися в наличии ресурсами, люди действуют, подчиняясь принципу взаимности, поскольку, выявляя свои ценные качества, каждый пытается требовать вознаграждений от других. Любой вид обмена предполагает, что люди предоставляющие вознаграждения, получают в свою очередь вознаграждения в качестве платы за свои затраты.

«Актеры» стараются произвести друг на друга впечатление в ходе *соревнования*, где каждый демонстрирует вознаграждения, которые он может предложить с целью вынудить другого ответить ему даже, может быть, более ценным вознаграждением в соответствии с нормой взаимности. Таким образом, социальная жизнь изобилует соревновательными стремлениями людей с целью произвести друг на друга впечатление и тем самым достичь

желанной награды. Но в ходе взаимодействия для обеих сторон неизбежно становится очевидным, что у одних в руках больше ценных ресурсов, которые они могут предложить, и это ставит их в особое положение, позволяющее им извлекать вознаграждения из отношений со всеми другими, для которых эти ресурсы представляют ценность.

Именно в этот момент в отношениях обмена начинается *дифференциация* между группами индивидов — дифференциация, выражающаяся в обладании определенными ресурсами и видах взаимных требований, которые они могут предъявлять друг к другу. Блау затем ставит вопрос аналитического плана, обычно игнорировавшийся Хомансом: какие родовые типы или классы вознаграждений могут извлекать обладатели ресурсов в обмен на предоставление ими других ценных ресурсов? Блау насчитывает четыре основных вида таких вознаграждений: деньги, социальное одобрение, уважение и уступки. Широко рассматривая каждый из видов этих вознаграждений, Хоманс не смог, однако, дать их исчерпывающую теоретическую формулировку и отнести их к определенным категориям. Достижению именно этой цели Блау уделяет значительное внимание; он, правда, не использует полностью свою категоризацию типов вознаграждений, но тем не менее подбирает ключ к созданию этих абстрактных теоретических формулировок.

Сначала Блау классифицирует эти обобщенные «закрепители» («усилители») в зависимости от ценности, которую они представляют для тех, кто имеет возможность извлекать вознаграждения в обмен на оказываемые услуги. В большинстве социальных отношений деньги — несоответствующее им вознаграждение, а поэтому наименее ценное из них. Социальное одобрение — подходящее вознаграждение, но для большинства людей большой ценности оно не представляет, поскольку вынуждает получателей ценных услуг очень часто оказывать почет или проявлять уважение к тем, кто предоставляет эти услуги, — т. е. отвечать самым ценным из вознаграждений. Во многих ситуациях при оказании услуг невозможно требовать большего, чем уважение и почитание со стороны «получателей» благ или услуг. Временами же предлагаемые услуги достаточно ценны для того, чтобы потребовать от их получателей предоставления, в соответствии с принципами взаимности и

равного обмена, самого ценного вида вознаграждений — уступок чьим-либо требованиям. Когда какое-либо лицо способно получить уступки в отношениях обмена, оно рассматривается Блау как обладатель «власти», поскольку имеет возможность приостановить предоставление услуг и вознаграждений и тем самым наказать лицо, отказавшееся идти на уступки, или заставить это лицо заплатить большую цену за данный отказ. С целью создания представления о степени власти, которой располагают индивиды, Блау формулирует четыре общие теоремы, определяющие способность власть имущих лиц добиваться уступок¹⁷:

1. Чем больше услуг люди могут предоставить в обмен на особо ценные услуги, тем меньше уступок способны извлечь те, кто их предоставляет.
2. Чем больше у человека альтернативных источников вознаграждений, тем меньше уступок способны получить те, кто предоставляет ценные услуги.
3. Чем более способны получатели ценных услуг применять физическую силу и принуждение, тем меньше уступок способны получить те, кто их предоставляет.
4. Чем в большей степени получатели ценных услуг способны обходиться без тех, кто предоставляет эти услуги, тем меньше уступок получают последние.

Эти четыре теоремы составляют условия дифференциации власти среди членов социальных групп. Та мера, в которой члены группы способны предлагать некоторые услуги в обмен, искать альтернативных вознаграждений, потенциально использовать физическую силу или обходиться без определенных ценных услуг, будет определять меру уважения и одобрения со стороны членов группы по отношению к лицам, гарантирующим ценные услуги; таким образом, группы будут дифференцированы по принципу иерархии престижа, а не власти. Естественно, как отмечает Блау, большинство социальных групп являют сложные образцы дифференциации власти, престижа и одобрения. Однако предмет особого интереса представляет для него динамика, порождающая власть, влияние и оппозицию.

Концентрируя свое внимание почти исключительно на вопросах власти, авторитета и оппозиции, Блау не достигает завершения своего анализа влияния обмена различными видами вознаграждений на различные типы

социальных структур. Логика построений Блау требует дополнительных положений, которые объясняли бы, каким образом различные виды вознаграждений привели к дифференциации групп, причем не только по принципу власти или авторитета, но также по принципу уважения и престижа и систем социального одобрения. Нерешенными остаются следующие интересные теоретические вопросы: каковы «условия» возникновения различных типов градации по престижу, каковы «условия» для создания всевозможных видов систем одобрения? По-видимому, Блау предоставляет решение этих вопросов другим социологам, поскольку сам концентрирует внимание на том, каким образом власть превращается в авторитет, а также как в соответствии с семью основными принципами обмена в человеческих коллективах выявляются многочисленные формы интеграции и оппозиции.

Блау считает, что дифференциалы власти в группах создают две противоречивые силы: стремление к *интеграции* и стремление к созданию *оппозиции* и конфликту.

Стремление к интеграции. Различия в обладании властью неизбежно создают потенциальную возможность конфликта. Реализация этой возможности зачастую, однако, отодвигается из-за наличия ряда сил, способствующих обращению власти в авторитет. При такого рода отношениях подчиненные лица признают законными притязания лидера на уступки с их стороны. В принципах 2 и 5 отражены два процесса, стимулирующие групповую интеграцию подобного рода. В соответствии с принципом 2, отношения обмена всегда предполагают взаимность, вынуждающую лиц, пользующихся ценными услугами, предоставлять другие вознаграждения в обмен. Принцип 5 гласит, что, предоставляя их, подчиненные лица руководствуются нормами справедливого обмена, подразумевающего равноценность уступок и получаемых от лидера услуг. Таким образом, от степени вовлеченности «актеров» в отношения обмена с лидером, а также от ценности услуг, которые тот предоставляет, зависит, будет ли рассматриваться как законное подчинение в соответствии с присущей любой форме обмена нормой взаимности. При этих условиях группа «вырабатывает» дополнительные нормы, уточняющие такие способы регуляции отношений обмена с лидером, которые отвечали бы требованию взаимности и поддержанию адекватного «курса» обмена. Те лидеры, которые сообразуют свою

деятельность с этими нормами, обычно могут быть уверены, что их лидерство будет считаться законным. В самом деле, подчеркивает Блау, если лидер твердо придерживается норм, регулирующих обмен своих услуг на уступки, среди подчиненных обычно вырабатываются негативные санкции, цель которых — усилить власть лидера. Этот процесс позволяет подчиненным лицам осуществлять широкий социальный контроль за действиями каждого из них и тем самым содействовать сближению выше и нижестоящих секторов социальной группы.

Авторитет, таким образом, «основывается на общих для всего коллектива нормах подчинения, которые вынуждают индивидуальных его членов подчиняться приказам вышестоящего лица»¹⁸. Для многих форм социальной организации характерно возникновение этих норм вне рамок соревновательного обмена между группами «актеров». Однако часто с целью заключения такого «нормативного соглашения» участвующие в обмене лица должны разделять всю совокупность ценностей, не только определяющих, что есть «справедливый обмен» в данной ситуации, но также и способы его закрепления в нормах, обязательных для лидеров и вышестоящих лиц. Несмотря на то что «актеры» могут прийти к нормативному консенсусу непосредственно в процессе обмена, начальный «набор» общих ценностей облегчает легитимацию власти. Теперь «актеры» могут вступать в отношения обмена, имея общее определение, которое создает основы нормативного регулирования возникающей дифференциации власти. Без общих ценностей борьба за власть носит жестокий характер. Отсутствие стереотипного представления о «взаимности» и «справедливом обмене» создает перманентную напряженность, как только содержание этих понятий исчерпывает себя. Для Блау легитимация представляет собой «не просто терпимость и одобрение, но активное утверждение и закрепление социальных образцов общими ценностями, либо существовавшими ранее, либо такими, которые возникают в коллективе в ходе социального взаимодействия»¹⁹.

С узаконением власти путем нормативной регуляции взаимодействий, придания им статуса общих ценностей, меняется и организационная структура коллектива. Одним из наиболее очевидных изменений является спад межличностной конкуренции. Он связан с тем, что теперь

В процессе создания «своего образа» акцент в поведении «актера» смещается с желания произвести впечатление какими-либо качествами к стремлению закрепить свой статус лояльного члена группы. Подчиненные принимают свой статус и начинают корректировать свое ролевое поведение с тем, чтобы гарантировать себе социальное одобрение партнеров как плату за подчинение групповым нормам. Лидеру уже необязательно ставить себя многим выше остальных, так как больше нет необходимости при каждой встрече с подчиненными демонстрировать свое превосходство: нормы теперь определяют, *когда и как* произойдет обмен подчинения и уважения на предоставляемые им ценные услуги. Так, с легитимацией власти в форме авторитета процесс взаимодействия, включающий оценку ситуации членами группы и их знакомство друг с другом, претерпевает драматическое изменение, сокращающее степень состоятельности и тем самым стимулирующее интеграцию внутри группы.

С этого момента начинает обычно сокращаться число прямых контактов между лидером и подчиненными. Это объясняется тем, что отпадает необходимость в постоянном обмене властью и статусом. Этот спад прямого взаимодействия знаменует формирование четких подгрупп, так как члены группы стремятся к общению с лицами своего социального уровня, избегая общений как с ниже, так и с вышестоящими²⁰. В первую очередь подчиненные склонны общаться друг с другом, избегая высокой стоимости взаимодействия с лидером; несмотря на то, что социальное одобрение равных не рассматривается как особо ценное вознаграждение, его можно достичь с относительно низкими затратами, а, следовательно, оно в достаточной степени выгодно. Лидеры же, напротив, избегают стоящих много времени и энергии постоянных состязаний и торговли с нижестоящими, предметом чего являются условия и временные рамки завоевания ими уступок и уважения. Вместо этого при наличии относительно ограниченных и четко определенных контактов с подчиненными они могут получать значительные вознаграждения, вытекающие из уступок и уважения, не прибегая к завышению цен при общении с подчиненными и тем самым извлекая выгоду.

Стремление к оппозиции. Таким образом, перспектива обмена Блау носит ярко выраженный функциональный характер. В ней процессы притяжения, конкурен-

ции, дифференциации и интеграции рассматривались с позиций того, как они способствуют созданию узаконенного комплекса нормативно регулируемых отношений. В манере, сходной с парсонсовской дискуссией об институционализации, Блау также подчеркнул важность общих ценностей как существенной силы при создании образцов общественной организации. Однако Блау прекрасно осознает, что общественной организации всегда присущи конфликт и оппозиция, неизбежно порождающие диалектику интеграции и оппозиции в социальных структурах. Признание этого факта привело Блау к следующему утверждению:

«Для функционального подхода характерно преувеличенное внимание к силам социальной интеграции... в то время как диалектическая перспектива, напротив, требует пристального изучения разрушительных тенденций в социальных структурах. Систематический анализ и принятие диалектической перспективы ставят перед социологом дилемму. Первая задача требует концентрации внимания на социальных закономерностях, вторая — на отклонениях от правил. Эта дилемма, очевидно, как и всякая другая, даст толчок альтернативному развитию, т. е. в какой-то момент оно будет происходить в одном направлении, затем — в противоположном»²¹.

Важно у Блау то, что в отличие от Дарендорфа (см. главу 6), делая диалектические допущения, он не отрицает в полемике полезные принципы функционализма с одной лишь целью их отрицания, что было характерно для перспективы конфликта Дарендорфа (см. главу 8). Блау признает, что образцы общественной организации создаются, развиваются, но также и изменяются и разрушаются. Это побуждает социолога к поиску принципов, которые могли бы объяснить весь спектр перемен. В отличие от модели конфликтов Дарендорфа, рассматривающей организации отношений авторитета в «императивно координированных ассоциациях» (ИКА) и оппозицию со стороны «квазигрупп» как данные, Блау попытался ответить на вопросы: как и посредством каких процессов создаются структуры авторитета, подобные ИКА? В связи с этим Блау занимает намного более выгодную, нежели Дарендорф, позицию, позволяющую ему документально подтвердить, как при особых условиях появление социальной структуры порождает движущие силы конфликта и перемен. Как было подчеркнуто выше при обсуждении теории конфликтов, признание того, что конфликт эндемичен отношениям авторитета, а также анализ того, как этот конфликт изменяет подобную

структуру, предполагают постановку интересного теоретического вопроса: *каковы условия и каков тип структур, обуславливающие возникновение авторитета; каковы его формы; какие процессы в свою очередь эти формы порождают, а также какого типа конфликтная ситуация возникает?* Обсуждение Блау проблем «стремления к интеграции» представляет собой попытку ответить на этот вопрос и создать более сбалансированную теоретическую основу для обсуждения оппозиции и конфликта в социальных системах.

Подобно тому, как Парсонс в «Социальной системе» подчеркивает, что упадок «механизмов» социализации и социального контроля вызывает отклонение от норм, конфликт и изменение²², так и Блау делает акцент на том, что неудача в осуществлении обмена или в создании общей системы ценностей и регулирующих норм обнаруживает двойственную роль этих процессов: они способны не только порождать модели социальной организации, но и оппозицию, конфликт и изменение в социальных системах. В отличие от Парсонса, Блау сформулировал абстрактно-теоретические утверждения, которые помогают более точно установить события, вызывающие прерывание процессов, поддерживающих институционализированные модели. Первое такое утверждение можно встретить в принципах 3, 6 и 7. Как утверждает принцип 3, в случае, если люди не получают «ожидаемого» вознаграждения за различные виды деятельности, «актеры» пытаются, например, прибегнуть к негативным санкциям, которые, даже не будучи эффективными, позволяют людям свершить «возмездие» над теми, кто лишил их ожидаемого вознаграждения. Это обстоятельство усиливается действием принципа 5, говорящего о «честном обмене», в соответствии с которым при нарушении таких норм власть имущие навязывают подчиненным чрезмерные расходы, создавая тем самым ситуацию, которая по меньшей мере приводит к попыткам негативного санкционирования, а в крайнем случае к возмездию. Наконец, принцип 6 об относительно неизбежном возникновении дисбалансов при множественных отношениях обмена делает упор на то, что приведение в соответствие отношений в одном контексте обмена путем выполнения взаимных обязательств и соблюдения норм справедливости имеет результатом нарушение равновесия в других отношениях. Таким образом, дисбалансы

являются потенциальным стимулятором циклического процесса, при котором «актеры» пытаются привести в равновесие ранее несбалансированные отношения и тем самым нарушают равновесие недавно сбалансированных отношений. В свою очередь отношения обмена, в которых было нарушено равновесие, нарушают нормы взаимности и честного обмена, вызывая стремление к негативному санкционированию, а при определенных условиях и к отмщению. Согласно Блау, *все* отношения обмена таят в себе источники дисбаланса, которые в случае грубого нарушения норм взаимности и справедливого обмена могут привести к открытому межличностному конфликту в контексте социальной группы.

Однако на уровне обобщения предложенные принципы только констатируют, что *может* произойти, не уточняя условий, при которых указанные силы приходят в движение. К сожалению, несмотря на этот многообещающий аналитический подход, Блау выдвигает несколько специфических положений, определяющих, когда усиливается тяга к оппозиции. Возможно, именно с этой точки зрения положения, сходные с теми, которые были разработаны Дарендорфом, могут оказаться полезными, так как они уточняют некоторые условия, при которых процессы обмена, приводящие к возникновению форм общественной организации, также вызывают конфликт. Краткий анализ Блау сил, интенсифицирующих оппозицию, не совпадает, однако, с рассуждениями Дарендорфа по поводу технических, политических и социальных условий организации конфликтной группы:

1. Чем менее сбалансированы отношения обмена между вышестоящими и подчиненными, тем больше вероятность оппозиции тем, кто стоит у власти.
 - а) Чем больше вышестоящие нарушают нормы взаимности, тем больше неравновесие.
 - б) Чем больше вышестоящие нарушают нормы справедливого обмена, тем больше дисбаланс.
2. Чем сильнее коллективное чувство дисбаланса положения по отношению к вышестоящим, тем сильнее чувство обездоленности, тем больше вероятность возникновения оппозиции власти.
 - а) Чем меньше пространственная разобщенность подчиненных, тем с большей очевидностью они коллективно испытывают отношения неравновесия по отношению к вышестоящим.

- б) Чем больше возможность общения подчиненных друг с другом, тем большим должно становиться коллективное чувство дисбаланса в отношениях с вышестоящими.
3. Чем больше коллективно испытываемое подчиненными чувство обездоленности в отношениях обмена с вышестоящими, чем больше они склонны к идеологической кодификации своего состояния, тем сильнее будет их оппозиция власти предрержащим.
 4. Чем больше чувство обездоленности приведено в идеологическую систему, тем выше чувство солидарности подчиненных и тем больше вероятность возникновения оппозиции.
 5. Чем выше чувство солидарности среди подчиненных, чем больше у них оснований считать свою оппозицию праведным и достойным делом, тем больше вероятность создания такой оппозиции.
 6. Чем выше чувство идейной солидарности, тем скорее подчиненные воспримут оппозицию как самоцель и тем больше вероятность ее возникновения²³.

Из этих нескольких тезисов видно, что Блау не удастся дать отдельные формулировки для различных фаз конфликтных процессов. Например, анализ перечней формулировок, выдвинутых Дарендорфом и Козером, создал возможность анализа по меньшей мере причин, степени напряженности и силы, а также длительности и результатов конфликта. Из утверждений Блау и из логически построенного контекста, в который они включены²⁴, в лучшем случае вытекает общее представление о том, как он концептуализирует возникновение оппозиции. Похоже, Блау выдвигает следующую гипотезу: чем больше будет испытано коллективно несбалансированных отношений обмена, тем больше ощущение обездоленности и тем сильнее потенциальная оппозиция. Хотя и не фиксируя четко данного положения, Блау, похоже, полагает, что растущая идеологическая кодификация отклонений, возникновение групповой солидарности, конфликта как способа существования усиливает оппозицию, а именно — степень эмоциональной вовлеченности и приверженности этой оппозиции, противостоящей власти имущим.

Неопределенность модели Блау различных типов и классов оппозиций, которые могут возникать при

различных несбалансированных отношениях обмена, является лишь предположительной формой концептуализации коренящихся в процессе обмена оппозиционных процессов. В отличие от диалектической модели Дарендорфа, предложенная Блау схема представляет собой важное теоретическое обоснование того, как установление отношений власти может стать причиной оппозиции. Вне рамок аналитических положений, сформулированных в принципах 3, 6 и 7 его общей перспективы обмена, остаются неуточненными переменные уточняющие последовательные процессы, присущие оппозиции, как, например, ее интенсивность, насильственность, продолжительность и результаты.

Концептуализация Блау процессов институционализации и конфликта с помощью тех же абстрактных принципов обмена намного превосходит трактовку институционализации Парсонсом, в которой отсутствует четкая формулировка факторов, управляющих конфликтом и изменением. Она также превосходит модель Дарендорфа, которая не раскрывает причин возникновения институционализированных моделей или скрытых конфликтов внутри системы авторитета. Кроме того, положения Блау превосходят также анализ Хомансом институционализации и свойственного ей конфликта институционального и субинституционального, так как схема Блау содержит более адекватную концептуализацию процесса институционализации власти, из которого в конечном счете вытекают оппозиция, инновация и отклонения. Таким образом, несмотря на то, что суждения о диалектических силах оппозиции представляют собой слабую сторону его системы, Блау делает попытку определить пути, по которым можно усовершенствовать модель: а) более точная формулировка условий, повышающих вероятность дисбалансов обмена в различных типах социальных единиц; б) уточнение условий, вызывающих различие уровней интенсивности, насильственности и длительности оппозиционных отношений между различными видами социальных единиц.

При дополнительном взгляде на рассуждения Блау по поводу микрообмена становится ясным, что он предвидит серию основных процессов обмена, происходящих в группах людей: притяжение, конкуренция, дифференциация, интеграция и оппозиция. Особый интерес представляют процессы дифференциации с точки зрения

власти и то, каким образом эта модель дифференциации вызывает стремление к интеграции и оппозиции одновременно — тем самым придавая диалектический характер социальной действительности. В перспективе также заслуживает внимания попытка использовать понятия, получившие развитие в результате анализа элементарных процессов обмена, с целью понять более сложные процессы обмена между макросоциальными единицами общественных систем. Огромное значение имеет факт, что Блау признает необходимость при анализе более сложных социальных процессов переформулировать и дополнить элементарные понятия обмена. Мы увидим, что он также осознает, что базовые социальные процессы притяжения, конкуренции, дифференциации, интеграции и оппозиции все еще служат пробразамии обмена даже среди макросоциальных единиц — сообщая, таким образом, общественной жизни некоторую степень непрерывности.

Сложные системы обмена

Хотя общие процессы притяжения, конкуренции, дифференциации, интеграции и оппозиции очевидны при обмене между макроструктурами, существует ряд фундаментальных различий между этими формами обмена и теми, которые имеют место между микроструктурами²⁵.

1. При сложных обменах между макроструктурами значение «разделяемых ценностей» возрастает, так как посредством именно этих ценностей осуществляются косвенные обмены между макроструктурами.

2. Сети обмена между макроструктурами обычно институционализированы. Поскольку стихийный обмен является типичной чертой социальной жизни, всегда существуют исторически закрепленные меры, которые ограничивают действие основных процессов обмена, т. е. притяжения, конкуренции, дифференциации, интеграции и даже оппозиции.

3. Поскольку макроструктуры сами по себе представляют продукт более элементарных процессов обмена, анализ макроструктур требует анализа более чем одного уровня общественной организации.

Опосредующие ценности. Для Блау «межличностное притяжение» при элементарном обмене заменяется «раз-

деляемыми ценностями» на макроуровне. Эти ценности можно концептуализировать как «средства социальных взаимодействий», благодаря чему они создают общую группу стандартов для установления сложной цепи косвенного обмена между социальными структурами и их индивидуальными членами. Эти ценности рассматривались Блау как эффективное средство посредничества при сложных обменах, так как индивидуальные члены социальных структур обычно объединялись рядом общих ценностей, что заставляло признать эти ценности как «свойственные» им. Кроме того, кодификация этими группами и власть имущими организациями ценностей в законы и принудительные меры, разделяемые ценности представляют собой элемент посредничества сложного и косвенного обмена между макроструктурами крупномасштабных социальных систем. Опосредуя косвенный обмен между группами и организациями, эти ценности дают нормативы для подсчетов: а) ожидаемых вознаграждений (принцип 1), б) взаимности (принцип 2), в) справедливого обмена (принцип 5).

Поскольку, пользуясь выражением Хоманса, «люди как таковые» не являются единицами сложных обменов, Блау подчеркивает, что для возникновения и утверждения сложных образцов социальной организации необходимо наличие «функционального эквивалента» прямого межличностного притяжения. Этот «функциональный эквивалент» подтверждает, что обмен может происходить в соответствии с принципами 1, 2 и 5. И даже если сложные обмены вовлекают «людей», их взаимодействия часто становятся настолько затянутыми и косвенными, что вознаграждение одного индивида зависит от других, которые отдалены друг от друга, что требует управления процессом обмена с помощью общих ценностей.

Существует большое сходство между положением Блау о «опосредствующих ценностях» и недавним интересом Парсонса к «общим средствам обмена»²⁶. Хотя соответствующие концептуализации классов и типов этих средств и отличаются друг от друга, каждая из них связана с тем, как используются в рамках различных контекстов социальных отношений характерные «символы» — не только с целью установить соответствующие «ценности» действий единиц обмена, но также чтобы уточнить то, как обмен должен осуществляться. Сходство этих стратегий особенно очевидно, так как Блау исполь-

зүйт перемённые модели Парсонса, а также соотношение универсализм—партикуляризм, пытаюсь концептуализировать наиболее родовые типы «опосредующих ценностей» в процессах притяжения, конкуренции и дифференциации. Для Блау «партикуляристические ценности» являются средствами «интеграции» и «солидарности» в сложных системах обмена. В сложных отношениях обмена стороны обладают рядом уникальных стандартов, с помощью которых они оценивают себя как отличные от других группировок. Партикуляристические ценности «объединяют членов сообщества в солидарный коллектив и расширяют рамки интегративных связей далеко за границы чувств личного влечения»²⁷. Таким образом, партикуляристические ценности представляют ряд символов для идентификации групп, тем самым создавая «средство объединения ее членов в сплоченную общность»²⁸. Принятые и одобренные членами группы партикуляристические ценности служат «функциональными заместителями чувств личного притяжения, которое превращает малую группу в сплоченную единицу»²⁹. «Универсалистические ценности» являются средством «обмена и дифференциации» в сложных системах обмена³⁰. Одной из основных проблем при отношениях косвенного обмена является проблема стандартизации «ценностей» различных видов деятельности. Универсалистические ценности выполняют «функцию» стандартизации и превращения «стоимости деятельности» в сравнительную величину расширенной сети обмена. Как деньги в экономических взаимоотношениях представляют собой меру стоимости при самых широких и разнообразных обменах, так и универсалистские ценности дают нам стандарты измерения «вкладов» людей в общую деятельность группы и определения вида и размера вознаграждения, которое они должны получить. Так универсалистические ценности допускают неравномерное, но «справедливое» распределение вознаграждений и привилегий внутри сетей расширенного обмена. Без этих ценностей не может иметь место ни социальная конкуренция, ни дифференциация вышестоящих и подчиненных за пределами прямых отношений, так как иначе невозможен никакой способ оценки стоимости услуг, представляемых подчиненными в больших социальных группировках, и вознаграждений, которые они должны получать в ответ за оказанные услуги. Универсалистические ценности, следовательно, делают возможным ран-

жирование и стратификацию в рамках макросистем, где большинство отношений обмена являются косвенными.

Таким образом, парсонсовское понятие соотношения «универсализм-партикуляризм» позволяет Блау классифицировать ценности, необходимые для возникновения основных процессов притяжения, конкуренции и дифференциации в сложных системах обмена. Партикуляристические ценности «притягивают» членов различных коллективов друг к другу, стимулируя ожидание вознаграждения. Универсалистические ценности устанавливают стандарты для оценки «победителей» и «пораженных» в конкуренции, устанавливая курс обмена вознаграждений и услуг между вышестоящими и подчиненными в больших коллективах.

При обсуждении двух других основных процессов — интеграции и оппозиции — Блау не находит никакой удобной параллели среди переменных моделей Парсонса и поэтому выдвигает два дополнительных типа опосредующих ценностей: «законные» и «оппозиционные» ценности. Ценности, узаконивающие авторитет, используются организацией «как средства, которые расширяют сферу организованного социального контроля»³¹. При прямых межличностных обменах власть (требования уступок в обмен на ценные услуги) опосредуется нормами, установленными участниками обмена лично. Ценности, узаконивающие авторитет, снимают регулирование власти с индивидов, предоставляя право требовать уступок в конкретных ситуациях различным «службам» и «офисам». С переносом власти из сферы «личного влияния» в сферу права служб и офисов увеличивается сила и размах самой власти. Теперь становится возможным установление авторитета, организующего, к примеру, целую нацию: правительство или административные органы узакониваются и наделяются правом «взимать» уступки в обмен на определенные услуги.

«Оппозиционные ценности» являются средствами социального изменения и реорганизации в системах сложного обмена³². Эти ценности позволяют создать оппозицию, выходящую за рамки индивидуального влияния и прозелитирующую благодаря ряду общих символов, которые способны потенциально кодифицировать недовольства больших и разнообразных сегментов коллективов в «силу, противостоящую укрепившимся властям и су-

существующим в обществе институтам»³³. Эти символы объединяют тех, кто страдал от лишений при существующих отношениях обмена, и заставляют при различных условиях стремиться пожертвовать своим настоящим материальным благосостоянием в целях изменения и перестройки существующей системы обмена.

В общем системы сложного обмена зависят от «разделяемых ценностей», опосредующих отношения обмена между индивидами и макроструктурами, равно как и между различными типами макроструктур. Без разделяемых ценностей обмен сводится к прямому межличностному взаимодействию индивидов. Поскольку фактически во всех известных социальных системах возникают косвенные отношения обмена между различными типами социальных единиц — от индивидов и групп до организаций и общностей, — необходимо эти отношения концептуализировать. Для Блау опосредствующие ценности являются главным условием возникновения, развития и распада сложных систем обмена. Без них общественная организация за рамками непосредственного взаимодействия была бы невозможна.

Институционализация. В то время как ценности облегчают протекание процессов косвенного обмена между различными типами социальных единиц, институционализация обозначает те процессы, которые регулируют и стабилизируют процессы сложного обмена³⁴. По мере роста зависимости людей и различных форм коллективной организации от специфических сетей косвенного обмена на ожидаемые вознаграждения возрастает необходимость четко сформулировать принципы обмена. Эти формализация и регулирование систем сложного обмена могут быть эффективны при следующих трех минимальных условиях: а) формализованный обмен должен быть выгоден для большинства участвующих в нем сторон; б) большинство организованных в коллективные единицы индивидов должно быть интернализировано в ходе предшествующей социализации, а опосредствующие ценности должны быть использованы для построения сети обмена. Наконец, в) те социальные единицы, которые обладают властью в системе обмена, должны получить такое вознаграждение, которое заставило бы их активно искать формулирования правил, управляющих отношениями обмена.

Институты — это исторические продукты, чьи нормы

и лежащие в их основе опосредствующие ценности передаются от поколения к поколению, тем самым ограничивая и очерчивая потенциальные сети косвенного обмена. Институты оказывают определенное «внешнее давление» на индивидов и на различные типы коллективных единиц, увязывая процесс обмена со своими предписаниями и рекомендациями. Таким образом, институты представляют сеть относительно стабильных и общих норм, регулирующих различные типы отношений косвенного и сложного обмена между различными социальными единицами.

Эта концепция институционализации сходна с несколько разнящимися между собой формулировками Парсонса и Хоманса. Хотя институционализация, согласно обоим теоретикам, представляет собой упорядочение моделей взаимодействия при помощи норм, Парсонс понимает под институтами нормативные структуры, насыщенные ценностями, которые позволяют привести к единому знаменателю взаимодействия «актеров» с их разноплановыми жизненными ориентациями и целями. Хоманс же рассматривает институты как формализацию обмена посредством норм и общих «закрепителей» этого процесса. Они в конечном счете призваны обеспечить плату каждому индивиду за его труды. Однако несмотря на акцентирование разных моментов, оба автора обращают внимание на тот основной процесс, который порождает нормы, облегчающие достижение «целей» и «вознаграждений» социальными единицами. Оформление таких институциональных норм расценивается ими как расширяющее сеть «взаимодействия» или «обмена» между различными социальными единицами: у Хоманса это «личность», у Парсонса — «актер». Из этих двух перспектив Блау концептуализирует вывод в духе Хоманса о том, что институционализированные модели взаимодействия должны обеспечивать вовлеченным в него и стремящимся к вознаграждению индивидам должную плату; точку же зрения Парсонса напоминает заключение Блау о том, что общие ценности должны предшествовать эффективной институционализации отношений косвенного обмена. Очевидно, так Блау пытался увязать теоретические принципы концепции обмена с функционалистским истолкованием того, каким образом ценности и нормы влияют на возникновение и развитие сложных социальных систем.

Очевидно, тем самым Блау признает провал попытки Хоманса построить систему понятий, которые описали бы различные типы и классы систем институционализированного обмена. Пытаясь исправить эту неудачу, Блау развивает типологию институтов, охватывающих как существо, так и стиль парсонсовской формулировки. Как Парсонс использовал переменные образцов социальной организации с целью описать ценности, управляющие институционализированными моделями, Блау пытается классифицировать институты в соответствии с ценностями, которые они воплощают в своей нормативной структуре. В основу он кладет три общих типа институтов: а) *интегративные институты*, «увековечивающие партикуляристские ценности, поддерживают социальную солидарность и сохраняют четкий характер и идентичность социальной структуры»³⁵; б) *дистрибутивные институты*, воплощающие в себе универсалистские ценности функционирующие в целях «сохранения социальных соглашений, выработанных для производства и распределения необходимых социальных льгот, вложений и различного рода вознаграждений»³⁶; в) *организационные институты*, использующие ценности для узаконения авторитета служат «увековечению авторитета и организации, необходимых для мобилизации ресурсов и координации коллективных усилий, направленных на достижение социальных целей»³⁷.

Однако Блау признает, что при этой форме типологизации существует огромная возможность для формирования представления об обществе как о статическом и поддерживающем состоянии равновесия. Таким образом, отправляясь от положения Хоманса о том, что институты признаются, лишь пока они способны удовлетворять «элементарные потребности» людей, и исходя из положения Дарендорфа об источниках конфликта и перемен, внутренне присущих любым отношениям авторитета, Блау подчеркивает, что все системы институционализированного обмена обнаруживают некоторый «контринституциональный» компонент, «состоящий из основных ценностей и идеалов, которые не были реализованы и не нашли своего выражения в четких институциональных формах и которые являются источником социального изменения»³⁸. Чем в меньшей степени эти ценности реализованы в отношениях институционализированного обмена, тем менее выгодными будут существующие инсти-

туциональные соглашения, интернализированные индивидами, тем в большей степени индивиды будут чувствовать себя ущемленными и тем больше будут они стремиться к поискам альтернатив преобладающим институтам. Эти нереализованные ценности, даже если они кодифицированы в форме оппозиционной, откровенно революционной идеологии, обычно заключают в себе по крайней мере некоторые идеалы и конечные цели, узаконенные преобладающей культурой. Это указывает на тот факт, что институциональные соглашения «содержат семена своего собственного потенциального разрушения», будучи неспособными удовлетворить всех ожиданий вознаграждения, порожденных институционализированными ценностями.

Хотя Блау и не перечисляет подробно условий, приводящих к консолидации индивидов в конфликтные группы, его схема ясно указывает на источник конфликта и изменений: это — «контринституциональные» ценности, которые в том случае, если они не реализуются доминирующими институтами, вызывают лишения, при абстрактной ситуации способные породить конфликт и изменения в социальной системе. Таким способом Блау пытается избежать возможных обвинений в адрес практически любой формы функционального анализа в неспособности точно определить источники конфликта, отклонения и социальных изменений. В отличие от модели диалектического конфликта Дарендорфа схема Блау не просто содержит утверждение относительно распространности конфликта и изменений в социальных системах, но является попыткой доказать, каким образом процессы, приводящие к институционализации власти в системах сложного обмена, создают оппозиционные силы, выливающиеся в конечном итоге в формы конфликта и социального изменения.

Эти тенденции систем сложного обмена к созданию оппозиции можно объяснить с позиции основных принципов обмена³⁹. Если в социальной системе определенные опосредующие ценности не институционализированы, то отношения обмена не будут рассматриваться теми, кто интернализировал эти ценности, как отношения, построенные «на взаимности». И в соответствии с принципом 3 Блау «о взаимности» это неизбежно вызовет у данных секторов общества чувство обездоленности и заставит их искать путей «отмщения» господствующим социальным

институтам, которые с точки зрения принятых ими ценностей не «ответили им взаимностью». Тот факт, что люди ассимилируют неинституционализованные ценности, заставляет предположить ломку представлений о «справедливом обмене», приведшую их в соответствии с принципом 6 к попытке негативно санкционировать такие соглашения, которые нарушают альтернативные нормы справедливого обмена. Наконец, действие в сложных системах обмена принципов 3 и 6 подтверждается тем, что в соответствии с принципом 7 при институционализированных формах обмена баланс в отношениях обмена между определенными секторами общества неизбежно создает дисбаланс в других его секторах. Благодаря этому происходит нарушение норм взаимности и справедливости и приходят в движение силы оппозиции.

В отличие от прямого межличностного обмена силы оппозиции в его сложных системах присущи широким человеческим общностям, чья собственная внутренняя динамика уже характеризуется стремлением к интеграции и созданию оппозиции. Это обстоятельство требует, чтобы анализ интеграции и оппозиции в сложных системах обмена учитывал разницу уровней социальной организации. Подобный анализ должен выявить в особенности частичное влияние на процесс обмена между макроструктурами, будь то тенденция к интеграции или оппозиции, со стороны обмена, имеющего место между составляющими их подструктурами.

Уровни социальной организации. В значительной степени «динамика макроструктур основана на разнообразных видах взаимозависимости социальных сил внутри подструктур и между ними»⁴⁰. Виды взаимозависимости между подструктурами конкретных структур многочисленны. Они включают а) общую принадлежность некоторых членов макроструктуры к составляющим ее подструктурам; б) мобильность членов между различными подструктурами макроструктуры, а также в) прямой обмен между подструктурами различных макроструктур.

Чтобы раскрыть динамику подструктур и их влияние на обмен между макроструктурами, Блау вначале задается вопросом, какие существуют родовые типы подструктур, порождающие выделение четырех видов подструктур: категории, сообщества, организованные коллективы и социальные системы. *Категории* относятся к какому-либо одному атрибуту (раса, пол, возраст), ко-

торый «обычно определяет отношения между людьми и их ориентации в отношении друг друга»⁴¹. *Сообщества* — это «коллективы, организованные в рамках определенной территории, обычно обладающие своим правительством и географическими границами, что препятствует их совпадению, хотя каждое сообщество включает меньшее и само является частью большей территориальной организации»⁴². *Организованные коллективы* — это «человеческие ассоциации с характерной социальной организацией, которая может принимать форму от малой неформальной дружеской компании до широкой формальной бюрократической организации»⁴³. *Социальные системы* образуются не на основе социальных отношений специфических коллективов, а на основе аналитических организационных принципов, таких, как экономика общества или его политические институты»⁴⁴.

Процессы, происходящие между этими различными типами подструктуры, опосредуются ценностями. «Партикуляристические ценности» позволяют каждой подструктуре устанавливать сегрегационные границы; «универсалистские ценности» делают возможной дифференциацию составных частей подструктуры; «легитимационные ценности» закрепляют отношения авторитета; «оппозиционные ценности» дают подструктурам их собственный внутренний источник диалектического изменения. Вопрос о том, как различить опосредующие ценности подструктурного и макроструктурного уровней, создает одну из наиболее трудноразрешимых аналитических проблем. С одной стороны, определенные ценности должны шлифовать грани подструктур, если макроструктура минимально интегрирована; с другой — ценности различных подструктур не только способны изолировать подструктуры, но и вызывать конфликты между ними. Далее, отношения между подструктурами включают все тот же фундаментальный процесс обмена — притяжение, конкуренцию и дифференциацию, — выражающий способность предоставления друг другу услуг. Становится, таким образом, очевидным, что анализ обмена между макроструктурами предполагает изучение этого процесса в рамках подструктур. Анализ сил притяжения, конкуренции, дифференциации, интеграции и оппозиции усложняется тем дополнительным обстоятельством, что отношениям между подструктурами присуще «пересекающееся членство», или мобильность между ними.

Блау упрощает решение этой сложной аналитической задачи исследования подструктурной динамики, постулируя, что для анализа макроструктур наиболее важными являются такие подструктуры, как организованные коллективы, в основном формальные организации. Будучи структурами с ярко выраженной целевой ориентацией, часто совместимыми с социальными категориями и сообществами и формирующими подструктуры социальной системы, они в основном и определяют макроструктурную динамику. Таким образом, теоретическое исследование сложных систем обмена между макроструктурами требует, чтобы основное внимание было уделено отношениям притяжения, конкуренции, дифференциации, интеграции и оппозиции, имеющим место среди различных типов сложных организаций. Подчеркивая первостепенное значение сложных организаций, Блау постулирует определенный «образ» общества, создание которого должно привести к окончательному оформлению социологической теории.

Образ общества, по Блау

Обычно организации в обществе должны извлекать выгоду из отношений друг с другом, тем самым создавая ситуацию одновременного взаимного «притяжения» и конкуренции. Результатом этой конкуренции между более и менее удачливыми организациями является их иерархическая дифференциация. Она обычно создает стремление к специализации в различных областях среди менее преуспевших организаций; причина этого — их стремление обеспечить определенные блага и услуги доминирующим организациям и друг другу. Если подобная дифференциация и специализация создает эффективные интеграционные механизмы, то в целях регуляции такого обмена должны также возникнуть и отдельные политические организации. Такие политические организации обладают властью и рассматриваются как законные лишь до тех пор, пока индивиды и организации считают, что они подчиняются диктату общих ценностей данной культуры. Обычно на политические организации возлагаются следующие задачи: а) регуляция сложных систем косвенного обмена при помощи введения в силу законов; б) контроль с помощью закона за конкуренцией между доминирующими организациями, тем самым — предоставление последним гарантий на обладание элементарны-

ми ресурсами; в) поддержание существующих систем обмена между организациями с целью защиты этих организаций, в особенности наделенных властью, от посягательств со стороны оппозиционных сил на сложившиеся формы распределения ресурсов.

Для Блау, таким образом, дифференциация и специализация макроструктур — явление, не связанное с конкуренцией между организациями в обществе. Опосредующие ценности делают возможными дифференциацию и специализацию организаций, но одновременно возникает необходимость в отдельных политических организациях, регулирующих посредством использования закона или силы существующие формы обмена между организациями. Подобные политические организации будут считаться законными до тех пор, пока они в состоянии нормативно регулировать обмен, основанный на догматах опосредующих ценностей, а также гарантировать получение «платы» большинством организаций, в особенности наиболее влиятельными из них. Политический авторитет неизбежно стимулирует оппозиционные движения, поскольку теперь у оппозиционных группировок появляется ясная мишень для недовольства — политическая организация. Пока политический авторитет растворен, единственное, чем могут заниматься оппозиционные организации, — это безуспешно состязаться с различными доминирующими организациями. С узаконением же четких политических организаций, обвиняемых за защиту существующих образцов организации, оппозиционные силы могут сконцентрировать свои усилия на борьбе с одной организацией — политической системой.

Кроме того, что политические партии предоставляют мишень для агрессивных действий со стороны ущемленных групп, они вдобавок неизбежно ухудшают положение многих секторов населения, поскольку политический контроль предполагает принуждение и неравное распределение ресурсов. Те части населения, которые больше всех страдают от принуждения и неравного распределения, обычно испытывают растущее чувство обездоленности, вызванное нарушением принципов взаимности и справедливого обмена. Это чувство при самых различных обстоятельствах выливается в движение их *организации* против существующей политической власти. Та

мера, в которой этой организованной оппозиции удастся добиться перераспределения благ, обуславливает чувство обездоленности в других секторах населения, что приводит их к формированию собственного оппозиционного движения. Эти факты демонстрируют характерную черту организации политического авторитета: в соответствии с принципом 7 попытки сбалансировать одну группу отношений обмена между организациями сразу рождает дисбаланс других отношений обмена, вызывая создание оппозиционных организаций. Таким образом, внутренне присущие обществу оппозиционные силы, придающие ему диалектический и динамический характер, как бы «встроены» в структуру политического авторитета.

Трактовка Блау оппозиции как «регенерирующей силы, которая привносит жизненные силы в социальную структуру и становится основой социальной реорганизации»⁴⁵, перекликается с догадками Дарендорфа и Козера. Однако возможность драматических социальных изменений в результате действия оппозиции ограничивается многими противоположными силами, коренящимися в сложных системах обмена между организациями⁴⁶. Во-первых, связанная с получением благ взаимная зависимость большинства организаций друг от друга закрепляет заинтересованность каждой из них в сохранении *status quo* и тем самым выливается в мощное сопротивление оппозиционным организациям. Во-вторых, доминирующие организации, обладающие значительной властью, достаточной для предоставления вознаграждений другим организациям независимо от политических организаций, особо заинтересованы в сохранении существующих договорных отношений и поэтому противостоят организациям, стремящимся к переменам. В-третьих, благодаря своему контролю над распределением ценных ресурсов и доминирующие, и политические организации занимают стратегически выгодную позицию. Они могут позволять себе необходимые уступки в отношении оппозиционных групп, тем самым препятствуя их консолидации в действующую организацию. В-четвертых, оппозиционные движения вынуждены преодолеть процесс интернализации ценностей большинством; без контроля над средствами социализации их идеологический призыв к созданию организации упадет на неблагоприятную почву. И наконец, общества, состоящие из сетей обмена между

сложными организациями, обычно характеризуются высоким уровнем социальной мобильности, направленной к вершинам организационной иерархии, что затрудняет создание стабильной социальной базы⁴⁷.

При рассмотрении анализа Блау обмена между организациями в обществе становится очевидным, что он попытался втиснуть многие допущения и положения теорий Парсонса, Дарендорфа и Козера в рамки перспективы обмена, расширяющие подход Хоманса к анализу «людей как людей». Обсуждая развитие систем обмена между организациями и возникновение политического авторитета, Блау фокусирует внимание на институционализации отношений в рамках феномена, который Парсонс назвал «социальной системой». Тот факт, что данная институционализация основана на интернализации общих ценностей, а также то, что интернальные формы могут быть классифицированы по принципу преобладания в них различных групп ценностей, еще раз подчеркивает «аналитический долг» Блау Парсонсу. В отличие от менее четкого анализа Парсонса Блау концентрирует свой анализ на «механизмах» социального изменения. Соединяя посылки Дарендорфа относительно диалектических оппозиционных сил, внутренне присущих всем типам микро- и макроотношений власти и авторитета, Блау считает источником конфликта дисбаланс в отношениях обмена, нарушающий нормы взаимности и справедливости. Этот дисбаланс неизбежно вытекает из неравного отношения некоторых организаций к обладанию ценными ресурсами.

Блау не перечисляет так точно, как Дарендорф, условия возникновения оппозиции («группы конфликтов» Дарендорфа). В своем анализе Блау подчеркивает степень зависимости лишения благ 1) от уровня экологической концентрации и способности обездоленных к общению; 2) от способности кодифицировать оппозиционную идеологию; 3) от уровня социальной солидарности обездоленных; 4) от степени, в которой оппозиционная организация является политической и направлена против политических организаций. Далее, принятие Блау ключевых положений концепции Дарендорфа проявляется в признании им того, что способность обездоленных секторов населения к организации оппозиции зависит от таких переменных, как темпы социальной мобильности, способность доминирующих групп идти на стратегичес-

кие уступки, а также количество пересекающихся конфликтов, являющихся результатом принадлежности к многим группам. Наконец, несмотря на то, что Блау и не развивает широко свои аргументы, ясно, что он принял генеральную линию Зиммеля и Козера — утверждение, что конфликт и оппозиция представляют собой регенеративную силу в обществе, «противовес... институциональной косности, коренящейся в закрепленных отношениях власти, равно как и в традиционных ценностях, и... [который] является существенным для ускорения социального изменения»⁴⁸.

В целом Блау предложил, возможно, наиболее разнообразный «образ общества» среди современных теоретических перспектив в социологии. Включив в свою концепцию, хотя и несистематизированные, главные тенденции других доминирующих в социологии теоретических направлений, Блау предложил действительно стимулирующий мысль «теоретический «пролегомен», который может послужить руководством для разработки более четких теоретических формулировок. Несмотря на свой гипотетический характер, его схема выдвигает аналитические проблемы, которые в конечном счете должны быть решены. Безусловно, решения, предлагаемые Блау, более элегантны, чем конструктивные усилия Хоманса, однако его схема во многом остается проблематичной.

Критика перспективы обмена Питера Блау

Теоретическая схема Блау подвергалась относительно незначительной критике, в особенности если вспомнить споры, вызванные перспективой обмена Хоманса. Частично этот недостаток критических оценок⁴⁹ вытекает из того факта, что, синтезируя ранее различные теоретические традиции, Блау в своей теории предлагает «нечто для всех». Для функционалиста он предлагает концепцию опосредующих ценностей, типов институтов и партнеров по механизмам социализации и контроля, которые содействуют поддержанию макросоциологической целостности; для теоретиков конфликта Блау выдвигает диалектически-конфликтную перспективу, делая акцент на неприменном существовании оппозиционных сил в отношениях власти и авторитета; для интеракциониста в анализе элементарных процессов обмена Блау делает упор на принятии ролей, исполнении ролей и мани-

иулированной своим Я в процессе борьбы за вознаграждения; что касается критики редукционизма Хоманса, то Блау делает точный слепок форм обмена между возникающими социальными структурами, оставляющий нетронутой «целостность» социологического теоретизирования.

Предлагая теоретический фундамент для основных социологических перспектив, Блау, возможно, подбирает ключ к тому, как должно осуществляться социологическое теоретизирование: вместо того чтобы увязнуть в противоречиях и спорах между сторонниками различных школ, гораздо более мудро включить полезные концепции и гипотезы различных перспектив в единый теоретический «пролегомен», описывающий, как и почему возникают, сохраняются, изменяются и разрушаются образцы социальной организации. Однако сделав эту альтернативу предметом длительных споров, Блау оставил нерешенным целый ряд теоретических проблем. Тщательность его синтеза смягчает их остроту, но все же их решение представляет собой необходимую «вторую ступень» его теоретической стратегии.

Система понятий или теорем? Анализ Блау — это смесь концептуальных таксономий и имплицитных теоретических обобщений. Как было ранее подчеркнута при перечислении семи принципов обмена, эти абстрактные принципы были сформулированы в явном виде. Почему? Ведь факт, что именно они — ведущее звено в его анализе. Может быть, Блау побоялся потока критики, который обрушился на Хоманса при его попытке сформулировать изначальные принципы социологии, и потому сам уклонился от формулирования социологических законов и аксиом. Но возможно, что это имеет и более глубокие корни: сформулировать социологические законы — значит вписать все другие концепции в теоремы, логически связанные с этими законами.

Блау, безусловно, не был готов к решению этой сложной задачи и предпочел, во многом как и Парсонс, очертить круг идей. Подобный круг идей позволяет Блау в значительной степени выйти из аналитического тупика, поскольку такие понятия, как «опосредующие ценности», «интегративные, распределительные и организационные институты», «контринституциональные силы», «социальные категории», «сообщества», «организованные коллективы» и «аналитические социальные системы», в концеп-

туальном смысле взаимно пересекаются, не обозначая точно относящихся к ним явлений. Будучи таковыми, они могут изменяться и корректироваться *ad hoc* и приводиться в соответствие со всем, что «диктуется фактами». Таким образом, равно как и система понятий у Парсонса, «пролегомен» Блау не представляет собой прочно взаимосвязанной логической системы, допуская тем самым чрезмерную широту его использования. Тем самым «пролегомен» Блау позволяет роскошь применения неточно сформулированных понятий к объяснению эмпирических феноменов, не создавая особой возможности их опровержения.

От подобной критики у Блау имеется готовое средство защиты: его целью является не развитие зрелой теории, а создание схемы, способной служить в качестве «предварительной» для ее построения. Стимулирующий характер перспективы Блау, весьма вероятно, способен защитить его систему от нападков; однако, к сожалению, мало кто взял бы на себя задачу придания его схеме большей теоретической завершенности. Сейчас, по прошествии десяти лет с момента ее создания, трудно определить, почему так произошло. Однако, возможно, частично причина лежит в том, что Блау не удалось справиться с некоторыми дополнительными проблемами.

Вопрос тавтологии. С самого начала своего изложения Блау пытается избежать обвинений в тавтологичности, сводя свое определение обмена к отношениям, в рамках которых предполагаются и ожидаются вознаграждения. Более того, если теоретическая перспектива допускает формулирование проверяемых гипотез, то она уже не тавтологична, поскольку в конечном счете «вопрос о том, носят ли теоретические принципы тавтологический характер, зависит от возможности вывести из них эмпирически проверяемые гипотезы, и для иллюстрации наличия такой возможности будут выведены некоторые операциональные гипотезы»⁵⁰ (курсив мой. — Дж. Т.). Однако постоянное отсутствие у Блау логической строгости при формулировании эмпирических «выводов» из более абстрактных принципов обмена не устраняет потенциальную возможность тавтологии, поскольку без четкого применения *логических правил вывода*⁵¹ эмпирическая гипотеза не может рассматриваться как вытекающая из теории. Поэтому теория не обязана защищаться.

от обвинений в тавтологичности, так как эмпирические гипотезы, иллюстрирующие примеры отсутствия тавтологии, не являются необходимо и логически связанными с теорией.

Отвлечемся от «отречения» Блау от тавтологии. Вопрос тавтологии в теории обмена зависит от того, можно ли концептуализировать и измерить стоимость вознаграждений независимо от «деятельности», которая должна регулироваться этой стоимостью. Как подчеркивалось в предыдущей главе, Хомансу не удалось создать такие самостоятельно определяемые понятия, равно как и эмпирические их индикаторы. Схема Блау дает более «элегантное» решение этой проблемы, поскольку он пытается определить родовые типы вознаграждений — деньги, одобрение, уважение и уступки⁵² в зависимости от их ценности для участвующих в обмене лиц.

Аналитически выделяя классы вознаграждений, мы обнаруживаем, что вознаграждение будет определяться независимо от деятельности, за которую оно дается. Это особенно подходит к схеме Блау, поскольку Блау делает попытку выявить родовые типы институциональной деятельности — интегративную, дистрибутивную и организационную — в различных родовых типах социальных единиц — категориях, общностях, организованных коллективах и социальных системах. Хотя он и не разрабатывает абстрактно-теоретических положений, указывающих на то, какой тип вознаграждений и в каком типе социальных единиц будет оказывать влияние на определенный тип институциональной деятельности, возможность решения этой сложной, первоочередной теоретической задачи тем не менее остается. Фактически, вместо того чтобы «иллюстрировать» на примерах свои имплицитные принципы обмена, как они применяются в различных типах институционализированных отношений в различных социальных контекстах, Блау мог бы более плодотворно направить свои усилия на установление эксплицитных связей между своими принципами обмена и абстрактно-теоретическими положениями относительно соотношений между различными типами вознаграждений за различные виды деятельности в разнообразных типах социального устройства. Только с решением этой сложной аналитической задачи теория обмена сможет избежать тавтологии. Возможно, именно трудность ее решения лишает социологов энтузиазма относительно

стимулирующего предостережения Блау «берегись тавтологии!».

Ликвидация разрыва между микро и макро. Одна из наиболее важных аналитических проблем, с которыми сталкивается социологическое теоретизирование, касается следующих вопросов: в какой степени структуры и процессы на микро- и макроуровнях социальной организации могут быть предметом анализа с помощью одних и тех же понятий, являться предметом описания с помощью одних и тех же социологических законов? На каком уровне социологической организации возникающие ее свойства требуют использования дополнительных понятий и описаний в терминах своих собственных уникальных социальных законов? Где критерий сходства и различия групп, организаций, общностей и социальных систем? Эти вопросы вызывают чрезвычайные трудности для социологического теоретизирования и составляют одну из его перманентных проблем. Блау попытался разрешить эту проблему несколькими путями: а) предположив, что основные процессы обмена (притяжение, конкуренция, дифференциация, интеграция и оппозиция) существуют на всех уровнях социальной организации; б) развил идею общих принципов обмена, включая абстрактные понятия обмена, способные объяснить развертывание этих процессов на всех уровнях социальной организации; в) перечислив дополнительные понятия, как, например, опосредующие ценности и институционализация, с целью объяснить явления, возникающие по мере повышения уровней социальной организации; и, наконец, г) классифицировав родовые типы организации — категории, сообщества, организованные коллективы и социальные системы, — отражающие различные уровни организации и требующие использования несколько иных понятий для объяснения их функционирования.

Такая попытка является полезным начинанием в деле ликвидации разрыва между микро- и макроанализом, существующего в социологическом теоретизировании. Однако ряд проблем остается, и именно на их разрешение должны быть направлены усилия по усовершенствованию схемы Блау. Во-первых, Блау определяет «организованный коллектив» настолько широко, что это понятие включает в себя явление в диапазоне от малых групп до сложных организаций. Очевидно, понятия и теоретические обобщения, применимые к малой первич-

ной группе, вторичной группе, толпе, социальному движению, малой организации и крупной корпоративной бюрократии, будут несколько различны. Свойства социальной организации наверняка возникают в широком спектре социальных организаций — от малой группы до сложных видов организаций. Фактически, за исключением учения об обществе, большинство его частей в социологии подпадают под категорию «организованного коллектива» Питера Блау. Блау не разрешил проблемы возникающих свойств, а скорее, напротив, растворил ее в слишком широкой категории, которая охватывает большинство этих свойств, представляющих предмет интереса для социологов.

Во-вторых, введение дополнительных понятий с целью объяснения различий в уровнях организации не более как высвечивает наличие разрыва между микро и макро, не обеспечивая уразумения того, какие понятия необходимы для понимания роста уровня социальной организации. В связи с макроуровнем Блау лишь утверждает наличие определенных элементарных процессов обмена на макроуровнях социальной организации — процессов, требующих введения понятия «опосредующих ценностей», с тем чтобы могли бы быть поняты возникающие уровни организации. Но такой анализ требует решения следующего ключевого вопроса: когда и при рассмотрении каких уровней социальной организации введение таких понятий становится необходимым? Уровень ли это диад, триад, первичных или вторичных групп, малых или крупных организаций? Другими словами, где и какие виды ценностей приобретают аналитическое значение, а также каковы управляющие ими законы. Блау просто заявляет, что с определенного момента «опосредующие ценности» приобретают решающее значение, избегая тем самым ответа на этот интересный теоретический вопрос.

В-третьих, как уже подчеркивалось, для концепции Блау характерно нечеткое определение понятий обмена и включение их в соответствующие принципы обмена. В этой главе была дана главным образом попытка сделать более явными неявно выраженные Блау принципы обмена, используемые в его анализе. Без эксплицитных формулировок законов обмена, которые связывают различные уровни социальной организации, Блау не способен подойти к решению проблемы, которую сам он в начале

своего основного труда объявляет проблемой исключительной важности.

«Проблема состоит в том, чтобы вывести социальные процессы, управляющие сложными структурами сообществ и обществ, из более простых процессов, которые охватывают повседневное общение индивидов и их межличностные отношения» (курсив мой. — Дж. Т.)⁵³.

Для того чтобы осуществить такое «выведение», необходимо четко сформулировать законы, на основании которых может быть сделан переход от простых структур к более сложным. Слишком часто Блау прикрывается тем, что, как он говорит, его «целью не является создание систематизированной теории социальной структуры: цель значительно более скромная»⁵⁴. Поскольку в свете нынешнего состояния социологии любая «теория» неизбежно кажется «скромной», одним из первых шагов Блау должно было стать ясное изложение понятий и утверждений, которые охватывают все уровни социальной организации, а также функционирование основных процессов притяжения, конкуренции, дифференциации, интеграции и оппозиции. Этот недостаток становится особенно очевидным на фоне достаточно детального рассмотрения Блау других понятий данной схемы. Таким образом, основные принципы обмена Блау могут приобрести более явную форму усилиями «толкователей» его взглядов. Более желательно, однако, чтобы создатель и защитник этих взглядов сделал это сам. Однажды сделанные явные выводы могут быть сформулированы в качестве родовых утверждений, приложимых к конкретным четко определенным родовым уровням организации. Попытка увязать в систему ясно сформулированные абстрактные принципы обмена и описание процессов в рамках различных социальных единиц, будь то тип группы, организации или общности, поможет постепенно прояснить, когда именно выводы из абстрактных принципов обмена укажут на возникновение социальных явлений, требующих создания единого набора абстрактных утверждений. Пока же принципы обмена остаются имплицитными, задача ликвидации «разрыва» между микро и макро с помощью целостного набора принципов, из которых можно вывести единые законы, описывающие различные уровни социальной организации, представляется трудноразрешимой.

Подводя итог всему изложенному выше, можно сказать, что Блау не сформулировал в явном виде ни общие принципы, которые действуют на всех уровнях социальной организации, ни те законы, которые управляют на каждом из этих уровней. Блау не использовал, таким образом, самого многообещающего начинания для решения этой проблемы, постоянно стоящей перед социологическим теоретизированием. Сторонник перспективы обмена должен по крайней мере начинать с более ясной формулировки основных принципов своей концепции, тогда как социолог, исследующий самостоятельные области социальной жизни, такие, как малые группы, коллективное поведение, сложные организации и сообщества, должен начинать с вопроса о том, каким образом большинство абстрактных теоретических утверждений каждой самостоятельной области могут быть увязаны с принципами обмена. Отсутствие усилий в этом направлении неизбежно вызовет вопрос о том, как принципы обмена способны помочь в объяснении появления различных образцов и уровней социальной организации.

Если и дальше игнорировать данную задачу, спорный «пролегомен» неизбежно будет накапливать, а не решать важные теоретические задачи, стоящие перед социологической теорией.

ЧАСТЬ V

НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

ГЛАВА 15

Переформулировка проблемы порядка

Для Томаса Гоббса «проблема порядка» состояла в том, насколько возможен социальный порядок. Для современного социологического теоретизирования этот центральный вопрос трансформируется в вопрос об условиях, при которых различные образцы социальной организации создаются, поддерживаются, изменяются и разрушаются. Отвечая на этот теоретический вопрос, каждая из главных концептуальных перспектив, обсуждавшихся нами, вводит ряд понятий, обозначающих фундаментальные процессы институционализации и деинституционализации. Поскольку эти перспективы указывают на различные черты институционализации, их скомбинированное интеллектуальное наследие может быть рассмотрено как пробное начинание для разрешения проблемы порядка. Несмотря на внушительность этого начинания, является также очевидным, что социальная теория оказалась не в состоянии обратиться к некоторым из наиболее важных вопросов.

Концептуализация процесса институционализации

«Институционализация» — это очень общий термин, обозначающий многообразные процессы, при помощи которых осуществляется организация индивидов, групп и других типов социальных единиц. Если внимание направлено на организацию отношений между немногими взаимодействующими индивидами или между большими организациями и сообществами, то специфические понятия, употребляемые на любом уровне анализа, обозначают грань более общего процесса институционализации. Когда выражаются таким образом, «решение» проблемы порядка будет включать понимание комплексного

процесса институционализации. Поэтому социологическое теоретизирование должно приступить к развитию взаимосвязанной совокупности понятий, организованных в систему теоретических утверждений, которые могут категоризировать, объяснить и придать смысл пониманию того, почему и как могла бы осуществиться институционализация.

Проблемы концептуализации

Поскольку понятие институционализации является в высшей степени абстрактным и охватывает широкий спектр социальных явлений, трудно понять, какие классы менее абстрактных понятий будут необходимы для построения социальной теории. На что должен быть направлен социальный анализ? Принимая какие общие черты явлений теории начинают развитие концепций? Это не тривиальные вопросы, поскольку они заставляют теоретиков рассмотреть основные свойства социальной реальности, которую они намереваются изучать. Сформулируем вопрос дифференцированно: Что находится «вне нас» в «реальном» социальном мире?

На наиболее абстрактном уровне, игнорируя в данный момент субстантивные различия социальных явлений, доказано, что теоретическое понимание институционализации потребует понятий, выражающих различия в следующих *общих классах социальных явлений*:

- 1) человеческие индивиды,
- 2) социальные отношения между индивидами,
- 3) возникающие образцы коллективной организации между индивидами,
- 4) социальные отношения между различными типами единиц коллективной организации и
- 5) возникающие образцы организации между различными типами коллективных единиц.

Это упорядочение явлений предназначено для подтверждения того, что понятия, обозначающие природу индивидов, будут необходимы для понимания процесса институционализации. В свою очередь, как отмечено выше (пункт 2), понятия, указывающие на процессы, посредством которых индивиды устанавливают социальные отношения, также будут иметь большое значение. Далее, как подчеркнуто в пункте 3, другая совокупность понятий будет необходима для обозначения различных свойств возникающих образцов коллективной организа-

ции, которая создается из взаимодействия между индивидами. Со своей стороны как самостоятельно взаимодействующие сущности эти возникающие коллективные образцы организации могут иметь различные типы социальных отношений друг с другом, указывая на необходимость другой совокупности понятий, описывающих эти процессы (4). И наконец, следствием процессов, устанавливающих отношения между коллективными единицами, являются различные образцы социальной организации, которые потребуют еще одной совокупности понятий (5).

Этот набросок общих типов и классов понятий, важных для понимания процессов институционализации, возможно, является очевидным. В конце концов, не должны ли социологи выдвинуть понятия о природе человеческой личности так же, как об организации таких явлений, как диады, триады, первичные и вторичные группы, сложные организации, сообщества, институты и другие типы микро- и макросоциальных систем? В самом деле, социологическое теоретизирование развивает понятия, относящиеся к этим общим классам социальных явлений, но понятия, которые возникают из этих усилий, имеют тенденцию выделять некоторые классы социальных явлений, чтобы исключить другие классы. Как показано на табл. 15, совокупность понятий и допущений относительно природы индивидов, типов социальных отношений между индивидами и типов отношений между различными видами коллективных единиц уже разработана. Но природе возникающих образцов коллективной организации между индивидами или различными типами коллективных единиц современные разновидности социологического теоретизирования уделяют значительно меньше концептуального внимания.

В самом деле, в то время как социологи различают такие возникающие явления, как первичные и вторичные группы, различные формы бюрократизации, различные социальные институты, городские и сельские сообщества, а также примитивные, переходные и современные общества, они оказались не в состоянии выработать теоретические суждения о том, какие из этих явлений являются *родовыми* и потому отличаются друг от друга в терминах определенных *основных свойств*. Дефиниции первичных и вторичных групп, сообщества, бюрократии, социальных институтов и других возникающих феноме-

Таблица 15

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

Концептуализация различных классов явлений	Преимствен- ность понятий
Природа индивида	Высокая
Природа отношений между индивидами	Высокая
Природа возникающих образцов коллективной организации индивидов	Низкая
Природа отношений между коллективными орга- низациями	Средняя
Природа возникающих образцов организации между коллективными единицами	Низкая

нов избивают в социологическом теоретизировании, как это может подтвердить внимательное чтение учебных пособий по социологии. Тем не менее эти дефиниции — лишь догадки о том, какие явления носят всеобщий характер, поскольку они редко используются для построения специфических понятий, инкорпорированных в абстрактные теоретические утверждения, которые позволили бы проникнуть в то, где кончаются первичные группы и начинаются вторичные; чем небольшие бюрократии отличаются от больших; где «малые городские» сообщества теряют свои общие свойства, которые позволяли бы отличить их от «сельских» сообществ; где политические, правовые или экономические институты теряют свои фундаментальные свойства, позволяющие отличить их друг от друга и от других предположительно возникающих социальных единиц. Социологическое теоретизирование разработало многие понятия и убедительные утверждения относительно таких явлений, как символическое взаимодействие, принятие ролей, ролевые конфликты, ролевые сделки, первичный и вторичный обмен, конфликт — кооперация, господство — подчинение, авторитет, власть, коалиция, чтобы описать *отношения* между различными типами социальных единиц. Эти усилия сопровождаются сравнительно редкими попытками разработать понятия относительно *природы единиц*, находящихся в отношениях друг с другом.

Существование возникающих социальных явлений стали бы отрицать немногие социологи. Даже такие «редукционисты», как Хоманс, не оспаривают того, что со-

циальные структуры не являются реальными, а могут быть объяснены только при помощи понятий, описывающих отношения между индивидами. Подобно этому, символические интеракционисты не рассматривают возникающие явления как несуществующие, а рассматривают их как объяснимые в терминах способности индивидов к принятию роли и самооценке. Очевидно, что не игнорируют возникающие образцы организации и теории конфликта, такие, как Дарендорф с его понятием «императивно координированная ассоциация», функционалисты, такие, как Парсонс с его понятием «социальная система», или теоретики обмена, такие, как Блау с его понятиями «макроструктура» и «субструктура».

Итак, короче говоря, сторонники каждой из названных концептуальных перспектив редко обсуждают общие типы единиц, находящихся в отношениях друг к другу. Скорее всего, природа возникающих образцов социальной организации обычно затушевывается такими неопределенными понятиями, как «объединенное действие», «социальная система», «императивно координированные ассоциации», «макроструктуры», «коллективность», «субинституциональный — институциональный», «культурная единица», «субструктура», «субсистема» и т. д. Ни одно из этих понятий не объясняет того, чем каждое социальное явление отличается от другого в терминах их фундаментальных свойств, которые могли бы быть описаны при помощи ряда понятий, инкорпорированных в теоретические утверждения.

Удивительно, что это кажущееся внимание к социальным отношениям не побудило теоретиков задать, казалось бы, весьма естественный вопрос: не влияет ли природа единиц, включенных в установленное отношение, на тип социального отношения? Значительное внимание уделяется тому, как природа индивидов влияет на типы социальных отношений, которые будут возникать в результате их взаимодействия, но помимо этого анализа на микроуровне теории интеракционизма, функционализма, обмена и конфликта на деле игнорируют тот факт, что природа единиц в процессе взаимодействия, обмена, функциональной взаимозависимости или конфликта будет влиять на типы отношений, которые они устанавливают.

Эти проблемы являются фундаментальными для современных попыток изобразить процесс институционали-

зации. В самом деле, если достигнуто понимание того, как и почему возможны различные образцы социальной организации, то необходимо предпринять теоретическое усилие для выявления самых основных возникающих образцов такой организации. Это усилие будет означать нечто большее, чем простое учебное перечисление дефиниций, поскольку последние не указывают на то, как одна единица коллективной организации действует по законам, которые позволяют отличать ее от другой общей единицы коллективной организации. Без этой способности отличать друг от друга классы возникающих явлений построение теории в социологии будет, так сказать, неэффективным, поскольку будет трудно узнать, на каком уровне социальной организации будет иметь место предположение, описывающее частный социальный процесс. Например, будет ли относиться предположение об отношениях индивидов в «первичной» группе к отношениям во «вторичной» группе? Или будет ли предположение об отношениях в одной организации относиться к другому типу организации? Таковы вопросы, на которые трудно найти ответы современному социологическому теоретизированию прежде всего потому, что оно уделяет недостаточно внимания концептуализации основных уровней социальной организации.

Стратегия концептуализации

Имеется много стратегий, помогающих теоретикам уточнить этот теоретический взгляд. Возможно, что наиболее плодотворным будет также наиболее очевидное: сформулировать концептуальные аргументы доказательно пропозиционально. Слишком часто теоретические схемы не формулируются доказательным образом, в результате чего многое из того, что входит в социологическую теорию, является двусмысленной мешаниной неустановленных допущений и образов каузальных процессов. Если же аргументы, касающиеся частных социальных явлений, сформулированы доказательно, они более способны ответить на вопрос, в каких ситуациях они истинны и когда они приносят мало пользы для категоризации, объяснения и выявления смысла понимания социальных событий. Сформулированные доказательно теоретические аргументы будут более пригодны стимулировать проведение эмпирического исследования; и, будучи

сверненным с имеющимися данными, число явлений, к которым относится утверждение, станет все в большей степени очевидным. По мере того, как аккумулируются эти типы доказательных аргументов, они начнут «группироваться» вокруг частного уровня социальной организации, к которой относятся, указывая таким образом на основные уровни социальной организации, существующие «вне нас» во внешнем социальном мире. Например, поскольку верифицированные высказывания о явлениях, неточно обозначенных при помощи ярлыка «группы», распространены в исследованиях и теоретической литературе, становится все более очевидным, что некоторые из этих утверждений относятся только к небольшим группам «лицом к лицу», в то время как другие применимы только к процессам в более широкой сети взаимодействия. Утверждения будут не только «группироваться» таким образом, но вероятно, что будут возникать заметные пропозициональные пробелы между аккумулируемыми описаниями. Эти пробелы могли бы обозначить области, не привлекавшие концептуальных и исследовательских усилий, но они могли бы также указать на те области, в которых осуществляется переход от одного уровня возникающей организации к другому. Таким образом, если вдруг окажется, что утверждения относительно малых групп «лицом к лицу» неприменимы к более широкой сети взаимодействия, то *качественное и родовое* различие между двумя явлениями должно быть сформулировано в виде гипотезы (пока дополнительные данные не потребуют чего-либо другого), указывающей на тот пункт, где существует новый возникающий уровень социальной организации, действующий по своим собственным принципам. Естественно, такие пробелы между сгруппированными совокупностями утверждений редко будут столь очевидными, как показано здесь, но это доказывает, что если предпринимаются систематические попытки выразить аргументы доказательно и затем подвергать эмпирической проверке тот ряд событий, к которому они относятся, социологическое теоретизирование более ясно поняло бы уровни социальной организации, существующие во внешнем социальном мире, и конечно, могут существовать утверждения, возникающие из различных пропозициональных описаний, которые относятся ко многим уровням организации, давая возможность теоретикам

экспериментально сформулировать утверждения как более общий социологический «закон». Таким образом, стало бы возможным более адекватное теоретическое разрешение гоббсовской проблемы порядка.

При современной ситуации в социологии социальные явления изучаются более по историко-политическим причинам в рамках социологии как профессии, чем по их отношению к комплексу проблем возникающих явлений. Социология, как кажется, принимает политическое участие в таких субобластях, как малые группы, социальная психология, сложные организации, стратификация, отклонение, различные институциональные специальности (такие, как социология образования и политики), социология города, социология сельского хозяйства, социальное изменение, экономическое развитие, микросоциология, макросоциология и т. д. Учебные пособия по социологии обычно адресуются к более общим явлениям, таким, как индивид, первичные группы, вторичные группы, ассоциации, агрегаты, коллективные формы поведения, системы стратификации, сложные организации, сообщества и социальные институты. Действуют ли все эти различные явления согласно их собственной совокупности законов? Общераспространенным является тот факт, что исследования и теоретические усилия в различных областях социологии не дают даже приблизительного ответа на то, что представляется очевидным вопросом¹.

Хотя политические подразделения в областях социологии не перестают существовать², возможно использовать их различные исследования и концептуальные попытки для того, чтобы построить теорию, при условии, что аргументы должны будут формулироваться доказательно. Без некоторых по крайней мере усилий в этом направлении попытки построить теорию институционализации будут оставаться тщетными. Например, как можно определить аргумент в том случае, если он не суммирован пропозиционально, когда неясно установленная совокупность допущений и каузальных образов политических процессов в отдельном национальном государстве имеет импликация для понимания политических процессов вообще, ничего при этом не говоря о действительности того, что, возможно, является более общей социальной единицей, такой, как социальные институты. При таких обстоятельствах было бы трудно построить теорию лю-

бой дисциплины; именно по этой причине теоретическая работа в социологии не была столь продуктивной, как это возможно.

Действительно, нежелание части социологов-исследователей суммировать свои исследовательские данные пропозиционально, а также нежелание теоретиков перевести их специфические модели и парадигмы в предложения сделало «теорию» в социологии рядом впечатляющих, но в высшей степени неопределенных концептуальных перспектив. Поскольку функционализм, теория конфликта, интеракционизм и теория обмена выдвинули многообещающую, но неубедительную серию понятий и временами предложений, касающихся только различных аспектов институционализации, их полезность в достижении теоретического «решения» проблемы порядка весьма ограничена. При отсутствии широкого согласия среди социологов формулировать теоретические аргументы и исследовательские данные пропозиционально будет трудно собрать обширные описания теоретических утверждений, которые могут помочь организовать эти общие перспективы³.

Перспективы процесса институционализации

Как мы отмечали, процесс институционализации требует того, чтобы аналитическое внимание было обращено на формулировку понятий и суждений, относящихся к некоторым общим классам явлений: 1) природа человеческих индивидов, 2) природа и типы социальных отношений между индивидами, 3) природа и типы возникающих образцов коллективной организации между индивидами, 4) природа и типы социальных отношений между такими коллективными единицами индивидов и 5) природа и типы возникающих образцов организации среди различных типов коллективно организованных единиц. Концептуальные перспективы, обсуждавшиеся на предыдущих страницах этого тома, предлагают приблизительный список понятий для понимания 1, 2 и 4-го пунктов, но по отношению к проблемам возникающих явлений (3-й и 5-й пункты) современные теоретические перспективы остаются странным образом неинформативными.

Рассматривая то, что могут предложить главные направления в социологии для концептуализации процесса

институционализации, полезно суммировать преюмственность понятий, которые развивает для этих пяти общих классов явлений каждое из этих направлений.

Природа человеческого индивида

Функционализм. В «Структуре социального действия»⁴ Парсонс заимствовал у экономистов-утилитаристов основное допущение, согласно которому человеческие индивиды являются организмами, принимающими решения, организмами, которые взвешивают и затем отбирают соответствующие средства для достижения целей (см. главу 3). Преследуя цели, индивиды должны ориентироваться в широком разнообразии «объектов» окружения, включая культурные ценности и нормы, а также экологические и физические параметры ситуации. В очень значительной степени эти объекты детерминируют цели, преследуемые «актерами», указывая таким образом на то, что направление человеческого поведения в значительной степени обусловлено культурой, давлением окружения и физическими чертами людей как биологических организмов. Более того, Парсонс рассматривает не только объекты окружения, влияющие на восприятие целей, но также и приемлемые средства для их достижения. Отсюда, поскольку актеры взвешивают различные альтернативные линии поведения, альтернативы, которые они считают для себя приемлемыми, и средства, которые они в конечном итоге выбирают для достижения целей, в высшей степени обусловлены миром объектов, существующих в их окружении.

В последующем обсуждении индивида Парсонс сфокусировал внимание на структуре человеческой личности — черте индивида, фактически игнорировавшейся в «Структуре социального действия». Культурные объекты и физические черты человека как биологического организма теперь стали рассматриваться как взаимодействующие в совокупности способов, влияющих на структуру потребностей индивида, которая в свою очередь влияет на преследуемые им цели. Более того, совокупность функций «эго» индивидов исследовалась более тщательно, когда Парсонс начал признавать значение восприятий «актерами» самих себя как объектов, которые могут вмешиваться в ситуацию взаимодействия посредством воздействия на восприятие целей, а также оцени-

вая средства и совершая возможный при данных обстоятельствах выбор линии поведения⁵.

Все эти внутренние психологические процессы классифицируются в терминах их последствий для объединения четырех императивов, характеризующих любую систему действия: адаптации, достижения цели, интеграции и латентности. Биологическая энергия, необходимая для мобилизации и поддержания индивидов, теперь концептуализируется как адаптивный процесс; оценка и выбор альтернатив рассматривается как функция достижения цели; введение культурных объектов, ограничивающих процесс целедостижения в принятии решения, теперь концептуализируется как латентный процесс; восприятие объектов ситуации в данном окружении, включая восприятие самого себя как объекта, и их согласование с адаптивными (биологические потребности) процессами и латентными процессами (культурно воспитанные потребности) рассматриваются как интегративная функция человеческой личности.

Таким образом в парсонсовской теории действия индивид рассматривается как существо, принимающее решение, которое подходит к любой ситуации взаимодействия с комплексом скрытых целей, влияющим на общую ориентацию индивида, восприятие альтернативных линий поведения и выбор особой линии поведения. Однако в каждом конкретном обстоятельстве взаимодействия индивид должен согласовывать свое поведение с новыми объектами — будь то ценности, нормы, другие индивиды или переоценка самого себя. Таким образом, человеческие индивиды, с одной стороны, частично «запрограммированы», так как они испытывают на себе влияние социальных отношений, а с другой стороны, они обладают способностью «перепрограммировать свои ориентации и поведение, так как они исследуют особенности конкретных обстоятельств взаимодействия (см. главу 12, где подробно изложены эти аргументы)⁶.

Теория конфликта. У Дарендорфа индивид концептуализируется только как член императивно координированной ассоциации. Посредством такого членства индивиды рассматриваются как обладающие способностью осознать свою зависимую позицию и организовать в конфликтные группы для изменения этой позиции.

У Козера индивид концептуализируется только как организм, способный на интенсивное эмоциональное воз-

мущение и вовлеченный, как индивид или как член группы, в конфликт с другими индивидами или группами⁷.

Интеракционизм. С перспективы теории ролей индивид рассматривается как обладающий способностью интерпретировать требования ситуации взаимодействия и затем исполнять требуемые действия, используя различные стили поведения. Люди обладают способностью создавать символическое окружение, составленное из экспектаций других индивидов и групп, не обязательно присутствующих в ситуации взаимодействия. Интерпретация экспектаций в любой ситуации и поведение, соответствующее этим экспектациям, являются обычно смесью экспектаций и групп, как непосредственно присутствующих, так и выраженных символически. Более того, поскольку индивиды также имеют собственное Я, их интерпретация экспектаций и стиль их поведения, соответствующий этим экспектациям, будут в высшей степени подвержены влиянию как более устойчивых концепций собственного Я, так и производных от ситуации образов собственного Я.

Символические интеракционисты наибольший акцент делают на том факте, что люди создают символические меры объектов. Такие объекты могут включать культурные предписания, нормативные предписания, требования воображаемых или непосредственно присутствующих индивидов и групп, а также устойчивых или преходящих образов своего Я как объекта. В отношении всех «объектов», созданных в ситуации, «актеры» имеют диспозиции (предрасположения) действовать определенным образом, руководствуясь общей совокупностью этих диспозиций, конституирующей полное «определение ситуации». Таким образом, индивидуальное поведение отражает особый мир объектов, созданный в некоторое данное время в ситуации взаимодействия. Однако так как индивиды создают эти символические миры объектов, на которые они реагируют, они также могут включать в ситуацию взаимодействия новые объекты и отсюда новые диспозиции к действию, наделяя таким образом людей способностью изменять свое поведение.

Теория обмена. Во всех вариантах теории обмена индивид рассматривается как организм, ищущий вознаграждения. Вознаграждения в свою очередь определяются в терминах их способности давать удовлетворение или соответствовать внутренним или приобретенным по-

требностям. В поисках вознаграждений индивид истолковывается как способный производить расчеты относительно вознаграждений, оплаты и вложений, произведенных и расходуемых при нахождении конкретной линии поведения. Поскольку эти калькуляции не обязательно являются осознанными или рациональными и испытывают влияние многих сил, теория обмена делает акцент на способности индивида а) понимать альтернативные поведения в некоторой ситуации взаимодействия, б) взвешивать и оценивать как эксплицитно, так и имплицитно пропорцию затраты — вознаграждения в каждой альтернативе и в) решать о ходе действия в соответствии с «приемлемой» прибылью или вознаграждением.

Согласно парсоновской переформулировке утилитаризма, сторонники структуралистской теории обмена, такие, как Блау, концептуализируют влияние культурных компонентов, таких, как ценности и нормы, на восприятие, оценку и принятие решений относительно альтернативных линий поведения. Как структуралисты, подобные Блау, так и психологически ориентированные теоретики обмена, подобные Хомансу, концептуализируют значение концепций собственного Я и самооценок в описаниях индивидами соотношения цены, вклада и вознаграждения при альтернативных линиях поведения.

В итоге каждая из этих доминирующих концептуализаций природы индивида направлена на освещение способностей, помогающих людям формировать, поддерживать и изменять социальные отношения. Социологи не занимаются разработкой модели или «теории» человеческой личности самой по себе, но только теорией способностей индивида, которые влияют или испытывают влияние в ходе взаимодействия их друг с другом. Тем не менее каждое из различных понятий, развиваемых социологией, представленной доминирующими теоретическими перспективами, касается компонентов личности, которые могли бы быть более тщательно концептуализированы в «теории» человеческой личности.

Учитывая то значение, которое Парсонс приписывал биологическим параметрам действия, а также понимание человеческой мотивации как удовлетворения внутренних потребностей, развиваемое теоретиками обмена, социологическая теория признает релевантность биологических сил при понимании различных типов социальных

отношений и возникающих образцов социальной организации. Однако эти биологические переменные не могут быть экстенсивно выражены и не могут быть последовательно инкорпорированы в различные описания человеческого взаимодействия⁸. Социологическое теоретизирование скорее направлено на природу «приобретенных» потребностей и их влияние на ход взаимодействия. Если следовать описаниям Парсонса, интеракционистов или теоретиков обмена, станет ясно, что человеческая способность интерпретировать жесты других и включаться в скрытые символические процессы результируется в «интернализации» различных культурных ценностей и других символов, что в свою очередь мотивирует индивидов при канализации их поведения в определенных общих направлениях. Более того, с точки зрения Парсонса и интеракционистов, та же самая способность интерпретировать жесты других и использовать эти символы для выражения себя как объекта в ситуации взаимодействия ведет к индивидуальной концепции самого себя как определенного типа личности, который может реагировать специфическим образом и который может вовлекаться только в определенные типы поведения. Таким образом с точки зрения социологической перспективы первоначальная мобилизация человеческого организма на формирование социальных отношений концептуализируется как неспецифическая функция биологических потребностей, культурно интернализированных мотивов и концепций, оценивающих собственное Я.

Способность человеческого организма создавать символические миры объектов таким образом концептуализировалась парсонсоновским функционализмом, интеракционизмом и в меньшей степени теорией обмена, чтобы очертить направление поведения, однажды принятого. Для теории Парсонса было характерно подчеркивание способности «актера» интернализировать ценностные ориентации, его восприятия нормативных требований, относящихся к ситуации взаимодействия, специфической интерпретации требований других («alters»), и общих экологических параметров ситуации. Поскольку Парсонс⁹ стал позднее концептуализировать процессы, посредством которых Я как объект начинает влиять на под взаимодействия, он приблизился к интеракционистской перспективе, которая приложила наиболее постоянные аналитические усилия к тому, чтобы понять влияние

переменных, связанных с Я, на взаимодействие. С точки зрения интеракционистского направления способность создавать символический мир, на который реагирует индивид в процессе взаимодействия, позволяет ему ввести в ситуацию взаимодействия Я как объект, требующий некоторого типа ответов. Такое введение может осуществиться при помощи ряда способностей: 1) чтение жестов других в непосредственной ситуации взаимодействия, чтобы создать образ Я и затем реагировать на этот образ; 2) вообразить оценку других, которая не вытекает из непосредственной ситуации взаимодействия, с тем чтобы создать в их глазах образ собственного Я и затем реагировать на этот воображаемый образ самого себя; 3) привести в ситуацию взаимодействия более постоянную и устойчивую концепцию Я, чтобы интерпретировать, какие ответы являются постоянными (или непостоянными) для этой концепции, и затем отвечать на давления, продиктованные более постоянной концепцией Я. С позиций как функционализма Парсонса, так и интеракционизма сложная взаимная игра между этими способностями, связанными с Я, относится к человеческой способности приносить в ситуацию ценности, чтобы интерпретировать нормативные и межличностные экспектации этой ситуации и чтобы понять экологические факторы таких ситуаций, результирующиеся в том, что интеракционисты называют «дефиницией ситуации» или что Парсонс просто обозначил как «ориентация». Однако хотя некоторые и предпочитают наклеивание ярлыков, цель социологического анализа состоит в концептуализации тех переменных, которые дают направление поведению, мобилизуя и мотивируя человеческих деятелей.

Действительный ход поведения наиболее адекватно был концептуализирован в теории действия Парсонса и в теории обмена. В понятиях «дефиниция» ситуации или «ориентация» на ситуацию люди рассматривались как существа, направленные к целям, поскольку каждый объект, символически включенный в ситуацию взаимодействия, может рассматриваться как цель, по отношению к которой должны быть организованы реакции индивидов. Будут ли объектами ценности, нормативные предписания, межличностные экспектации других или требования Я, люди рассматривают их как цели, которые они должны достигнуть. Парсонс осуществил одну из наиболее важных концептуализаций сложных процес-

сов, посредством которых люди организуют свое поведение, направленное на достижение цели. Эта организация принимает форму принятия «решений» относительно различных реакций, поскольку индивиды пытаются «рас-сортировать» различные средства и согласовать их с множеством целей, преследуемых в ситуации. Подобно этому, хотя и в менее точной формулировке, интеракционистская традиция подчеркивает значение «внутренней», или, если сказать в терминах самого Мида, «репетиции в воображении» — процесса, в ходе которого индивиды взвешивают различные альтернативы и затем выбирают поведение, являющееся наиболее «удовлетворительным» согласованием различных компонентов их «определения ситуации».

Теория обмена, возможно, наилучшим образом концептуализировала то, что можно назвать наиболее «удовлетворительным» согласованием. Хотя понятия цены, вознаграждения и прибыли чреватые операциональными проблемами, утверждения, инспирированные ими, позволяют концептуализировать процессы принятия решения человеческими индивидами в терминах относительно «ценности» «объектов», вводимых в ситуацию взаимодействия. Поскольку общий ход взаимодействия испытывает влияние комплекса взаимодействия между взаимосвязанными объектами, а также ценностей, норм, межличностных требований различных других индивидов и множества экологических параметров, ход открытого поведения во взаимодействии будет отражением способности индивидов оценить в уме возможную расплату, которая последует за реакцией на каждый объект. Хотя понятия «ценность», «вознаграждение», «стоимость» и «прибыль» измеряются нелегко, они дают социологическому теоретизированию средства для концептуализации тех способов, посредством которых индивиды — в границах их общих «ориентаций на» и «дефиниций» ситуаций — способны принимать решения о том, как они будут реагировать на мир объектов, создаваемых ими в каждом социальном отношении.

В итоге, вооруженная именно этими понятиями социологическая теория подходит сейчас к исследованию индивида и процесса институционализации. Хотя подобная концептуализация индивида часто страдает от неточности теоретических дефиниций и трудностей операционализации, а также от отсутствия пропозициональных до-

казательств, представляется, что социологическое теоретизирование получило многообещающий перечень понятий. Этот перечень может послужить подходом к пониманию того, как природа индивида «способствует» теоретическому решению гоббсовской проблемы порядка.

Социальные отношения между индивидами

Поскольку индивиды вступают в социальные отношения, располагая перечисленными выше способностями, природа их взаимодействия будет отражать, какие именно из этих способностей подвержены аналитическому выделению. Поскольку налицо значительное совпадение и взаимодополнительность различных концептуализаций индивида, каждая теоретическая перспектива в социологии подчеркивает какие-то различные аспекты взаимодействия между индивидами.

Функционализм. Согласно Парсонсу, индивид вступает во взаимодействие, обладая совокупностью «ориентаций». Эти ориентации формируются в процессе того, как индивиды сочетают приобретенные и биологические потребности с широким многообразием «объектов» в обстоятельствах взаимодействия, включая культурные ценности, нормативные предписания, концепции собственного Я и, что наиболее важно, воспринятые ориентации других. К сожалению, Парсонс не дает более детального описания процессов, посредством которых два «актера» — по его терминологии, «эго» и «другой» — приспособляют взаимно свои ориентации для установления различных типов социальных отношений.

То, что делает Парсонс, — так это впечатляющая концептуализация индивида и совокупности переменных — «образец переменных» — для описания типов социальных отношений, возникающих из этих несколько таинственных процессов взаимодействия между индивидами. Он имплицитно признает, что «объекты», привнесенные в ситуацию, интерпретация жестов других в ситуации, умственная оценка альтернативных линий действия и «волюнтаристское» решение поступать определенным образом — все это принимает форму хода взаимодействия и результируется в социальных отношениях. Однако эти способности индивидов далее не концептуализируются в совокупность более конкретных понятий и суждений относительно процессов, посредством которых создаются

социальные отношения. Все же, когда социальные отношения установлены, Парсонс намечает несколько классов переменных, которые могли бы, по крайней мере частично, описать сохранение и изменение таких отношений. Он включает в этот перечень такие процессы, как незаметные межличностные жесты и санкции, ритуальные действия, ролевую сегрегацию, роли клапана безопасности и силы принуждения¹⁰. Помимо этого приблизительного перечня, парсонсовская схема лишена конкретных понятий для обозначения процессов взаимодействия и формирования социальных отношений. Возможно, что отсутствие того, что является наиболее специфическим для взаимодействия как процесса, и делает парсонсовскую теорию действия уязвимой для упрека в том, что он подчеркивает «структуру» за счет игнорирования социальных «процессов»¹¹.

Теория конфликта. У Дарендорфа социальные отношения концептуализированы почти исключительно в терминах господства и подчинения. То, как возникает такое положение дел, никогда серьезно не обсуждается, поскольку предполагается, что неравное распределение власти, авторитета и других дефицитных ресурсов внутренне присуще всем социальным отношениям. Дискуссия поэтому сфокусирована на том, как совокупность отношений господства и подчинения трансформируется посредством конфликта в другую совокупность таких отношений, и все это диалектически бесконечным образом. В этом анализе немного аналитических ключей к тому, как взаимодействуют индивиды с тем, чтобы сформировать конфликтные группы, которые ведут к новым отношениям господства и подчинения.

Та же самая концептуальная неопределенность может быть отмечена и в схеме Козера относительно межличностных процессов, обуславливающих различные типы возникающих социальных отношений. Хотя такие психологические переменные, как «эмоциональная вовлеченность» и «относительное лишение», равно как и такие структурные переменные, как уровень «интеграции» и «социальная мобильность», обозначают некоторые из условий, ведущих к формированию определенных типов конфликтных отношений, теоретическая схема ясно не направлена на более общий вопрос о том, как и почему возможны социальные отношения между индивидами.

Интеракционизм. Как предполагает само его название, интеракционистская перспектива фокусирует внимание главным образом на процессах, ведущих к созданию, поддержанию и изменению социальных отношений между индивидами. Весьма сходное с парсонсовским понятием «ориентация» интеракционистское понятие «определение ситуации» обозначает комплекс процессов, посредством которых «объекты» вводятся в обстоятельства взаимодействия. И так же, как в теории действия, эти объекты могут включать непосредственно присутствующие или воображаемые другие объекты, нормы, образы и концепции собственного Я или какие-то другие «объекты», определяемые индивидом как релевантные для ситуации. Подобно теории действия, интеракционизм вводит важное понятие — «принятие роли» — для обозначения процессов, в ходе которых два или более индивида «читают» или «интерпретируют» жесты друг друга, с тем чтобы не только создать образ собственного Я, но и выработать понимание диспозиций тех «других», которые участвуют в конкретной ситуации взаимодействия. Однако принятие роли не рассматривается как необходимо связанное с отдельной ситуацией. Люди часто усваивают роли, перспективы и диспозиции других индивидов и групп, не присутствующих непосредственно, и используют их мнения не только для оценки самих себя как объектов, но также для оценки других объектов, включая нормы, ценности и диспозиции других, которые воспринимаются как существующие в обстоятельствах взаимодействия. На основе объединения диспозиций для действия в отношении этой сложной конфигурации объектов намечаются различные потенциальные линии деятельности, которые репетируются в уме. Возможно, линия поведения выбирается таким образом, чтобы лучше согласовать диспозиции к действию по отношению к различным объектам ситуации. Но как только становится очевидным хотя бы одно следствие поведения, индивид а) реинтерпретирует его последствия через принятие роли присутствующих и отсутствующих других, б) переоценивает самого себя как объекта на основе своего поведения, в) намечает последующий ход действий, г) репетирует его в уме и затем д) выбирает поведение, которое наилучшим образом «соответствует» особой конфигурации объектов, которые теперь воспринимаются как существующие в ситуации. Человеческое взаимодей-

ствие является, таким образом, длительным процессом принятия ролей, намечения, релетиции и выбора способов поведения, позволяющих людям вычерчивать и пересматривать линию своего поведения. Природа такого построения линии и частота ее пересмотра зависят от того, понимают ли индивиды самих себя, чтобы согласовывать требования каждого другого, нормы и ценности непосредственной ситуации и их ситуационные оценки себя, а также требования отсутствующих других, группы, нормы, ценности и более устойчивые концепции самих себя.

Поэтому ход взаимодействия является функцией созданного самими участниками символического мира. Можно предположить, что природа социальных отношений будет отражением того, как индивиды справляются со своими различными диспозициями и согласовывают их для действий по отношению к объектам символического мира. Однако разрабатывая понятия, обозначающие процесс взаимодействия, интеракционистская перспектива имеет тенденцию недооценивать значение вопроса о том, *какие типы* процессов будут вести именно к *такому типу* социальных отношений. Интеракционизм восполняет бросающееся в глаза упущение теории действия относительно процессуальной природы взаимодействия, но ему еще предстоит более точно указать, как различия в этих процессах ведут к образованию различных форм и типов социальных отношений между индивидами.

Теория обмена. Для всех вариантов теории обмена социальные отношения создаются посредством перцепций и экспектаций индивидов относительно того, что их взаимодействие, возможно, принесет некоторую материальную или психологическую выгоду. Для таких психологически ориентированных теоретиков, как Джордж Каспар Хоманс, изначальная притягательность взаимодействия, поддержание социальных отношений или же изменение и окончание таких отношений будут происходить в соответствии с определенными «психологическими законами», включающими такие переменные, как ценность, частота, маргинальная полезность и справедливость при распределении. Для более структуралистских ориентированных теоретиков, таких, как Блау, эти основные законы дополняются рядом принципов, указывающих на влияние социокультурных переменных,

таких, как нормы «справедливости» и «взаимности», а также переменными проблемы поддержания баланса и гармонии среди множества отношений обмена.

Для перспективы теории обмена уникальным является то, что понятия, используемые для описания социальных отношений, включены в целую серию абстрактных теоретических утверждений. Указанная способность людей воспринимать и калькулировать пропорцию цена — вознаграждение для различных линий поведения в ситуации взаимодействия, результирующая взаимодействием, будет в таком случае вытекать из отношений, специфицированных в этих абстрактных утверждениях (см. главы 14 и 15). Однако доказано, что переменные в этих утверждениях трудно операционализировать прежде всего потому, что то, что воспринимается индивидом как ценное и потому как цена, вознаграждение или вклад, очень нелегко различается исследователями. Более того, утверждениям теоретиков обмена заметно недостает спецификации тех классов переменных, которые потенциально могут «оцениваться» в ситуации взаимодействия. Например, что представляют собой «ценные объекты», которые, возможно, будут предметом калькулирования в терминах «цена» — «вклад» — «вознаграждение»? Насколько важны здесь Я, отсутствующие другие, непосредственно присутствующие другие, нормы, ценности и другие группы? Теории взаимодействия и действия предлагают внушительный перечень классов переменных, которые, как кажется, учитываются индивидами в процессе обмена, когда они пытаются установить, поддержать, изменить или закончить социальные отношения. Таким образом, для того, чтобы полнее использовать понятия и принципы теории обмена, необходимо разработать теоретические положения более низкого порядка из тех, которые более конкретно специфицируют *типы* «объектов» в различных *типах* ситуаций взаимодействия, которые, возможно, учитываются при обмене «ценностями» и потому влияют на *типы* социальных отношений, которые будут установлены.

В итоге в противовес многим возражениям, направленным против социологического теоретизирования в последние десятилетия¹², большое концептуальное внимание было уделено процессам создания, поддержания, изменения или окончания социальных отношений между индивидами. Теория действия предложила перечень по-

нятий, обозначающих, как поддерживаются социальные отношения между индивидами, обладающими определенными способностями. Но эта теория не преодолела некоторую неопределенность относительно того, как эти отношения возникают, изменяются или прерываются. Введя понятие «принятия роли», теория интеракционизма может скорректировать этот пробел в теории действия, указывая, как индивиды или «актеры» могут а) интерпретировать каждую диспозицию другого и б) приспособить свое поведение к диспозициям каждого другого, а также к тем «объектам» других, которые символически вводятся в ситуацию. Теория обмена добавляет к этому ряд понятий и пропозиций, которые могут значительно более рафинированным образом указать на то, почему объекты впервые вводятся в ситуацию, почему только некоторые из них используются в качестве базиса для действия, и, таким образом, почему социальные отношения между индивидами создаются, поддерживаются, изменяются и приходят к своему концу.

Возникающие образцы коллективной организации индивидов

В то время как социологическая теория накопила внушительное количество понятий относительно природы индивидов и отношений между ними, типы структур, возникающих из взаимодействия, привлекли к себе значительно меньше строгого аналитического внимания.

В литературе можно найти многие определения относительно природы различных типов групп, коллективов, агрегатов, масс, сложных организаций и других предположительно возникающих образцов коллективной организации между индивидами. Но эти определения еще ожидают своей организации в совокупность ясных понятий относительно того, что является и что не является особым и общим типом социальной единицы, которая действует по принципам взаимодействия, отделяющим ее от общих типов социальных отношений единиц.

Понятия, используемые для описания социальных отношений, являются, очевидно, межинституциональными, поскольку редко найдется защитник одной из доминирующих в социологии концептуальных перспектив, который бы недвусмысленно отмечал, что понятия и пропозиции отдельной теоретической позиции применимы

только к одному типу социальных единиц и неприменимы к другим. Хотя Хоманс временами доказывает, что он занимается только «субинституциональными»¹³ отношениями или отношениями «лицом к лицу» или «человека как человека», в своей действительной практике он использует понятия для объяснения взаимодействия в различных типах социальных единиц. Даже когда различаются общие типы возникающих структур, как это делается в анализах Блау¹⁴, остается неясным, на каком уровне коллективной организации становятся релевантными дополнительные понятия, такие, как «промежуточные ценности» и «вторичный обмен».

По крайней мере со времен Дюркгейма социологи уверены, что общество является реальной сущностью *sui generis*. Однако они не следуют этому взгляду на природу общества, решая трудную концептуальную задачу описания общих уровней реальности, которые потребуют своих собственных понятий и законов для объяснения. Только опираясь на впечатления, можно сказать, что малая группа по своим фундаментальным свойствам отличается от вторичной группы; вторичная группа — от сложной организации; малая организация — от большой; организация — от толпы или сборища и т. д. Однако доминирующие концептуальные перспективы в социологии в настоящее время не отличаются большой пронизательностью относительно того, как влияют социальные отношения индивидов на различные общие образцы возникающей организации и как последняя в свою очередь влияет на них. Удивительно то, что, минуя эту фундаментальную проблему, эти перспективы детально обсуждают процессы, посредством которых такие плохо концептуализированные единицы, как «императивно координированная ассоциация», «социальная система», «субсистемы», «группы», «институты» и «субинституты», устанавливают и поддерживают различные типы социальных отношений.

Социальные отношения между коллективными единицами

Поскольку быстро растет количество литературы в различных субстантивных областях, изучающих природу социальных отношений между различными коллективными единицами, доминирующие концептуальные пер-

спективы в социологии должны получать информацию из этой литературы и в свою очередь вносить в нее информацию. Например, такие специфические области, как отношения труда и управления, этнические группы, организационное исследование и теория, теория групп по интересам или международные отношения, развили совокупность понятий, обозначающих отношения между различными специфическими типами социальных единиц. К сожалению, достижения в таких субстантивных областях еще не позволяют разрешить более фундаментальную теоретическую проблему: при каких условиях можно ожидать создания определенных типов отношений между определенными типами общих социальных единиц? В настоящее время социологическое теоретизирование избегает ответа на этот вопрос.

Функционализм. Парсонсовская схема располагает рядом понятий, при помощи которых пытается классифицировать отношения между различными коллективными единицами, обычно используя неопределенные понятия «социальная система» и «субсистема». Согласно Парсонсу, «субсистема» является общим понятием, указывающим на то, что единицы, коллективно организованные в социальную систему, обнаруживают отношения с другими единицами, заключенными в некую большую социальную систему. За исключением нескольких теоретических работ¹⁵, Парсонс не указывает, каким образом социальные отношения между субсистемами испытывают влияние организационных свойств — таких, как размер, уровень дифференциации, формы, интеграции и других переменных, — которые отличали бы один общий уровень организации от другого. Вместо этого он обсуждает взаимоотношения между субсистемами преимущественно в терминах более общих понятий функциональной схемы императивов. Поскольку Парсонс ясно осознает тот факт, что процесс институционализации включает различные уровни социальной организации, он не использует разработанную им самим систему понятий таким образом, чтобы она позволила осуществить спецификацию различных типов социальных отношений между различными типами общих социальных единиц.

Однако схема теории действия обнаруживает значительный потенциал для осуществления такой спецификации. В схеме Парсонса любая субсистема является «социальной системой», действующей по своим собствен-

ным правилам и состоящей из «субсистем», но, чтобы обозначить частную социальную систему как «субсистему», он подчеркивает, что она существует во взаимозависимости с другими типами субсистем в рамках большей системы. Таким образом институционализация включает сложный клубок внешних и внутренних отношений между различными уровнями субсистем. Поскольку отношения в такой системе образуют фантастически сложный клубок, первейшая аналитическая задача заключается в том, чтобы выработать совокупность понятий, при помощи которых было бы возможно описать типы отношений, существующие между субсистемами. Первоначально, при разработке схемы действия, Парсонс использовал «образец переменных» для обозначения типов общих ценностей, нормативных предписаний и процессов принятия решений взаимосвязанными социальными единицами. На этой стадии разработки теории действия различные комбинации переменных образца могли использоваться для классификации отношений между социальными единицами, будь то индивиды или некоторые совокупности коллективно организованных субсистем, в терминах того рода ценностей и норм, которые определяют решения каждой единицы¹⁶.

Поскольку понятия потребностей системы и ее необходимых условий становятся все более значимыми в схеме действия, взаимозависимости между субсистемами могли бы быть далее классифицированы в терминах входа и выхода в соответствии с адаптивным, поддерживающим образцы или целедостигающим секторами каждой системы¹⁷. Более того, общий тип взаимодействия для некоторой совокупности систем был концептуализирован таким образом, чтобы поместить субсистему в один из секторов — адаптивный, целедостигающий интегративный или поддерживающий образцы — более широкой системы. Например, типы взаимодействий между субсистемами, находящимися внутри адаптивного сектора системы, будут отличаться от взаимодействий между субсистемами, находящимися в интегративном секторе. Кроме того, взаимодействия между субсистемами, находящимися в различных секторах более широкой системы, будут иметь различные входы и выходы у каждой системы в пределах их относительных границ. Это признание заставило Парсонса ввести понятие обобщенных символических посредников обмена, чтобы объяснить тот факт,

что различными подсистемами, расположенными в различных секторах более широкой системы, используются различные посредники. Как было отмечено в главе 3, Парсонс не полностью развивает понятие обобщенных посредников; но ясно, что он попытался подчеркнуть ту мысль, что отношения между единицами системы не только определяются различными образцами ценностей и норм, но также опосредованы различными типами символических посредников. Следовательно, типы социальных отношений между единицами внутри более широкой системы концептуализированы Парсонсом таким образом, чтобы быть функцией типов ценностей и норм, определяющих решения, принимаемые некоторой единицей, и чтобы быть различными посредниками, используемыми различными единицами в различных секторах более широкой системы¹⁸.

Теория конфликта. Модель Дарендорфа страдает от отсутствия спецификации различных типов отношений власти в различных типах «императивно координированных ассоциаций». Дарендорф просто определяет ИКА как организацию ролей в терминах отношений власти и таким образом избегает вопроса о том, какие различные типы или уровни ИКА могут быть обнаружены в социальном мире. Вероятно, ИКА может ранжироваться от отношений авторитета в малой группе до отношений власти в системе стратификации всего общества. Внутри ИКА поляризация в конфликтные группы может происходить при специфических условиях, ведущих к конфликту и реорганизации отношений власти в потенциально бесконечном диалектическом процессе. Социальные отношения таким образом концептуализированы в терминах неспецифических типов власти, что при частично перечисленных условиях ведет к конфликту неспецифического уровня силы и интенсивности, который в свою очередь результируется в неспецифической реорганизации отношений власти в неспецифических типах ИКА¹⁹. Поэтому модель Дарендорфа обходит теоретические вопросы относительно природы возникающих образцов организации, формирующих социальные отношения, и относительно специфических типов власти и отношений конфликта, которые развивают эти возникающие единицы.

Модель Козера страдает тем же недостатком, а именно определением специфики типов социальных отноше-

ний, вероятно, существующих между различными типами коллективно организованных единиц. Козер рассматривает интенсивность и продолжительность отношений конфликта между группами как испытывающие влияние таких групповых свойств, как размер, степень первичных отношений между членами, уровень централизованного руководства и степень внутренней интеграции. Поэтому его модель не указывает, каким образом эти свойства отличают одну от другой общие типы единиц. В свою очередь без этой информации не могут быть различимы разные типы отношений конфликта²⁰.

Интеракционизм. Перспектива ролевой теории предполагает совокупностью понятий, посвященных преимущественно объяснению отношений индивидов друг с другом и с различными типами групп. По причине этого акцента на индивиде ролевая теория еще не выработала понятий, которые были бы полезны в объяснении социальных отношений между коллективно организованными единицами. Но в той степени, в какой отношения между коллективными формами организации включают индивидов как представителей этих единиц, участвующих во взаимодействии, становится ясно, что понятия перспективы ролевой теории могли бы иметь некоторую полезность. Только в немногих исследованиях «маргинальных людей», зажатых между требованиями двух групп, и в исследованиях ролевого конфликта ролевая теория объясняет факт, что социальные отношения между коллективными единицами обычно осуществляются индивидами, участвующими во взаимодействии²¹. Даже в этих исследованиях внимание обычно обращается на последствия исполнения ролей индивидами, а не на социальные отношения между коллективно организованными единицами, представленными индивидами. Таким образом, несмотря на отсутствие аналитического внимания, обращаемого теоретиками ролей на концептуализацию социальных отношений между коллективно организованными единицами, тот факт, что при исполнении ролей индивиды часто представляют различного рода коллективы, мог бы стать еще неисследованной областью для концептуальных усилий теоретиков ролей. Областью, которая должна быть исследована, прежде чем может быть дан соответствующий ответ на проблему порядка.

Символический интеракционизм, представленный Гербертом Блумером, более ясно признает применимость

этих понятий к анализу социальных отношений между коллективами. Подобно человеческим индивидам, организованные группы индивидов определяют ситуации, намечают альтернативные линии действия и принимают решения относительно того, как взаимодействовать с другими коллективно организованными единицами. Посредством организованных процессов принятия решений в рамках организационной структуры или посредством решений, принятых индивидуальными «лидерами» или «агентами», коллективно организованные единицы интерпретируют диспозиции друг друга, оценивают ситуации и принимают решения о том, как действовать. Затем на основе обратной связи, производной от воспринятых последствий действия, коллективы переинтерпретируют, переоценивают и, возможно, переприспосабливают и перестраивают свои действия. Блумер²², конечно, прав, подчеркивая, что «человеческое общество состоит из действующих единиц» и что «действующими единицами могут быть отдельные индивиды, коллективы, члены которых действуют совместно во имя достижения целей или организации, действующие в интересах своего конституирования». Однако немногие аналитические работы посвящены исследованию того, как различные типы «социальных единиц» в различных типах «ситуаций» будут «действовать» различными способами и посредством этого «строить» и «перестраивать» свои действия в стремлении сформировать различные типы социальных отношений. В последнее время эти важные теоретические вопросы оказались второстепенными для утверждений о том, что общество — на всех его различных и еще неспецифицированных уровнях организации — является все же «символическим взаимодействием».

Теория обмена. Хоманс и Блау развили предварительные и в какой-то степени различающиеся перспективы относительно природы отношений обмена между коллективными единицами. Однако соответствующая концептуализация отношений между более макросоциальными единицами, осуществленная этими двумя теоретиками, обнаруживает некоторые важные сходства²³. 1. Оба рассматривают отношения обмена между коллективами как опосредованные общепринятыми нормами и ценностями. 2. В каждой перспективе эти социальные отношения сопровождаются «вторичными подкреплениями», такими, как деньги, в комплексе образцов опо-

средованного обмена между множеством коллективов. 3. У обоих теоретиков обмен между единицами на уровне организации рассматривается как находящийся под воздействием внутренних отношений обмена между основными частями или подсистемами каждой единицы. 4. Как у того, так и у другого теоретика отношения обмена, возможно, ведут к дифференциации и интеграции единиц в терминах власти или способности вознаграждать. 5. Наконец, обе перспективы рассматривают все существующие отношения обмена как с высшей степени производящие давление, направленное на их реорганизацию и изменение.

Тем не менее при широком обзоре этих формулировок Блау и Хоманс используют различные совокупности понятий для объяснения социальных отношений между коллективными единицами и организациями. Для Хоманса существует только неопределенное различие между индивидуальными обменами «людей как людей» и группами и организациями, возникающими из этих взаимодействий «людей». Например, обсуждая институционализацию, Хоманс рассматривает «лидеров», которые предположительно являются индивидуальными людьми, как «вкладывающих» свой «капитал» в целях формирования новых и более сложных связей социальных отношений. Для поддержания этих коллективных образцов организации эти «люди» или, возможно, некоторые коллективы людей (здесь нет ясности) вводят «обобщенные подкрепления», такие, как деньги, чтобы обеспечить стандартизацию вознаграждений всех тех «индивидов» (или подгрупп), участвующих в новой, более сложной паутине отношений. Поскольку эти обобщенные подкрепления позволяют еще более распространить и тщательно разработать возникающие институциональные образцы коллективной организации, выполняются «правила» (кем или какими коллективными единицами?) для того, чтобы еще более специфицировать то, что теперь становится сложным и непрямым обменом отношений между социальными единицами (людьми, группами, организациями?) с различной степенью оценки вознаграждений. Эта организационная основа при использовании обобщенных или стандартизированных подкреплений и кодифицированных правил позволяет дальнейшую разработку сети обмена (между какими видами единиц?), возможно, результируется в обширные «институциональные нагромождения».

дения» (из каких типов отношений обмена и между какими типами единиц?), которые образуют общество. Но только в той степени, в какой они не сталкиваются с «первичными потребностями» «людей как людей» (что такое «первичные потребности»?). В противном случае эти институциональные устройства становятся уязвимыми для изменения, когда другой «лидер» (человек или группа?) представляет альтернативу, которая предоставляет большее вознаграждение.

В модели Хоманса, таким образом, никогда нет ясности, анализируются ли социальные отношения в терминах обменов между людьми, коллективными единицами или между людьми, как представителями коллективных единиц. Более того, кроме неясных ссылок на «обобщенные подкрепления» и «кодифицированные правила», Хоманс мало внимания уделяет тому, какие типы подкреплений и «правил» могут быть использованы между отдельными типами общих социальных единиц, чтобы сформировать определенные типы отношений обмена, вскрывая, какие типы дифференциации и в какой степени пригодны для изменения. Таким образом, интеллектуальная «оргия», как Хоманс назвал свое дело, предлагает внушительный каркас, внутри которого, однако, настоящая аналитическая работа еще не начата. В настоящее время модель Хоманса еще не столкнулась с действительными теоретическими проблемами в развитии понимания процесса институционализации.

В противоположность Хомансу Блау предпринял более обширные концептуальные усилия для различия элементарных обменов между индивидами и обменов между макросоциальными единицами. Во-первых, Блау различает четыре общих уровня социальной организации: категории, общности, организованные коллективы и социальные системы. Во-вторых, отношения обмена внутри и между этими макросоциальными единицами рассматриваются как опосредованные различными типами ценностей, включая партикулярные, универсальные, легитимации и оппозиции. В-третьих, каждый тип ценностей рассматривается как облегчающий прохождение основных социальных процессов, совершающихся на всех уровнях социальной организации: притяжения (партикулярные ценности), конкуренции и дифференциации (универсалистские ценности), интеграции (легитимизирующие ценности) и оппозиции (ценности оппозиции). В четвертых,

поскольку сети обменов располагаются внутри и между уровнями социальной организации, они рассматриваются как связанные с различными ценностями в целях их постоянного поддержания, делая возможной их классификацию на интегративные институты (партикуляристские ценности), распределительные институты (универсалистские ценности), организационные институты (легитимирующие ценности) и контринституты (ценности оппозиции).

Таким образом, в противоположность многим социальным теориям теоретическая перспектива, развиваемая Блау, приступает к решению трудной аналитической задачи обнаружения того, как природа социальных отношений между единицами испытывает влияние природы самих этих единиц отдельных символических посредников, которые они используют. Тем не менее, как было показано в главе 14, анализ Блау страдает от его неспособности концептуализировать с необходимой точностью общие социальные единицы, которые, как кажется, используют различные ценности для опосредования различных типов социальных отношений. Действительно, такие понятия, как «организованная коллективность», настолько широки, что не могут указать на различные дифференцированные уровни социальной организации. В итоге схема Блау дает таксономию различных типов ценностей, что облегчает использование различных типов основных социальных процессов, ведущих к различным типам институциональных устройств в рамках различных уровней социальной организации. Однако Блау оказался не в состоянии указать, каким образом различные уровни социальной организации влияют на природу отношений обмена. Это сделало его схему хорошо разработанной, внушительной таксономией социальных отношений, которая оставила без ответа важный вопрос теории: между какими единицами возникают различные типы институционализированных социальных отношений?

*Возникающие образцы организации между
коллективными единицами*

Теоретики социологии слишком упрощенно говорят об уровнях социальной организации, не выделяя при этом специфики, отличающей один уровень от другого. В то время как большинство социологов признают, что

возникающие социальные единицы, такие, как группы, организации, сообщества, институты и т. п., выявляют социальные отношения, в результате чего возникают различные типы макроструктур, доминирующие концептуальные перспективы в социологии уделяют недостаточное аналитическое внимание этой проблеме, предпочитая вместо этого обращаться к структуре социальных отношений между этими плохо концептуализированными единицами организации. Таким образом, теоретики довольно упрощенно обсуждают системы и подсистемы, микро- и макроанализы, институциональное и субинституциональное, индивидуальное и объединенное действие, социокультурные объекты и социальное целое, императивно координированные ассоциации, организованные коллективы и т. п. без определения различных типов единиц, охватываемых этими неясными терминами. Конечный результат этой ситуации, сложившейся в социологической теории, — отсутствие ясной концептуализации тех целостностей, которые возникают в ходе социальных отношений между единицами коллективно организованных индивидов. Это отсутствие концептуализации в свою очередь препятствует пониманию того, какие возникающие феномены в свою очередь влияют на социальные отношения между их конструктивными субчастями (если такие могут иметь место). До тех пор пока не будут исправлены недостатки этого концептуального взгляда, кажется невероятным, что социологи вполне поймут процесс институционализации, таким образом надолго откладывая теоретическое решение гоббсовской проблемы порядка.

Проблема порядка: заключительные комментарии

В этой главе была предпринята попытка сделать обзор главных ключевых понятий, используемых функционалистами, интеракционистами, теоретиками конфликта и обмена для решения проблемы порядка. Из этого обзора становится очевидным, что социологи сделали много обещающих починов для нахождения теоретического решения этой в высшей степени фундаментальной проблемы. Ясно также, что эти попытки остались в значительной степени тщетными, поскольку социологи не касались принципиально важных вопросов относительно возникающих феноменов. Без более точного понимания

социологией общих единиц анализа понятия, описывающие социальные отношения, останутся неопределенными.

Поскольку большинство социологов не ставят вопроса о том, насколько необходимо более полное проникновение в природу возникающих явлений, немногие прямо ставят вопрос: каковы социологические единицы анализа? В этой главе сделана попытка показать нежелание современных социологов заниматься этим вопросом. Надеюсь, что это не будет интерпретировано как еще один пошлый призыв к теоретической реформе в социологии. Ведь это заключение было сделано только после тщательной оценки доминирующих теоретических перспектив в социологии и поэтому не заострено полемически против аналитических ошибок, свойственных некоторым отклоняющимся концептуальным перспективам. Тем не менее, если социологическая теория столкнулась со своими наиболее основными вопросами и начала искать на них научный ответ, должна быть сделана попытка выделить ее общие единицы анализа. Только на этом пути может быть ясно понят единый процесс институционализации и деинституционализации.

Этнометодология: альтернатива теоретической парадигмы?

Общим в основных попытках большинства социологов понять общество служит предположение о том, что образцы социальных организаций являются *реальными и внешними сущностями*, которые могут быть описаны и изучены посредством использования различных теоретических концепций и методологий.

У сторонников различных концептуальных перспектив в социологии нет разногласий по вопросу о том, что общество — это «нечто вне» существующее и ожидающее своего изучения. То, что является спорным, — это концепции, стратегии построения теоретического знания и методологии, позволяющие лучшим образом понять сущность «общества». Все это, возможно, представляется социологам столь очевидным и явным, что они редко по этому вопросу дискутируют. Однако недавно именно по этому спорному вопросу прошли дебаты. Некоторые ученые сейчас задают основной и волнующий их вопрос: «Что будут изучать социологи?» Это отнюдь не просто юридический диспут, касающийся таких вопросов, как: будут ли социологи развивать теории микро- и макропроцессов; будет ли общество рассматриваться в терминах теории действия, символического интеракционизма или обмена и занимают ли всецело социальную сцену такие явления, как конфликт — согласие и стабильность — изменение? Вернее, вопрос заключается в следующем: продолжит ли социологическая теория действовать на основании того предположения, что общество поддается изучению сторонниками современных теоретических перспектив. Это вызывает альтернативный вопрос: как социологи и другие группы людей создадут и поддерживают друг у друга *предположение* о том, что социальный мир действительно носит реальный характер¹. «Более реаль-

ный» феномен для тех, кто ставит этот вопрос, выявляется комплексными путями, которыми люди (подобно неспециалистам и социологам) сознательно или бессознательно создают, поддерживают и изменяют «значение» внешней социальной реальности. В действительности «цемент», скрепляющий общество воедино, может и не быть ценностями, нормами, общими дефинициями, денежным обменом, ролевыми сделками, коалициями интересов и тому подобными понятиями современной социальной теории, но он представляет собой явные и неявные методы людей для создания предположения о социальном порядке. Таковым является вызов сравнительно новой социологической перспективы — этнометодологии².

Для этнометодолога то, что является непосредственно наблюдаемым, представляет собой усилия людей по созданию общего смысла социальной реальности. Субстанция этой реальности рассматривается как нечто менее интересное, чем *методы*, использованные группами людей, как социологами, так и неспециалистами, для построения, подтверждения и изменения видения и образа того, что существует «вне». Хотя эта этнометодологическая позиция совсем недавно стала проявляться и имеют еще не совсем хорошо сформулированные принципы, обозначающие, как сообщество действующих лиц активно способствует договоренности об общих образах реальности. Тем не менее участие этнометодологии потенциально революционно для социологического теоретизирования.

Этнометафизика или этнометодология?

Этнометодология очень часто неправильно понималась социологами. Частично это непонимание происходит из-за неясности высказываний этнометодологов³, но, возможно, более фундаментальная причина проистекает из того факта, что социологи, которые ушли с головой в теоретические традиции, изложенные в главах 1—15, с трудом различили радикальную альтернативу в тех же самых традициях. В самом деле, уже имея в своем арсенале ясные и четкие направления, большинство социологов открыто заявляют о непонимании этнометодологической позиции — возможно демонстрируя тем самым, что приверженность существующим моделям тео-

ретизирования является интеллектуальной слепотой. Кроме того, даже в случае полного принятия этнометодологии все еще имеет место ее неверное толкование.

Одна из форм такого неверного толкования утверждает, что этнометодология представляет современному социологическому теоретизированию «коррективу», указывая на источники предубеждения среди ученых-исследователей. С этой позиции утверждается, что этнометодология может служить для «контроля» надежности и валидности исследовательских наблюдений, раскрывая предубеждения не только исследователей, но и научного сообщества, признающего его наблюдения. Поскольку этнометодология может быть использована для этой цели, если она для этого пригодна, те, кто защищает возможность этого использования, оказались не в состоянии уяснить основную направленность этнометодологической позиции. Для этнометодолога главное состоит не в вопросах о надежности и валидности исследовательских наблюдений, а в методах, используемых как «учеными» исследователями, так и неспециалистами для построения, поддержания и возможного изменения того, что каждый считает и полагает «обоснованным» и «достоверным» основанием утверждений о порядке в мире.

«Методология» в этнометодологической перспективе не обращается к вопросам, касающимся «правильного», «беспристрастного» или «действительно научного» исследования знания; более того, этнометодология касается общих методов, используемых людьми — будь то ученые, домохозяйки, страховые агенты, чернорабочие — для создания смысла порядка в тех ситуациях, в которых они взаимодействуют. Лучший ключ к этому концептуальному анализу может быть найден в смысле слова «этнометодология»: *Logy* — исследование; *method* — методы, используемые при; и *ethno* — народ или люди.

Другой родственный источник неверного толкования этнометодологии исходит от тех, кто утверждает, что эта перспектива просто стремится использовать «неустойчивые» исследовательские методы, такие, как участвующее наблюдение для обнаружения некоторых считающихся само собой разумеющимися правил, предположений и ритуалов членов границ⁴. Эта интерпретация свидетельствовала бы о трансформации этнометодологии в исследовательски ориентированный вариант символического интеракционизма⁵. Такой вариант этнометодов пред-

ставлял бы сейчас более сознательное усилие для того, чтобы «получить» интерпретацию процессов действующим лицом и результирующее «определение ситуации». Используя различные техники и участие в символическом мире этих взаимодействующих индивидов, являющихся объектом изучения, можно было бы более точно установить, как определяются ситуации, как создаются нормы и как контролируется социальное действие. Хотя этнометодологи используют методы наблюдения и участвующего наблюдения для изучения взаимодействующих индивидов, их подход не является таким же, как подход символических интеракционистов. Как и все другие господствующие формы социологического теоретизирования, интеракционисты действуют на основании предположения о том, что общие определения, ценности и нормы возникают из взаимодействия и служат для регулирования того, как люди постигают мир и как они взаимодействуют друг с другом. Интеракционистов прежде всего интересуют условия, при которых различные типы ясных и неясных определений, норм и ценностей возникают и вследствие этого разрешают проблему о том, как становится возможной социальная организация. Напротив, этнометодологов интересует то, *как* члены пришли к согласию относительно *восприятия*, что имеются такие понятия и правила, определения и ценности. Именно вопрос о том, какие типы, правила и определения возникают, не является центральным для этнометодолога, поскольку существуют более фундаментальные вопросы⁶. Посредством *каких типов методов* люди циркулируют, наблюдая, описывая и отстаивая тот факт, что правила и определения существуют? Каким образом люди используют свои верования о существовании определений и правил для описания друг другу «социального порядка»? Таким образом, опять «методы» этнометодологии не относятся к новой и улучшенной технике научной социологии для воссоздания более тонкой картины человеческих определений ситуации и норм социальной структуры (как в случае с интеракционистами). Этнометодолог делает ударение на *методах, используемых теми, кто является объектом изучения*, в создании, поддержании и изменении предположения о том, что социальный порядок, навязывая определенные виды поведения, действительно существует «вне», в «реальном» мире. Указывается, что

этнометодология не идет дальше того, чтобы установить то, что она собой представляет.

Этнометодология не является новым исследовательским методом; она не пытается ответить на вопрос о том, как возможно общество, знакомя при этом социологов с новой исследовательской техникой. Скорее этнометодология занимается изучением феномена, которому было уделено незначительное внимание в пределах интеллектуальных границ традиционных теоретических перспектив. Она занимается изучением феномена путем использования многих исследовательских стратегий, включая различные варианты методов наблюдения и участвующего наблюдения. И в противовес некоторым критическим утверждениям этнометодология занимается созданием теории — общих и абстрактных построений, связанных с верифицируемыми исследовательскими данными, — изучаемого феномена. То, что является уникальным в этнометодологии, — это ее предмет. Этнометодология утверждает альтернативную позицию методологических предположений относительно природы социального мира:

1. Во всех ситуациях взаимодействия люди пытаются создавать видимость согласия относительно релевантных черт обстановки взаимодействия.

2. Эти черты обстановки могут включать установки, мнения, верования и другие знания о природе социальной обстановки, в которой они взаимодействуют.

3. Люди вступают в различные эксплицитные и имплицитные межличностные практики и методы конструирования, поддержания и, возможно, изменения *кажущегося* согласия относительно этих черт обстановки.

4. Эти межличностные практики и методы результируются в создании и разрушении того, что может быть названо «совокупностью рабочих представлений» («occasioned corpus»), то есть восприятием взаимодействующими людьми того, что текущая обстановка имеет упорядоченную и понимаемую структуру.

5. Эта видимость согласия является не только результатом соглашения относительно субстанции и содержания совокупности рабочих представлений, но также отражением согласия каждого участника с «правилами и процедурами» создания и разрушения этого согласия. Непосредственно общаясь, стороны принимают подразу-

меваемые правила построения совокупности рабочих представлений и проходят долгий путь установления согласия относительно того, что находится «вне их» в обстановке взаимодействия.

6. В каждой ситуации взаимодействия правила для создания совокупности рабочих представлений будут единственными в некотором роде и вследствие этого не полностью пригодными для другой обстановки, требуя таким образом, чтобы люди в каждой ситуации взаимодействия использовали межличностные методы в поисках согласия относительно имплицитных правил для совокупности рабочих представлений.

7. Таким образом, создавая, вновь утверждая или изменяя правила для создания совокупности представлений, его члены в некоторой обстановке могут предложить друг другу кажущийся упорядоченным и связным мир «вне их», понуждающий их к определенным восприятиям и действиям.

Именно из такого рода допущений о человеческом взаимодействии этнометодология черпает свое содержание. Внимание сфокусировано не на действительном содержании и сущности совокупности рабочих представлений и не на том, каким образом члены верят в него, вызывая определенные восприятия и действия. Внимание приковано главным образом к *методам, которые используются для построения, поддержания и изменения кажущегося упорядоченным и взаимосвязанным социального мира.* Эти методы непосредственно наблюдаются и составляют главную часть человеческих действий в повседневной жизни. В противовес этому подлинная субстанция и содержание совокупности рабочих представлений непосредственно не наблюдаются и могут только подразумеваться. Более того, концентрируя внимание на создании, поддержании и изменении случайного объединения, этнометодолог мог бы задать вопрос: а не является ли это более фундаментальным ответом на гоббсовскую проблему обеспечения порядка? В самом деле, не является ли процесс создания друг для друга видимости стабильного социального порядка более важным для понимания того, как возможно общество, чем действительная сущность и содержание совокупности рабочих представлений. Существует ли что-нибудь еще в «обществе», кроме убеждений членов, такое, что, находясь «вне них», заставляло бы их делать и видеть определенные

вещи? Если это так, то «порядок» является не результатом особой структуры представлений, а результатом человеческой способности постоянно создавать и разрушать совокупность представлений в каждой отдельной ситуации взаимодействия. Подобные факты наводят этнометодологов на мысль, что теоретическое внимание должно быть обращено на непрерывный процесс создания и разрушения «социального порядка» и специфические методы, используемые при этом людьми.

Этот интерес к процессам разрушения и создания совокупности рабочих представлений свидетельствует о радикальном отходе от традиционных способов социологического теоретизирования. Большинство теоретических перспектив, и, разумеется, те, которые были нами изложены в предыдущих главах, концептуализируют совокупность рабочих представлений, а не процессы его создания, поддержания и изменения. В современном социологическом теоретизировании аналитическое внимание фокусируется на нормах, ценностях, полученных в обмен, определениях ситуаций и других чертах обстановки взаимодействия, устанавливаемых действующими лицами. Из этнометодологической перспективы между тем вытекает, что социологические формулировки сами представляют особый вид совокупности рабочих представлений членов сообщества, называемого профессиональной социологией. С точки зрения этнометодологии каждая из теоретических перспектив, рассмотренных нами в 1—4-й частях, может быть проанализирована как утверждение о природе того, что находится «вне нас» в «реальном» мире с таким результатом, что методы, используемые социологами для установления, утверждения и изменения этих положений, могли бы стать для этнометодолога плодотворной областью изучения.

Неудивительно поэтому, что социология реагирует в отношении этнометодологии несколько враждебно. Социологи любят воображать себя «объективными» учеными, ищущими верифицируемого знания о «реальном» социальном мире. Естественно, их весьма беспокоит низведение этого благородного поиска до статуса простой субъективности. Эта озабоченность социологов особенно понятна в свете того, что с точки зрения этнометодологической позиции социологи применяют при построении своих концепций «социальных фактов» те же самые общие методы, что и непрофессионалы, и, следовательно,

поступают так же, как все другие группы взаимодействующих людей.

В этой связи социологи часто приводят контраргумент, что их «методы» менее пристрастны и искажены, чем у простого человека. Однако для этнометодолога социолог и обыкновенный человек не различаются между собой, так как и те и другие применяют ряд методов для утверждения предположения о существовании независимого социального порядка, который ответствен за их описание. Допущение о существовании естественного социального мира свойственно не только социологам. Тот факт, что они канонизировали некоторые (хотя и не все) из своих методов в исследовательских протоколах и теоретических построениях, не отгораживает их от повседневного мира обычных людей. Все люди, как кажется, допускают существование естественного социального порядка, и все пытаются раскрыть смысл этого порядка другим людям. На самом абстрактном уровне методы, используемые социологами и профанами, будут выглядеть одинаково.

Проведение этнометодологического исследования

Таким образом, задача этнометодологического исследования заключается в понимании пути, по которому движутся люди, уславливаясь относительно правил, которые они будут использовать, конструируя черты взаимодействия в определенной обстановке. Эти правила, однако, весьма трудно распознать, главным образом потому, что люди редко отдают себе в них отчет. Эти правила продолжают быть имплицитными несмотря на то, что в любой социальной обстановке большая часть повседневной активности участников уделяется установлению согласия относительно создания и разрушения совокупности рабочих представлений. Хотя правила, применяемые для создания совокупности представлений, только подразумеваются, они могут быть открыты, по всей вероятности, только путем научно-исследовательских методов, позволяющих исследователям проникнуть в социальную обстановку и благодаря этому постичь способы, при помощи которых их участники заключают соглашение относительно структуры совокупности рабочих представлений.

В настоящее время этнометодологическое научное исследование направлено, как кажется, на утверждение его центрального предположения о существовании скрытых правил для создания, утверждения и изменения смысла порядка в любой ситуации. Например, Гарфинкель и его коллеги⁸ описывают ряд бесед, в которых экспериментаторы оспаривают каждое утверждение отобранных испытуемых. Конечный результат был представлен в ряде бесед, выявляющих следующие модели:⁹

Испытуемый: «У меня была скучная квартира».

Экспериментатор: «Что Вы имеете под этим в виду?»

Испытуемый (моментально столбенеет, а затем отвечает враждебным тоном): «Что Вы имеете в виду, сказав, что я имею в виду? Скучная квартира есть скучная квартира, вот что я имею в виду. Ничего особенного. Что за идиотский вопрос!»

В этой ситуации экспериментатор явно нарушил подразумеваемое правило для этого типа ситуации взаимодействия и, следовательно, вызвал не только враждебность испытуемого, но также и негативную санкцию: «Что за идиотский вопрос!» По-видимому, в любом взаимодействии имеются основополагающие черты, которые «каждый должен понимать» и о которых «не принято спрашивать», для того, чтобы стороны в ситуации могли бы «управлять своим вербальным взаимодействием без постороннего вмешательства»¹⁰. Такие подразумеваемые правила появляются, чтобы управлять значительным количеством повседневных дел, и являются решающим для построения по крайней мере перцепции у взаимодействующих людей того, что существует внешний социальный порядок.

Другие исследовательские стратегии также могут делать упор на правилах, используемых взаимодействующими сторонами для построения совокупности рабочих представлений. Например, Гарфинкель и его коллеги¹¹ суммировали «правила решения» присяжных заседателей при вынесении приговора. Исследуя такую группу, как присяжные заседатели, которые должны — согласно природе своей задачи — создать интерпретацию «того, что действительно произошло», этнометодолог может постичь до некоторой степени общие свойства процессов, вовлеченных в соглашение, относительно правил, в построении смысла «социальной реальности». Из исследовательских наблюдений присяжных заседателей следует,

что «человек на 95% является присяжным заседателем, прежде чем он приблизится к суду», воспринимая официальные правила вынесения приговора посредством участия в других социальных обстоятельствах и знакомства с инструкциями суда. Однако эти правила несколько изменяются, когда участники собираются вместе в реальной обстановке заседания присяжных заседателей и начинают «работу по созданию совокупности представлений, которые служат почвой для внесения поправок в приговор»¹². Поскольку неизбежная двойственность предшествующих случаев создает трудности в достижении полного согласия при обсуждении присяжными заседателями «официальных правил», вводятся новые правила решения, чтобы позволить присяжным достигнуть «правильного» взгляда на то, «что действительно произошло». Но в своих ретроспективных отчетах интервьюерам относительно того, как они пришли к своим решениям, присяжные обычно ссылаются на «официальную линию», чтобы оправдать правильность своих решений. Когда же интервьюеры указывают на противоречие между идеальными объяснениями присяжных и действительной практикой, они начинают испытывать беспокойство. Они обычно указывают на то, что были использованы какие-то другие правила для построения совокупности представлений о том, «что действительно произошло».

В итоге эти два примера исследовательских стратегий известных этнометодологов хорошо иллюстрируют намерения этнометодологического исследования: проникнуть в естественную социальную обстановку или создать социальную обстановку, в которой исследователь может наблюдать попытки людей утверждать, создавать, поддерживать или изменять правила конструирования видимого согласия относительно структуры «реального мира». Фокусируя внимание скорее на процессах или методах, используемых для достижения согласия относительно правил конструирования совокупности рабочих представлений, чем на субстанции или содержании самих этих представлений, исследование, проведенное с этнометодологической точки зрения, потенциально может дать более интересный и релевантный ответ на вопрос о том, «как и почему возможно общество».

Построение этнометодологических объяснений

Цели этнометодологического исследования и стратегии построения теории являются, как кажется, теми же самыми, что и в обычном социологическом теоретизировании: построить систему абстрактных утверждений, верифицированных исследовательских данных относительно социального феномена. Конечно, принципиальное различие между этнометодологической стратегией и стратегией главных направлений социологии состоит в том, что сами феномены, которые исследуются, различаются.

Одной из проблем построения теории, исследуемых этнометодологами, и, возможно, всеми формами социального теоретизирования является *интерпретативная* природа человеческого взаимодействия. Как могут этнометодологи составить *буквальное* — т.е. интерсубъективно верифицируемое — описание человеческого взаимодействия, когда ход такого взаимодействия испытывает влияние большого разнообразия прошлого опыта, обстоятельств интерпретации и приверженности к имплицитно воспринятым правилам? Чтобы проникнуть в социальные обстоятельства, этнометодолог часто приходит к пониманию базовых допущений членов и естественного языка; но в процессе исследования, его собственные описания интерпретативных процессов, совершаемых членами, должны в свою очередь подвергнуться интерпретациям, которые могут отличаться от интерпретаций другого этнометодолога, изучающего те же самые социальные обстоятельства. Например, два этнометодолога, анализируя даже такую «тяжкую» улику, как запись разговора, могут попытаться понять некоторые из базовых допущений его участников и значения различных слов и фраз¹³. Но акт попытки понять эти черты записи сам по себе является актом интерпретации. В результате чтение присяжными одной и той же записи может привести к различным выводам двух исследователей. Таким образом, нет возможности определить, который из них является «правильной» или «объективной» интерпретацией данных. Эти проблемы еще более усложняются, когда этнометодолог входит в естественные социальные обстоятельства и пытается интерпретировать методы членов, используемые для построения совокупности рабочих представлений, потому что в противовес записи число различных

стимулов, влияющих на интерпретацию исследователем «того, что происходит», увеличивается до такой степени, что для двух исследователей становится даже более трудным прийти к сходному описанию обстоятельств взаимодействия.

Без описаний событий, которые приемлемы для общества ученых, работающих независимо друг от друга, развитие абстрактных теоретических утверждений становится затруднительным. Поэтому может быть поставлен следующий вопрос: как может быть опровергнуто утверждение, если исследователи не могут прийти к соглашению относительно событий, к которым должно относиться это абстрактное утверждение? Таким образом, в той степени, в какой этнометодология приступает к формулированию абстрактных и общих утверждений относительно ее определенных феноменов, она должна решить методологические проблемы интерпретации социального мира, изучаемого посредством сходных интерпретативных процессов исследователями. Эти проблемы не более тяжелы для этнометодологов, чем для других теоретиков социологии, действующих исходя из допущения, что человеческое взаимодействие является взаимным процессом интерпретации. Подобно многим другим теоретическим стратегиям в социологии, этнометодологи должны искать пути описания происходящих социальных обстоятельств или конкретных проявлений (таких, как запись) независимо от «значения», вкладываемого в обстоятельство или проявления, несмотря на факт, что интерпретация этого значения исследователями является необходимой для того, чтобы совершить описание. Таким образом, различные интерпретации социальных обстоятельств и проявлений могут быть строго сравнимы друг с другом и с последующими интерпретациями, сделанными различными исследователями. Общие элементы в описаниях могут стать первоначальной эмпирической базой для абстрактных теоретических утверждений, поскольку расходящиеся описания могут конституировать исследовательскую проблему для дальнейшего изучения.

Только посредством этого подхода к разрешению методологических проблем, включенных в собрание очевидных человеческих построений совокупности рабочих представлений, этнометодология может стать чем-то большим, чем интеллектуальная риторическая игра, и

продвинуться к созданию альтернативной теоретической парадигмы по отношению к современным способам социологического теоретизирования.

Этнометодология и проблема порядка: заключительные комментарии

В главе 1 задача социологического теоретизирования рассматривалась как задача нахождения «решения» для гоббсовской «проблемы порядка». Это решение было представлено как доказательство при помощи верифицируемых абстрактных предложений условий, при которых создаются, поддерживаются, изменяются и разрушаются различные образцы социальной организации. Последующие главы фокусировали внимание на понятиях, предположениях, теоретических построениях и стратегиях функциональной, конфликтной, интеракционистской и обменной перспектив. Каждая из этих перспектив рассматривалась как основанная на допущении, что имеется «естественный порядок вне», существующий независимо от человеческих перцепций⁴. В действительности такие перцепции и другие формы человеческого познания частично структурированы реальным социальным порядком. Построение теории и исследование, таким образом, направлены на раскрытие закономерностей в действии этого социального порядка — представляя посредством этого научное решение того, как и почему возможно общество.

Противоположностью этим допущениям и стратегиям построения теории являются взгляды этнометодологов, которые ставят под вопрос релевантность этих занятий. То, что наиболее поддается наблюдению и отсюда является реальным, — это попытки взаимодействующих индивидов убедить друг друга в том, что имеется порядок в специфических социальных обстоятельствах и в более широком «обществе». То, что «действительно реально», таким образом, — это методы, используемые людьми при построении, поддержании и изменении друг у друга смысла порядка безотносительно к содержанию и субстанции их формулировок. Так как не все этнометодологи заходят так далеко, резонно заключить, что «порядок» не поддерживается каким-то обществом «вне нас», а поддерживается *способностью людей убедить друг друга* в том, что общество существует вне нас. Бо-

лее того, субстанция и содержание их видения общества не являются, возможно, столь же важными для поддержания порядка, как постоянно продолжающийся процесс построения, поддержания и изменения некоторого рода видения, каким бы оно могло быть. Этнометодологическое решение гоббсовской проблемы порядка, таким образом, радикально отличается от того, что предлагается современными теоретическими стратегиями, поскольку для этнометодолога усилия должны быть непосредственно направлены на создание совокупности абстрактных и верифицируемых теоретических утверждений относительно общих свойств того, как «актеры» поступают, используя правила построения, «смысла социального порядка». «Смысл порядка» — это не то, что делает возможным общество. Его делает способностью людей *активно и постоянно* создавать и использовать правила, убеждающие друг друга в том, что существует реальный мир.

С этнометодологической точки зрения страницы этого тома, включая страницы последней главы, создают феномен для изучения. В самом деле, ведь автор предпринял попытку убедить читателя, что существуют предпочтительные пути концептуализации социального мира. Некоторые из правил, которые были привлечены для решения этой задачи, остались нераскрытыми, предоставляя возможность автору предложить эту книгу в качестве исходных данных для исследования этнометодологами.

К вступительной статье

- ¹ Mills C. W. *The Sociological Imagination*. N. Y., 1959.
² Loomis Ch. P., Loomis Z. K. *Modern Social Theories*. N. Y., 1965.
³ Sorokin P. A. *Sociological Theories of Today*. N. Y., 1966.
⁴ Gouldner A. W. *The Coming Crisis of Western Sociology*. N. Y., 1970.
⁵ Gouldner A. W. *The Coming Crisis of Western Sociology*, p. 512.
⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57—58.
⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 15, с. 368.

К главе I

¹ См.: Hobbs Th. *Leviathan*. New York, Macmillan Co., 1947; впервые опубликовано в 1651 г. (Рус. перев.: Гоббс Т. *Левифаун*. — в: Гоббс Т. Избр. произв. в двух томах, т. 2., 1964 — *Ред.*)

² Обзор в этой главе основывается в основном на анализе таких работ о природе научной теории, как Reynolds P. D. *A Primer In Theory Construction*. New York, Bobbs-Merrill Co., 1971; Stinchcombe A. L. *Constructing Social Theories*. New York, Harcourt, Brace & World, 1968, p. 3—56; Popper K. R. *The Logic of Scientific Discovery*. New York, Harper & Row, 1959; (Сокр. рус. перев.: Поппер К. *Логика научного исследования*. В: Поппер К. *Логика и рост научного знания*. М., «Прогресс», 1983. — *Ред.*) Willer D. and Webster M. Jr. *Theoretical Concepts and Observables*. — «*American Sociological Review*», August, 1970, 35, p. 748—757; Zetterberg H. *On Theory and Verification in Sociology*, 3d ed., Totowa, N. Y., Bedminster Press, 1965.

³ Проблема определения входящих в понятие символов на самом деле значительно сложнее: Краткий обзор этой проблемы см.: Reynolds. *Primer in Theory Construction*, p. 45—48; Hempel C. G. *Fundamentals of Concept Formation in Empirical Science*. Chicago. Univ. of Chicago Press, 1952.

⁴ Обсуждение того, как понятия не только указывают на переменные свойства явлений, но и на последствия взаимодействия взаимосвязанных явлений см. также в: Reynolds. *Primer in Theory Construction*, p. 57; Stinchcombe. *Constructing Social Theories*, p. 38—47.

⁵ Reynolds. *Primer in Theory Constructiton*, p. 67.

⁶ *Ibid.*, p. 68.

⁷ Каузальные суждения бывают двух видов: 1) детерминистические или 2) вероятностные. Детерминистические имеют следующую форму: при условиях $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$, если имеет место x , то будет иметь место z . В социологии очень немногие суждения могут быть выражены таким образом. Скорее всего они выражаются в вероят-

стной форме: при условиях $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$, если имеет место x , z будет иметь место с P , вероятностью P . Например, в малой, близкой к лицу группе при наличии задачи (цели) вероятность возникновения определяющей структуры лидера составляет 40 процентов.

⁸ Обзор различных форм теорий см.: Reynolds. *Primer in Theory Construction*, p. 83—114; Zetterberg. *Theory and Verification in Sociology*, p. 87—113; Blalock H. M. Jr., *Theory Construction, from Verbal to Mathematical Formulations* Englewood Cliffs, N. J., Princeton Hall, 1969.

⁹ Более подробно с моей точкой зрения по этому вопросу можно познакомиться в приложении в конце данной главы.

¹⁰ Некоторые социологи приходят к выводу о том, что «наука» очень схожа со всякой иной системой мышления, так как она способствует созданию представления о том, что «действительно реально» среди сообщества индивидов, называющих себя учеными. Наука просто обеспечивает ученому интересный способ построения и поддержания видения реальности, но есть и другие, одинаково «достоверные» взгляды среди различных сообществ индивидов. Совершенно очевидно, что в данной книге это мнение не разделяется. См. главу об «этнометодологической» альтернативе современным вариантам социологической теории (глава 16). По этому поводу см. интересные разработки: Tiryakian E. A. *Existential Phenomenology and the Sociological Tradition*. — «*American Sociological Review*», October, 1965, 30, p. 674—688; McKinney T. C. *Typification, Typologies, and Sociological Theory*. — «*Social Forces*», September, 1969, 48, p. 1—11; Schuts A. *Concept and Theory Formation in the Social Sciences*. — «*Journal of Philosophy*», April, 1954, 51, p. 257—273; Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, N. Y., Prentice-Hall, Inc., 1967; Psathas G. *Ethnomethods and Phenomenology*. — «*Social Research*», September, 1968, 35, p. 500—520; Zimmerman D. H. and Pollner M. *The Everyday World as a Phenomenon*. — In: *Understanding Everyday Life*, ed. Douglas J. D. Chicago, Aldine Publishing Co., 1970, p. 80—103; Zimmerman D. H. and Wieder D. *Ethnomethodology and the Problem of Order*. — In: *Understanding Everyday Life*, ed. Douglas J. D., p. 285—295.

¹¹ Popper K. R. *Conjectures and Refutations*, New York, Basic Books, 1962, p. 243 (Сокр. рус. перев.: Поппер К. Предположения и опровержения. Рост научного знания. — В: Поппер К. Логика и рост научного знания, с. 367. — *Ред.*)

¹² Термины эти употреблялись относительно равнозначно всеми, кто занимался формами теоретического построения. См.: Zetterberg. *Theory and Verification in Sociology*; Homans G. C. *Sociological Theory*. — In: *Handbook of Sociology*, ed. Faris E. Chicago, Rand McNally, 1964; *The Nature of Social Science*. New York: Harcourt, Brace & World, 1967; Reynolds. *Primer in Theory Construction*; Buckley. *Sociology and Modern Systems Theory*, Englewood Cliffs, N. J. Prentice-Hall, Inc., 1967, особенно с. 62—81.

¹³ Reynolds. *Primer in Theory Construction*, p. 96.

¹⁴ Такой точки зрения придерживались многие видные ученые: См.: Berger J., Cohen B. P., Snell J. L., Zelditch M. Jr. *Types of Formalization in Small-Group Research*. Boston, Houghton Mifflin Co, 1962, p. 67—100; Blalock. *Theory Construction*, p. 100—140; Buckley. *Sociology and Modern Systems Theory*, p. 67—105; Reynolds. *Primer in Theory Construction*, p. 107—111.

¹ Впервые организмические доктрины встречаются у Конта в его «Philosophie Positive» (рус. перев.: Курс положительной философии. СПб, 1898—1900, т. 1—2. — *Ред.*), т. 10, с. 430—498. Что касается обобщения организма Конта, см.: Becker H., Barnes H. E. *Social Thought from Lore to Science*. New York, Dover Publications, 1972. Следует подчеркнуть, что Конт был не первым философом, рассматривавшим общество в организмических терминах. Организмические аналогии восходят к Аристотелю и Платону. Конт лишь первым возродил организмическую аналогию в прошлом веке.

² Comte. *Polity*, vol. 2, p. 241—242; взято из: Becker, Barnes. *Social Thought*, vol. 2, p. 573.

³ Spencer H. *The Social Organism*, 1860; *Principles of Sociology*, vol. 1, pt. 2, Chap. 2. (Рус. перев. В: Спенсер Г. Собр. соч., т. 1—7, СПб, 1866—1869; Соч., т. 1—7, СПб, 1898—1900. — *Ред.*) Как писал Спенсер, «перманентные отношения между частями общества *аналогичны* перманентным отношениям между частями живого организма». См. также: Becker and Barnes. *Social Thought*, p. 680.

⁴ Следует подчеркнуть, что многие критики функционального анализа исходили из того, что понятия «равновесие» и «гомеостазис» неизбежно означали также представление о социальном мире как о чем-то статичном и неизменном. Такая трактовка представляется ошибочной, так как понятие равновесия дает также аналитическую базисную точку для наблюдения случаев изменений и отсутствия равновесия.

⁵ Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York, McMillan Co., 1933, bk. 1. (Рус. перев.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. СПб, 1900. — *Ред.*) Дюркгейм, казалось, не замечал, что у Спенсера было несколько «интеллектуальных отличий», он резко критиковал утилитаризм Спенсера, игнорируя при этом сходство между организмической аналогией Спенсера и собственными органическими формулировками.

⁶ Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. Glencoe, Ill., Free Press, 1938, p. 96.

⁷ *Ibid.*, p. 97.

⁸ Cohen P. S. *Modern Social Theory*, 1968. New York, Basic Books, Inc., Publishers, p. 35—37.

⁹ *Ibid.*, p. 35.

¹⁰ Если дополнительно присмотреться к анализу Дюркгейма, то можно найти выход из этого причинного анализа. Во-первых, конкуренция должна возникать в условиях нехватки ресурсов (возможно, возникшей вследствие усиления моральной плотности). Во-вторых, следует применять закон экономической рентабельности. В-третьих, нужно исходить из того, что «актеры» (actors, деятели) стремятся избежать «необузданной конкуренции» («индивидуалистическая» посылка, которую на этом этапе работы Дюркгейм мог не принять).

С помощью таких допущений можно «объяснить» разделение труда, так как в таком виде объяснение это основывается на логически обоснованной телеологии (допущение о том, что «актеры» стремятся избежать конкуренции).

¹¹ Cohen. *Modern Social Theory*, p. 36. Одно то, что это «спор»

ный вопрос», указывает на расхождение Дюркгейма между словами и делом, т. е. действительным анализом социальных фактов.

¹² Nisbet R. N. Emile Durkheim Englewood Cliffs. N. Y., Prentice-Hall, Inc., 1965, p. 9—102.

¹³ Работы Малиновского по функционализму: Malinowski. Anthropology. — Encyclopedia Britannica, Supp. vol. 1. London and New York, 1936; Malinowski. Supp., vol. I. A Scientific Theory of Culture, Chapel Hill Univ. of Carolina Press, 1944; Malinowski. Magic, Science and Religion and Other Essays. Glencoe, Ill., Free Press, 1948.

¹⁴ Работы Радклифф-Брауна по функционализму: Radcliffe-Brown. Structure and Function in Primitive Society. — «American Anthropologist», July—September 1935, 37, p. 58—72; Structure and Function in Primitive Society. Glencoe, Ill., Free Press, 1952; The Andaman Islands. Glencoe, Ill., Free Press, 1948.

¹⁵ Radcliffe-Brown. Structure and Function in Primitive Society, p. 68.

¹⁶ Radcliffe-Brown. Structure and Function in Primitive Society, p. 31—50. Вторичный анализ этого примера см.: Stinchcombe A. L. Specious Generality and Functional Theory. — «American Sociological Review», December, 1961, 26, p. 929—930.

¹⁷ См., например: Radcliffe-Brown. Structure and Function in Primitive Society.

¹⁸ Один из критиков начального варианта этой рукописи предложил интересный вариант зрительного представления проблемы тавтологии:

— Когда мы имеем выжившую социальную систему?

— Когда удовлетворены определенные потребности выживания.

— Как мы узнаём, что эти определенные потребности удовлетворены?

— Когда мы имеем выжившую социальную систему.

¹⁹ Martindale D. The Nature and Types of Sociological Theory. Boston, Houghton-Mifflin Co., 1960, p. 459.

²⁰ Malinowski. Anthropology, p. 132.

²¹ Более подробный анализ исторического наследия функционализма см.: Martindale D. Nature and Types of Sociological Theory; а также: Limits of and Alternatives to Functionalism in Sociology. — In: Functionalism in the Social Sciences. — «American Academy of Political & Social Science Monograph». Philadelphia, 1965, 5, p. 144—162; Whitaker I. The Nature of Functionalism in Sociology. — Ibid., p. 127—143.

К главе 3

¹ Немногие согласны с «теорией Парсонса», но вряд ли кто-нибудь станет спорить с тем, что в наш век он является главной социологической фигурой. О влиянии Парсонса см.: Friedrichs R. W. A Sociology of Sociology. New York, Free Press, 1970; Gouldner A. W. The Coming Crisis of Western Sociology. New York, Basic Books, 1970.

² Parsons T. The Structure of Social Action. New York, McGraw-Hill Book Co, 1937; далее сноски даются по изданию 1968 г. (New York, Free Press.)

³ Последнее время такая последовательность в работах Парсонса все чаще ставится под сомнение. См.: Scott J. F. The Changing

Foundations of the Parsonian Action Scheme. — «American Sociological Review», October 1969: p. 716—735. Последующий анализ эту позицию опровергает.

⁴ Parsons. Structure of Social Action, p. 730.

⁵ См.: Parsons. Ibid., p. 3—43, 727—776. Прекрасный вторичный анализ позиции Парсонса и того, почему она не устраивает критиков см.: Schwabenberg E. The Two Problems of Order in Parsons Theory: An Analysis from Within. — «Social Forces», June, 1971, 49, p. 569—581.

⁶ Parsons. Structure of Social Action, p. 748—749.

⁷ Ibid., p. 745.

⁸ Parsons T. The Present Position and Prospects of Systemic Theory in Sociology; Essays in Sociological Theory. New York, Free Press, 1949, p. 229.

⁹ Ibid.

¹⁰ Однако даже на этой начальной стадии Парсонс часто высказывался таким образом, как если бы культура являлась системой, предвосхищая более позднее определение культуры, как подлинной системы. Для сравнения различных акцентов см., во-первых: Parsons T. Toward a General Theory of Action. New York, Harper Row, 1951, p. 20—23, а затем: Parsons T. Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Englewood cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc., 1966.

¹¹ Parsons T. The Social System. New York, Free Press, 1951.

¹² Ibid., p. 27.

¹³ Ibid., p. 27—28.

¹⁴ Ibid., p. 48—50.

¹⁵ Эти модельные переменные были созданы в сотрудничестве с Эдуардом Шилсом и разработаны в: Toward a General Theory of Action, p. 48, 76—98, 203—204, 183—189.

¹⁶ Parsons T., Bales R. F. and Shils E. A. Working Papers in the Theory of Action. Glencoe, Ill., Free Press, 1953.

¹⁷ Parsons T., Smelser N. J. Economy and Society. New York, Free Press, 1956.

¹⁸ Parsons T. An Approach to Psychological Theory in Terms of Theory of Action. — In: Psychology: A Science, ed. Koch. S., vol. 3. New York, McGraw Hill Book Co., 1958, p. 612—711. В 1961 г. эта идея была сформулирована еще более ясно: см.: Parsons T. An Outline of the Social System. — In: Theories of Society, ed. Parsons T., Shils E., Naegele K. D. and Pitts J. R. New York, Free Press, 1961, p. 30—38. См. также: Toby J. Parson's Theory of Social Evolution. — «Contemporary Sociology», September 1972, 1, p. 395—401.

¹⁹ Работы Парсонса по этому вопросу не ясны и не завершены, но, тем не менее, см.: Parsons T. On the Concept of Political Power. — «Proceedings of American Philosophical Society», June, 1963, 107, p. 232—262; Parsons T. On the Concept of Influence. — «Public Opinion Quarterly». Spring, 1963, 27, p. 37—62; Parsons T. Some Problems of General Theory. — In: Theoretical Sociology. Perspectives and Development, eds. McKinney J. C. and Tiryakian E. A. New York, Appleton-Century-Crofts, 1970, p. 26—28. См. также находящуюся в печати работу Парсонса, издаваемую Американским университетом.

²⁰ Что касается его первой попытки изложить этот вопрос, см.: Parsons. Some Problems of General Theory, p. 61—68. Это об-

суждение настолько неясно и не отработано, что разумно будет отложить его интерпретацию до тех пор, пока Парсонс не сделает свои понятия более точными.

²¹ Что касается более четкого обсуждения этих «всеобщих средств», см.: Turner T. S., Parsons Concept of Generalized Media of Social Interaction and Relevance for Social Anthropology. — «Sociological Inquiry», Spring, 1968, 38, p. 121—134.

²² Есть целый ряд эмпирических работ, в которых приводится этот пример. Быть может, наиболее ярким примером является работа Макклелланда, согласно которой исполнение побудительных мотивов кладет начало экономическому развитию при модернизации общества; см.: McClelland D. C. The Achieving Society. New York, Free Press, 1961.

²³ Что касается более полного обсуждения этого вопроса, см.: Jacobson A. L. Talcott Parsons: A Theoretical and Empirical Analysis of Social Change and Conflict. — In: Institutions and Social Exchange: The Sociologies of Talcott Parsons and George C. Homans, ed. Turk H. and Simpson R. L. Indianapolis, Bobbs-Merrill Co., 1970.

²⁴ Spencer H. First Principles, vol. 1, 5th ed. New York, A. L. Burt, 1880, p. 107—483. (Рус. перев.: Спенсер Г. Основные начала. СПб, 1897, с. 235—335.)

²⁵ Durkheim E. The Division of Labor in Society. New York, Free Press, 1933. Первые опубликован в 1893 г. (Рус. перев.: О разделении общественного труда. СПб, 1900. — *Ред.*).

²⁶ Parsons. Societies.

²⁷ Там же. См. также: Parsons T. The System of Modern Societies. Englewood Cliffs. N. Y., Prentice Hall, Inc., 1971.

²⁸ Общие стадии были впервые очерчены в: Parsons T. Evolutionary Universals in Society. — «American Sociological Review», June, 1964, 29, p. 339—357.

²⁹ Следует подчеркнуть, что Парсонс не отстаивает строго однозначного направления эволюции. Скорее он пытается указать на плавный характер социальных изменений — курс, который подвергся критике со стороны тех, кто предпочел бы говорить о резких социальных изменениях.

³⁰ См.: Buck C. L. and Jacobson A. L. Social Evolution and Structural-Functional Analysis: An Empirical Test. — «American Sociological Review», June 1968, 33, p. 343—355; Jacobson A. L. Talcott Parsons: Theoretical and Empirical Analysis.

³¹ Darendorf R. Out of Utopia: Towards a Reorientation of Sociological Analysis. — «American Journal of Sociology», September, 1958, 64, p. 115—271. В этой полемике слышались отголоски предшествующих оценок, данных другими авторами, в том числе: Lockwood D. Some Remarks on the Social System. — «British Journal of Sociology», June, 1950, 7, p. 134—146; Mills C. W. The Sociological Imagination. New York, Free Press, Oxford Univ. Press, 1959, p. 44—49; Coser L. The Functions of Social Conflict. New York, Free Press, 1956, p. 1—10.

³² Sclair L. The Fate of the Functional Requisites in Parsonian Sociology. — «British Journal of Sociology», March, 1970, 21, p. 30—42.

³³ Cohen P. Modern Social Theory. New York, Basic Books, 1968; Davis K. The Myth of Funktional Analysis as a Special Method in Sociology and Anthropology. — «American Sociological Review», December, 1959, 24, p. 757—772.

³⁴ Что касается примеров трактовки Парсонсом этих разнообразных вопросов, см.: Parson's. *An Approach to Psychological Theory; Societies; System of Modern Society*.

³⁵ Возможно, самая последняя по времени и наиболее серьезная попытка документально обосновать причины, вызвавшие эти «проблемы» в теории действия Парсонса, была предпринята в: Gouldner A. *Coming Crisis of Western Sociology*. New York, Basic Books, 1970. Однако Дж. Роудс подчеркивает, что Гоулднер воспринял в работах Парсонса то, что хотел воспринять, игнорируя при этом те места, где утверждалось нечто совершенно противоположное устойчивости, контролю, согласованности и упорядоченности. (Rhoads J. K. *On Gouldner's Crisis of Western Sociology*. — «American Journal of Sociology», July, 1972, 78, p. 136—154. См. также: Rhoads J. K. *Reply to Gouldner*. — «American Journal of Sociology», May, 1973, 78, p. 1493—1496; это было написано в ответ на высказывания Гоулднера в защиту своей позиции (см.: Gouldner A. *For Sociology: Varieties of Political Expression «Revisited»*. — «American Journal of Sociology», March, 1973, 78, p. 1063—1093, особенно с. 1083—1093).

³⁶ Что касается недавних попыток увековечить этот спор, см.: Ellis D. *The Hobbesian Problem of Order: A Critical Appraisal of the Normative Solution*. — «American Sociological Review», August, 1971, 36, p. 692—703.

³⁷ Эту тему долго обыгрывал Дж. Хоманс, например, см.: Homans G. *Sociological Theory*. — In: *Handbook of Sociology*, ed. Faris E. Chicago, Rand-McNally, 1964. Что касается более утонченных обвинений в адрес парсонсовской теории, применяющих эту тактику, то см.: Turk A. T. *On the Parsonian Approach to the Theory Construction*. — «Sociological Quarterly», Winter, 1967, 8, p. 37—49.

³⁸ Это утверждение отнюдь не означает, что другие исследователи не пытались дать операциональную интерпретацию понятиям Парсонса. Его понятия стимулировали появление довольно значительного количества эмпирических исследований, но сам Парсонс не помог исследователям спуститься с лестницы абстракций. По-видимому, эмпирические исследования, пользующиеся его понятиями, тоже не вызвали у Парсонса побуждений пересмотреть и заново перестроить свою теоретическую конструкцию. Таким образом, несмотря на то, что схема Парсонса будит мысль и стимулирует попытки операционализации и исследований, разрыв между теорией действия и исследованиями, которые она вдохновляет, сохраняется, причем теория стимулирует исследования, но эти последние оказывают на нее лишь незначительное воздействие.

³⁹ Williams R. M., jr. *The Sociological Theory of Talcott Parsons*. — In: *The Social Theories of Talcott Parsons*, ed. M. Black. Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc., 1961, p. 92.

⁴⁰ *Ibid.*, p. 94.

⁴¹ См.: Parson's. *Evolutionary Universals; Societies; System of Modern Societies*.

⁴² См.: Buck and Jacobson. *Social Evolution and Structural-Functional Analysis*; Jacobson. *Talcott Parsons*.

⁴³ Что касается логики функционального исследования, см.: Braithwaite R. B. *Scientific Explanation*. New York, Harper Bros., 1953, chaps 9 and 10; Hempel C. G. *The Logic of Functional Analysis*. — In: *Symposium on Sociological Theory*, ed. L. Gross. New York, Harper & Row, 1959, p. 271—307; Cohen P. S. *Modern Social Theory*.

New York, Basic Books, 1968, p. 58—64; Cansian F. Functional Analysis of Change. — «American Sociological Review», December, 1960, 25, p. 818—827; Nadel S. F. Foundations of Social Anthropology, Glencoe, Ill., The Free Press, 1951, p. 373—378; Nagel E. Teleological Explantation and Teleological Systems. — In: Readings in the Philosophy of Science, ed. Feigl H. and Broadbeck M. New York, Harper & Row, 1953, p. 537—558; Dore F. R. Function and Cause. — «American Sociological Review», December, 1961, 26, p. 843—853; Erasmus Ch. J. Obviating the Functions of Functionalism. — «Social Forces», March, 1967, 45, p. 319—328; Bredemeier H. C. The Methodology of Functionalism. — «American Sociological Review», April, 1955, 20, p. 173—180; Barber B. Structural-Functional Analysis: Some Problems and Misunderstandings. — «American Sociological Review», April, 1956, 21, p. 129—135; Merton R. K. Social Theory and Social Structure. Glencoe, Ill., Free Press, 1957, p. 44—61; Stinchcombe A. L. Constructing Social Theories. New York, Harcourt, Brace & World, 1968, p. 80—116; Zetterberg H. On Theory and Verification in Sociology. Totowa. N. J., 1965, Bedminister Press, p. 74—78.

⁴⁴ См. например: Parsons T. Family, Socialisation and Interaction Process. New York, Free Press, 1955; Parsons T. Social Structure and the Development of Personality. — «Psychiatry», November, 1958, 34, p. 321—340; Parsons T. The School Class as a Social System. — «Harvard Educational Review», Fall, 1959, vol. 54, p. 487—499; Parsons T. The Link between Character and Society. — In: Culture and Social Character, ed. S. M. Lipset S. M. and Lowenthal L. New York, Free Press, 1961; Parsons T. Youth in the Context of American Society. — «Daedalus», Winter, 1961, vol. 28; Parsons T. Comment on Dennis Wrong's «The Over-socialized Conception of Man». — «Psychoanalysis and Psychoanalytic Review», Summer, 1962, vol. 10, p. 322—334; Parsons T. Social Structure and Personality. New York, Free Press, 1964.

⁴⁵ См. например: Parsons T. Authority, Legitimation and Political Action. — In: Authority, ed. Friedrich C. J. Cambridge, Mass., Harvard Univ. Press, 1958; Parsons T. On the Concept of Power; Parsons T. The Political Aspect of Structure and Process. — In: Varieties of Political Theory, ed. Easton D. Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, 1966.

⁴⁶ Nagel E. Teleological Explantation and Teleological Systems.

⁴⁷ Nadel S. F. Foundations of Social Anthropology. Glencoe, Ill., 1951, p. 375.

⁴⁸ См. например: Parsons and Smelser. Economy and Society; Parsons. Some Reflections on the Institutional Framework of Economic Development. — In: The Challenge of Development: A Symposium. Jerusalem, The Hebrew Univ., 1958.

⁴⁹ См. прим. 44.

⁵⁰ Stinchcombe. Constructing Social Theory, p. 87—93.

⁵¹ Что касается деталей, очевидно, гораздо более сложной аргументации, то см.: Parsons. Societies, p. 95—111; System of Modern Societies.

⁵² Stinchcombe. Constructing Social Theories, p. 100.

⁵³ Parsons. Societies, p. 69—115.

К главе 4

¹ Напомним, что в 1945 г. Парсонс стал концептуализировать единичные акты в системных терминах и рассматривать такие системы с точки зрения реквизита. См.: Parsons T. *The Present Position and Prospects of Systemic Theory in Sociology*. — In: *Essays in Sociological Theory*. New York, Free Press, 1949.

² Merton R. K. Discussion of Parsons «The Position of Sociological Theory». — «*American Sociological Review*», April, 1948, 13, p. 164—168.

³ Там же. Большинство наиболее значительных очерков Мертона включено, а зачастую подробно изложено в кн.: Merton R. K., *Social Theory and Social Structure*. New York, Free Press, 1949. Приведенная цитата взята с с. 45 этой классической работы (издание 1968 г.). Большинство последующих ссылок относится к статьям, включенным в эту книгу.

⁴ Merton R. *Social Theory and Social Structure*, p. 47.

⁵ *Ibid.*, p. 52.

⁶ *Ibid.*, p. 51.

⁷ Merton R. *Social Theory and Social Structure*. 1957, p. 10.

⁸ М. Малкей доказывает аналогичное положение, хотя он придает меньшее значение интересу Мертона к построению в конечном итоге грандиозной теории по его функциональным правилам. См.: Mulkaу M. J. *Functionalism, Exchange and Theoretical Strategy*. New York, Schocken Books, 1971, p. 98—99.

⁹ Merton R. K., *Manifest and Latent Functions*. — In: *Social Theory and Social Structure*. New York, 1968, p. 74—91.

¹⁰ См.: Merton R. K. *Social Theory and Social Structure*. Glencoe, Ill., Free Press, 1949, p. 45—61.

¹¹ Merton R. *Social Theory and Social Structure*, 1968, p. 81—82.

¹² См.: Parsons. *Present Position and Prospects of Systemic Theory*; Parsons T. *The Social System*. Glencoe, Ill., Free Press, 1951.

¹³ Merton R. *Social Theory and Social Structure*, 1968, p. 84.

¹⁴ В действительности парадигма Мертона шире, чем этот перечень, но зато он выражает самую суть его функциональной стратегии. Что касается всей парадигмы в целом, см.: Merton R. *Social Theory and Social Structure*, 1968, p. 104—109.

¹⁵ *Ibid.*, p. 109.

¹⁶ *Ibid.*, p. 136.

¹⁷ *Ibid.*, p. 125.

¹⁸ *Ibid.*, p. 125—126.

¹⁹ *Ibid.*, p. 127.

²⁰ Stinchcombe A. L. *Constructing Social Theories*. New York, Harcourt, Brace and World, 1968, p. 100.

²¹ Merton R. *Social Theory and Social Structure*. 1968, p. 127.

²² Durkheim E. *The Rules of the Sociological Method*. Glencoe, Ill., Free Press, 1938, p. 96.

К главе 5

¹ Lockwood D. Some Remarks on «The Social System». — «*British Journal of Sociology*», June, 1956, 7, p. 134—146.

² Darendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis. — *American Journal of Sociology*, September, 1958, 744, p. 115—127.

³ См., например: Horowitz L. L. *The New Sociology: Essays in Social Science and Social Theory*. New York, Oxford University Press, 1964.

⁴⁻⁵ Что касается парафразирования и специфики этого содержания, то см.: Darendorf. *Class and Class Conflict*. p. 2—35.

⁶ Любопытно, что причинная аргументация гораздо лучше выражена в полемических работах Маркса, например, «Манифесте Коммунистической партии». Суждения Маркса были восприняты современной теорией конфликта и, следовательно, представляют для нас интерес.

⁷ Все дальнейшие ссылки на эту работу даны по следующему источнику: Simmel J. *Conflict and the Web of Group Affiliation*, trans. Wolff K. H. Clepoe, Ill., Free Press, 1956.

⁸ Там же, с. 23. Однако Зиммель со своей обычной осмотрительностью предостерегает: «Это обстоятельство не должно заставлять нас проходить мимо тех многочисленных случаев, когда противоречивые тенденции действительно сосуществуют вместе, будучи при этом независимыми друг от друга, и, таким образом, могут быть в любой момент выделены из общей ситуации» (с. 23—24).

⁹ *Ibid.*, p. 13.

¹⁰ Зиммель не заботился о том, чтобы создать научную теорию: скорее он интересовался тем, чтобы вывести общественные формы процессов взаимодействия. Это постоянное внимание к форме довольно легко превращает многие аналитические суждения Зиммеля в высказывания. Однако следует подчеркнуть, что подобная трансформация содержит в себе риск дать им неверную интерпретацию.

¹¹ Simmel J. *Conflict*, p. 58.

¹² Итоги этой дискуссии превосходно подводятся в следующей статье: Fink C. F. *Some Conceptual Difficulties in the Theory of Social Conflict*. — *Journal of Conflict Resolution*, December, 1968, 12, p. 412—460.

¹³ Пьер ван ден Берг показывал, что в конечном итоге диалектическая модель конфликта — это такая модель, где на основе конфликта возникает унификация — хотя бы временная. Но как будет пространно показано в следующей главе, онтологические различия между Марксом и Зиммелем привели к созданию совершенно разных направлений современной социологии. См.: Van den Berghe P. *Dialectic and Functionalism: Toward a Theoretical Synthesis*. — *American Sociological Review*, October, 1963, 28, p. 695—705.

¹⁴ Зиммель хорошо понимал такие явления, как войны и революции; он понимал, каковы их разрушительные последствия. Однако его исследования по преимуществу сосредоточены на менее острых конфликтах и на их значении для стабилизации, адаптивности и упорядоченности социальных изменений.

К главе 6

¹ Darendorf R. Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis. — *American Journal of Sociology*, September, 1958, 64, p. 127.

² Дарендорф подчеркивает: «Я не намерен впасть в ошибку,

жертвами которой стали многие теоретики-функционалисты, и предъявлять конфликтной модели требование всеобщего и исключительного применения... если говорить в философском смысле, то, вполне возможно, общество имеет два одинаково реальных облика: один — облик устойчивости, гармонии и единодушия, а другой — облик перемен, конфликтов и напряженности» (там же). Однако в действительности подобное отречение служит оправданием и доказательством первичности конфликта в обществе. Провозглашая, что функционализм односторонен, оно превращает теорию конфликта в жертву такой же односторонности — с тем, однако, чтобы «уравновесить» прошлую односторонность.

³ Есть целый ряд современных диалектических моделей конфликта, которые можно было бы обсудить в этой главе. Например, Джон Рекс представил модель, аналогичную модели Дарендорфа. (См.: Rex J. *Key Issues in Sociological Theory*. London, Routledge & Kegan Paul, 1961.)

Но так как именно Дарендорф является наиболее влиятельным представителем теории конфликта в современной социологии, то, видимо, гораздо лучше внимательно изучить его модель, а не распылять исследования на несколько диалектических моделей конфликта.

⁴ Darendorf R. *Toward a Theory of Social Conflict*. — «*Journal of Conflict Resolution*», June, 1958, 2, 170—183; Darendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1959, p. 168—169; Darendorf R. *Gesellschaft und Freiheit*. München, R. Piper, 1961; Darendorf R. *Essays in Theory of Society*. Stanford, Calif., Stanford University Press, 1967.

⁵ Weingardt P. *Beyond Parsons? A Critique of Ralf Darendorf's Conflict Theory*. — «*Social Forces*», December, 1969, 48, p. 151—165.

⁶ *Ibid.*, p. 158.

⁷ Boskoff A. *The Mosaic of Sociological Theory*. New York, Thomas Y. Crowell Co., 1972, p. 83.

⁸ Чтобы удобнее было подвести итоги этого обсуждения, см.: Cohen P. *Modern Sociological Theory*. New York, 1968, p. 183—191.

⁹ Darendorf R. *Toward a Theory of Social Conflict*.

¹⁰ Нижеперечисленные предложения отличаются от перечня, сделанного Дарендорфом (см. «Классы и классовый конфликт», с. 239—240) в двух отношениях: 1) они всегда формулируются в качестве ковариантных суждений и 2) они всегда имеют в виду нечто более абстрактное по сравнению с «классами», которые именно в этой работе представляли для Дарендорфа особый интерес.

¹¹ *Ibid.*, p. 169.

¹² *Ibid.*, p. 241—318.

¹³ Что касается самых лучших критических аргументов, см.: Weingardt P. *Beyond Parsons? A Critique of Ralf Darendorf's Conflict Theory*. — «*Social Forces*», December, 1969, 48.

¹⁴ *Ibid.*; van den Berghe P. *Dialectic and Functionalism: Toward a Theoretical Synthesis*. — «*American Sociological Review*», October, 1963, 28, p. 695—705.

¹⁵ См. например: Parsons T. and Shild E., eds. *Toward a General Theory of Action*. New York, Harper & Row, 1962, p. 197—205.

¹⁶ *Ibid.*, p. 230.

¹⁷ Weingardt. Beyond Parsons, p. 161.

¹⁸ Boskoff. Mosaic of Sociological Theory, p. 82—83.

К главе 7

¹ Coser L. A. The Functions of Social Conflict. London, Free Press of Glencoe, 1956, p. 22—23.

² Ibid., p. 22—23.

³ Coser L. A. Some Social Functions of Violence. — «Annals of the American Academy of Political and Social Science», March 1966, 364.

⁴ Coser L. A. Continuities in the Study of Social Conflict. New York, Free Press, 1967, p. 141.

⁵ Перечень некоторых выдающихся работ Козера, которые в дальнейшем будут использованы в нашем анализе, позволять ощутить в развиваемом им конфликтном направлении дух функционализма: Coser. Functions of Social Conflict; Some Social Functions of Violence. — «Annals of the American Academy of Political and Social Science», March, 1966, 364; Some Functions of Deviant Behaviour and Normative Flexibility. — «American Journal of Sociology», September, 1962, 68, p. 172—181; The Functions of Dissent. — In: The Dynamics of Dissent. New York, Grune & Stratton, 1968, p. 158—170. Другие его выдающиеся работы имеют не столь выразительные названия, но по своему содержанию носят критический характер. К ним относятся: Social Conflict and the Theory of Social Change. — «British Journal of Sociology», September, 1957, 8, p. 197—207; Violence and the Social Structure. — In: Science and Psychoanalysis, ed. J. Masserman, vol. 7. New York, 1963, p. 30—42. Эти и другие очерки собраны Козером в его кн.: Continuities in the Study of Social Conflict.

⁶ Coser L. A. Durkheim's Conservatism and Its Implications for His Sociological Theory. — In: Emile Durkheim, 1858—1917: A Collection of Essays, ed. Wolf K. H., Columbus, 1960. Перепечатан в кн.: Coser. Continuities of Social Conflict, p. 153—180.

⁷ Coser. Some Functions of Violence, p. 12—13.

⁸ Coser. The Functions of Dissent, p. 159—160.

⁹ Любопытно, что такое подчеркивание «позитивных функций» конфликта могло быть истолковано в качестве кульминационного пункта консервативной идеологии — а ведь оно приписывалось исключительно Парсонсу. Даже конфликт содействует интеграции, а не разрушению, дезинтеграции, переменам. Такое общество, как доказывал бы Дарендорф, больше не имеет безобразного облика и столь же уютно, как и общество Парсонса. Что касается ответа Козера на подобные обвинения, см.: Continuities, p. 1, 5.

¹⁰ Есть нечто трагическое в том, что создание социологической теории решительно не пошло по многообещающему пути, предложенному Уильямом Р. М. мл. (См.: Williams R. M., Jr. The Reduction of Intergroup Tensions: A Survey of Research on Problems of Ethics, Social, and Religious Group Relations. New York, Social Science Research Council, 1947.) Большинство тезисов, предложенных Дарендорфом и Козером, было обобщено в этой книге еще за десять лет до появления их главных работ. Гораздо важнее то обстоятельство, что они излагаются им в более нейтральной форме, без всяких попыток облачить «безобразный облик» общества или

исправить невниманье к «функциям конфликта». Результатом этого нежелания следовать инициативе Уильямса стала довольно низкая отдача с точки зрения уточнения и дополнения теоретических положений по поводу конфликтных процессов в социальных системах. До тех пор пока социологи-теоретики не займутся созданием теории, а не фикций, которые легко поддаются опровержению, составление систематического и полного перечня высказываний по поводу социальных процессов по-прежнему будет сталкиваться с препятствиями.

¹¹ Кроме того, следует подчеркнуть, что, извлекая из различных источников отдельные положения и пытаясь связать их теоретически и при этом по справедливости оценить намерения теоретика, мы сталкиваемся с опасностями и затруднениями. Тем не менее если не выполнить такого упражнения, то эти положения почти ничего не дадут для создания социологической теории.

¹² Этот тезис, как признавал Козер, был заимствован им из обсуждения конфликтных явлений, выполненного Уильямсом (*Reduction of Intergroup Tension*, p. 58) в 1947 г. Однако в этом последнем случае данный тезис обсуждался в таком контексте, из которого можно сделать выводы не о функциях, а о теоретических ориентирах. Поэтому более раннее обсуждение кажется гораздо более сбалансированным и не отличается такой склонностью подчеркивать только интеграцию.

¹³ Darendorf R. *Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis*. — «*American Journal of Sociology*», September, 1958, 64, p. 115—127.

К главе 8

¹ См., например: Darendorf. *Out of Utopia: Toward a Reorientation of Sociological Analysis*, p. 115—127; Coser. *The Functions of Social Conflict*, p. 1—20.

² В дополнение к полемике Дарендорфа и Козера, см. также: Horton J. *Order and Conflict Theories of Social Problems as Competing Ideologies*. — «*American Journal of Sociology*», May, 1966, 71, p. 701—713; Horowitz I. L. *Consensus, Conflict and Cooperation: A Sociological Inventory*. — «*Social Forces*», December, 1962, 41, p. 177—188; Lockwood D. *Some Remarks on «The Social System»*. — «*British Journal of Sociology*», June, 1956, 7, p. 134—146; van de Berge P. *Dialectic and Functionalism: Toward a Theoretical Synthesis*. — «*American Sociological Review*», October, 1963, 28, p. 695—705.

³ В дополнение к двум перечням, представленным на табл. 10, см.: van den Berge. *Dialectic and Functionalism*; Horowitz. *Consensus, Conflict, and Cooperation*; Horton. *Order and Conflict Theories*; Darendorf. *Out of Utopia*; Cole R. *Structural-Functional Theory, the Dialectic and Social Change*. — «*Sociological Quarterly*». Winter, 1966, 7, p. 39—58.

⁴ Van den Bergh. *Dialectic and Functionalism*. Что касается примера аналогичных попыток, см.: Cole. *Structural-Functional Theory*.

⁵ Williams R. M., Jr. *Some Further Comments on Chronic Controversies*. — «*American Journal of Sociology*», May, 1966, 71, p. 717—721,

⁶ Относительно легко синтезировать допущения (вероятно, потому, что это так часто делалось), но синтез сложных перечней высказываний, сложившихся в рамках двух давних и устойчивых теоретических традиций, какими являются функциональная теория и теория конфликта, превышает способности какого-либо одного автора, в том числе и автора этой книги.

⁷ Что касается примеров, иллюстрирующих подобные суждения в рамках конфликтной традиции, то см.: Blalock H. M. Jr. *Toward a Theory of Minority-Group Relations*. New York, John Wiley & Sons, 1967; Coleman J. *Community Conflict*. Glencoe, Ill., Free Press, 1957; Davies J. C. *Toward a Theory of Revolution*. — «*American Sociological Review*», February, 1962, 27, p 5 and 19; G a m s o n W. A. *Power and Discontent*. Homewood, Ill., Dorsey Press, 1968; Mack R. W. and Snyder R. C. *The Analysis of Social Conflict-Toward an Overview and Synthesis*. — «*Journal of Conflict Resolution*», June, 1957, 1, p. 212—248; Williams. *The Reduction of Intergroup Relations; Conflict and Social Order: a Research Strategy for Complex Propositions*. — «*Journal of Social Issues*», February 1972, 28; *Social Order and Social Conflict*. — «*Proceedings of the American Philosophical Society*», June, 1970, 114, p. 217—225.

⁸ Тезисы этой и следующих за ней таблиц взяты из того обсуждения Дарендорфа и Козера, которое представлено в гл. 6 и 7. Тезисы Дарендорфа представляют собой переложение (сделанное для того, чтобы облегчить их сравнение с высказываниями Козера) некоторых положений, сформулированных в наиболее формализованном изложении его теории в: D a r e n d o r f R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. Stanford, Calif., Stanford Univ. Press. 1959, p. 236—240. Так как тезисы в схеме Козера заимствованы из самых разнообразных источников, в подстрочных примечаниях потребуются привести много цитат, как это уже было сделано в аналогичном случае в гл. 7. Чтобы избежать этого, в конце каждого тезиса в скобках приводятся ссылки, направляющие читателя к списку литературы, приведенному в конце главы.

⁹ Понятие «неумищие» никогда не определялось ни Козером, ни Дарендорфом. Обычно к ним относились индивиды или группы, лишенные дефицитных ресурсов, например власти; но за пределами этого определения ни один из этих авторов не сказал ничего существенного.

¹⁰ Дарендорф сознательно отвергает явное включение психологических переменных в социологическую теорию образования конфликтных групп. Несмотря на то что он не говорит об этом прямо, это, по-видимому, происходит по вышеуказанным причинам.

¹¹ Weingardt P. *Beyond Parsons? A Critique of Ralf Darendorf's Conflict Theory*. — «*Social Forces*», March, 48, p. 151—165; Turner J. H. *From Utopia to Where?: A Strategy for Reformulating the Darendorf Conflict Model*. — «*Social Forces*». Winter, 1974.

¹² См., например: Rex J. *Key Issues in Sociological Theory*. London, Routledge & Kegan Paul, 1961.

¹³ Однако несмотря на имплицитный характер подобного анализа, должно быть совершенно ясно, что теоретические положения Дарендорфа и Козера излагаются в чрезвычайно абстрактной форме и, таким образом, их следует дополнить суждениями, которые гораздо теснее связаны с эмпирическим миром. Кроме того, должно быть ясно, что эти положения далеко не всегда указывают, на какие ана-

литические единицы (группы, классы, коллективы или индивиды) они нацелены. Таким образом, потребовался бы большой ряд дополнительных предложений, который прояснил бы смысл очень неопределенно сформулированных схем — как Дарендорфа, так и Козера. Однако только после того, как аргументация этих авторов была выражена пропозиционально, так что все их недоработки стали совершенно очевидными, была доказана потенциальная полезность анализа, выполненного в табл. 11 (а также в табл. 12 и 13).

¹⁴ Darendorf. *Class and Class Conflict*, p. 211—212.

¹⁵ Coser. *Continuities in the Study of Social Conflict*, p. 3.

¹⁶ Coser. *Violence and the Social Structure*, *Ibid.*, p. 58—72; *The Social Functions of Violence*, p. 8—18.

¹⁷ Simmel G. *Conflict*, trans. Wolff K. H. — In: *Conflict and the Web of Group Affiliations*. Glencoe, Ill., Free Press, 1955.

¹⁸ Конечно, подобные тезисы не могут указать с абсолютной точностью, при каких условиях конфликт не произойдет и когда можно ожидать, что произойдут иные процессы, не имеющие характера конфликта. Кроме того, Маркс, по-видимому, лучше понимал это взаимодействие между психологическими и структурными переменными, чем Дарендорф, который, пытаясь модернизировать Маркса, утратил многое из того, что подразумевалось в марксистской модели.

¹⁹ Это очень сомнительный тезис, поскольку очевидно, что армии высоко организованы и способны применять насилие в самых широких масштабах, причем это не будет вызывать у солдат и офицеров никаких сильных эмоций. Таким образом, если этот тезис остается в силе, следует определить сферу его применимости.

²⁰ Этот анализ, как признает Козер, многим обязан очерку Зиммеля «Конфликт».

²¹ Согласно некоторым авторам, относительное обнищание считается социально-структурной переменной, поскольку лишения всегда связаны с какими-либо социальными условиями. Однако, в конечном итоге относительное обнищание включает в себя восприятие событий, а впоследствии пробуждает у индивидов определенные эмоции; поэтому здесь оно считается социально-психологической переменной.

К главе 9

¹ Simmel G. *Sociability*. In: *The Sociology of Georg Simmel*, ed. Kurt H. Wolf. New York: Free Press, 1950, p. 40—57. О значении Зиммеля для интеракционизма см.: Collins R. and Michael M. *akowsky M. The Discovery of Society*. New York, Random House, 1972, p. 138—142.

² Мид написал очень мало работ, поэтому большинство его основополагающих идей можно найти только в опубликованных записях его лекций. Наиболее значительное изложение интеракционизма содержится в его книге: *Mind, Self, and Society*, ed. Charles W. Morris. Chicago: University of Chicago Press, 1934. В числе других полезных источников, см.: Mead G. H. *Selected Writings*. Indianapolis: Bobbs-Merrill Co., 1964; Strauss A., ed. *George Herbert Mead on Social Psychology*. Chicago: University of Chicago Press, 1964. Блестящие вторичные источники, посвященные учению Мид,

см.: Shibutani T. *Society and Personality: An Interactionist Approach*. Englewood Cliffs, N. Y.: Prentice-Hall, Inc., 1962; Strauss A. *Mirrors and Masks: The Search for Identity*. Glencoe, Ill.: Free Press, 1959; Meltzer N. *Mead's Social Psychology*. — In: *The Social Psychology of George Herbert Mead* (Ann Arbor, Mich.: Center for Sociological Research, 1964), p. 10—31.

³ Mead. *Mind, Self, and Society*, p. 254.

⁴ *Ibid.*, p. 256—257.

⁵ *Ibid.*, p. 261—262.

⁶ Фактически это переработанные концепции, выдвинутые ранее Уильямом Джеймсом. См., например: James W. *Principles of Psychology*, 2 vols. New York: Henry Holt, 1890. Более доступен сокращенный вариант этой работы (Cleveland: World Publishing Co., 1848); см. особенно с. 135—176.

⁷ Moreno J. *Who Shall Survive. Nervous and Mental Disease Publications*. Washington, D. C., 1934: rev. ed. New York, Beacon House, 1953.

⁸ Linton R. *The Study of Man*. Appleton-Century Company, Inc., 1936.

К главе 10

¹ О ранних аналитических утверждениях см.: Moreno J. *Who Shall Survive* (original ed., 1934); Linton R. *The Study of Man*, 1936.

² Пример такого рода аналогий см.: Biddle B. J. and Thomas E. *Role Theory: Concepts and Research*. New York, John Wiley & Sons, 1966, p. 3—4. Наиболее известную «драматургическую» модель см.: Goffman I. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, Doubleday & Co., 1959.

³ О некоторых последних попытках обзора теории ролей см.: Biddle B. J. and Thomas E. *Role Theory*, p. 1—64; Deutch M. and Krauss R. M. *Theories in Social Psychology*. New York, Basic Books, 1965, p. 173—211; Shaw M. E. and Costanzo Ph. R. *Theories of Social Psychology*. New York, McGraw-Hill Book Co., 1970, p. 326—346.

⁴ Первоначальный анализ этой точки зрения см.: Davis K. *Human Society*. New York, Macmillan Co., 1949; Linton R. *Study of Man*; Moreno J. *Who Shall Survive*; Benoit E. *Status, Status Types, and Status Interrelations*. — «*American Sociological Review*», April, 1944, 9, p. 151—161; Murdock G. P. *Social Structure*. New York, Macmillan Co., 1949; Merton K. *Social Theory and Social Structure*. New York, Free Press, 1951, p. 368—379.

⁵ Мидовская концепция «другого» указывала на воздействие воспринимаемых экспектаций на проигрывание ролей индивидами. Однако систематический анализ таких экспектаций был осуществлен только после второй мировой войны.

⁶ См., например: Moreno J. *Contributions of Sociometry to Research Methodology in Sociology*. — «*American Sociological Review*», June 1947, 12, p. 287—292; Moreno J. L., ed. *The Sociometry Reader*. Glencoe, Ill., Free Press, 1960; Oeser O. A. and Harary F. *Role Structures: A Description in Terms of Graph Theory*. — «*Human Relations*», May, 1962, 15, p. 89—109; Cartwright D. and Harary F. *Structural Balance: A Generalization of Heider's Theory*. — «*Psychological Review*», September, 1956, 63, p. 277—293.

⁷ Первоначальный анализ нормативных явлений см. в: Davis K. Human Society; Stauffer S. An Analysis of Conflicting Social Norms. — «American Sociological Review», December, 1949, 14, p. 707—717; Williams R. M. Jr. American Society: A Sociological Interpretation, 2nd ed. New York, Al. Knopf, 1960, p. 25—38; Homans G. C. The Human Group. New York, Harcourt, Brace & World, 1950. Работы последних лет см.: Biddle B. J. and Thomas E. Role Theory, p. 23—63.

⁸ Мидовская концепция «обобщенного другого» предвосхитила появление понятия «референтная группа». О некоторых наиболее важных различиях «теории» поведения референтных групп см.: Merton R. K. Continuities in the Theory of Reference Groups and Social Structure, p. 225—280; Shibutani T. Reference Groups as Perspectives. — «American Journal of Sociology», May, 1955, 60, p. 562—569; Kelley H. H. Two Functions of Reference Groups. — In: Readings in Social Psychology, ed. Swanson G. E. et al. New York, Henry Holt Co., 1958; Turner R. H. Role-taking, Role Standpoint, and Reference Group Behavior. — «American Journal of Sociology», January, 1956, 61, p. 316—328; Human H. and Singer E. eds. Readings in Reference Group Behavior. New York, Free Press, 1968.

⁹ Например: Parsons T. The Social System. New York, Free Press, 1951, p. 1—94; Goode W. J. Norm Commitment and Conformity to Role-Status Obligations. — «American Journal of Sociology», November, 1960, 66, p. 246—258.

¹⁰ Например: Skinner B. F. Science and Human Behavior. New York, Macmillan Co., 1953, p. 313—355, 403—419; Biddle B. J. and Thomas E. Role Theory, p. 27—28; Shaw M. E. and Costanzo R. R. Theories of Social Psychology, p. 332—333.

¹¹ Biddle B. J. and Thomas E. Role Theory, p. 27; Kelley H. H. Two Functions of Reference Groups; Turner R. H. Role Taking, Role Standpoint; Turner R. H. Self and Other in Moral Judgement. — «American Sociological Review», June, 1954, 19, p. 254—263.

¹² Turner J. H. Role Taking, Role Standpoint; Biddle B. J. and Thomas E. Role Theory.

¹³ О различных способах применения этой концепции см.: Neiman A. L. J. and Hughes J. W. The Problem of the Concept of Role — A Re-survey of the Literature. — «Social Forces», December, 30, p. 141—149; Rommetveit R. Social Norms and Roles: Explorations in the Psychology of Enduring Social Pressures. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1955; Biddle B. J. and Thomas E. Role Theory; Shaw M. E. and Costanzo R. R. Theories of Social Psychology, p. 334—338; Deutsch V. and Krauss R. M. Theories in Social Psychology, p. 173—177.

¹⁴ Deutsch M. and Krauss R. M. Theories in Social Psychology, p. 175; Levinson D. J. Role, Personality, and Social Structure in the Organizational Steeing. — «Journal of Abnormal and Social Psychology», March, 1959, 58, p. 170—180.

¹⁵ Такой анализ способствовал изучению отклонений, социализации и проигрыванию роли в сложных организациях и небольших группах.

¹⁶ См. например: Denzin N. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology. — In: Understanding Everyday Life: Toward a Reconstruction of Sociological Knowledge, ed. Douglas J. D. Chicago, Aldine Publishing Co., 1970, p. 259—284. Наиболее широко этот вопрос

освещался Сарбином, изучавшим активность вовлечения Я и проигрывание роли: Sarbin T. R. Role Theory. — In: Handbook of Social Psychology, Lindzey G., vol. I, Reading, Mass. Addison-Wesley Publishing Co., 1954, p. 223—258; Sarbin T. R. and Farberow N. L. Contributions to Role-taking Theory: A Clinical Study of Self and Role. — «Journal of Abnormal and Social Psychology», January, 1952, 47, p. 117—125; Sarbin T. R. and Rosenberg B. G. Contributions to Role-taking Theory. — «Journal of Social Psychology», August, 1955, 42, p. 71—81.

¹⁷ См., например: Shibutani T. Society and Personality, Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc., 1961, p. 367—403.

¹⁸ Scott J. F. Internalization of Norms: A Sociological Theory of Moral Commitment, Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc., 1971, p. 127—215; Goode W. Norm Commitment and Conformity; Skinner B. F. Science and Human Behavior.

¹⁹ См., например: Strauss A. Mirrors and Masks, Glencoe Ill., Free Press, 1959, p. 100—118; Shibutani T. Society and Personality, p. 471—596; Brim O. G. and Wheeler S. Socialization after Childhood. New York, Free Press, 1963.

²⁰ Scott J. F. Internalization of Norms: A Sociological Theory of Moral Commitment, Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc., 1971, p. 127—215; Goode W. Norm Commitment and Conformity; Skinner B. F. Science and Human Behavior.

²¹ См.: Lemert E. Social Pathology. New York, McGraw-Hill Book Co., 1951; Scheff Th. The Role of the Mentally Ill and the Dynamics of Mental Disorder: A Research Framework. — «Sociometry», December, 1963, 26, p. 436—453; Becker H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. New York, Free Press, 1963.

²² Turner R. H. Role-Taking, Role Standpoint; Shibutani T. Society and Personality, p. 249—280.

²³ James W. Principles of Psychology, 2 vols. New York, Henry Holt, 1980; см.: Shibutyni T. Society and Personality, p. 433—446.

²⁴ По вопросу о воздействии различных видов «придуманного» проигрывания роли на отношения и другие психологические атрибуты индивидов имеется обширная экспериментальная литература, однако в настоящее время результаты таких исследований не нашли еще отражения в теории ролей. Некоторые из этих исследований можно найти в: King T. and Janis I. L. Comparison of the Effectiveness of Improvised versus Non-improvised Role-playing in Producing Opinion Changes. — «Human Relations», May, 1956, 9, p. 177—186; Janis I. C. and King B. T. The Influence of Role Playing on Opinion Change. — «Journal of Abnormal and Social Psychology», April, 1954, 49, p. 211—218; Breer P. E. and Locke E. A. Task Experience as a Source of Attitudes. Homewood, Ill., Dorsey Press, 1955; Sarbin Th. and Allen V. L. Role Enactment, Audience Feedback, and Attitude Change. — «Sociometry», June, 1964, 27, p. 183—184.

²⁵ См., например: Davis K. Human Society; Merton R. K. Social Theory and Social Structure; Benoit E. Status, Status Types; Biddle B. J. and Thomas E. Role Theory, p. 23—41.

²⁶ Davis K. Human Society; Morris R. T. A Typology of Norms. — «American Sociological Review», October, 1956, 21, p. 610—613; Anderson A. R. and Moore O. K. The Formal Analysis of

Normative Concepts. — «American Sociological Review», February, 1957, 22, p. 9—16; Williams R. M. American Society.

²⁷ Turner R. H. Role Taking, Role Standpoint; Sarbin Th. and Allen V. L. Role Enactment, Audience Feedback.

²⁸ Goffman I. Presentation of Self; Sarbin Th. Role Theory; Mann J. H. and Mann C. H. The Effect of Role-playing Experience on Role-playing Ability. — «Sociometry», March, 1959, 22, p. 69—74; Goode W. J. A Theory of Role Strain. — «American Sociological Review», August, 1960, 25, p. 483—496.

²⁹ Пример заимствован из: Boskoff A. The Mosaic of Sociological Theory. New York, Crowell Th. Y. Co., 1972, p. 49—51.

³⁰ Существует множество способов сбора таких отчетов, начиная с неформальных наблюдений и простых интервью и кончая интервью и вопросниками с весьма сложной структурой. Все они использовались исследователями теории ролей в естественных и лабораторных условиях при работе с небольшими группами.

³¹ Эта дилемма превосхищает обсуждение этнометодологии (см. гл. 16), ибо, как утверждают этнометодологи, такие вербальные отчеты и есть «реальность», определяющая поведение. С этой точки зрения считается, что предположение о «действительно реальном» мире, не зависящем от мысленного представления о нем действующих лиц, бесосновательно.

³² См., например: Getzels J. W. and Guba E. C. Role, Role Conflict, and Effectiveness. — «American Sociological Review», February, 1954, 19, p. 164—175; Parsons T. Social System, p. 280—293; Merton R. K. Social Theory and Social Structure, p. 369—379; Kahn R. L. et al. Organizational Stress: Studies in Role Conflict and Ambiguity. New York, John Wiley & Sons.

³³ Goode. Theory of Role Strain.

³⁴ Merton. Social Theory and Social Structure, p. 121—151.

³⁵ Хотя большинство исследователей теории ролей решительно отрицают этот факт, для построения теории они следуют стратегии Парсонса, за исключением микроуровней. Без наличия четких теоретических положений разработанные ими понятия для классификации и упорядочения связанных с ролью явлений позволили установить концептуальный порядок, из которого, однако, не явствует, когда и как этот порядок, обозначенный данными концепциями, поддерживается, нарушается или восстанавливается.

К главе 11

¹ Наиболее настойчиво наследие Мида кодифицируется Гербертом Блумером, который неустанно критикует социологическое теоретизирование за неспособность учесть существенные и методологические последствия мидовских концепций при проведении исследований и построении теории. В данной главе излагаются многие мысли Блумера, которые можно найти в недавно изданной работе: Blumer H. Symbolic Interactionism: Perspective and Method, Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall, Inc., 1969.

² Farber B. A Research Model: Family Crisis and Games Strategy in Kinship and Family Organization, Farber B. ed. New York, John Wiley & Sons, 1966, p. 430—434. Не так давно Уолтер Уоллес воспользовался этой же аналогией для описания символического интеракционизма (Sociological Theory. Chicago: Aldine Publishing Co., 1969, p. 34—35.)

³ Blumer H. The Methodological Position of Symbolic Interactionism. — In: Symbolic Interactionism, p. 1—12. Ранние высказывания Блумера, объединенные в «Symbolic Interactionism», см.: Blumer H. Sociological Analysis and the Variable. — «American Sociological Review», December, 1956, 21, p. 683—690; Blumer H. Society as Symbolic Interactionism. — In: Human Behavior and Social Prozess, A. Rose, ed. Boston, Houghton Mifflin Co. 1962, p. 179—192. Другие важные упоминания о предположениях символического интеракционизма см.: Stryker Sh. Symbolic Interaction as an Approach to Family Research. — «Marriage and Family Living», May, 1951, 21, p. 111—119; Kuhn M. H. Major Trends in Symbolic Interaction Theory in the Past Twenty-Five Years. — «Sociological Quarterly», Winter, 1969, 5, p. 61—84; Cardwell J. D. Social Psychology: A Symbolic Interactionist Perspective. Philadelphia, Davis F. A. Co., 1971; Warriner Ch. K. The Emergence of Society. Homewood, Ill., Dorsey Press, 1970.

⁴ Некоторые авторы, например Блумер, пытались доказать, что «действующие лица» могут представлять более крупные социальные образования. На самом деле символический интеракционизм почти исключительно сосредоточивал свое внимание на взаимодействии отдельных лиц в различных социальных контекстах. Концепции символического интеракционизма могут действительно оказаться весьма полезными при анализе взаимодействий между такими социальными образованиями, как корпорации, группы и социальные институты, однако всерьез такой анализ еще не проводился.

⁵ Blumer G. Society as Symbolic Interaction.

⁶ Blumer G. Sociological Implications of the Thought of George Herbert Mead. — In: Symbolic Interactionism.

⁷ См., например: Buckley W. Sociology and Modern Systems Theory, Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc, 1967, p. 78—80.

⁸ Например, даже в наиболее углубленных исследованиях о происхождении аномального поведения разновидности «теории ярлыков» просто-напросто обозначают развивающийся по спирали процесс обоюдного воздействия наклеивания ярлыков другими и интернализации девиантной Я-концепции, при этом не уточняются способы и условия, при которых реакции других вызывают интернализацию девиантной Я-концепции, а интернализация в свою очередь способна изменить реакцию других. См.: Lemer t 5. Social Pathology. New York, McGraw-Hill Book Co., 1951; Scheff Th. The Role of Mentally Ill and the Dynamics of Mental Disorder: A Research Framework. — «Sociometry», December, 1963, 26, p. 436—453.

⁹ См.: Blumer Symbolic Interactionism.

¹⁰ Блумер является одним из наиболее последовательных сторонников методологических принципов символического интеракционизма. В дальнейшем автор многое заимствует из его трудов. В частности, см.: Blumer G. Methodological Position, p. 1—60.

¹¹ Ibid., p. 33.

¹² Интересные замечания о различиях между этими стратегиями исследования содержатся в: Gross L. Theory Construction in Sociology: A Methodological Inquiry. — In: Symposium on Sociological Theory, L. Gross ed. New York, Harper & Row, 1959, p. 531—563.

¹³ Blumer H. Methodological Position.

¹⁴ Denzin N. K. The Research Act: A Theoretical Introduction to Sociological Methods. Chicago, Aldine Publishing Co., 1970, p. 185—218; Denzin N. K. Symbolic Interactionism and Ethnomethodology.

gy. — In: *Understanding Everyday Life: Toward a Reconstruction of Sociological Knowledge*, Douglas J. D. ed. Chicago, Aldine Publishing Co., 1970, p. 259—284.

¹⁵ Blumer. Methodological Position, p. 49.

¹⁶ Blumer H. What is Wrong with Social Theory? — «*American Sociological Review*», August, 1954, 19, p. 146—158.

¹⁷ *Ibid.*, p. 150.

¹⁸ Blumer H. Methodological Position.

¹⁹ *Ibid.*, p. 39.

²⁰ Wilson Th. P. Conceptions of Interaction and Forms of Sociological Explanation. — «*American Sociological Review*», August, 35, 1970, p. 204.

²¹ Blumer. Sociological Implications.

²² Этот вывод подтверждается давней традицией исследования процессов социализации, существующей в литературе по символическому интеракционизму. Относительная неизученность проблем возникновения и существования групп, организаций и других форм коллективной организации, по-видимому, свидетельствует о недостаточном внимании к видам социальной организации. Тем не менее символические интеракционисты внесли важный вклад в изучение таких форм коллективного поведения, как толпа, волнения, беспорядки и т. д. Исследования таких преходящих коллективных явлений лишь подчеркивают недостаточное внимание, уделяемое более устойчивым формам социальной организации.

²³ Что касается структуры личности, то символический интеракционизм добился гораздо больших успехов в определении того, как и какими путями символическое взаимодействие приводит к появлению некоторых типов личности.

К главе 12

¹ Интересное обсуждение утилитаристской концепции с точки зрения интересующих нас проблем см. в работах: Halévy E. *The Growth of Philosophical Radicalism*. London, Farber & Farber, 1928; Plamenatz J. *Man and Society*. New York, McGraw-Hill, Book Co., 1963.

² Этот раздел существенным образом опирается на неопубликованную рукопись: Ekeh P. P. *Social Exchange Theory and the Two Sociological Traditions* (должна быть опубликована издательством Гарвардского университета в ближайшее время).

³ Fraser E. G. *Folklore in the Old Testament*. Vol. 2. New York, Macmillan Co., 1919; см. также другую работу того же автора: *Totemism and Exogamy: A Treatise on Certain Early Forms of Superstition and Society*. London, Dawson's of Pall Mall, 1968. (первоначальная публикация — в 1970 г.); предисловие Дж. Фрейзера к кн.: Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific*. London, Routledge & Kegan Paul, 1922, p. vii—xiv.

⁴ Цитируется по упоминавшейся выше работе: Ekeh P. O. *Social Exchange Theory...*, p. 41—42, где обсуждается книга Фрейзера, в которой соответствующую цитату в издании 1919 г. можно найти на с. 199.

⁵ Там же, с. 195.

⁶ Это пронизательное наблюдение содержится в стимулирующей работе: Ekeh. *Social Exchange Theory*, p. 44.

⁷ Fraser. *Folklore*, p. 198.

⁸ Ibid., p. 200—201.

⁹ См. предисловие Фрейзера к книге Малиновского «Аргонавты».

¹⁰ Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. London. Routledge & Kegan Paul, 1922, p. 81.

¹¹ Ibid., p. 82—83.

¹² Ibid., p. 175.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid., p. 516.

¹⁵ Mauss M. The Gift. New York, Free Press, 1954 (оригинальное издание: Essai sur le don en sociologie et anthropologie. Paris, Presses universitaires de France, 1925). Следует отметить, что Мосс весьма последовательно неверно истолковывал этнографию Малиновского, но именно через такую неверную интерпретацию он пришел к представлению о «структурной» альтернативе, противопоставляемой «психологическим» теориям обмена.

¹⁶ В превосходном разборе исследований Мосса и Леви-Строса (Ekeh P. Social Exchange Theory, p. 55—122) термин «коллективистский» предпочитается термину «структурный» и подается как альтернатива «индивидуалистической» или «психологической» перспективам обмена. Я предпочитаю термины «структурный» и «психологический»; таким образом, будучи весьма обязанной указанной работе, я использую эти термины для проведения в сущности того же разграничения. Мое предпочтение данных терминов станет более очевидным в последующих главах, поскольку в противоположность анализу Экеха я считаю Питера М. Блау и Дж. Хоманса родоначальниками соответственно структурной и психологической теорий. Экех считает теории как Блау, так и Хоманса обе «индивидуалистическими», или психологическими.

¹⁷ Mauss M. The Gift, p. 1 (курсив в оригинале).

¹⁸ Там же, с. 3.

¹⁹ Lévi-Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston, Beacon Press, 1969. Это перевод издания 1967 г., пересмотренного и дополненного по сравнению с первым изданием: Les structures élémentaires de la parenté. Paris, Presses universitaires de France, 1945. Действительное влияние этой работы, по-видимому, в полном объеме никогда не ощущалось в социологии, поскольку до 1969 г. она не публиковалась на английском языке. Однако как будет показано в главе 14 в связи с анализом работ Хоманса, эта работа имела глубочайшее влияние на мышление Хоманса — прежде всего потому, что Хоманс ощущал необходимость опровергнуть анализ Леви-Строса.

²⁰ Настоящее обсуждение концепций Леви-Строса существенно опирается на работу: Ekeh. Social Exchange Theory, p. 68—94.

²¹ Lévi-Strauss C. Elementary Structures of Kinship, p. 138.

²² См., например: Skinner B. F. The Behavior of Organisms. New York, Appleton-Centry-Crofts, 1938; Skinner B. F. Science and Human Behavior. New York. Macmillan, 1953.

К главе 13

¹ Из кн.: Homans G. C. The Human Group. Harcourt Brace Iovanovich, 1950.

² Ibid. 13.

³ В своем исследовании Хоманс редко сам делает прямые наблюдения. Скорее наоборот, он имеет склонность опираться на на-

блюдения других и делает на основе их сообщений свои выводы относительно тех или иных событий. Как и можно было ожидать, Хоманс часто подвергался критике за излишнее доверие к неточным и, возможно, неадекватным наблюдениям других, которые он клал в основу своих теоретических выводов.

⁴ Этот пространственный пример несколько адаптирован на основе обсуждения положений Хоманса в работе: Mulkaу M. I. *Functionalism and Exchange and Theoretical Strategy*. New York, Schocken Books, 1971, p. 135—141. Некоторые высказывания Хоманса здесь, как и у Малкея, переформулированы в целях достижения ясности изложения.

⁵ Homans. *Human Group*, p. 112.

⁶ Ibid., p. 118.

⁷ Ibid., p. 120.

⁸ Ibid., p. 141.

⁹ Ibid., p. 145.

¹⁰ Ibid., p. 182.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid., p. 184.

¹³ Ibid., p. 243.

¹⁴ Ibid., p. 247.

¹⁵ Ibid., p. 36—40.

¹⁶ Mulkaу. *Functionalism and Exchange*, p. 161—163; Sorokin P. *Sociological Theories of Today*. New York, Harper & Row, 1966, p. 34—36. Авторы данных работ особенно сурово упрекают Хоманса в связи с этим.

¹⁷ Homans. *Human Group*, p. 109—110.

¹⁸ Ibid., p. 135.

¹⁹ Homans G. C. *Social Behavior; Its Elementary Forms*. Harcourt Brace Iovanovich, Inc, 1961; перепечатано с их разрешения.

²⁰ Ibid.

²¹ Homans G. C. *The Nature of Social Science*. New York, Harcourt, Brace & World, 1967, p. 13. Парсонс ответил, что подобные системы понятий могут составлять теорию: «Я решительно возражаю против того, что только дедуктивная теория имеет право именоваться теорией. Например, в биологии я могу уверенно рассматривать основные классификационные схемы таксономии, скажем сравнительную анатомию позвоночных, если придерживаться теоретической строгости. Более того, чрезвычайно важные явления объясняются (с привлечением некоторых дополнительных фактов) на таких уровнях, как неспособность организмов с легкими, но без жабр долгое время жить под водой» (Parsons T. *Levels of Organization and the Meditation of Social Interaction*. — «Sociological Inquiry», 1964, 34, p. 219—220).

²² Хоманс защищает эту концепцию построения теории в большом числе работ; см., например: Homans. *Social Behavior*; Homans. *Nature of Social Science*; Homans G. C. *Fundamental Social Processes*. — In: «Sociology», ed. Smelser N. I. New York, John Wiley & Sons, 1967, p. 27—78; Homans G. C. *Contemporary Theory in Sociology*. — In: *Handbook of Modern Sociology*, ed. Faris R. E. L. Chicago, Rand-McMally, 1964, p. 251—277; Homans G. C. *Bringing Men Back In*. — «American Sociological Review», 1964, 29, p. 809—818. Ранее изложение позиции Хоманса можно найти в работе: Homans G. C. *Social Behavior as Exchange*. — «American Journal of Sociology», 63, p. 597—606.

²³ Homans G. C., Schneider D. M. *Marriage, Authority, and Final Causes: A Study of Unilateral Cross-Cousin Marriage*. New York, Free Press, 1955.

²⁴ *Ibid.*, p. 15.

²⁵ *Ibid.*,

²⁶ Homans. *Social Behavior*, p. 1—83. Превосходный обзор принципов Скиннера, заимствованных в схеме Хоманса, дан в работе: Simpson R. L. *Theories of Social Exchange*. Morristown, N. Y. General Learning Press, 1972, p. 3—4. В качестве интересной дополнительной подробности можно отметить указание П. Экеха (см.: Ekeh P. P. *Social Exchange Theory and the Two Sociological Traditions* — находится в печати издательства Гарвардского ун-та), что, если бы Хоманс не чувствовал себя столь обязанным отвергнуть концепцию Леви-Строса, он не принял бы принципов Скиннера. Экех идет даже дальше и предлагает гипотетический список аксиом, которые постулировал бы Хоманс, если бы он не перевел свою схему на терминологический язык бихевиоризма.

²⁷ Homans. *Social Behavior*, p. 79. Кеннет Боулдинг (Boulding K. *An Economist's View of Social Behaviour; Its Elementary Forms*. — «*American Journal of Sociology*», 1962, 67, p. 458) отметил, что в работах Хоманса «экономический человек скрещивается, так сказать, с психологическим голубем, простаком, в результате чего получается концепция, которую недоброжелатели могут окрестить Экономической голубиной теорией человеческого взаимодействия». Более детальный и серьезный анализ запутанности Хоманса в сетях элементарной экономики и психологии см. в работе: Ekeh. *Social Exchange Theory*, p. 162—171.

²⁸ Homans. *Social Behavior*, p. 52—82.

²⁹ *Ibid.*, p. 53, 54, 55, 75 соответственно.

³⁰ *Ibid.*

³¹ Homans. *Bringing Men Back In*.

³² Homans. *Nature of Social Science*, p. 73.

³³ Homans. *The Human Group*, p. 296.

³⁴ Homans. *Social Behavior*, chap. 16.

³⁵ *Ibid.*, p. 350.

³⁶ Несколько иная интерпретация этого примера дана в работе: Davis J. *A Sociologists View of Homans' Social Behavior: Its Elementary Forms*. — «*American Journal of Sociology*», 1962, 67, p. 454—458.

³⁷ *Ibid.*, p. 457.

³⁸ Homans G. C. *Commentary*. — «*Sociological Inquiry*». 1964, 34, p. 229.

³⁹ Blain R. R. *On Homans Psychological Reductioinims*. — «*Sociological Inquiry*», 1971, 41, p. 3—25.

⁴⁰ Homans G. C. *Reply to Blain*. — «*Sociological Inquiry*», 1971, 41, p. 23.

⁴¹ Дополнительные примеры см. в двух работах: Homans. *Contemporary Theory in Sociology*; Homans. *Bringing Men Back In*.

⁴² Ясность в освещении этой проблемы вносят работы: Deutsch M. *Homans in the Skinner Box*. — In: Turk H., Simpson R. L. (eds). *Institutions and Social Exchange: The Sociologies of Talcot Parsons and George Homans*. Ideanopolis, Bobbs-Merrill, 1971, p. 81—92; Abrahamsson B. *Homans on Exchange: Hedonism Revived*. — «*American Journal of Sociology*», 1970, 76, p. 273—285; Sorokin P. *Sociological Theories of Today*. New York, Harper

& Row, 1966, в особенности глава 15: «Псевдобихевиористская и эмпирическая социология»; Mulkay M. J. *Functionalism and Exchange*, p. 166—169.

⁴³ Парсонс отмечает (*Levels of Organization*, p. 219): «Представляется, что история становится для Хоманса предельной остаточной категорией, обращение к которой может разрешить любое затруднение, возникающее из неадекватности более специфических частей этой концептуальной схемы. Сам объем, до которого он сужает свою концептуализацию переменных, в частности, принятие атомистической концепции ценности... увеличивает нагрузку на понятие истории, и вместе с этим признавание невежества, воплощенного в утверждении: «Предметы являются тем, чем они являются, в силу тех путей, по которым они пришли к своему нынешнему состоянию».

⁴⁴ Mulkay. *Functionalism and Exchange*, p. 168. Более подробное обсуждение проблемы см.: Homans. *Nature of Social Science*, p. 96—103. Некоторые дальнейшие усложнения, связанные с включением понятий, связанных с понятием взаимодействия, см. в работе: Singelman P. *Exchange of Symbolic Interaction: Convergences between Two Theoretical Perspectives*. — *American Sociological Review*, 1972, 37, p. 414—424.

⁴⁵ Abrahamson. *Homans on Exchange*, p. 280. Хоманс взял под защиту использование чрезвычайно общих и неточных понятий. В связи с невозможностью перечислить все обстоятельства, влияющие на «ценность» вознаграждения, Хоманс объясняет: «В изложении теории удобно использовать единый термин, «ценность», для охвата всех этих обстоятельств. Затем при объяснении конкретных действий релевантные обстоятельства заменяют общий термин «ценность» (Homans. *Commentary*, p. 365).

⁴⁶ Homans. *Social Behavior*, p. 32.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 46.

⁴⁸ Рональд Марис (Maris R. *The Logical Adequacy of Homans Social Theory*. — *American Sociological Review*, 1970, 35, p. 1069—1081) пришел к несколько иному заключению о логической адекватности теоретических рассуждений Хоманса. С привлечением символической логики и некоторых дополнительных допущений «теория элементарного социального поведения Хоманса не обнаружила своей неадекватности». Однако ряд критических замечаний в адрес логических рассуждений Мариса достаточен для предположения, что его анализ не является ответом в собственном смысле относительно логической адекватности дедуктивных построений Хоманса. Примеры подобных критических замечаний см.: Gray D. *Some Comments concerning Maris on «Logical Adequacy»*; Turner S. *The Logical Adequacy of «The Logical Adequacy of Homans Social Theory»*; Price R. *On Maris and the Logic of Time*; все три работы опубликованы в журнале: *American Sociological Review*, 1971, 36, p. 706—713. В этом номере можно найти также работу: Maris. *Second Thoughts: Uses of Logic in Theory Construction*. Более адекватное построение логически изощренной перспективы обмена см. в работе: Meeker V. F. *Decisions and Exchange*. — *American Sociological Review*, 1971, 36, p. 485—495.

⁴⁹ Homans. *Reply to Blain*, p. 23. Хоманс особо выделяет этот момент, отвечая своим критикам. См., например: Homans G. C., *Reply to Razak*. — *American Sociological Review*, 1966, 31, p. 543—544.

⁵⁰ Аналогичные критические замечания в адрес одной из предшествующих «дедуктивных систем» Хоманса см. в работах: Razak W. N. Communication on Homans. — «American Sociological Review», 1966, 31, p. 542—543; Brenner B. On Bringing Men Back in. — «American Sociological Review», 1965, 30, p. 945.

⁵¹ См., например: Homans. Reply to Blain.

⁵² См. также: Reynolds P. D. A Primer in Theory Construction Indianapolis, Bobbs-Merrill Co., 1971, p. 107—114. Хоманс весьма ясно выражается по этому поводу: «Причинные цепочки не являются объяснениями, как я понимаю это слово, несмотря на их безусловную полезность. Причинное объяснение не есть то, что я понимаю под объяснением» (Homans. Reply to Blain, p. 21).

⁵³ См. обсуждение Хомансом своих попыток предсказания в: Homans. Social Behavior, p. 221—225. Более тщательное освещение исследований этого вопроса дано в книге: Zelenick A., Christensen C. R., Roethlisberger F. J. The Motivation, Productivity and Satisfaction of Workers. Cambridge, Mass. Harvard University Press, 1958.

⁵⁴ Homans. Commentary, p. 231.

⁵⁵ Ibid., p. 373.

⁵⁶ Homans. Nature of Social Science, p. 61—62.

⁵⁷ Примеры этой критической линии см. в работах: Parsons. Levels of Organization; Blain. On Homans Psychological Reductionism.

⁵⁸ Whitehead A. N. Science and The Modern World. New York, Macmillan Co., 1925.

⁵⁹ См., например: Blain. On Homans Psychological Reductionism; Buckley. Sociology and Modern Systems Theory. Englewood Cliffs. N. J., Prentice-Hall, Inc., 1967, p. 109—111.

⁶⁰ Homans. Nature of Social Science, p. 86.

⁶¹ Понятия бихевиористской психологии не должны запутывать эмпирических обобщений, пока исследователь не предпринимает преждевременных попыток свести социологические положения к грубым психологическим положениям. В действительности операциональные принципы могут вполне эффективно использоваться для разработки (заметьте: не для сведения) более сложных принципов обмена, значимых для социологических процессов (заметьте: не психологических). Впечатляющая попытка использования операциональных принципов в качестве отправного пункта и последующей модификации их для согласования с фактами возникающих социальных образований представлена в разных работах Ричарда М. Эммерсона, в частности: Emmerston R. M. Power-Dependence Relations. — «American Sociological Review», 1962, 27, p. 31—41; Power-Dependent Relations: Two Experiments. — «Sociometry», 1964, 27, p. 282—298; Operant Psychology and Exchange Theory. — In: Behavior Sociology: The Experimental Analysis of Social Process, ed. Burgess R. L., Burhell D., Jr. New York, Columbia University Press, 1969, p. 379—405; Exchange Theory, Part I: A Psychological Basis for Social Exchange. Part II: Exchange Relations and Network Structures. — In: Sociological Theories in Progress, ed. J. Berger, M. Zelditch, Jr., B. Anderson. New York, Houghton Mifflin Co., 1972, p. 38—87.

⁶² Homans. Human Group, p. 468.

⁶³ Homans. Social Behavior, chap. 18. Для читателя, вероятно, представит интерес сравнение этой модели институционализации и модели, предложенной Парсонсом, поскольку Хоманс неявно мыслит

эту модель как альтернативу той, которая представлена у функционалистов типа Парсонса. Однако внимательное чтение книги Толкотта Парсонса «Социальная система» (Parsons T. The Social System. New York, Free Press, 1951, p. 1—91) и его более поздних работ обнаружит замечательное сходство между его пониманием этого базисного процесса и пониманием Хоманса.

⁶⁴ Homans. Social Behavior; к сожалению, в этой работе не разъяснено, что же подразумевается под «первичным вознаграждением» в данном контексте.

⁶⁵ Ibid., p. 390.

⁶⁶ Хоманс явным образом обладает как мастерством изложения, так и способностью к абстракции, чтобы выполнить эти действия, как показывает его ранняя описательная работа «Английская деревня XIII столетия», 1941 (Homans G. C. English Villagers of the 13th Century. New York, Russell & Russell, 1941) и его многочисленные абстрактные формулировки в «Человеческой группе» и «Социальном поведении». К сожалению, Хоманс отошел от стратегии, которую он отстаивал в «Человеческой группе», в сторону скудного дедуктивного теоретизирования на столь же скудной индуктивной базе.

⁶⁷ Например: Homans. Nature of Social Science, p. 86.

К главе 14

¹ Основной труд Питера М. Блау по проблемам обмена — «Обмен и власть в социальной жизни» (Exchange and Power in Social Life. New York, John Wiley & Sons, 1964). Это формальное и развернутое изложение его перспективы обмена было подготовлено ранними трудами Блау. См. например: Blau P. M. A Theory of Social Integration. — «American Journal of Sociology», May 1960, 65, p. 545—546; Blau P. M. The Dynamics of Bureaucracy. 1st and 2d eds. Chicago, University of Chicago Press, 1955 and 1963. Интересно отметить, что Дж. С. Хоманс в своем труде «Социальное поведение: его элементарные формы» (Social Behavior: Its Elementary Forms. New York, 1961) часто ссылаясь на данные, обобщенные в этой последней работе. Для ознакомления с наиболее поздними взглядами Блау см.: Blau P. M. Interaction: Social Exchange. — In: International Encyclopedia of the Social Sciences. vol. 7. New York, Macmillan Co., 1968, p. 452—458.

² Homans. The Institutional and the Substitutional. — In: Social Behavior, chap. 18.

³ Parsons T. The Social System. New York, Free Press, 1951, гл. 3, особенно с. 1—200.

⁴ Blau. Exchange and Power, p. 6.

⁵ Ibid., p. 88.

⁶ Parsons T. The Structure of Social Action. New York, McGraw-Hill Book Co., 1937.

⁷ Blau. Exchange and Power, p. 95.

⁸ Как уже отмечалось в отношении построений Хоманса, этот «факт» создает и методологические проблемы. Если стоимость не может быть точно измерена, то как возможно различить способ ее влияния на поведение? Если стоимость не может измеряться независимо от поведения, которое она должна регулировать, то такая постановка становится тавтологичной и будет малополезной для построения социологической теории.

⁹ Homans G. C. Reply to Blain. — «Sociological inquiry». Winter, 1971, 41, p. 23—30.

¹⁰ Gouldner A. W. The Norm of Reciprocity. — «American Sociological Review», April, 1960, 25, p. 161—178.

¹¹ Bla u. Power and Exchange, p. 92.

¹² Ibid., p. 90.

¹³ См.: Bla u P. M. Justice in Social Exchange. — In: Institutions and Social Exchange: The Sociologies of Talcott Parsons and George C. Homans, ed. Turk H. and Simpson R. L. New York, Bobbs-Merrill Co., 1971, p. 56—68; см. также: Bla u. Power and Exchange, p. 156—157.

¹⁴ Bla u. Justice in Social Exchange, p. 68.

¹⁵ Bla u. Exchange and Power.

¹⁶ Homans. Social Behavior, p. 390—398.

¹⁷ Bla u. Exchange and Power, p. 118—119.

¹⁸ Ibid., p. 208.

¹⁹ Ibid., p. 221.

²⁰ В главе 13 излагалось уже, что эти процессы пристально изучались Дж. С. Хомансом в его труде The Human Group. New York, Harcourt, Brace & World, 1950.

²¹ Bla u P. M. Dialectical Sociology Comments. — «Sociological Inquiry», Spring, 1972, 42, p. 185. Эта статья была написана в ответ на попытку подтвердить документально переход Блау от функциональной к диалектической перспективе; см.: Weinstein M. A., Weinstein D. Bla u's Dialectical Sociology. Ibid., p. 173—182.

²² Parsons. Social System, p. 201—325.

²³ Bla u. Exchange and Power, p. 224—252.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid., p. 253—311.

²⁶ См. обсуждение в гл. 3 и в: Parsons T. On the Concept of Political Power. — «Proceeding of the American Philosophical Society», June 1963, 107, p. 232—262; Parsons T. On the Concept of Influence. — «Public Opinion Quarterly», Spring, 1963, 27, p. 37—67; Parsons T. Some Problem of General Theory. — In: Theoretical Sociology: Perspectives and Developments, ed. McKinney J. C., Tiryakian E. A. New York, Appleton-Century-Crofts, 1970, p. 28—68. См. также: Turner T. S. Parsons Concept of Generalized Media of Social Interaction and Its Relevance for Social Anthropology. — «Sociological Inquiry», Spring, 1968, 38, p. 121—134.

²⁷ Bla u. Exchange and Power, p. 267.

²⁸ Ibid., p. 267.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid., p. 268—270.

³¹ Ibid., p. 270.

³² Ibid., p. 271.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid., p. 273—280.

³⁵ Ibid., p. 278.

³⁶ Ibid.

³⁷ Ibid., p. 279. Интересно отметить, что Блау безоговорочно ставит социальные институты в зависимость от выполнения ими функций для общества в целом. «Хотя эти функции им четко не определены, они напоминают «императивы» Парсонса. Например, «интегративные институты» должны удовлетворять «потребности» в «скрытности»; «дистрибутивные институты» — в «адаптации»; «орга-

низационные институты» — в «интеграции» и «достижении цели».

³⁸ Ibid., p. 279.

³⁹ Ibid., см. гл. 12, «Диалектические силы», с. 312—328.

⁴⁰ Ibid., p. 284.

⁴¹ Ibid., p. 285.

⁴² Ibid.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ Ibid., p. 301. Такое положение с необходимостью вытекает из уверенности Блау в том, что «наше общество нуждается в коренных реформах» (Blau, *Dialectical Sociology*, p. 184).

⁴⁶ Blau, *Dialectical Sociology*, p. 187; Blau, *Exchange and Power*, p. 301—309.

⁴⁷ Блау, однако, признает, что высокие темпы мобильности в обществе могут также усиливать чувство относительной обездоленности у тех, кто лишен возможностей продвинуться, что делает их потенциальными сторонниками оппозиционной организации.

⁴⁸ Blau, *Exchange and Power*, p. 302.

⁴⁹ В качестве примеров немногочисленных критических работ, посвященных Блау, см.: Mulkey M. J. A Conceptual Elaboration of Exchange Theory: Blau. — In: Mulkey M. J. Functionalism, Exchange, Theoretical Strategy. New York, Schocken Books, 1971, в особенности с. 206—212; Cohen P. S. *Modern Sociological Theory*. New York, Basic Books, 1968, p. 123—127; а также: Heath A. *Economic Theory and Sociology: A Critique of Blau's P. M. Exchange and Power in Social Life*. — *Sociology*, September, 1968, 2, p. 273—292.

⁵⁰ Blau, *Exchange and Power*, p. 6.

⁵¹ В качестве интересного примера дискуссии о логических правилах вывода см.: Popper K. Why Are the Calculi of Logic and Arithmetics Applicable to Reality. — In: Popper K. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Routledge & Kegan Pane, 1963, p. 201—214.

⁵² Хоманс проводит такие различия в своем обсуждении эмпирических явлений. Так, в гл. 16 «О статусе, конформизме и новации» его труда «Социальное поведение» он использует сходный набор различий. В отличие от Блау такие различия сделаны *после* анализа данных и не рассматриваются как составляющие родовые типы вознаграждений, которые могут быть включены в абстрактные выводы его аксиом.

⁵³ Blau, *Exchange and Power*, p. 2.

⁵⁴ Ibid.

К главе 15

¹ Даже попытки развития доказательных описаний попадают в ловушку из мешанины утверждений относительно таких специфических областей, как социология образования, политическая социология или социология города, потому что учебники говорят нам о таких общих социальных единицах, как группы, сложные организации, системы стратификации, сообщества и социальные институты (см., например: Berelson B. and Steiner G. A. *Human Behavior: An Inventory of Scientific Finding*. New York, Harcourt, Brace & World, 1964).

² Возможно, что это только мое искаженное впечатление, но я нахожу, что те области в социологии, которые организованы вокруг того, что я считаю некоторыми общими уровнями социальной организации — малые группы, сложные организации и стратификация, — кажутся более продвинутыми в теоретическом отношении, в той части, которая касается ясности понятий и эксплицитности утверждений.

³ Следует подчеркнуть, что большинство социологов согласны с вышеназванными утверждениями, но, когда дело доходит до формулирования данных их собственных исследований или о переводе их собственных концептуальных моделей в серию предложений, желаемое расходится с тем, что действительно делается в социологии.

⁴ Parsons T. *The Structure of Social Action*. New York, McGraw-Hill Book Co., 1937.

⁵ Parsons T. *The Position of Identity in the General Theory of Action*. — In: *The Self in Social Interaction*, ed. Gordon Ch. and Gergen K. J., vol. 1. New York, John Wiley & Sons, 1968; см. также: Parsons T. *An Approach to Psychological Theory of Action*. — In: *Psychology: A Science*, ed. Koch S., vol. 3. New York, McGraw-Hill Book Co., 1958.

⁶ Функционализм Мертона здесь не излагается, поскольку он не дает точной формулировки природы индивида. Имплицированная концептуализация индивида, представленная Мертоном, до некоторой степени соответствует той, которая обсуждалась при изложении взглядов интеракционистов.

⁷ Очевидно, что теория конфликта немного может сказать относительно природы индивида. Аналитическое внимание сторонников этого направления нацелено на природу конфликтных отношений между коллективно организованными единицами.

⁸ См.: Wallace W. *Sociological Theory*. Chicago, Aldine Publishing Co., 1969, p. 13—58.

⁹ Parsons. *Position of Identity*.

¹⁰ В качестве примера такого аналитического подхода см.: Parsons T. *The Social System*. London, Free Press, 1951.

¹¹ Мы снова не обсуждаем функционализм Мертона, поскольку в его работах трудно найти ясную теоретическую позицию относительно отношений между индивидами. Это не отменяет того факта, что работы Мертона содержат значительный вклад относительно природы индивидуального приспособления к различным структурным ситуациям. Например, его работы «Социальная структура и аномия» и «Бюрократическая структура и личность» (см.: *Social Theory and Social Structure*. New York, Free Press, 1968). Несмотря на впечатляющий характер этих и других его эссе, у Мертона отсутствует ясная перспектива относительно социальных отношений между индивидами.

¹² В качестве примера такой критики см.: Blumer H. *Society as Symbolic Interaction*. In: *Human Behavior and Social Processes*, ed. Rose A. Boston, Houghton-Mifflin Co., 1966; Buckley W. *Sociology and Modern Systems Theory*. Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall, Inc., 1967.

¹³ См.: Homans G. C. *Social Behavior: Its Elementary Forms*. New York: Harcourt, Brace and World, 1961, ch. 18.

¹⁴ См.: Blau P. M. *Exchange and Power in Social Life*. New York: Wiley & Sons, 1964, ch. 10 and 11.

¹⁵ Например, см.: Parsons T. and Smelser N. J. *Economy and Society*. New York, The Free Press, 1956.

¹⁶ Таков аналитический прием, использованный в «социальной системе».

¹⁷ См.: Parsons T., Bales F. and Shils E. A. *Working Papers in the Theory of Action*. Glencoe, Ill., Free Press, 1953.

¹⁸ Мы снова не обсуждаем функционализм Мертона, поскольку он не развил эксплицитную совокупность абстрактных понятий для описания отношений между «культурными объектами» и другими социальными единицами.

¹⁹ См. гл. 6.

²⁰ См. гл. 7, табл. 6—9.

²¹ Например, см. исследования, включенные в: Biddle B. J. and Thomas E. *Role Theory: Concepts and Research*. New York, John Wiley & Sons, 1966.

²² См.: Blumer H. *Symbolic Interaction Perspective and Method*. Englewood Cliffs, N. J., Prentice-Hall, Inc., 1969, p. 85.

²³ См.: Blau. *Exchange and Power*; Homans. *Social Behavior*.

К главе 16

¹ Наиболее убедительное изложение этой позиции см. в: Garfinkel H. *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs, N. Y., Prentice-Hall, Inc., 1967; Garfinkel H. and Sacks H. *On Formal Structures of Practical Actions*. — In: *Theoretical Sociology: Perspectives and Developments*, ed. McKinney J. C. and Tirakian E. H. New York, Appleton-Century-Crofts, 1970, p. 337—366; Zimmerman D. H. and Pollner M. *The Everyday World as Phenomenon*. — In: *Understanding Everyday Life*, ed. Douglas J. D. Chicago, Aldine Publishing Co., 1970, p. 80—103; Zimmerman D. H. and Wieder D. L. *Ethnomethodology and the Problem of Order: Comment on Denzin*. — In: *Ibid.*, p. 285—295.

² Имеется ряд позднейших формулировок этнометодологической позиции. См. в частности, работы: Schutz A. *Collected Papers I: The Problem of Social Reality*, ed. Natanson M. The Hague, Martinus Nijhoff, 1962; Schutz A. *Collected Papers II: Studies in Social Theory*, ed. Broderick A. The Hague, Martinus Nijhoff, 1964; Schutz A. *Collected Papers III: Studies in Phenomenological Philosophy*, ed. Schutz I. The Hague, Martinus Nijhoff, 1966.

³ См. например: Garfinkel. *Studies in Ethnomethodology*. Однако позднейшие изложения этнометодологической позиции дают многое для понимания этих первоначальных неясностей. См. например: Zimmerman and Pollner. *The Everyday World*; Zimmerman and Wieder. *Ethnomethodology and the Problem of Order*; Garfinkel and Sacks. *Formal Structures*; Collins R. and Makowsky M. *The Discovery of Society*. New York, Random House, 1972, p. 209—213; Psathas G. *Ethnomethods and Phenomenology*. — «*Social Research*», September, 1968, 35, p. 500—520.

⁴ Например, см.: Denzin N. *Symbolic Interactionism and Ethnomethodology*. — «*American Sociological Review*», December, 1969, 34, p. 922—934.

⁵ Другой пример интерпретации см.: Wallace W. L. *Sociological Theory*. Chicago, Aldine Publishing Co., 1969, p. 34—36.

⁶ Zimmerman and Wieder. Ethnomethodology and the Problem of Order.

⁷ Zimmerman and Pollner. Everyday World; см. также. Garfinkel. Studies in Ethnomethodology, p. 3—4.

⁸ Garfinkel. Studies in Ethnomethodology, p. 35—76.

⁹ Ibid., p. 42.

¹⁰ Ibid., p. 42.

¹¹ Ibid., p. 104—115.

¹² Ibid., p. 110.

¹³ Пример взят из неопубликованной работы: Wilson T. P. The Regress Problem and the Problem of Evidence in Ethnomethodology.

¹⁴ Интересную дискуссию об этом допущении, колеблющем этнометодологическую перспективу, см.: Harrell B. Symbols, Perception and Meaning. — In: Sociological Theory: Inquiries and Paradigms, ed. Leewellin Gross. New York, Harper & Row, 1979, p. 104—127.

Именной указатель

Абрахамсон Б. 320, 455—456
Аллен В. Л. 449—450
Андерсон А. Р. 449
Аристотель 433
Андерсон В 457
Бак Г. Л. 437—438
Бакли У. 433, 451, 457, 461
Барбер Б. 439
Барнс Г. Э. 433—434
Бэйлс Ф. 462
Беккер Г. 433—434, 449
Бентам И. 271
Бенуа Э. 447
Бергер Дж. 433
Берельсон В. 460
Блау П. 281, 344—384, 389,
397, 404, 412—415, 453,
459—462
Блейлок Г. М. 433, 445
Блейн Р. Р. 316, 455, 457
Блумер Г. Дж. 17, 257—266,
268, 269, 411—412, 451—452,
Болдуин Дж. М. 220
Босков А. 442, 443, 450
Боулдинг К. 455
Брейдмаейр Г. 439
Брейтуэйт Р. Б. 438—439
Бреннер Б. 457
Брим О. 448
Брир П. 449
Бэйлс Р. Ф. 73, 436

Бэйлс Ф. 461
Вайнштейн Д. 459
Вайнштейн М. 459
Ван-ден-Берг П. 185—186, 441,
444
Вейнгардт П. 147, 442, 443, 445
Вормс Р. 44
Гамсон У. 445
Гарфинкел Х. 426, 433, 463
Гемпель К. Г. 438
Гетцельс Дж. У. 450
Гиббс Дж. 101
Гоббс Т. 7, 27, 140, 142, 157,
182, 385, 432
Голден Х. 316, 323—324, 334,
348
Горовитц И. Л. 441, 444
Гоулднер А. У. 5—6, 23, 348,
432, 435, 438, 459
Гоффман И. 447, 450
Грей Д. 456
Гросс Л. 451
Гуд У. Дж. 450
Дарвин Ч. Р. 43
Дарендорф Р. 82, 126, 141—
162, 166, 168, 172, 180, 184,
187—213, 217, 358, 361—362,
369, 376, 389, 395, 402, 410,
437, 440—446
Дейвис Дж. Ч. 445

Дейвис К. 448
Денцин Н. К. 437, 448, 451, 462
Джейнис И. Л. 449
Джекобсон А. Л. 437—438
Джемс У. 17, 220, 239, 447
Доуре Ф. Р. 439
Дьюи Дж. 17, 220
Дюркгейм Э. 15, 45—50, 52, 54—56, 64, 80, 82—84, 90, 104—105, 118, 120, 163, 219, 273, 281, 407, 434—435, 437
Зельдитц М. 433
Зеттерберг Г. 432—433, 439
Зиммель Г. 15, 126—127, 130—140, 162—163, 165, 168, 171—172, 175, 180, 183, 208, 219, 352, 377, 441, 446
Каплан А. 41
Кардуэлл Дж. Д. 451
Картрайт Д. 447
Келли Г. 448
Келлер Дж. 101
Кинг Б. Т. 449
Козер Л. 15, 126, 161—182, 184, 187—213, 217, 352, 361, 376—377, 395, 402, 410—411, 443—446
Коллинз Р. 446
442—446
Конт О. 43, 46, 54, 273, 434
Коулмен Дж. 445
Коэн Б. П. 433
Коэн П. С. 434, 437—438, 442, 460
Краусс Р. М. 447—448
Кристенсен Р. 457
Кули Ч. Х. 17, 220
Кун М. 451
Кун Т. С. 6, 9

Лаплас С. 161
Левинсон Д. Дж. 448
Леви-Строс К. 276, 281—285, 288, 301, 348, 453—455
Лемерт Э. 449, 451
Ленин В. И. 22, 432
Либлиенфельд П. Ф. 44
Линней К. 43
Линтон Р. 228—229, 447
Локвуд Д. 125—126, 437, 441, 444
Локк Э. 449
Луминс Ч. 5, 432
Лумис. Ч. 5, 432
Мак Р. У. 445
Маккейн К. 41
Маккини Дж. 433
Маклелланд Д. 437
Маковский М. 446
Максвелл Дж. К. 101
Малиновский Б. 45, 49, 53—54, 90, 103, 105—108, 113, 119, 276—281, 285, 348, 435, 452—453
Малкей М. Дж. 440, 454—456, 460
Маллинз Н. 41
Мальтус Т. Р. 11
Манн К. 450
Манн Дж. 450
Марис Р. 456
Маркс К. 10, 15—17. 126—130, 132—133, 135, 139—140, 144—145, 147, 150, 152, 162, 165, 168, 171—172, 183, 219, 441, 445—446
Мартиндейл Д. 124, 435
Мельтцер Б. Н. 447
Мертон Р. К. 57, 99, 101—123, 279, 439—440, 448, 450, 460—461
Мёрдок Дж. 447

- Мид Дж. Г. 17, 220—229, 234—
235, 250, 254, 265, 400, 446—
447, 450
- Микер Б. Ф. 456
- Миллс Р. 5, 23, 432, 437
- Милль Джон Ст. 271
- Морено Дж. Л. 227—229, 447
- Морис Р. Т. 449
- Мосс М. 280, 281, 285, 288,
453
- Мур О. К. 449
- Нагель Э. 92, 124, 439
- Надель С. Ф. 92—93, 124,
439
- Нейман Л. Дж. 448
- Нисбет Р. Н. 435
- Ньютон И. 101
- Павлов И. П. 285
- Парсонс Т. 12—15, 57—105,
107, 120, 123, 125—126, 141,
147, 157—162, 165, 178—180,
183, 267, 271—273, 290, 338,
344—347, 359, 365, 368, 376,
378—379, 389, 394, 397—399,
435—439, 402, 408, 410, 442—
443, 448, 450, 457—462
- Пламенатц Дж. 452
- Планк М. 101
- Платон 434
- Поллнер М. 433, 463
- Поппер К. Р. 35, 432—433, 460
- Прайс Р. 456
- Псатас Дж. 433, 462
- Радклифф-Браун А. Р. 45, 49—
52, 54—56, 64, 82—83, 90,
103—106, 108, 113, 120, 435
- Рейнолдс П. Д. 432—433, 457
49—52, 54—56, 64, 82—83,
90, 103—106, 108, 113, 120,
435
- Рейнолдс П. Д. 432—433, 456
- Рекс Дж. 442, 445
- Ретлисбергер Ф. 456
- Рикардо Д. 271
443—445, 448, 450
- Розенберг Б. 449
- Ромметвайт Р. 448
- Роудс Дж. 438
- Руднер Р. 41
- Сакс Х. 461—462
- Сарбин Т. Р. 449, 450
- Сегал Э. 41
- Симпсон Р. Л. 455
- Синглмен П. 456
- Скиннер Б. Ф. 285—286, 302—
303, 305—307, 449, 453—455
- Скотт Дж. Ф. 435, 449
- Смелсер Н. 73, 436, 439, 454,
462
- Смит А. 271
- Снайдер Р. 445
- Снелл Дж. А. 433
- Сорокин П. А. 6, 432, 454—
455
- Спенсер Г. 43—44, 54, 79—80,
84, 219, 273, 281, 434, 437
- Стайнер Дж. 460
- Стинчкомб А. Л. 94, 115, 124,
432, 439
- Страйкер Ш. 451
- Сраусс А. 446—449
- Терк А. 438
- Тернер Р. 448—450
- Тернер Ст. 456
- Тернер Т. 436, 459
- Тирьякян Э. 100, 433, 436, 459
- Тоби Дж. 436
- Томас У. А. 72
- Томас Э. 447—448, 449, 462
- Уайедер Д. Л. 433, 463
- Уайт У. 294
- Уайтекер А. 435
- Уайтхед А. Н. 331

Уилер С. 448
Уиллер Д. 432
Уилсон Т. П. 452, 463
Уильямс Р. М.-мл. 186, 438,
Уоллес А. Р. 43
Уоллес У. 124, 450, 461—462
Уорринер Ч. К. 451
Уэбстер М.-мл. 432

Фарбер Б. 450
Фарбероу Н. Л. 448
Фейгл Г.
Ферис Р. 454
Фёрс Р. 294
Финк Ф. 441
Фолдинг Г.
Фрейзер Дж. 275—278, 282,
285, 452
Фридрикс Р. У. 435

Хаймен Г. 448
Харрелл Б. 463
Хейлеви И. 452
Хейрери Ф. 447

Хит А. 460
Хоманс Дж. К. 290—338, 341—
349, 353, 364, 368—369, 376,
378, 380, 388, 397, 404, 407
412—414, 433, 438, 448
453—459, 462
Хортон Дж. 444
Хьюджис Дж. У. 448

Циммерман Д. 433, 463

Шваненберг Э. 436
Шекспир У. 230—231
Шефф Ф. 449, 451
Шибутани Т. 446, 448—449
Шилс Э. 73, 436, 462
Шнайдер Д. М. 301—302, 454
Шоу М. 447—448
Шутц А. 433
Шутц А. 462

Эйнштейн А. 101
Экех П. П. 452—455
Эллис Д. 438
Эмерсон Р. М. 457
Эразмус Ч. Дж. 439

Содержание

Вступительная статья (Г. В. Осипов)	5
Предисловие	25
Глава 1. Социологическое теоретизирование	27
Социологическая теория и проблема порядка	27
Что такое теория?	28
Социологическая теория	36
Теоретические перспективы в социологии	37
П р и л о ж е н и е: предпочтительные формы теоретических суждений	38
Избранная библиография	41
Часть I	
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ	
Глава 2. Ранний функционализм	42
Функционализм и организмическая аналогия	42
Функционализм и Эмиль Дюркгейм	46
Функционализм и антропологическая традиция	49
Зарождение функционализма: краткий обзор	54
Глава 3. Функциональный императивизм: Толкотт Парсонс	58
Парсонсовская стратегия построения социологической теории	58
Парсонсовский образ социальной организации	60
Ранние системы действия	64
Разработка системного реквизита	73
Информационная иерархия контроля	75
Генерализованные средства обмена	77
Парсонс о социальном изменении	79
Настойчивая критика парсонсовского функционализма	82
Толкотт Парсонс: краткий обзор	99
Основная литература	100

Глава 4. Функциональный структурализм: Роберт Мертон	101
Теории среднего ранга	101
Мертоновская «парадигма» функционального анализа	103
Процедурные правила функционального анализа	110
Проблемы, возникающие перед парадигмой и процедурными правилами Мертона	118
Функциональная стратегия Мертона: краткий обзор	121
Избранная библиография по функциональному теоретизированию	123
Часть II	
ТЕОРИЯ КОНФЛИКТА	125
Глава 5. Конфликтное наследие	125
Карл Маркс и диалектическая теория конфликта	127
Георг Зиммель и конфликтный функционализм	130
Возникновение теории конфликта: краткий обзор	139
Глава 6. Диалектическая теория конфликта: Ральф Дарендорф	141
Представления Дарендорфа об общественном порядке	142
Критика модели диалектического конфликта	147
От утопии — но куда? Заключительный комментарий	157
Глава 7. Конфликтный функционализм: Льюис Козер	161
Образы социальной организации	163
Высказывания по поводу конфликтных процессов	165
Стратегии, пересматривающие схему Козера	180
Глава 8. Диалектическая и функциональная теория конфликта: стратегия синтеза	183
Актуальные проблемы теоретического синтеза	183
Комплементарные ряды предложений	188
Пропозициональный синтез: заключительная точка зрения	214
Избранная библиография теоретических работ Ральфа Дарендорфа	217
Избранная библиография теоретических трудов Льюиса Козера	218
	469

Часть III

	ТЕОРИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	219
Глава 9.	Рождение интернационализма <i>или символизма</i>	219
	Разум, Я и общество	220
	Роль, статус, общество и личность	227
	Современный интеракционизм: предварительные замечания	229
Глава 10.	Теория ролей: в поисках концептуального единства	230
	Представление об обществе и личности	231
	Проблемы построения «теории ролей»	239
	Изменение направленности теории ролей: некоторые заключительные замечания	247
Глава 11.	Символический интеракционизм	250
	Образы общества и личности	250
	Проблемы построения «теории» символического интеракционизма	254
	Символический интеракционизм: некоторые заключительные замечания	268
	Часть IV	
	ТЕОРИЯ ОБМЕНА	271
Глава 12.	Интеллектуальные корни теории обмена	271
	Утилитаризм: наследство «классической» политической экономии	271
	Теория обмена в антропологии	275
	Психологический бихевиоризм и теория обмена	285
Глава 13.	Бихевиоризм в теории обмена: Джордж К. Хоманс	290
	Хоманс о построении теории социологии	290
	Модель обмена	301
	Логические импликации перспективы обмена, по Хомансу	318
	Образ общества, по Хомансу	335
	Стратегии переориентации перспективы обмена, по Хомансу	341
	Избранная библиография работ Джорджа К. Хоманса	343
Глава 14.	Структурализм обмена: Питер М. Блау	344
	Теоретическая стратегия Блау	345
	Основные принципы обмена	346
	Основные процессы обмена в социальной жизни	352
	Образ общества, по Блау	373
	Критика перспективы обмена Питера Блау	377

Часть V

	НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ	385
Глава 15. Переформулировка проблемы порядка		385
Концептуализация процесса институционализации		385
Перспективы процесса институционализации		393
Проблемы порядка: заключительные комментарии		416
Глава 16. Этнометодология: альтернатива теоретической парадигмы?		418
Этнометафизика или этнометодология?		419
Проведение этнометодологического исследования		425
Построение этнометодологических объяснений		428
Этнометодология и проблема порядка: заключительные комментарии		430
Примечания		432
Именной указатель		464